

III Международная научная конференция

ФИЛОЛОГИЯ И ЛИНГВИСТИКА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)1
Ф54

Главный редактор: *Г. Д. Ахметова*

Редакционная коллегия сборника:

*М. Н. Ахметова, Ю. В. Иванова, К. С. Лактионов, Н. М. Сараева, О. А. Авдеюк, Т. И. Алиева,
В. В. Ахметова, В. С. Брезгин, О. Е. Данилов, А. В. Дёмин, К. В. Дядюн, К. В. Желнова,
Т. П. Жуйкова, М. А. Игнатова, А. В. Каленский, В. В. Коварда, М. Г. Комогорцев, А. В. Котляров,
В. М. Кузьмина, С. А. Кучерявенко, Е. В. Лескова, И. А. Макеева, У. А. Мусаева, М. О. Насимов,
Г. Б. Прончев, А. М. Семахин, Н. С. Сенюшкин, И. Г. Ткаченко, А. С. Яхина*

Ответственные редакторы:

Г. А. Кайнова, Е. И. Осянина

Международный редакционный совет:

*З. Г. Айрян (Армения), П. Л. Арошидзе (Грузия), З. В. Атаев (Россия), В. В. Борисов (Украина),
Г. Ц. Велковска (Болгария), Т. Гайич (Сербия), А. Данатаров (Туркменистан),
А. М. Данилов (Россия), З. Р. Досманбетова (Казахстан), А. М. Ешиев (Кыргызстан),
Н. С. Игисинов (Казахстан), К. Б. Кадыров (Узбекистан), И. Б. Кайгородов (Бразилия),
А. В. Каленский (Россия), О. А. Козырева (Россия), Лю Цзюань (Китай), Л. В. Малес (Украина),
М. А. Нагервадзе (Грузия), Н. Я. Прокопьев (Россия), М. А. Прокофьева (Казахстан),
М. Б. Ребезов (Россия), Ю. Г. Сорока (Украина), Г. Н. Узаков (Узбекистан),
Н. Х. Хоналиев (Таджикистан), А. Хоссейни (Иран), А. К. Шарипов (Казахстан)*

Филология и лингвистика в современном обществе: материалы III Междунар. науч. конф.
Ф54 (г. Москва, ноябрь 2014 г.). — М.: Буки-Веди, 2014. — vi, 156 с.
ISBN 978-5-4465-0550-0

В сборнике представлены материалы III Международной научной конференции «Филология и лингвистика в современном обществе».

Рассматриваются общие вопросы литературоведения, вопросы истории литературы, народного творчества, художественной литературы, а также проблемы общего и прикладного языкознания и массовой коммуникации.

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов филологических специальностей, а также для широкого круга читателей.

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)1

СОДЕРЖАНИЕ

1. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ. ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Брюхова Е.В.

Средства художественной выразительности в поэме В.В. Маяковского «Флейта-позвоночник» 1

Пыжова Е.И.

К вопросу о притче 3

Ризаев А.З.

Национальная классическая литература и традиции узбекского театра 9

Усмонов А.К., Вафохонов Р.Т.Выражение экстралингвистических средств в художественном тексте
(на примере произведений Т. Малика) 11

3. НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Бабичева А.А.

The reflection of Holidays in Poetry. 14

Таджибаева О.К.

Народные эпосы в театральном искусстве Центральной Азии 17

4. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Агаева К.Ш.

Символика антропонимов в романе Л. Улицкой «Медя и её дети» 21

Зырянова О.Г.

«Чужой текст» в пьесе У. Шекспира «Венецианский купец» 23

Малкова Т.Ю.

Милосердие и справедливость в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» 27

Маломожнова Е.С.

Приемы гротеска в повести М.А. Булгакова «Похождения Чичикова» 30

Петросян М.М.

Проблема двойственности главного героя повести А. Камю «Падение» 32

Сафонова Е.А.

Мотив бездомности в лирике Николая Оцупа 1930-х годов 34

Хачатрян А.С.Неологизация концепта как активный процесс, реализуемый в художественном тексте
(на материале англоязычной прозы). 36

5. ОБЩЕЕ И ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Абдрахманова Т.М.

Логины как неофициальные личные имена 40

Бахурова Е.П. The Significance of Latin Borrowings in the Modern English Language and Its Practical Interest	43
Бедретдинова И.А., Ахмедова А.Т. Etiquette statement of compliment in English culture	50
Бедретдинова И.А., Михалева А.И. Internet slang	53
Гаврилова Е.Г. Фразеологические единицы с компонентом — именем числительным «два»: лингвокультурологический и семантический аспекты	56
Гудина О.А. Специфика контролирующей стратегии в педагогическом дискурсе	57
Гуторова Н.С. Англо-американизмы и речевые стратегии.	61
Данилова С.В. Холистический и элементаристский подходы к восприятию и интерпретации текста (на примере рассказа Л. Андреева «Большой шлем»)	64
Ибрагимова Э.И. Редупликация в английском языке	65
Клепиковская Н.В. Антропонимизация в терминологической лексике английского судостроения.	68
Корнейчук Ю.В., Корнейчук Г.Г. Лексикологические процессы в терминологии.	70
Красавский Н.А. Эмоциональный концепт «жестокость» в романе Роберта Музиля «Душевные смуты воспитанника Тёрлеса»	73
Медведев С.А. Интернет-рецензия в аспекте эволюции жанра рецензии.	77
Морева А.В. Психолингвистические способы измерения этнической напряженности.	79
Мусатова Г.А. Структурно-семантические особенности служебных частей речи с уступительным значением	84
Нагайцева Е.В. Ассоциативный эксперимент в психолингвистическом моделировании значения слова.	88
Решетникова Н.Д. Развитие глагольных категорий в английском языке	92
Рылова К.Ю. Прецедентные антропонимы как экспликативы социокультурных смыслов (на материале произведений авторов-постмодернистов)	95
Саморокова Ю.А. Этимология русских фамилий.	97
Сирождидинов Ш.Ш. Межъязыковое контактирование как отражение социально-культурной интеграции в современном мире	99
Стетюха Н.В. Модальная сущность отрицания в форматах функционально-семантического и функционально-прагматического полей.	103
Тесленко О.А. Современная естественная письменная речь: неполный стиль написания, или аллегроевое письмо	108
Тлеужанова А.К. Особенности студенческого жаргона	114
Тюкина А.И. Подгруппа «радость» в лексико-семантической системе слов, называющих эмоции, в дневнике Ф.Г. Раневской «Дневник на клочках»	118

Чернышенко А.Г., Раздубов А.В.

Сопоставительный анализ структурных моделей фундаментальных и прикладных терминосистем
(на материале терминологий нанотехнологий и медиации) 123

Щепотина Е.В.

К вопросу о выявлении криптоклассных систем (на примере английского и немецкого языков) 128

Якимова Е.М.

Коммуникативное поведение в жанре семейных родословных. 131

6. МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ, ЖУРНАЛИСТИКА, СМИ**Галина Э.Ф.**

Употребление средствами массовой информации нелитературной лексики
(на примерах жаргона и сленга) 135

Лемеш В.Г.

Гендерные стереотипы и язык масс-медиа 136

Медведева Я.В.

Отличительные черты новостных материалов о Гражданской войне в Сирии
(на материале французских и российских информационных агентств) 139

Рассинская О.В.

Анализ прецедентных текстов в российском политическом дискурсе 141

Туранская Н.В.

Специфика способов лингвистической интерпретации информации в медиадискурсе 144

7. ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ**Пархомик В.В.**

Обертональный перевод как способ перевода контекстов с ФЕ невербального поведения человека
из сказок братьев Гримм с немецкого языка на русский и белорусский языки 147

Урманова Л.Э.

Политическая корректность в англо-русском и русско-английском переводе 150

1. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ. ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Средства художественной выразительности в поэме В.В. Маяковского «Флейта-позвоночник»

Брюхова Екатерина Вячеславовна, студент
Башкирский государственный университет, Бирский филиал

Лирическая личность Маяковского грандиозна, и грандиозность становится господствующей чертой его стиля. «Маяковский возобновил грандиозный образ, — писал Тынянов, — где-то утерянный со времён Державина.».. [1]. Гиперболы, контрасты, развернутые метафоры — естественное выражение огромной лирической личности.

Поэма «Флейта-позвоночник» наполнена самыми разнообразными тропами.

Первое, на что нужно обратить внимание — это название произведения. Оно метафорично. Что же стоит понимать под выражением «флейта-позвоночник». Можно ответить на этот вопрос так.

Во-первых, флейта — духовой музыкальный инструмент, известный нам с давних времён. В Древней Греции на флейте исполняли спондеические мелодии — песнопения в честь жертвоприношений.

Во-вторых, позвоночник — основная часть осевого скелета человека. Увечья в области позвоночника могут привести не только к повреждению опорно-двигательного аппарата и к нарушению центральной нервной системы, которая отвечает за психологические и физиологические процессы, но и может являться проводником к параличу или привести к смерти человека.

Исходя из этих определений, можно сделать вывод: играть на флейте-позвоночнике, значит отдавать всего себя чувствам, приносить себя в жертву, испытывая боль, отчаяние, специально раздирать тело и вынимать душу, выставляя сердце на всеобщее обозрение. Герой не задумывается о том, нужны ли такие жертвы тем, к кому он обращается. В первую очередь, это нужно самому мастеру. В прологе он приходит к важному решению и сообщает нам то, что будет делать в последующих трёх частях поэмы — раскрывать свою душу и вынимать сердце для самой любимой и единственной женщины в его жизни:

Память!
Собери у мозга в зале
любимых неисчерпаемые очереди.
Смех из глаз в глаза лей.
Былыми свадьбами ночь ряди.

Из тела в тело веселье лейте.
Пусть не забудется ночь никем.
**Я сегодня буду играть на флейте.
На собственном позвоночнике.**

Это значит жертвовать собой во имя любви.

Уже изначально мы можем утверждать, что любовь для лирического героя, то есть для самого Маяковского, — не радостное событие, а тот факт, который заставляет страдать, сгорать от ревности и мучиться от холодности возлюбленной:

Сегодня, только вошел **к вам**,...

Автор подчёркивает, что любимая женщина принадлежит и отдана совершенно другому человеку «настоящему мужу».

...почувствовал —

в доме неладно.

Ты что-то таила в шелковом платье,

и ширился в воздухе запах ладана.

Рада?

Холодное

«очень»...

На передний план выходит отчуждённость и отстранённость лирической героини.

...Смятением разбита разума ограда.

Я отчаянье громозжу, горящ и лихорадочен.

В поведении главного героя прослеживается безысходность, он не в силах изменить чувств возлюбленной, это заставляет его ревновать, сбивает с толку, толкает в омут безрассудных чувств и мыслей.

Послушай,

все равно

не спрячешь трупа.

Страшное слово на голову лавь!

Все равно

твой каждый мускул

как в рупор

трубит:

умерла, умерла, умерла!...

Здесь можно предположить, что лирический герой с ужасом думает о смерти любви, понимая происхо-

дящие обстоятельства: Лиля Брик не принадлежит Маяковскому, как он того бы хотел, она отдана другому. Но можно ли говорить о полноценной любовной смерти. Конечно же, нет. В душе лирического героя любовь пылает ярким пламенем, а каждый жест и взгляд героини кричит о том, что она не только охладела, но и напроочь от- реклась от любви к мастеру.

...Нет,
ответь.
Не лги!
(Как я такой уйду назад?)
**Ямами двух могил
вырылись в лице твоём глаза.**

Глаза возлюбленной Маяковского пусты, в них больше не мерцает огонь прежней страсти, они бесчувственны и безразличны.

Гиперболизация — один из часто используемых приёмов в поэзии В.В. Маяковского. Только художественное преувеличение, доведённое до невозможности, может передать всю силу и мощь внутреннего мира героя, который говорит про себя:

**Короной кончу?
Святой Еленой?**
Буре жизни оседлав валы,
**я — равный кандидат
и на царя вселенной
и на
кандалы.**

В этих строках раскрывается вся мощь любви лирического героя поэмы, громада его чувств. Он способен вынести любую участь, готовый ко всему и безумно любящий.

Быть царем назначено мне —
твое личико
на солнечном золоте моих монет
велю народу:
вычекань!

Маяковский обильно использует эпитеты — изобразительные определения, которые более ярко и точно передают эмоции и дают оценку предметам и действиям: «наполненный череп», «прощальный концерт», «неисчерпаемые очереди», «из пекловых глубин», «сумасшедший ювелир», «сердцу изоханному», «стопудовыми играми», «покаянными губами», «высеченный монастырь».

Владимир Владимирович Маяковский соединял интимно-лирические переживания с вечным и бесконечным. Любовные муки вселенского масштаба широко раскрыты при помощи сравнений:

Вызарю в мою последнюю любовь,
яркую, как румянец у чахоточного.

Может быть, от **дней этих,
жутких, как штыков острия, ...**

Все равно
твой каждый мускул

как в рупор
трубит:
умерла, умерла, умерла!

Я **душу** над пропастью **натянул канатом**,
жонглируя словами, закачался над ней.

Любовь мою,
как апостол во время оно,
по тысяче тысяч **разнесу** дорог.
Как слоны стопудовыми играми
завершали победу **Пиррову**,
я поступью гения **мозг твой выгромил**.
Напрасно.
Тебя не вырву.

Король Альберт,
все города
отдавший,
рядом со мной задаренный именинник.

Эти сравнения ещё раз являются доказательством вселенской любви, желания несмотря ни на что заполучить любовь лирической героини, говорят о его переживаниях и мучениях, душевных истязаниях и отчаянии.

Следующее, на что стоит обратить внимание — это риторический вопрос, обращение и восклицание. Благодаря этому приёму автор расставляет акценты на важных местах произведения. Те моменты, где употребляется риторический вопрос — места отчаяния, а где мы видим риторическое восклицание — крик души:

Версты улиц взмахами шагов мну.
Куда уйду я, этот ад тая!
Какому небесному Гофману
выдумалась ты, **проклятая?!**

Маяковский воспринимает чувства к Лиле Брик и её саму, как проклятие, данное Богом. Будучи наказанным за богохульство и неверие он несёт тяжёлый крест. Любовные страдания — это то, чем он может замолить свои грехи.

Крикнул ему:
«Хорошо!
Уйду!
Хорошо!
Слушай,
Всевышний инквизитор!

Фоника.

Это художественное использование в поэтической речи звуковых возможностей. В неё входят общие правила звукового согласования слов в поэтической речи, которые способствуют ее благозвучию, стройности, отчетливости, и использование специальных средств звукового усиления и эмоционального выделения некоторых слов и предложений.

Специальным средством звукового усиления, выделения определенных отрезков речи основаны на использовании звуковых повторов.

Аллитерация — это отчетливо выступающие в речи повторение согласных звуков:

Собери у мозга в зале
любимых неисчерпаемые очереди.
Смех из глаз в глаза лей.
Былыми свадьбами ночь ряди.

Праздник нарядных черпал и чемрпал.
Где с северным ветром ведет река торги.

Данные сочетания позволяют услышать напряжённость, нервозность, обрывистость, увидеть отчаявшегося героя, строгого и чувственного.

Повторение гласных звуков называется ассонансом:

Мне,
чудотворцу всего, что празднично,
самому на праздник выйти не с кем.
Возьму сейчас и грохнусь навзничь
и голову вымозжу каменным Невским!

Маяковский писал: «Я прибегаю к аллитерации для обрамления, для ещё большей подчеркнутости важного для меня слова» [2]. Аллитерации и ассонансы Маяковского придают эмоционально запоминающиеся звучание поэтическому тексту, слово В.В. Маяковского действительно звучит.

Наше внимание в поэме может привлечь не только смысл и красота слова, но и зрительное восприятие текста. Маяковский использовал лестничное строение стиха, где каждое слово — «ступенька». У него каждое из слов имеет логическое ударение и смысловую нагрузку. Также он создавал новые методы рифмовки, самое характерное

слово он ставил в конец строки и подбирал к нему рифму.

Если правда, что **есть ты,**
боже,
боже мой,
если звезд ковер тобою выткан,
если этой боли,
ежедневно множимой,
тобой ниспослана, господи, **пытка,**
судейскую цепь надень.
Жди моего визита.
Я аккуратный,
не замедлю ни на день.
Слушай,
Всевышний **инквизитор!**

В.В. Маяковский делает акценты на главные слова, которые несут особую глубокую смысловую нагрузку, тем самым указывает, на что нужно обратить внимание, к чему прислушаться и над чем задуматься.

Маяковский с полным правом мог сказать в статье «Как делать стихи» о своей системе рифм, что до него она «не употреблялась и в словаре рифм ее нет» [3]. Рифма Маяковского — всегда носитель смысла, поэтому она возможна только в определенном контексте. Маяковский не только не повторял чужие рифмы, но очень редко пользовался дважды рифмами собственными.

В целом, поэзия Маяковского индивидуальна и неординарна. Она не будет понятной каждому читателю. В строки поэмы нужно вчитываться, вникать, читать и снова возвращаться к самому началу. Слова несут большую эмоциональную и смысловую нагрузку.

Литература:

1. В.В. Маяковский. Полное собрание стихотворений, поэм и пьес в одном томе. — М., Просвещение, 2011.
2. Г.И. Газданов. Собрание соч. в 3-х томах. — М.: Согласие, 1999.
3. Газета. «Ленинградская правда», Л. 1926, № 133 (3327).
4. Ю. Тынянов. Промежуток, 1924. — URL: <http://irgali.narod.ru/files/maiakovski.htm> (Дата обращения: 04.06.2013).

К вопросу о притче

Пыжова Елена Игоревна, соискатель

Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В последние десятилетия жанр притчи вызывает интерес исследователей. В частности, речь идет о формировании так называемого романа с притчевым началом. Поэтому мы считаем рациональным рассмотреть в данной статье значение жанра притчи.

В статье «Языковая структура библейской притчи» Л.И. Кушнарева отмечала, что «*притча — эпический жанр, представляющий собой краткий назидательный рассказ в аллегорической форме*» [1; 109].

Однако с содержательной стороны, как подчеркивал С.С. Аверинцев, притча «*отличается тяготением к глубинной «премудрости» религиозного или моралистического порядка*» [2].

Слово «*машал*», традиционно переводимое как «притча», первоначально подразумевало любое высказывание, для создания и восприятия которого требовалось интеллектуальное усилие, тонкая уместная и словесная игра.

Для определения понятия «притча» интересна работа Е.К. Ромодановской «Специфика жанра притчи в древнерусской литературе» [3]. Так Ромодановская отмечает, что многозначность термина «притча» были заложены еще в древнейшие времена и связывает это, прежде всего, с переводными памятниками словесности. В книге Н.А. Мещерского находим следующие переводы: *πρόφαισις* — несчастье, предлог [4], а в словуказателе к «Повести о Варлааме и Иоасафе» словом «притча» переданы несколько понятий: *τό αἰνύμα* — загадка; *ἡ παραβολή* — параболa, приближение; *τό παράδειγμα* — пример, образец; *τό πρόβλημα* — задача, задание [5]. Многозначность также отмечается и в славянских языках, что обеспечивается не только языком переводного источника, но и собственной языковой традицией. Так словарь Фасмера дает следующие значения термина «притча»: *др.-русс.* — несчастный случай; *укр.* — происшествие, особенный случай; *блр.* — неприятный случай, срам; *болг.* — притча; *сербо-хорв.* — рассказ, пословица; *словен.* — момент, настоящее время; свидетельство, свидетель; притча, сказка, рассказ. М. Фасмер выводит **prǫtŭča* — случай от *prǫtŭknŭti*, а *ст.-слав.* — от греч. *παραβολή*, *παράδειγμα* [6]. Похожие значения находим и в словарях русского языка, в которые включены и обозначение литературных форм, непосредственно связанных с переводом: нечаянность, неожиданный случай, внезапная болезнь; притча, иносказанье, поученье в примере, аполог, параболa, басня; простое изречение, мудрое слово, апофегма [7]; рассказ, в иносказательной форме содержащий нравоучение; непонятная вещь [8]; иносказательное повествование с нравоучительным выводом, иносказательное выражение; непредвиденное обстоятельство, случай, событие [9]. Наибольшее число значений фиксируют словари древнерусского языка: уподобление, иносказание, притча, пример, доказательство, указание, гадание, загадка, изречение, присловие, поговорка, предмет пересудов, причитание, плач, случай, неудача, беда [10]; иносказание, аллегория, символ; иносказательное изречение, повествование, обычно содержащее нравоучение; притча, пословица, поговорка, загадка, пример, образец, подобное явление, доказательство, предлог, отговорка, непредвиденный случай, неприятное происшествие, внезапная болезнь, благоприятный случай, предмет пересудов, погребальный плач [11]. Возможно, это объясняется тем фактом, что, по-видимому, термин «притча» имел особую распространенность в период средневековья. Поэтому некоторые значения в период нового времени постепенно утратились. Так, к примеру, значение «болезнь» сохранилось лишь в диалектах (см. словарь Даля).

Однако следует обратить внимание на одно из значений, отмеченное всеми составителями словарей — «случай», указанный Фасмером как исходное праслово. Заметим, что это значение сохранилось и в бытовой речи: «эка притча приключилась». Следовательно, это существенно и для понимания притчи как литературоведческого термина.

Обратимся к рассмотрению притчи как литературного жанра. По мнению исследователей (И.Ш. Левин и М.Л. Гаспаров), притча как жанр изящной словесности образовалась из элемента беседы и примера. Однако тем же термином обозначается и так называемая *паремия* — произведение афористического характера. В связи с этим мы можем наблюдать двойственность формулировки в определении притчи как жанра.

И.Н. Лебедева рассматривала лишь притчи из «Повести о Варлааме и Иоасафе», но отметила их как самостоятельно оформившийся жанр литературы: «Притча — небольшая самостоятельная новелла, из которой, аллегорически истолковывая ее образы, извлекают назидательный смысл» [12]. В.В. Кусков определяет притчу и как «нравоучительный символическо-аллегорический рассказ», и как «мудрую сентенцию-изречение» [13]. Однако оба вида он считает лишь элементом больших эпических форм. Н.А. Мещерский разделяет притчи, характерные для литературы Востока (в том числе для Ветхого Завета) «краткие тематически самодовлеющие афоризмы» и появляющиеся в Новом Завете «сюжетные повести, мораль которых часто не высказывается прямо, в чем можно видеть обновление формы» [14]. Таким образом, притча, в понимании Мещерского, это, прежде всего, перевод новозаветной письменности.

На наш взгляд, наиболее точное определение притчи как жанра дано С.С. Аверинцевым: «Притча — дидактико-аллегорический жанр, в основных чертах близкий басне»; она «неспособна к обособленному существованию», т.е. вне контекста, «допускает отсутствие развитого сюжетного движения и может редуцироваться до простого сравнения, сохраняющего... символическую наполненность», «тяготеет к религиозной или моралистической глубинной «премудрости», с чем связана ее возвышенная топка» [2]. В работе «Истоки и развитие раннехристианской литературы» С.С. Аверинцев определяет притчу как «образную иллюстрацию морального положения» [23; 508], указывая, что иносказание в ней может и отсутствовать. «Таковы и евангельские притчи, — отмечает Аверинцев, — если притча о сеятеле или о блудном сыне аллегорична (семя — западающее в душу поучение, отец блудного сына — всепрощающий Бог), то притча о фарисее и мытаре, т.е. сборщике подати (иудейская мораль считала их последними грешниками), лишена всякой аллегории... Эта история иллюстрирует общий тезис: «возвышающий себя будет унижен, а смиряющий себя возвышен» [23; 508].

В.Е. Хализев относит притчу к значимой группе литературно-художественных жанров, где человек рассматривается не столько как часть социума, сколько соотносится с «космическими началами, универсальными законами миропорядка и высшими силами бытия» [5]. Определившиеся как жанры в христианском средневековье, житие, мистерия, религиозно-философская ли-

рика и притча, относятся им к онтологическим жанрам, «не укладываемые в какие-либо социологические построения» [15]. Жанры, основанные на онтологическом познании мира, рассматриваются, прежде всего, как осваивающие бытийные универсалии. Американский ученый К. Берк отмечал, что это системы принятия или непринятия мира [16].

Если говорить о времени возникновения жанра притчи, то следует отметить, что притча известна с древнейших времен. Она близка к басне и в 18 веке их даже не всегда различали. *«Притча имеет ту родственную черту с басней, что она берет события из сферы обычной жизни, но придает им высший и более всеобщий смысл, ставя своей целью сделать понятным и наглядным этот смысл с помощью повседневного случая, рассматриваемого сам по себе»*, — читаем у Гегеля [19]. Однако при этом следует отметить, что содержание притчи более глубокое, нежели в басне, а форму притчи характеризует большая морально-дидактическая цель. Заметим, что при рассмотрении притчи, Гегель также отмечает «случай» в формировании притчи.

Священник М. Фивейский, комментируя «Евангелие от Матфея» в восьмом томе «Толковой Библии», подчеркивал серьезные отличия притчи от басни: *«В басне если действуют, например, животные, они всегда выдвигаются на первый план; в притчах Христа их роль — всегда второстепенная. В басне во всем, что говорят и делают животные или предметы природы (например, деревья), всегда следует подразумевать действия и речи людей, потому что иначе предметам природы следовало бы приписать то, чего никогда не бывает в действительности (например, когда говорят животные и растения); в притчах подобные же образы всегда остаются вполне естественными и действия животных или растений в строгом смысле не могут быть относимы к людям; а о том, чтобы растения или животные когда-нибудь говорили, в новозаветных притчах не упоминается. Наконец, басня вообще есть вымысел и притом большей частью забавный; для разъяснения нравственных истин в притчах берутся обыкновенно действительные события в природе и жизни»* [25; 43]. М. Фивейский допускает лишь одну классификацию притч — на общие и частные: *«В общих притчах рассказывается о каком-нибудь одном действительном событии, настолько частом и обычном, что о вымысле не может быть и речи. Таковы, например, притчи о сеятеле или зерне горчичном. В частных притчах события, так сказать, единичнее; большей частью можно предполагать, что они совершались один раз. Такова, например, притча о милосердном самарянине, или о рабочих в винограднике, получающих одинаковую плату за свои труды. Вполне возможно предположить, что подкладкой этих притч были действительные события»* [25; 244].

Несколько иной взгляд на притчу возникает при философском рассмотрении данного термина. С философской точки зрения притча — это история, используемая в качестве иллюстрации тех или иных положений учения. Зачастую, притча использовалась учителями разных философских школ для определения умственной ступени развития их учеников, для определения уровня их внутренней свободы.

Одной из древнейших книг, содержащих притчи, является Библия [18]. Являясь священной Книгой Христианства, она (Библия) остается непререкаемым авторитетом духовных ценностей человечества. Насчитывается в общей сложности шестьдесят притч и притчевых изречений в синоптических Евангелиях. В книге «Новый Завет и Псалтирь. Комментарии» приводятся указания на следующие притчи (притчи Господа нашего Иисуса Христа): встречающиеся в одном Евангелии («О плевелах», «О сокровище в поле», «О драгоценной жемчужине», «О неводе», «О немилосердном заимодавце», «О рабочих и винограднике», «О брачном пире», «О двух сыновьях», «О десяти девах», «О талантах», «О овцах и козлах» — Евангелие от Матфея; «О посеве и всходах», «О ожидании хозяина дома» — Евангелие от Марка; «О двух должниках», «О милосердном самарянине», «О докучливом друге», «О безумном богаче», «О благоразумном домоуправителе», «О бесполезной смоковнице», «О званных на вечерю», «О башне: о царе, идущим на войну», «О потерянной драхме», «О блудном сыне», «О неверном управителе», «О богаче и Лазаре», «О рабах ничего не стоящих», «О неправедном суде», «О мытаре и фарисее», «О десяти минах» — Евангелие от Луки); встречающиеся в двух Евангелиях («О доме, построенном на камне», «О закваске», «О потерянной овце» — Евангелия от Матфея и от Луки); встречающиеся в трех Евангелиях («О свече на подсвечнике», «О новой заплате на ветхой одежде», «О вине молодом и ветхих мехах», «О сеятеле», «О горчичном зерне», «О злых виноградарях», «О смоковнице и всех деревьях») [17]. Также к притчам традиционно относят «Книгу Иова», «Книгу пророка Ионы», «Книгу Притчей Соломоновых», раввинистическую литературу — Агады.

Одним из основных отличий древнееврейской и раннехристианской традиций является структурное составление текста притчи. Для старозаветных текстов зачастую характерны краткие формы афористических высказываний («Книга притчей Соломоновых»), *«афористическая притча»* [1], в которой кратко сформулирована определенная истина. «Литературная премудрость» здесь обращается к внутреннему миру человека, к его сердцу. С точки зрения литературного жанра Книга притч Соломоновых близка шумерской и египетской дидактике и афористике (здесь показательны египетские «Поучения Птаххотепа» и «Поучение Аменемопе»).

Обращаясь к религиозному пониманию «Книги притчей Соломоновых», мы выделяем «Толковую Библию» А.П. Лопухина, где находим развернутое определение

притчи. К притчам относят «в большинстве случаев отрывочные, афористические, иногда же связные, в последовательном порядке (обнимающем целые отделы) изложенные изречения, в которых предлагаются то умозрительные истины — главным образом религиозного свойства напр. о Боге, Его свойствах, Его мироуправлении, о Божественной (Ипостасной) Премудрости и проч., то — чаще всего — разнообразные правила практической мудрости, благоразумия и благоповедения в жизни религиозно-нравственной, общественной, семейной, трудовой, хозяйственной и т.д., то — иногда — опытные наблюдения над ходом жизни, дел и судеб человека и мира; словом «притчи» обнимают или захватывают всю совокупность вопросов знания и жизни представлявшихся наблюдению и размышлению древнего еврея-теократа, в своем духовном складе определявшегося законом Моисеевым и своеобразным характером древнееврейской ветхозаветной истории» [21]. Далее, священник А. Глаголев приводит следующую (традиционную) классификацию: 1) притчи синонимические; вторая половина стиха повторяет мысль первой, только в несколько другой форме: «Радость человеку в ответе уст его, и как хорошо слово во время!» (Притч. 15:23); 2) антитетические, в них второе полустиише выражает обратную сторону данной в первой строке истины, или прямую противоположность ее: «Сын мудрый радуется отца, а сын глупый огорчение для его матери» (10:1); 3) притчи параболические, соединяющие в себе элементы притчи синонимической и антитетической: они представляют нечто сходное в совершенно различных родах явлений особенно явлению этических и физических, причем первая строка стиха представляет какой-либо штрих из картин природы, а вторая — какую-нибудь этическую истину, первое полустиише представляет, так сказать, аллегорическую картину, а второе — объяснительную подпись к ней: «Что золотое кольцо в носу у свиньи, то женщина красивая и безрассудная» (11:22).

Таким образом, притча в «Толковой Библии» определяется как божественная премудрость, данная человеку в помощь и наставление.

Одной из самых сложных книг библейского канона является книга Иова. Она сложна не только в языковом отношении. Проблема осмысленности бытия, проблема божьей справедливости (теодицеи) является основной в параболической притче Иова. По мысли С. С. Аверинцева, книга содержит в себе протест против слишком примитивно понятой премудрости (хорошее поведение — награда), здесь «показана граница, на которой самые хорошие школьные прописи теряют свой смысл» [20, 291]. Многие теологи, философы и поэты изумлялись тому, что она вообще вошла в библейский канон. Однако все философы сходились в одном — в необычайной глубине книги, в ее поэтической красоте. Датский философ Сёрен Кьеркегор, посвятивший Книге Иова одно из наиболее

известных своих произведений «Страх и трепет», говорит, что у Иова «истина выражается убедительнее», чем у древних греческих или новейших университетских философов. Немецкий теолог XIX века Филипп Шафф утверждает: «Книга Иова возвышается, как пирамида, в истории литературы, без предшественника и без соперника». Английский историк и философ Томас Карлейль так высказывается о Книге Иова: «Я считаю эту книгу, исключая все другие теории о ней, одной из величайших книг, когда-либо написанных. Она содержит самое раннее заявление о нашей бесконечной трудности понять судьбу человека и Божьи пути для него на земле. Кажется, что нигде ничего подобного не написано, имевшего бы равную литературную ценность». Английский поэт Альфред Теннисон называет Книгу Иова «самой возвышенной поэмой древнего и настоящего времени». Она была любимой библейской книгой великого Гете. Так, в прологе «Фауста» звучит диалог Бога с сатаной, подобный тому, который является завязкой всего действия Книги Иова. Всего в «Фаусте» насчитывается свыше 200 реминисценций из этой книги. Виктор Гюго называет «Книгу Иова» «величайшим произведением человеческого ума», тем самым признавая ее первенство среди всех философских творений человечества [22].

Рассматривая «Книгу Иова», Михаил Эпштейн отмечает один из интереснейших фактов: «Композиция Книги Иова — перевернутый процесс миротворения. Это Книга Бытия, изложенная в обратном порядке. В Книге Бытия показано, как человек, созданный Богом, отпал от Него. В Книге Иова показан путь, которым человек может вернуться к Богу, — не отказываясь от различения добра и зла, но поверяя его вездесущим Божьей силы и мысли, живущей во всех Его созданиях» [21]. В Книге Иова, как и в Книге Бытия, появляется сатана — персонаж весьма редкий в Библии. И если в Бытие змей искушал человека, чтобы тот сорвал плод с древа познания; в Иове змей искушает Бога, чтобы Он испытал, как добро отзовется на зло, как праведник отзовется на незаслуженную кару. «В первом случае змей возбуждает человека против Бога, во втором — Бога против человека. Иов — это Адам, которого Бог закликает свершить обратный путь: от древа познания добра и зла к древу жизни» [21].

Давно установилось мнение о сложном характере «Книги Иова», о двойственности ее мировоззрения, возможно, о двух авторских позициях. У священника А. Меня находим: «Ее автор соединил притчу в духе традиционного благочестия с криком бунтующей души, безотрадную картину жизни — с назидательным «счастливым концом», образ Бога в виде восточного монарха — с учением о непостижимости Сущего. Вся книга от начала до конца парадоксальна, и правы те богословы, которые считают попытки свести ее к единой формуле и единому замыслу безнадежным делом» [26; 138].

«Книга Иова» состоит из сорока двух глав. Обычно как стилистически, так и содержательно выделяют первую, вторую и сорок вторую главы, составляющих историю-притчу. Второй блок (главы 3–41) приближено к некой лирической поэме. И если в главах-элементах притчи Иов — страдалец, то в блоке-поэме он, прежде всего, бунтарь, вызывающий к небу от всего мироздания. Примечательно, что история мученика-Иова близка истории Христа. В 16 главе книги находятся пророческие слова: *«Разинули на меня пасть свою, ругаясь, бьют меня по щекам: все сговорились против меня. Отдал меня Бог беззаконнику и в руки нечестивым бросил меня»* (Иов. 16,10–11). Таким образом, лирическая часть «Книги» включает в себе и пророчество-аллегория. Многострадальный Иов символизирует страдания Христа. Здесь притча приобретает новую форму и, отойдя от канонов, оставляет краткость. Таким образом, можно назвать «Книгу Иова» произведением с притчевым началом.

Рассмотрим «Книгу пророка Ионы». Она существенно отличается от писаний других пророков. Здесь нет апокалипсических пророчеств (например, как в «Книге пророка Исаии»), нет необыкновенных видений (как у пророка Иезекииля), не предсказывает Ион и судьбы государств (как пророк Амос). Это отрывок истории о жизни пророка — описание его миссии в Ниневию.

Существует несколько точек зрения на содержания «Книги пророка Ионы». Одни исследователи считают историю Ионы — аллегорией, где сам Иона — образ Израиля, который должен был стать пророком Иеговы среди языческих народов, но, не выполнив своей миссии, поглощен Вавилоном (Иер. 51:34,44 — здесь Вавилон назван драконом, глотающим народы, которые будут исторгнуты Богом из уст его). Другие считают, что Иона лишь передал свой сон или видение. Третьи — называют книгу назидательной притчей, но тогда получается, что Иона — персонаж вымышленный и об историзме Книги не может быть речи. Согласно четвертой теории, книга пророка Ионы — это «Мидраш» (от евр. «драш» — толкование), т. е. комментарий к другим местам Священного Писания (Исх. 34:6–7 — Иона 4:2). Тогда не все события, описанные здесь, можно признать исторически достоверными. Но — Сам Христос говорил об историчности книги пророка Ионы — Лк. 11:29–32, Мф. 12:39–42. И, наконец, пятая группа толкователей уверены в исторической подлинности и личности пророка Ионы, и событий, описываемых в его книге. Это и древние иудеи Филон, Флавий (даже еврейская традиция признает ее историческим рассказом), и святые отцы, в числе которых преп. Ефрем Сирин, свт. Иоанн Златоуст, свт. Кирилл Александрийский, блж. Феодорит, блж. Иероним, блж. Августин.

Я. Эйделькинд отмечал: *«Выявление условности любой схемы (в словесности, в мысли, в благочестии) — вот главная тема книги Ионы, к которой привел нас формальный анализ всего текста, так*

и содержательный анализ диалога Ионы с Богом... Зато подтвердилось другое ожидание: мы действительно обнаружили в книге Ионы философский (или, если кому нравится, богословский) смысл. Но он не запрятан в искусственную оболочку иносказания, а легко и естественно вытекает из того, что (и как) сказано явно. И, конечно, этот смысл несводим к однозначной «морали». Пожалуй, целью автора скорее было поставить вопрос, чем дать на него ответ (и ведь именно вопросительным предложением книга заканчивается!)» [23; 111–112]. Как и И. Ш. Шифман, Я. Эйделькинд не считал «Книгу пророка Ионы» притчей, т. к. она лишена краткости, трудно определяема ее назидательность, а вопрос об историзме Книги остается не решенным.

Однако Книга Ионы, рассматриваемая как притча, говорит о нежелании «Ионы» (человека, народа израильского или какой-либо другой группы, слушающей рассказ) донести Божественное послание «Ниневии» и о неспособности Ионы понять глубину Божьего замысла. Как то, что избрание Богом своего народа — конечная цель, а не средство, так и Божественное обетование, данное Аврааму Господом: *«И благословятся в тебе все племена земные»* (Быт. 12.3), было почти полностью забыто.

Тем самым, можно признать, что «Книга Иова» и «Книга пророка Ионы» стали притчами, утратившими краткость и образовавшими сложные жанровые формы. Это не только аллегории, но и сложные, возможно, исторически достоверные рассказы.

Евангельские притчи — это краткие повествовательные рассказы. Взятые из жизни простых людей, истории не только служили для передачи духовных ценностей, но и проясняли законы мироздания, простым понятным каждому языком объясняли смысл человеческой жизни, служили «поводырем» в мире, разделенным на добро и зло. Они были призваны помочь человеку измениться, побуждая его к самосовершенствованию.

Они отличаются от ветхозаветных притч не только по структуре, но и по содержанию. Священник А. Меня отмечал, что *«только Иисус Христос сделал их одной из основных форм проповеди»* [26]. В ряде притч использованы ветхозаветные сюжеты (например, притча о виноградарях), в некоторых содержится намек на исторические события (Лк. 19:12). А одна из притч, возможно (как считал А. Меня), отголосок бродячего сюжета (Лк. 17:7). Сюжетный прототип притчи — «Сказание о бедном книжнике и о богатом мытаре Ладжане», которое в свою очередь восходит к древнеегипетской притче [27; 230]. Однако большинство притч — это истории, взятые из повседневной жизни людей.

Адольф Юлихер первый доказал, что притчи Иисуса, знакомые нам по синоптическим евангелиям, были радикально переосмыслены в раннехристианском предании посредством аллегорического метода интерпретации [28]. Последующие исследования подтвердили и развили этот вывод Юлихера. Переосмысление притч в предании при-

вело к тому, что принципиально изменились их структура и коммуникативная функция. Согласно распространенному в современной экзегезе мнению, в провозвестии Иисуса притчи, основанные на развертывании образа, представляли собой «речевые события», которые вовлекали слушателя в определенную ситуацию, т.е. в ситуацию принятия или отвержения эсхатологической вести Иисуса о том, что «*исполнилось время и приблизилось Владычество Бога*» [29].

А. Юлихер выделил три основных типа евангельских притч: «притча» в узком смысле слова; «парабола», или «притчевое повествование»; «повествование-образец». Р. Бультман перенял классификацию Юлихера и дополнил ее (*притчу в узком смысле слова*) анализом «малых» жанровых форм образной речи в синоптической традиции: образных выражений (например, Мк. 2:17), метафор (например, Мф. 7:13 и Лк. 9:62) и сравнений (например, Мф. 24:27). Как считает Бультман, именно из образных выражений и сравнений развиваются притчи в узком смысле слова. Они отличаются от сравнений или образных выражений лишь «*обстоятельностью в разработке образа*». Соответственно он делит притчи на две группы — по происхождению из образного выражения или из сравнения. В терминологии Бультмана «образное выражение» имеет ту же структуру, что и «сравнение»; в первом случае отсутствует лишь союзная связь «как..., так...».

В результате развертывания образных выражений возникли, в частности, притчи о рабе, пашущем или пасущем (Лк. 17:7–10), о ночном воре (Лк. 12:39 и сл.), о верном домоправителе (Лк. 12:42–46). Из сравнений выросли, например, притчи о детях на улице (Мф. 11:16–19), о сокровище, зарытом в поле (Мф. 13:44), о драгоценной жемчужине (Мф. 13:45 и сл.), о неводе (Мф. 13:47–50), о смоковнице (Мк. 13:28 и сл.), о бодрствующем привратнике (Мк. 13:33–37).

Образ, на котором строятся такие притчи «в узком смысле», указывает на обычное поведение в некоторой типичной (часто бытовой) ситуации. Кроме только что названных притч к этой группе относятся, например, Лк. 15:4–7 (притча о потерянной овце), Лк. 15:8–10 (притча о потерянной драхме).

Параболами называют такие образные повествования, где «означающее» разворачивается в целую историю, сюжетом которой часто становится какое-нибудь странное и даже шокирующее слушателя происшествие. К параболам относятся, в частности, евангельские притчи о блудном сыне (Лк. 15:11–32), о наемных рабочих (Мф. 20:1–15), о неправедном судье (Лк. 18:2–5: Бог сравнивается с несправедливым судьей), о неверном домоправителе (Лк. 16:1–8).

Важнейший элемент в структуре обеих форм — притч «в узком смысле» и парабол — составляет *tertium comparationis*, т.е. основание для сравнения «означающего» (формальной стороны образа) с «означаемым» (содержательной стороной образа), их общий признак.

Притчи часто содержат указание на *tertium comparationis* в своем зачатке: «Подобно Царство Небес...». Так, в Мф. 13:45 и следующие действия купца, нашедшего драгоценную жемчужину, уподобляются (подразумеваемым) действиям человека, ищущего и находящего Царство. Основание для сравнения — решимость отдать все ради приобретения наивысшей ценности.

«*Повествование-образец*» отличается, по Бультману, от притчи «в узком смысле» и от параболы тем, что в нем «отсутствуют признаки образности», хотя оно обладает «большим формальным сходством» с параболой. «Повествование-образец» однопланово, здесь нет *tertium comparationis*, так как нет и самого сравнения. Эта форма представляет собой историю, демонстрирующую «модель правильного поведения» [29].

Вслед за Юлихером современные исследователи относят к «повествованиям-образцам» четыре текста, составляющие «особый материал» Луки: 10:29–37 (о милосердном самаритянине), 12:16–21 (о богатом глупце), 16:19–31 (о богаче и Лазаре), 18:9–14 (о фарисее и сборщике податей).

Что же касается метафор, то в результате их соединения и развертывания в цепочку возникают аллегории — иносказательные повествования, в которых каждый элемент имеет «метафорическое» (переносное и требующее специального комментария) значение.

Таким образом, опираясь на интерпретацию притчи как литературного жанра и жанра религиозной словесности, мы можем предложить сложное определение, синтезирующее основные позиции.

Классическая библейская притча — онтологический жанр древней словесности, отличающийся краткостью (но сохраняющий возможность расширять границы текста и синтетически включаться в новые жанры), аллегоричностью, иносказательностью (которая может оспариваться более поздними интерпретаторами в связи с изменением «речевого события»), тяготеющий к «глубинной премудрости» морально-религиозного характера, ставящий определенные дидактические задачи (решаемые в художественном пространстве текста), действие которого случайно (чаще всего бытовое), противопоставляем другим архаичным жанрам (басня, паремия и т.д.), подлежит разным видам классификации в научном изучении (общие — частные притчи; синонимические — антитетические — параболические притчи; притчи в узком смысле слова — параболы — повествования-образцы).

Литература:

1. Кушнарера, Л.И. Языковая структура библейской притчи (на материале Книги Притчей Соломоновых) // Культурная жизнь Юга России, № 4 (33), 2009. — с. 109–112.

2. Аверинцев, С. С. Притча // Литературная энциклопедия. Словарь. — М., 1987.
3. Ромодановская, Е. К. Специфика жанра притчи в древнерусской литературе. // Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Сб. научных трудов. Вып. 2. — Петрозаводск, 1998. с. 73—111.
4. Мещерский, Н. А. «История Иудейской войны» Иосифа Флавия в древнерусском переводе. — М., Л., 1958. — с. 555.
5. Словоуказатель к тексту «Повести о Варлааме и Иоасафе», памятка древнерусской переводной литературы XI—XII вв. — Л., 1988.
6. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. — Т. 3., — М., 1971. — с. 368.
7. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. — Т. 3. — М., 1955. — с. 452—453.
8. Толковый словарь русского языка (под редакцией Д. Н. Ушакова) — Т. 3. — М., 1939 — с. 868—869.
9. Словарь современного русского литературного языка. — Т. II. — М.; Л., 1961. — с. 820—821.
10. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. — Т. II. — М., 1958. — с. 1481—1483.
11. Словарь русского языка XI—XVII веков. — Вып. 20. — М., 1995. — с. 59—60.
12. Повесть о Варлааме и Иоасафе: Памятник древнерусской переводной литературы XI—XII вв./Подготовка текста, исследования и комментарий И. Н. Лебедева. — Л., 1985. — с. 72.
13. Кусков, В. В. Жанры и стили древнерусской литературы XI—XII вв.: Автореферат диссертации на соискание степени доктора филологических наук. — М., 1980. — с. 9.
14. Мещерский, Н. А. Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX—XV вв. — Л., 1978. — с. 52.
15. Хализев, В. Е. Теория литературы. — М.: Высшая школа, 1999. — с. 362.
16. Burke, K. Attitudes Toward History. — Los Altos, 1959.
17. Новый Завет и Псалтырь. Комментарии. — М., 2002. — с. 725.
18. Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета (канонические). — М.: Российское Библейское Общество, 1993.
19. Гегель, Г. В. Ф. Эстетика. — М., 1969. — Т. II. — с. 100—101.
20. Аверинцев, С. С. Литература «премудрости»: нормативная дидактика и протест против нее // История всемирной литературы. Т. 1., — М., 1983. — с. 290—299.
21. Эпштейн, М. Философские комментарии. Теология «Книги Иова» // Звезда, № 12, 2006.
22. Конспект Лекций по предмету «Священное Писание Ветхого Завета» для 4 класса заочного отделения // Учительные (дидактические) книги Ветхого Завета/Сост. Протоиерей Роман Поликопа. — Харьков — 2009.
23. Аверинцев, С. С. Истоки и развитие раннехристианской литературы // История всемирной литературы. Т. 1. — М., 1983. — с. 501—516.
24. Эйделькенд, Я. К интерпретации Книги Ионы // Библия: литературные и лингвистические исследования. — Вып. 1, М., 1998.
25. Фивейский, М. Комментарии к Евангелию от Матфея // Толковая Библия. — Т. 8. — Стокгольм, 1987.
26. Мень, А. История религии: В поисках Пути, Истины и Жизни. — Т. 6. — М., 1993.
27. Коростовцев, М. А. Религия Древнего Египта. — М., 1976.
28. Julicher, A. Die Gleichnisreden Jesu. — Т., Bd. I, 1888; Bd. II, 1899.
29. Лёзов, С. В. История и герменевтика в изучении Нового Завета. — М., 1996.

Национальная классическая литература и традиции узбекского театра

Ризаев Аманулла Zufарович, кандидат искусствоведения, первый заместитель главного редактора Журнал «Мировая литература» (г. Ташкент, Узбекистан)

Каждая страна, каждый народ, каждая нация имеет свой театр, свои своеобразные театральные традиции. Национальный театр невозможно представить без обычаев, традиций, национальных героев и особенностей, присущих той нации, тому народу, который он представляет. Именно в классической литературе проявляется национальный менталитет и его духовный облик. По этой при-

чине не сходят с репертуара мировых театров, занимая особое место в нем, бессмертные творения Александра Пушкина, Льва Толстого, Достоевского, Вольфганга Гёте, Рабиндраната Тагора, Чингиза Айтматова и др. Именно поэтому мы еще раз убеждаемся насколько безгранично место и значение в развитии театра национально-классической литературы.

Особенно, сейчас, когда проблема возрождения подлинных национальных ценностей как никогда превратилась в важную и актуальную задачу, стремление познать, изучать свое национально-культурное наследие еще более усилилось. В частности, вклад классического литературного наследия и в развитии современного узбекского профессионального театрального искусства также ощутимо весомей.

Без сомнения, театральное искусство является одним из древнейших искусств пропагандирующее высокие идеи, высокую культуру, высокие человеческие чувства. А для достижения высочайших целей театру необходим драматургический первоисточник высокого уровня. Именно это свойство и заключено в великодушных образцах нашей классической литературы. По этой причине практически во всех театрах Узбекистана вновь и вновь осуществляются постановки по произведениям всемирно известных писателей классиков Алишера Навои, Лютфи, Дурбека, Бабура...

Вместе с тем, спектакли по романам и рассказам видных представителей узбекской классической литературы XX века Абдуллы Кадыри, Чулпана, Гафура Гуляма, Айбека, Саид Ахмада занимают подобающее им место в репертуаре наших театров.

Важнейшие свойства узбекской национальной классической литературы заключаются в следующем:

- в воспевании общечеловеческих ценностей;
- в воспевании национальных ценностей;
- в совокупности народных свойств связанных с творчеством, идеалом, духовностью народа;
- в новаторстве художественного выражения, языке, стремлении к новизне;
- в освещении идей гуманизма, человеколюбия;
- в патриотизме — проявлении самоотверженности, героизма за мир и благополучие народа;
- в толерантности, великодушии по отношению к другим народам, представителям различных религиозных конфессий;
- в почитании этических ценностей как добродетельность, скромность, воздержанность, достоинство, человечность;
- в почитании справедливости, правдивости, добра, красоты, благодеяний.

В национальной классической литературе, у их героев есть своя специфика, которую необходимо отдельно подчеркнуть, это:

- слияние народного эпоса, устного творчества, традиций;
- развитие народного этноса в теснейшем сплетении с историей государственности;
- одинаково относясь ко всем слоям общества, освещение идеи милосердия к простым людям;

— чернение пороков, таких как гордыня, эгоизм, лицемерие, воровство, наркомания и тому подобных.

В древнейшей и богатой истории узбекской национальной классической литературы наблюдаются ее четыре глобальные вехи:

1. Древне-эпический период связанный узбекским народным этносом, государственностью;
2. Период арабского халифата (IX-XII вв.);
3. Период Амира Темура и Темуридов (середина XIV — начало XVI вв.)
4. Период территориальных школ утвердившихся в XVI — начале XIX веков в литературе и искусстве Бухарского эмирата, Хивинском и Кокандском ханствах.

Все это для театрального искусства является нескончаемым источником, бесценной кладью. Именно поэтому постановка национальных классических произведений считается большой школой в развитии театрального искусства и культуры.

Если приглядеться к истории театра XX века, то можно увидеть что практически во всех театрах Узбекистана постановки произведений национальной классики вновь и вновь осуществляются разными режиссерами, в разнообразных интерпретациях и формах. Каждая из них имеет свою историю, свою трактовку и свою судьбу. С изменением времени меняются и требования, и взгляды, соответственно меняется отношение и трактовка. Каждый период имеет свое произведение, своего героя. В этом смысле показательно наследие величайшего классика Алишера Навои. Его стиль, его величавая романтика, язык, философия, эстетические взгляды требуют от постановщиков большого искусства, большой ответственности и больших возможностей. Поэтому, не все подобные попытки были увенчаны успехом. Ныне, невозможно представить исторический путь узбекского сценического искусства в отрыве от данного наследия. Ибо, самые яркие воспоминания узбекского национального театрального искусства неразрывно связаны именно с этим наследием.

Осуществление постановок ярчайших образцов национальной классической литературы сыграли большую роль в формировании культуры узбекского театрального искусства, развитии его величия, поэтико-романтического направления в режиссуре и исполнении, а также возникновении жанра музыкальной драмы и узбекской оперы.

В свою очередь, возникновение подобных сценических произведений стало важнейшим фактором популяризации, пропаганды и доведения значения величайшего и богатого наследия, оставленного нам нашими великими предками. Благодаря им, зритель получил прекрасную возможность лицезреть на сцене живых героев легенд, еще более глубже постичь богатое литературное наследие, еще более глубже любить его.

Выражение экстралингвистических средств в художественном тексте (на примере произведений Т. Малика)

Усмонов Аслам Каршибоевич, преподаватель;

Вафохонов Рахмиддин Темир угли, студент

Джизакский государственный педагогический институт имени Абдуллы Кадыри (Узбекистан)

К концу XX века в области языкознания всё более усиливается внимание к смысловой стороне изучаемого объекта. В виду того, что эмпирический этап исследования подходит к концу, ощущается потребность в этапе абстракции-обобщения, не присущих непосредственно наблюдению.

Языкознание долгое время готовилось к обогащению эмпирического познания другими идеями и действиями. В XX веке появились направления изучения языка на основе методологии, собравшей в себе философские идеи эмпиризма, феноменологии, конструктивизма. Одно из таких направлений — это, конечно, прагмалингвистика [1, с. 10].

Прагматика считается относительно новой сферой, в которой изучается использование языковых знаков в речи. В процессе общения, при изложении своих мыслей, говорящий ставит перед собой определённую цель. Эта цель состоит в том, чтобы слушатель понял говорящего.

В процессе обмена информацией должны участвовать хотя бы два человека. Акт общения, инициируемый одним участником, конечно, требует ответного действия: ответа на вопрос, мысль или просьбу, согласия, отказа либо угрозы. Возникающие в процессе общения межличностные отношения не могут существовать без объекта, так как субъект и объект связаны между собой и не подлежат рассмотрению по отдельности.

В рамках общения возникают различные отношения, обладающие определённым информационным содержанием. Как, на наш взгляд, правильно утверждается в теоретической литературе: «Это различный контекст любого метода изложения содержания или мысли, также, под понятием контекста понимается метод выражения мысли через вербальные и невербальные средства» [2, с. 91].

Если сказать по-другому, наряду с изучением языка, художественный текст охватывает даже нейтральные действия. «Выбор средств, существующих в системе языка, во многом связан с нейтральными (экстралингвистическими) свойствами общения» [1, с. 200].

К невербальным средствам относятся следующие:

— **Экстралингвистические (смех, плач, галдёж, шумы)**

Таким способом настал конец соглашению. Проведение Нишантуй было назначено на ближайшие дни, а свадьба — к возвращению Асадбека.

После ужина и ухода хозяев, Манзура спросила у Абдулхамида:

— А что такое Нишантуй?

— Это... — усмехнулся Абдулхамид, — по-нашему это помолвка. Видимо ещё называют благословение? Вы знаете, что натворили сейчас?

— Что я сделала?

— Вы нас засватали, — сказав Абдулхамид лукаво усмехнулся [4, с. 72].

— **Паралингвистические (мелодия, пауза, дыхание, произношение, ритм и созвучие);**

В процессе общения паралингвистические средства считаются дополнительными средствами, участвующими в коммуникации. Паралингвистические средства являются одним видом экстралингвистических явлений, нейтральные поступки сопутствуют единицам изучения языка [3, с. 120].

Они выполняют задачу передачи информации, дополнения содержания, внесения уточнений в мешанину отношений. Человек в процессе передачи определённой информации использует невербальные средства для увеличения эмоциональности и усиления впечатления, исходя из среды и условий живой разговорной речи, используя тональности голоса, растягивание звуков, произношение с паузами и т. д.

Например: Вначале Зайнаб не понимала смысла этого разговора. Поняв, раскрыла большие глаза:

Она спросила, — то, что вы мне даёте — опиум?

— А вы что думали? — сказала Мардона, усмехаясь. — После укола наслаждались же?

Сказав так, она протянула руку к груди Зайнаб.

Зайнаб найдя в себе какую-то силу, выбила эту руку, встала с места и прокричала: — Скотина! Распутница! Исчезни! —

Мардона ядовито улыбнулась.

— Не омытый, положил на шею не верующему. Не по своей воле я сюда пришла. Вы сами позвали, прогоняете, ухажу. Но потом хоть умолять будете, не вернусь. Подумайте, на улице ждёт машина. Доедем за несколько минут. Избавитесь от болей. Получите наслаждение. Если вместо наслаждения вам нравится страдать, что могу сказать, я поехала...

Зайнаб терпела до того момента, пока Мардона дошла до ворот. Потом, больше не стерпев боли, прокричала:

— Стойте!

Мардона остановилась у порога ворот [4, с. 188].

Из приведённого отрывка текста видно, что, если при выражении мысли исследовать общение без учёта паралингвистических средств, анализ не будет полноценным. В большинстве случаев мысль без невербальных средств окажется голой, и со стороны логики, и с психо-

логической стороны не будет отвечать поставленным требованиям.

— **Кинетические (знаки-намёки, выражение мысли через взгляд)**

Однажды классный руководитель поднял с места Асадбека и Кесакполвона.

— Кто из вас украл перо Турдиалиева? — сказал, смотря на них гневными глазами.

В эту пору Кесакполвон был мастером по взглядам — смотрел на учителя, будто говоря: «Об этом я не слышал».

А Асадбек, считавший воровство стыдным делом, так сделать не смог. Подозрение заставило его склонить голову.

— Я не вор, — сказал, он не смотря на учителя [4, с. 55].

— **Проксимины (различные движения тела при разговоре в процессе общения).**

Вчера вечером была вечеринка псов в мусорке, — сказав так, Кози расплылся в улыбке в ожидании подарка. Кесакполвон в одно дыхание призадумался, кивнул головой: — Зря убили, нам он не мешал.

Кози не сказал «вы сами приказывали». Холодная улыбка с его лица исчезла, пожал плечами, будто говоря «виноват» [4, с. 181].

В некоторых случаях в процессе общения невербальные средства проявляются и смешанном образе. Молодой человек, стоявший за спиной Шарифа вышел в наружу, привёл Насибу.

— Ой, что с вами? — спросила Насиба не успев перешагнуть порог.

— Тихо! — прокричал Бергер. — Говорить только по-русски! Ты Намозова? Подойди поближе. Значит ты жена этой морды?

— Да, — сказала Насиба, кивнув головой. Она не умела разговаривать по-русски. Несмотря на это попробовала спросить: — чего надо?

— Вопросы задавать буду я, Намозова! — сказал Бергер, прикуривая сигарету и стряхнув пепел на ковёр:

— Сколько у тебя детей?

— Четыре... три сына, одна дочка.

— Да... твоим детям нужен отец. Смотри на меня, Намозова, если тебе нужен муж, скажешь: где твой муж спрятал деньги?

— Деньги? Какие деньги? — сказав так, Насиба посмотрела на мужа. Шариф пожал плечами, как будто сказал: «Я тоже удивлён».

— Смотреть в глаза! — прокричал Бергер. — Если скажешь — муж твой. Не скажешь, я его заберу [4, с. 100].

И говорящий, и слушающий ведут свой разговор при помощи экстралингвистических средств: различных движений, знаков и намёков. Даже читая книгу, смотря телевизор, наблюдая спортивные соревнования, люди хмурят брови, иногда смеются, иногда на их лицах появляется удивление, иногда они плачут, производя таким образом, сами того не замечая, различные движения. Все

перечисленные элементы можно отнести к экстралингвистическим средствам.

В условиях процесса глобализации требованием времени является все большее усиление коммуникаций между странами, континентами, территориями.

Для каждого коммуниканта, в зависимости от пола, характерны различные невербальные средства.

Мужчинам коммуникантам присущи следующие невербальные свойства:

Говорить, размахивая вытянутой вперёд рукой с раскрытой ладонью;

У нас нет таких денег, — сказал истец молодой человек, только что говоривший размахивая вытянутой вперёд рукой с раскрытой ладонью [4, с. 6].

Здороваться, протягивая руку и крепко сжав;

Асадбек не вставая с места, поздоровался, протянув руку [4, с. 130].

Чокаться, чтобы выпить, подавать знак, щёлкая по горлу;

Не будем пить, чокаясь вместе как русские [4, с. 65].

Разговаривать с коммуникантом на коротком расстоянии, смотря ему в лицо и др.

Молодой человек ожидавший увидеть беспокойство Асадбека, смотря ему прямо в глаза, не увидел тревоги [4, с. 68].

Невербальные средства присущие женщинам коммуникантам:

Кокетливо прищуриваться, выражая каприз;

Она знала, что её красота, кокетливый взгляд сразят любого мужчину. [4, с. 142]

Прикусить язык в выражении сожаления;

Манзура, сказав «ой», в котором смешались удивление и страх, прикусив нижнюю губу, больше не сказала ни слова.

Здороваться поцелуем, сталкиваясь головами;

Ой, Зайнабушка, душа моя, сладкая моя, — поздоровалась поцелуем — хорошо, что пришла — сказала госпожа Моника [4, с. 183].

Коснувшись губ мизинцем, стеснительно смотреть на землю;

«Во сне снова видел младенца» — радовалась жена Манзура, прикусив губу и покачивая головой, не говоря истолкование [4, с. 59].

Неуместные действия, присущие женщинам в процессе общения и др.

Думая, как бы отвлечь Косого, красотка, намёками и кокетливым взглядом нашла для него причину [4, с. 212].

Отдельно следует подчеркнуть, что экстралингвистические средства считаются одним из факторов, оживляющих речь, повышающих её эффективность, но чрезмерное их использование отвлекает внимание слушателя, превращает его в зрителя.

Если сделать вывод, понимание и осмысление слушающим слов говорящего можно произвести при существовании общей основы для обоих акторов.

В художественном произведении знаки-намёки персонажа, его телодвижения дают определенную информацию о его характере, душевном и эмоциональном состоянии. Экстралингвистические средства обогащают представление о персонаже.

В частности, в тексте произведения писателя Тахира Малика «Шайтанат» используемые в процессе общения

знаки-намёки, телодвижения, слова, словообразования, языковые единицы в форме разговора, мастерски использованы писателем, благодаря чему мы становимся свидетелями мастерского использования экстралингвистических средств.

Литература:

1. Сафаров, Ш. Прагмалингвистика. Ташкент-2008.
2. Мыркин, И. Я. Текст, подтекст и контекст // Вопросы языкознания. — 1976, № 2 — с. 86–93
3. Муратова, Н. Место вербальных и невербальных средств в процессе общения // Вопросы узбекского языкознания и литературоведения. Самарканд, 2012.
4. Тахир Малик, Шайтанат. I–IV — том. Ташкент-2012.

3. НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

The reflection of Holidays in Poetry

Бабичева Анна Андреевна, специалист

Московский государственный лингвистический университет

People all over the world celebrate their holidays. Although the word «holiday» literally means «holy day»? most American holidays are not religious, but commemorative in nature and origin. Because the nation is blessed with rich ethnic heritage it is possible to trace some of the American holidays to diverse cultural sources and traditions, but all holidays have taken on a distinctively American flavor. In the United States the word «holiday» is synonymous with celebration.

Everybody knows that the United States is called the «nation of immigrants». For years it was thought that the united states was and should be a «melting pot» — in other words, people from all over the world come and adopt the American culture as their own. The country was settled, built and developed by generations of immigrants and their children. Many different cultural traditions, ethnic sympathies, racial groups and religious affiliations made up the people of the USA. It's very important for people to remember certain customs and traditions. But tastes differ. Some people think that traditions are smaller things. Other people think that traditions are big events. In the US constitution there is no provision for national holidays. Each state has its right to decide which holiday to observe. Many states have holidays of their own, but most states observe the federal («legal») public holidays, even though the President and the Congress can legally designate holidays only for federal government employees.

Having read about holidays in the US, I came to the following idea: American holidays are numerous, they are strikingly different in origin, but generally are celebrated in the same manner. Besides, a lot of poems and songs are dedicated to holidays and poetry emphasizes individuality and originality of each holiday. The poetry reflects all emotions and feelings of people. Poetry makes holidays to become a special event and bring together the closest people.

As I was greatly absorbed by the American holidays I decided to learn and translate a few poems from American English into Russian. I suppose American poetry is very beautiful and holidays are unusual too, they are worth learning.

Christmas and New Year

«Auld Lang Syne» by Robert Burns

At parties, American people sing this Scottish traditional song as the clock strikes midnight on New Year's Eve. The expression «Auld Lang Syne» means «the old days gone by». The Scottish poet wrote «Auld Lang Syne» in the 18th century, but he might have based it on an earlier poem by another Scottish poet, James Watson.

Should auld acquaintance be forgot,
And never brought to mind?
Should auld acquaintance be forgot,
And auld lang syne!
For auld lang syne, my dear,
For auld lang syne.
We'll take a cup o' kindness yet,
For auld lang syne.

Зачем забывать о старых знакомых
И не вспоминать никогда?
Зачем забывать о старых знакомых
Хоть прошлое наше уходит всегда.
Уйдет от нас прошлое, не оглянется,
Но счастливы мы и добры,
Всегда будем помнить о старых знакомых,
Оставим намек старины.

«Our Christmas Play» by Jack Prelutsky

We were nervous and excited
In assembly today,
For our parents came to visit us
And watch our Christmas play.
Our teachers helped a little,
But we did the most ourselves,
The fattest kid played Santa
And the smallest kids were elves.

В нашем классе дух восторга, счастья, света и тепла,
Ведь сегодня наконец-то Рождества пришла пора.
На Рождественскую сказку к нам родители придут.
Все так просто, все так ясно, пусть все вместе сядут тут.
Педагоги помогли,
В остальном мы сами, сами.
Толстячок играет Санту,
Ну а эльфов — малыши.

A few were Santa's reindeer
 So they got to run and leap,
 Some of us were shepherds,
 And a bunch were wooly sheep,
 There was Jesus in the manger,
 There were angels wearing wings,
 There was Josef, there was Mary
 And the three wise Eastern kings.
 We wore makeup, we wore costumes,
 It was really lots of fun,
 And our parents all applauded
 When our Christmas play was done.
 Then we took our bows together,
 Everyone that is, but me —
 I just stood there, green and fragrant,
 For I played....
 The CHRISTMAS TREE!!

«Must Be Santa» by Dal Moor and Sal Fredricks

Who's got a beard that's long and white?
 Santa's got a beard that's long and white.
 Who comes around on a special night?
 Santa comes around on a special night.
 Special night, beard that's white...
 Must be Santa, must be Santa,
 Must be Santa, Santa Claus.
 Who wears boots and a suit of red?
 Santa wears boots and a suit of red.
 Who wears a long cap on his head?
 Santa wears a long cap on his head.
 Cap on head, suit that's red,
 Special night, beard that's white...
 Must be Santa, Santa Claus.
 Who's got a big red cherry nose?
 Santa's got a big red cherry nose.
 Who laughs this way, ho, ho, ho!?
 Santa laughs this way, ho, ho, ho!.
 Ho, ho, ho, cherry nose,
 Cap on head, suit that's red,
 Special night, beard that's white...
 Must be Santa, must be Santa,
 Must be Santa, Santa Claus.
 Who very soon will come our way?
 Santa very soon will come our way.
 Eight little reindeer pull his sleigh.
 Santa's little reindeer pull his sleigh.
 Reindeer sleigh, come our way,
 Ho, ho, ho, cherry nose,
 Cap on head, suit that's red,
 Special night, beard that's white...
 Must be santa, must be santa,
 Must be santa, santa claus.

К саням мы привяжем банты, выглядит все просто шик!
 Чтобы сани «полетели», не хватает нам оленей,
 А сыграют их ребята, молодые акробаты.
 Кто-то будет пастухом,
 Овцы просто шерсти ком!
 Вот младенец дремлет в люльке,
 Рядом вся его семья,
 Ангелы вокруг порхают, сладко пением звеня.
 Мы накрались, оделись,
 Шутки были без конца.
 Все родители смеялись,
 Шумный праздник удался!
 Все мы вместе поклонились,
 Дружно за руки взялись.
 Только я стоял в сторонке,
 Весь зеленый, весь в иголках,
 Потому что я был....ЕЛКОЙ!

Длинная и белая,
 Чья же борода?
 Это Санта Клауса —
 Папы Рождества.
 Кто приходит ночью к нам?
 Ночью колдовства.
 Это Санта, это Санта
 Папа Рождества.

Кто приходит в красной шубе,
 В длинном колпаке?
 Это Санта, это Санта
 Ночью колдовства,
 К нам приходит, к нам приходит
 Папа Рождества.

Чей же нос большой и красный?
 Кто смеется «хо, Хо, Хо»?
 Это Санта, это Санта
 Ночью колдовства,
 Он смеется так чудесно,
 Папа Рождества.

Кто же ночью прилетит к нам?
 Ночью колдовства.
 На оленях,
 Это Санта —
 Папа Рождества.

Thanksgiving Day**«On the river and through the wood»**

Over the river and through the woods
To grandmother's house we go.
The horse knows the way to carry the sleigh
Through white and drifted snow.
Over the river and through the woods,
Oh, how the wind does blow.
It stings the toes and bites the nose

As over the ground we go.

Через реку, через лес
К дому бабушки идем.
Лошадь знает путь-дорогу,
Вместе бурю мы пройдем.
Через реку, через лес,
Завывает вьюга.
Больно мне от ветра щеки,
Щиплет жалит руки, ноги.
Греем мы друг друга.

Flag day**«The stars and stripes forever» by John Philip Sousa, 1897**

Hurrah for the flag of free!
May it wave as our standard forever,
The gem of the land and the sea
The banner of the right.
Let's despots remember the day
When our fathers with mighty endeavor
Proclaimed as they marched to the fray,
That by their might, and by their right,
It waves forever!

Восхвалим флаг свободы,
Пусть вечно колыхнется он на ветру.
Пусть славят его все народы.
Возглавит он нашу страну.
Мы будем вечно помнить день,
Когда отцы с могуществом старались
Провозгласить, увековечить день,
Но со своими жизнями расстались.
Но их могущество и правота
В тебе защиты навсегда.

Halloween**«Treat» by Jack Prelutsky**

Trick or treat, trick or treat,
Give us something good to eat.
Give us candy, give us cake,
Give us something sweet to take.
Give us cookies, fruit and gum,
Hurry up and give us some.
You had better do it quick
Or we'll surely play a trick.

Дай нам что-нибудь послаще,
Дай конфет или пирог,
Все печенье мы утащим,
Фрукты кинь-ка а наш мешок.
Принеси жвачки тоже,
Поспеши, не то мы все
Дружно будем корчить рожи,
Это страшно в темноте!

Mother's Day**«Mother» by Theodore Morse and Howard Johnson.**

When I was a baby,

Long before I learned to walk,
Whily lying in my cradle,
I would try my best to talk.
It wasnt long before i spoke,
And all the neighbours heard.
My folks were very proud of me

For «mother» was the word.

Когда я был крошкой,
Еще до того, как стал я ходить,
В своей кровати лежа,
Пытался говорить.
Не много времени прошло,
Как я заговорил,
Все слушали соседи, дыхание затая,
Ну что за, что за слово впервые скажу я??
Родные все гордились, толпясь вокруг меня.
Для МАМОЧКИ и только, сказал впервые я.

St. Patrick's Day**«An irish Blessing»**

May the road rise up to meet you,
May the wing be always at your back,
May the rains fall soft upon your fields,
And until we meet again,
May God hold you in the palm of his hand.

Пусть дорога нас сведет.
Ветер дует в спину.
Дождик поле не зальет, пусть примнет крапиву.
Пусть господь тебя хранит
И придаст нам силу

Народные эпосы в театральном искусстве Центральной Азии

Таджибаева Олтиной Касымовна, доктор искусствоведения, зам. директора по науке
Институт искусствознания Академии наук Республики Узбекистан (г. Ташкент)

Изучение сценических воплощений народных эпосов даёт обширное представление о своеобразии конкретного национального театра. В народных эпосах зафиксированы устойчивые элементы культурных традиций, выявляется и прослеживается черты ментальности народа. Обращение драматурга и режиссёра к эпическому материалу даёт возможность обширно и глубоко проникнуть в недра национальной культуры своего народа, возрождая и обогащая общенациональные ценности.

Сегодня, когда речь заходит о настоящем дне и перспективах развития национальных театров Независимых государств Центральной Азии, общим и узловым остаётся вопрос об отношении к истокам, своим корням. Этот вопрос встал на повестку дня и приобрел особую остроту в период провозглашения независимости бывшими республиками СССР. Интерес к нему в обществе и в среде художественной интеллигенции, в искусстве и науке в значительной степени явился реакцией на негативные процессы в культуре минувшего века. История XX века знает немало острых, драматических моментов, связанных с грубым идеологическим волюнтаризмом, когда росчерком пера из национального сознания пытались вычеркнуть ценности традиционной культуры, в том числе эпосы «Алпамыш», «Манас». Драматичной была и театральная судьба этих народных шедевров, которые, то получали всеобщее признание, то, наоборот, критиковались с точки зрения классовых и партийных принципов, а спектакли на их основе или снимались со сцены, либо просто не доходили до нее.

Драматичная и сложная судьба взаимодействия народных эпосов и театра лишь подчеркивает ту огромную роль, какую они сыграли в развитии национальных театров региона. Были периоды, когда именно театр в спектаклях на основе этих произведений, являлся главным каналом трансляции национальных духовных ценностей. Обращение театров к эпосу сыграло исключительно важную роль в становлении и развитии практически всех жанров театрального искусства Центральной Азии — драматического, музыкально-драматического, оперного и балетного искусства.

Региональная культура отличается разнообразием своей палитры, так как, она вбирает в себя и кочевой, и оседлый типы культур. Тесные многовековые контакты обогащали эти культуры, влияли на особенности функционирования традиционных ценностей. Так, оседлая культура, дала возможность эпическим формам войти в литературу, а со своей стороны, кочевая — стимулировала их широкое распространение и появление новых версий того или иного эпоса. Цивилизационный фактор оказал свое влияние и на формирование актёрских школ реги-

ональных театров, на природу героико-романтического искусства, что особенно сказывается в трактовке и исполнении эпических произведений на национальных сценах. Здесь необходимо отметить, что родовое понятие эпоса включает в себя различные виды и жанры, в том числе разнообразные сказки, былины, мифы, легенды и. т.д. Центральноазиатский эпос расширяет круг этих эпических жанров, вбирая в себя и народные дастаны и кисса. Они поются перед зрителем, а акын или бакши во время исполнения выполняет функции и режиссера, и драматурга, и артиста. Этот синкретизм древнего искусства распался на современной театральной сцене, но он должен учитываться и учитывается современными мастерами сцены, преобразаясь в синтез творческих усилий драматурга, режиссёра, актёра.

Сценическое воплощение эпического материала, безусловно, требует комплексного рассмотрения мастерства драматурга, режиссёра и актёра. В этой театральной триаде, как и в устной традиции, исполнение эпоса у народов Центральной Азии, выделяется значение, исполнителя, актёра, его профессионального мастерства. В народных эпосах главный герой всегда выдвинут на первый план и это даёт большие возможности актёру для перевоплощения в образ. В то же время, эпический герой должен обладать монолитной цельностью, ему присущ романтический пафос и определенная философская глубина. В лучших работах крупнейших актёров региона органически сочетались эти качества героев народных эпосов. Актёрское искусство Центральной Азии развивалось в русле героико-романтического и психологически-бытового исполнительского искусства. Если русская актёрская школа переживания помогала актёру показать не сцене правду «жизни человеческого духа», то эпические произведения воспитывали актёра-романтика.

В творчестве выдающихся актёров Центральной Азии, таких как Абрар Хидоят, Махмуджон Гафуров, Ато Мухаммеджанов, Мухаммаджон Касымов, Мурадбек Рыскулов, Асанали Ашимов, Нурмухан Жонтурин, Амон Кулмамедов, Идрис Ногайбаев, отличалось мощью темперамента, сочетанием эмоциональности и психологизма, яркой характерностью. И еще тем огромным значением, какое они придавали звучащему со сцены слову. Для актёрского искусства Центральной Азии характерны высокая патетика, пафос, эмоциональность, то есть, те качества, которые требуются от актёра в обращениях к эпическим произведениям, и для которых в эпосах региона содержаться огромные возможности.

На протяжении всей истории развития театров Узбекистана, Кыргызстана, Казахстана, Туркменистана эпическое произведения занимали видное место в репертуаре

и оказывали существенное влияние на формирование национальной драматургии и формирование режиссёрских школ. С ними связаны достижения и успехи, переломные и противоречивые моменты в эволюции театрального искусства региона.

Энтузиасты европейского направления развития театра изначально использовали народные эпосы для привлечения зрителей к театральному искусству. Несмотря на то, что в Туркменистане считалось большим грехом смотреть представления артистов, зрители, увидев на афишах название «Тахир и Зухра», стали посещать этот вид искусства как приемлемый, с точки зрения национальных и религиозных традиций. Долгое время и туркменские, и казахские театры в составах своих трупп держали акинов, бакши. В антрактах спектаклей они выступали перед зрителями, исполняя фрагменты дастанов. А в Узбекистане давались концерты на антрактах.

Среди театральных систем XX века наиболее приближена к пониманию национального эпоса Центральной Азии теория эпического театра Б. Брехта. Немецкий драматург и теоретик театра уже в самом названии своей теории точно определил ключевую особенность своей театральной системы, о основу которой положена специфика эпического характера и конфликта. В «Эпическом театре» Брехта важны не условные, а видимые границы между разумом и эмоциями. Это же наблюдается и в интерпретациях эпоса на сценах региона, в которых практически не бывает, так называемой, «четвертой стены», где глубокая взволнованность и переживания героя соседствуют с «отстранением» и прямыми обращениями в зрительный зал. И в практике интерпретации эпических произведений на национальных театрах Центральной Азии чаще всего заметна близость не словам К.С. Станиславского, считавшего, что «зритель должен забыть, что он находится в театре», а слова его ученика Е.Б. Вахтангова, утверждавшего «зритель никогда не должен забывать, что он находится в театре». Такая практика вполне оправдана, ведь герои национальных эпосов никогда не были простыми людьми, обычно в эпосах на центральном месте стоял герой — сверхчеловек. Он был выше и поэтому бакши прославлял его подвиги. Эту традицию естественно восприняли молодые театры региона.

Основа национального эпоса Центральной Азии прослеживается в использовании определенных схем, в которых судьбы героев сходны от рождения. Например, с колыбели были обручены Бомси Байрак и Бонучечак («Китаби Деде Коркут»), Алпамиш и Ойбарчин («Алпамиш»); Гариб и Шахсанам («Ашик Гариб и Шахсанам»); Манас и Кеникей, Семетей и Айчурек («Манас»); Тахир и Зухра («Тахир и Зухра»); Кози и Баян («Кози Корпеш-Баян Сулу»). Обряд этот у узбеков называется и поныне «бешиккерт», у кыргызов — «бел куда», у казахов — «эжекабил», у туркменов «адаглаб куйилди». Главная суть «бешиккерт» — помолвка малолетних детей ещё с колыбели, определение их спутника жизни.

Такие события в жизни героев, ритуализированные в круге человеческой жизни от рождения до смерти, как и различного рода календарные праздники, ритуалы и обряды в разнообразии встречаются во всех эпических произведениях региона. Этот комплекс фольклорно-этнографических зрелищных, музыкальных традиций — благодатный материал для театрального искусства.

Но не только разные произведения, но даже одноименные, односюжетные эпические произведения разных народов Центральной Азии отличаются друг от друга, различаются разнообразием стилистики и средствами художественного воспроизведения, трактовкой образов, и никогда герой одного народа не повторяет образ соседнего. Так раскрываются менталитет нации, ее культура, духовный облик, национальные ценности.

О взаимосвязи эпоса и драмы писал ещё Аристотель в своей «Поэтике», охарактеризовав их структурные сходства по линии разработки сюжета, характеров и ситуации. В данном случае нашей целью является не филологическое сопоставление общих элементов эпоса и драмы, а театроведческое, в котором принципиально важное место занимает исполнительское искусство и сценическая интерпретация.

В эпических дастанах содержатся элементы, которые употребляются в театральном искусстве. Они находят свое выражение в следующих признаках и элементах выражаются так:

первый элемент связан с поэтикой дастана, в нём подчёркивается значение слова. В драмах диалог — это столкновение разных характеров, которое завершается поражением или победой сторон. Этот элемент стоит на центральном месте и в дастанах Центральной Азии. Значение и сила слова, эмоциональность, темперамент в образах героев дастана потребовали создания на сцене ярких характеров. Таким образом, развивался героико-романтический стиль игры, и это помогало не только в создании эпических, но и исторических образов на сцене;

второй элемент проявляется в общей архитектонике дастанов и пьес. В пьесах основным элементом является перипетия. Она заключается в том, что в неожиданном моменте случается нечто и всё поворачивается в другое русло. В народных дастанах такое движение событий должно существовать в обязательном порядке: Алпамиш придет на свадьбу своей жены («Алпамиш»); на свадьбе Шахсанам поздравляет «незнакомый певец» («Ашик Гариб и Шахсанам»); на свадьбу Зухры и Карабатыра подарок присылает царица Хорезма («Тахир и Зухра»); конфликт Баян Сулу с Кодаром поможет разрешить «чужой пастух» («Кози Корпеш-Баян Сулу»); Сейтек узнает что, Киязхан в самом деле не настоящий отец, а даже убийца его родного отца («Манас»). Такие резкие повороты сюжета — основа театральных спектаклей, а в дастанах являются ведущим элементом;

третий элемент связан с композиционной структурой и отношением логоса и мелоса в дастанах. Узбекские

и туркменские дастаны органически синтезируют логос и мелос, в них высшая точка эмоции дается не в словах, а в пении. Бакши от своего имени может рассказать о происходящих событиях, а когда выступает от имени героя, он обычно поет. Это сочетание музыки и слова положило начало оригинальному театральному жанру — музыкальной драме, в русле которого происходило поначалу освоение театром эпических произведений. Широкое присутствие музыки в драматических спектаклях по мотивам эпосов — также характерное явление;

четвертый элемент связан с локальным характером эпоса. В Узбекистане, например, Хорезмские дастаны существенно отличаются от других областей республики, по своей структуре они больше похожи на туркменские и азербайджанские дастаны. Некоторые дастаны, такие как «Ашик Гариб и Шахсанам», «Асли и Карам» считаются общими с азербайджанскими дастанами, а «Герогли» с туркменскими. В них не только монологи и диалоги героев, но их действия тоже передаются с пением. Причина этого в том, что туркменские и азербайджанские дастаны тесно связаны не с устной, а с письменной формой сочинения, т. е. литературой;

пятый элемент связан с темпоритмом дастанов. Казахские и кыргызские дастаны исполняются без музыки, но сохраняется вокал. Акын иногда поет речитативом. В них поэзия доминирует, стихосложение текста, рифмы обязательны для текста дастанов. Герой дастана говорит в стихотворной форме долго и очень интересно, в тексте много внимания уделяется рифмам. В спектаклях это проявляется в том, что часто главный герой стоит в центре, а остальные становятся симметрично вокруг него, и они, таким образом, слушают его длинный монолог. В таких случаях, с одной стороны, герой выглядит более мощным, сильным, но статичность приводит к замедлению темпоритма спектакля;

шестой элемент связан с использованием условно-символических художественно-выразительных средств дастана и театра. В дастанах для раскрытия героев используется эпитет, символика, параллелизм, метафора и другие. Широко употребляемая символика дастанов нашла широкое применение в качестве сценических метафор, в обогащении характеров драматических образов, в сценографии. Следует особо подчеркнуть их роль и значение в современном театре;

седьмой элемент дополняет уже высказанное выше значение искусства художественного слова в эпосе, но уже для драматургического мастерства. На Востоке распространено искусство называемое «илми саноъ» и «илми бадеъ». Это искусство дает слушателю возможность почувствовать тонкость, пикантность, красоту слова. Оно встречается и в эпосах. Так, в частности в «Манас»е можно встретить и особое искусство слова связанной с буквами (харфий санъат), которое встречается не в устной, а в письменной литературе. Это такой вид искусства, когда арабские буквы означают смысловые символы. Такие элементы эпосов дают слушателю-зрителю почувствовать раскрыть себя как художника.

Таким образом, народные дастаны не только по своей архитектонике, но по формы исполнения и способу социокультурного функционирования имеют много общего с театральным искусством. Если в театре актёр пользуется текстом драматурга, режиссерским толкованием роли, то бакши все эти обязанности берет на себя. Его искусство является многофункциональным. Во-первых, бакши — исполнитель «поёт свое», строит свои импровизации на основе традиционного сюжета, и поэтому он должен соблюдать устойчивую фабулу, композиционное строение сюжета, цели и задачи героев. Решив эти задачи, он в момент исполнения само собой становится автором. Во вторых, исходя из состава зрителей и их восприятия он корректирует свое исполнение, т. е. что-то сокращает, чему-то уделяет больше внимания, где-то меняет акценты. Таким образом, он берет на себя ответственность режиссёра зрелища.

Нам кажется, что многие приемы подготовки, моменты творчества бакши, элементы мастерства бакши можно использовать в начальной и профессиональной подготовке актёров современного театра. Импровизационное мастерство, богатая мимика, пластичность, совершенное владение такими музыкальными инструментами как домбра, дйра, буломон, кобыз и. т. д., особая чуткость и совершенное владение словом, уникальная память, какой обладали такие сказители как Фозил шоир, Эргаш шоир, Саякбой Каралаев и другие. Опыт и мастерство народных бакши требует сегодня более тщательно изучения, и более смелого использования в условиях современного театра с его требованиями синтетического актёра и гармоничного творца.

Литература:

1. Алпомиш. — Тошкент: Фан, 1999. — 831 б.
2. Жирмунский, В. М. Тюркский героический эпос. — Л.: Наука, 1974. — с. 728.
3. Кайдалова, О. Н. Традиции и современность. Театральное искусство Средней Азии и Казахстана. — М.: Искусство, 1977. — с. 296.
4. Гачев, Г. Д. Содержательность художественных форм. Эпос. Лирика. Театр. — М.: Просвещение, 1968. — с. 303.
5. Героический эпос народов СССР. Предисл. Б. Н. Путилова. — Л.: Лениздат, 1979. — с. 752.
6. Исмаилов, Е. Акыни. — Алма ата: Казгосиздатхудлит, 1957. — с. 340.
7. Ключев, В. Г. Театрально-эстетическое взгляды Брехта. — М.: Наука, 1966. — с. 182.

8. Короглу, Х. Огузский героический эпос. — М.: Наука, 1976. — с. 240.
9. Манас: Кыргыздардын баатырдик эпосу. Тузген проф. Б. Жакиев. — Бишкек: Бийиктик, 2007. — 236 б.
10. Фрейденберг, О. М. Миф и театр. — М.: ГИТИС, 1988. — с. 131.
11. Шасенем-Гарып. Дессан. — Ашгабат: Туркменистан, 1989. 160 б.
12. «Зухра-Тахир». Газета «Туркменская искра» 1926 г, 1 ноябрь

4. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Символика антропонимов в романе Л. Улицкой «Медея и её дети»

Агаева Камила Шовгиевна, студент

Башкирский государственный университет (г. Уфа)

Роман Людмилы Улицкой «Медея и её дети», опубликованный в 1996 году, является одним из наиболее знаменитых произведений писательницы. Сюжет романа насыщен мифопоэтическими реминисценциями и аллюзиями, в связи с чем приобретают особое значение имена собственные героев данного произведения как своеобразные культурные, семантические и мифологические коды, позволяющие лучше понять идейно-художественную структуру текста.

Центральный образ романа Улицкой — это Медея Мендес, урождённая Синопли. Само это имя имеет греческое происхождение и означает «мидийка» [6], то есть жительница Мидии, исторической области на Ближнем Востоке. Существуют и другие толкования этого имени, согласно которым оно означает «хитрая» либо «моя богиня». Антропоним героини Улицкой содержит явное указание на легендарную Медею, персонажа древнегреческих мифов и ряда пьес античных драматургов (например, Софокла и Еврипида). На первый взгляд, между этими героинями нет ничего общего. Медея мифологическая — страстная, импульсивная, злопамятная и высокомерная. Она убивает своих собственных детей, чтобы отомстить мужу. Эта Медея не может смириться с судьбой и яростно восстаёт против неё. Она чужая всем, потому что приехала из Колхиды и греки смотрят на неё как на представительницу варварского народа. Медея Улицкой, напротив, спокойна и рассудительна, имеет почву под ногами, в отличие от своей античной тёзки. Как отмечает Т. Федосеева, автор щедро наделяет свою героиню той самой «греческостью», которой так не хватало колхидской Медее [6]. Медея Мендес является чистокровной гречанкой, знает родной язык и даже имеет «древнегреческий профиль» [5, с. 54].

Страсть античной Медеи разрушительна, она не поддерживает в мире гармонию или порядок, а лишь вносит хаос и смерть. Героиня Улицкой, напротив, воплощает истинные христианские качества: это любовь к ближнему, покорность судьбе, склонность к самопожертвованию [1, с. 70]. Медея принимает в своём доме всех гостей и родственников, завещает дом почти незнакомому человеку (Равилю Юсупову, чьи родители — крымские татары, высланные из родных мест), исходя из своих понятий о справедливости; в отличие от античной царевны, она прощает своему мужу измену.

Одно из возможных значений имени Медея — «моя богиня». Действительно, окружающие относятся к ней с трепетом и благоговением. Сестра Александра считает её «святой» [5, с. 164], называет «праведницей» [5, с. 253]. Медея выступает в романе как сакральный центр своей семьи, её скрепляющее начало. Она сама, а потом и память о ней, цементируют воедино всё разнообразное семейство Синопли, всех их родственников — русских, литовских, грузинских, корейских и других. Символичны в этом плане вдовство и бездетность Медеи — судьба лишила её счастья собственного биологического родительства именно для того, чтобы она стала матерью для всех, кто в ней нуждается. Медея становится символом своей семьи, потомки её родных — это уже именно её потомки.

Но героиня Улицкой — это также последний оплот нравственности не только в своей семье, но во многом и среди других людей. Самуил, муж Медеи, думает о том, что его жена — единственная, которая подчиняется какому-то своему закону. «То тихое упрямство, с которым она растила детей, трудилась, молилась, соблюдала свои посты, оказалось не особенностью её странного характера, а добровольно взятым на себя обязательством, исполнением давно отменённого всеми и повсюду закона» [5, с. 160]. Медея, в отличие от своей сестры Александры, живёт не страстями и капризами, а разумом и добротой. Поэтому она не может понять, почему её внучатая племянница Маша так легко изменяет мужу, не испытывая угрызений совести, а люди в целом хотят любить лишь «красивых и сильных» [5, с. 198].

Таким образом, героиню Л. Улицкой можно назвать анти-Медеей [1, с. 70]. Однако автор неслучайно наградила Медею Мендес таким именем: есть у неё и общие черты со своим античным прототипом.

Прежде всего обе они — чужие в своём окружении. Имя «Медея» значит «мидийка», то есть жительница других мест. И в самом деле, Медея — последняя «чистопородная» гречанка в своей семье, последняя, кто помнит редкое наречие понтийских греков, единственная, кто подчиняется нравственному закону. Духовно она превосходит остальных людей и поэтому отличается от них. Такой же непохожей на других является и «варварская» царевна Медея, которую воспринимают как чужую. Обе Медеи — и литературная, и мифологическая — выделя-

ются на общем фоне своей исключительностью и неординарностью, силой своего характера. Они обе оставляют яркий след в жизни других людей и долгую память после себя.

Но именно подобная непохожесть делает судьбу этих двух героинь столь трагической. Обе Медеи столкнутся с предательством и одиночеством, их любовь не будет оценена по достоинству самыми близкими людьми. Героиня Улицкой столкнулась с неутешительным итогом своей жизни: «Мужем она была оскорблена, сестрой предана, поругана даже самой судьбой, лишившей её детей, а того, мужнего, ей предназначенного ребёнка вложившей в сестринское весёлое и лёгкое тело...» [5, с. 174].

Ещё одно важное сходство в характере двух Медей — это их необычные способности. Жена Ясона известная как волшебница, а героиня Улицкой обладает даром ночного видения и восприятия призраков.

Муж Медеи Синопли тоже имеет знаковое имя — Самуил, которое значит «имя Божье» или «Бог услышал» [2, с. 194]. Так звали одного из библейских пророков и судей. Однако сам Самуил считал себя слабым и трусливым, предпочитая черпать мужество у своей жены Медеи. И здесь он проявляет себя как судья самому себе. В 1920 году Самуил должен был руководить расстрелом крестьян, утаивших хлеб, но Бог действительно словно услышал его в тот момент, и Мендес пережил припадок, избавивший его от участи палача. Как и в случае с Медеей, автор даёт герою имя, позволяющее глубже проникнуть в характер персонажа при помощи сравнения семантики антропонима и художественного образа.

Таким образом, можно констатировать, что имена Медеи и Самуила нельзя назвать в полной мере «говорящими». Их функция не только поясняющая, но и контрастная, когда при внимательном рассмотрении выявляются глубокие различия между семантикой имени и образом персонажа, которые помогают лучше понять всю многогранность героя.

Георгий, племянник Медеи, носит имя, означающее «земледелец» [4, с. 75]. Он действительно привязан к родной почве и к корням: после смерти Медеи он вернулся на землю предков и построил там дом, продолжив род Синопли в Крыму.

Елена, лучшая подруга Медеи ещё со времён гимназии, стала женой её брата Фёдора и матерью Георгия. Имя её образовано от греческого слова, означающего «свет» [2, с. 108], то есть Елена буквально — «светлая». Медею в ней привлекали «благородное простодушие» и «сияющая доброта» [5, с. 25]. Узнав о том, что Самуил изменял ей с её родной сестрой Александрой, Медее едет именно к Елене в Ташкент, и там, в уютном и многолюдном доме подруги, ей становится легче. Кроме того, Елена («Леночка», как её обычно называют) обладает способностью видеть ангелов — светоносных существ, что свидетельствует о том, что она и сама буквально излу-

чает свет, притягивая к себе людей, подобно Елене Троянской.

Важное значение имеет и происхождение фамилии Синопли. Она, видимо, восходит к названию города Синопа, располагавшегося в центре южной части Причерноморья, через который проходила символическая граница между Европой и Азией [3]. Фамилия Синопли может, таким образом, заключать в себе идею мирного сосуществования и взаимодействия разных этносов, культур и религий [3]. Семья Медеи как нельзя лучше иллюстрирует этот тезис, ведь она вобрала в себя людей многих национальностей: греков, евреев, русских, армян, литовцев, грузин, корейцев, итальянцев и даже гаитян. Самых родственников и потомков Медеи тоже разбросало по всему свету: Крым, Грузия, Литва, Ташкент, Москва, Италия, США и т.д.

Одной из таких эмигранток оказалась и Александра, родная сестра Медеи. Её имя — женский вариант имени «Александр», состоящего из двух слов со значением «защищать» и «мужчина» [4, с. 28]. Таким образом, это имя можно интерпретировать как «защитница людей». Данный антропоним имеет ярко выраженный маскулинный характер и по семантике, и по звучанию. Действительно, поведение Александры соответствует стереотипам мужского образа жизни: она не слишком сентиментальна, ведёт свободный образ жизни, легко меняет ухажёров. Семья никогда не была главным делом её судьбы. Александра всегда легко отказывалась от прежних занятий и увлечений. Знаменательно, что её последний муж, Иван Исаевич, часто ведёт себя более «по-женски», чем она сама (проявляет нерешительность, уступчивость, самопожертвование, служа своей жене «всеми своими мыслями, всеми чувствами» [5, с. 123], что лишь подчёркивает во многом «мужской» характер Александры.

Символично и имя её дочери Ники, образованное от глагола со значением «побеждать» [4, с. 164]. Данная героиня оправдывает своё имя: она уверена в себе, напориста и весела. «Там, где была Ника, она по какому-то неоспоримому праву всегда была первой, и мало кто мог с этим спорить» [5, с. 39]. Ника в итоге оказалась «победителем» и по жизни, удачно выйдя замуж.

Противоположность Ники по характеру и судьбе — её племянница Мария. Имя её могло быть образовано от глагола со значением либо «противиться, отвергать», либо «быть горьким» [2, с. 150, 151]. Этот антропоним соответствует трагической судьбе героини. После гибели родителей она попала к сумасшедшей бабушке, которая обвиняла её в этом инциденте. Семилетняя Маша тогда пыталась покончить с собой. Психологическая травма, вызванная этими событиями, осталась с ней на всю жизнь и во многом сформировала её характер («...от раннего прикосновения к тёмной бездне безумия в ней остался тонкий слух к мистике, чуткость к миру и художественное воображение — всё то, что создаёт поэтические склонности» [5, с. 137]). Хрупкая и чувствительная натура Марии прояв-

лялась даже во внешности: в двадцать пять лет она выглядела как ребёнок («Ожидала своей очереди и Маша, стриженная под мальчика, подросткового сложения, как будто не взрослая женщина, а тощий недоросток на вихлявых ножках» [5, с. 39]). Мария так и не встретила понимания со стороны близких ей людей: циничной расчётливой Ники, эгоистичного и легкомысленного любовника, излишне рационалистичного мужа. Мир отверг её, и она, не в силах преодолеть своё духовное отчуждение, покончила жизнь самоубийством.

Ещё одна противоположность Марии — это Валерий Бутонов, её возлюбленный. Имя его образовано от гла-

гола со значением «быть здоровым, сильным» [Суперанская, с. 57], то есть Валерий буквально — «сильный, здоровый». Герой — рослый, крепкий спортсмен и массажист, бывший циркач — полностью оправдывает это имя. Но одновременно данный антропоним подчёркивает преобладание в Валерии телесного, плотского начала.

Таким образом, антропонимы в романе «Медея и её дети» выражают сущность персонажа, многогранность его образа, отношения с другими персонажами и роль в произведении (например, Георгий — «земледелец», в переносном смысле — человек, привязанный к родным корням).

Литература:

1. Ивлиева, П. Д. Сюжет о Медее в романах Л. Улицкой «Медея и её дети» и К. Вольф «Медея. Голоса» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2012. № 1–2. — с. 68–72.
2. Петровский, Н. А. Словарь русских личных имён. Около 2600 слов. — М.: Сов. энциклопедия, 1966. — 384 с.
3. Ровенская, Т. А. Роман Л. Улицкой «Медея и её дети» и повесть Л. Петрушевской «Маленькая Грозная»: опыт нового женского мифотворчества. Электронный адрес: <http://www.owl.ru/avangard/radostnyeiraznozhvetnye.html>
4. Суперанская, А. В. Современный словарь личных имён: Сравнение. Происхождение. Написание. — М.: Айрис-пресс, 2005. — 384 с.
5. Улицкая, Л. Е. Медея и её дети: Роман. — М.: Изд-во Эксмо, 2004. — 256 с.
6. Федосеева, Т. В. Образ Медее в античной литературе и в романе Людмилы Улицкой «Медея и её дети». Электронный адрес: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/42752>

«Чужой текст» в пьесе У. Шекспира «Венецианский купец»

Зырянова Ольга Геннадьевна, магистрант
Омский государственный педагогический университет

Раскрывается понятие «интертекстуальность». Выделяются и описываются функции интертекстуальных включений. Рассматриваются интертекстуальные элементы в пьесе У. Шекспира «Венецианский Купец».

Ключевые слова: интертекстуальность, интертекст, функции интертекстуальных элементов

The article focuses on the term «intertextuality». Emphasis rests on the functions of intertextual elements. The author examines intertextual elements and their functions in a play The Merchant of Venice by William Shakespeare.

Keywords: intertextuality, intertext, functions of intertextual elements

В настоящее время прослеживается колоссальный интерес к проблематике интертекстуальности, то есть «чужого текста в своем тексте», что в свою очередь отражает общий подход к литературе как духовной деятельности, открытой, самоорганизующейся системе, осмысленной в новом ракурсе и состоящей из индивидуальных и неповторимых художественных произведений.

Многочисленные исследования показывают, почти каждое слово и фразу, которую мы используем, мы уже слышали или видели. Писатели объединяют эти слова по-новому, каждое литературное произведение включается в очень широкий контекст ещё в процессе создания. Про-

читать текст достаточно просто, в то время как распознать и проанализировать интертекстуальные связи единиц художественного текста с океаном слов языка и определить в нем элементы других текстов-предшественников (претекстов) требует от читателя определенных знаний о концепте текста-источника или какого-либо события, факта культуры или истории.

Интертекстуальность как свойство любого текста можно наблюдать в текстах, созданных уже очень давно, однако, само понятие «интертекстуальности» появилось в литературоведении относительно недавно. Впервые данный термин в 1967 году употребляет в своем иссле-

довании Ю. Кристева, французский филолог. Юлия Кристева, рассматривая текст, придерживалась построуктуролистской концепции, таким образом, интертекстуальность, в ее понимании, базируется на том, что любой текст представляется как мозаика, элементами которой выступают различные цитации. По мнению Ю. Кристевой любой текст — это впитывание и трансформация какого-либо другого текста» [1, с. 167].

Таким образом, история литературы есть история художественных произведений, история поэтического языка — это история текстов, или, иначе говоря, история интертекста [2, с. 26]. Интертекст — это «объективно существующая информационная реальность, являющаяся продуктом творческой деятельности Человека, способная бесконечно самогенерировать по стреле времени» [2, с. 20]. Через призму интертекста мир предстаёт как огромный Текст (Ж. Деррида: «мир есть текст»), который превращается в «эхокамеру» (Р. Барт), «мозаику цитат» (Ю. Кристева), «палимпсест» (Ж. Женетт), где каждое новое высказывание пишется на основе предыдущих. Следовательно, все создаваемые тексты имеют, с одной стороны, единый претекст (литературная традиция, культурный контекст), а с другой стороны, сами являются интертекстами. [2, с. 13].

Существует несколько классификаций типов интертекстуальных отношений. Наиболее известная типология интертекстуальных отношений, представлена в трудах французского лингвиста — классика в исследовании интертекстуальности Ж. Женнета, который утверждает, что интертекстуальность является структурным компонентом другого, более широкого понятия, транстекстуальности. Транстекстуальность выступает как связующий элемент между пятью типами межтекстовых отношений. Первый тип — архитектстуальность, — представляющий собой систему отношений, в которые данный конкретный текст вступает с текстами родовой категории, к которой он собственно и относится. Второй тип называется паратекстуальность. Это отношение данного текста к иллюстрациям, сделанным к тексту, а также к эпиграфу или предисловию. Третий тип — метатекстуальность. Данный тип представляет собой некоторый комментарий или ссылку с элементами критики на претекст данного текста. Гипертекстуальность определяет отношения между любым последующим текстом с текстом предыдущим. Интертекстуальность является в данном случае последним, пятым типом. Она выражает отношения сопутствия между двумя или несколькими текстами. Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что Ж. Женнет понимает интертекстуальность как любое включение в текст, обособленное кавычками, с указанием источника цитирования или без него [9, с. 7-12].

Типология, предложенная Н.А. Фатеевой, в работе «Интертекст в мире текстов: контрапункт интертекстуальности» является попыткой совместить общие принципы межтекстовых взаимодействий с элементами, служа-

щими для их реализации. Данная типология имеет следующую структуру: собственно интертекстуальность, образующая конструкции «текст в тексте» (цитаты, аллюзии и центонные тексты), паратекстуальность, или отношение текста к своему заглавию, эпиграфу, послесловию (цитаты — заглавия и эпиграфы), метатекстуальность как пересказ и комментирующая ссылка на претекст (интертекст — пересказ. вариации на тему претекста, дописывание «чужого» текста и языковая игра с претекстами), гипертекстуальность как осмеяние или пародирование одним текстом другого и архитектстуальность, понимаемая как жанровая связь текстов [7, с. 121]. В основе предлагаемой ею классификации лежат основные классы интертекстуальных отношений, отмеченные Ж. Женеттом, а принципы, предложенные П.Х. Торопом (выделение способов и уровней примыкания) [6, с. 33–44.], становятся точкой отсчета для таких категорий, как атрибутированность/неатрибутированность заимствованного текста или его части, явный или скрытый характер атрибуции, способ и объем представления исходного текста в тексте-реципиенте. Н.А. Фатеева принимает во внимание и предлагаемое И.П. Смирновым разграничение конструктивной и реконструктивной интертекстуальности [4, с. 20].

В.П. Москвин в работе «Интертекстуальность: понятийный аппарат: фигуры, жанры, стили» интертекстуальные взаимодействия называет фигурами интертекста. Под

интертекстом понимаются такие фигуры, как цитирование, афоризм, текстовая аппликация, текстовая аллюзия, парафраз и травестирование, имитация авторского стиля [3, с. 78-150].

Интертекстуальные элементы в художественном тексте являются теми единицами, которые помогают выразить информацию произведения, указывая, тем самым, на заключенный в нем художественный смысл. Интертекстуальные элементы в художественном произведении призваны выполнять различные функции из классической модели функций языка, предложенной Р. Якобсоном в 1960 году: экспрессивную, аппеллятивную, поэтическую, референтивную и метатекстовую функции, а также являются носителями информации находящейся в подтексте произведения и способствуют актуализации главной функции художественного текста — эстетической. [8, Элестронный ресурс].

Творчество Шекспира отличается огромным охватом и насыщенностью. В его пьесах нашло свое отражение чрезвычайное разнообразие типов, положений, эпох, народов, общественной среды. Это богатство фантазии, как и стремительность действия, сгущенность и энергия изображаемых страстей и мыслей, типичны для эпохи Возрождения, но у Шекспира они достигают особенной полноты и, в то же время, гармонии. [5, Элестронный ресурс].

В комедии Шекспира «Венецианский купец» (1596) основной разновидностью интертекстуальных отно-

шений выступает гипертекстуальность, т.е. влияние трагедии Марло «Мальтийский еврей» (1589) на пьесу Шекспира.

Средством выражения гипертекстуальности в данных произведениях служат, прежде всего, сюжетные мотивы и образы. В пьесе Кристофера Марло «Мальтийский еврей» мы имеем дело с ярко выраженным сюжетом о еврейском купце Барабасе, нашедшим отражение в пьесе Уильяма Шекспира «Венецианский купец» в ростовщике Шейлоке. Образы обоих героев и их характеры похожи, поскольку и Барабас, и Шейлок имеют дело с деньгами, Шейлок в качестве кредитора, а Барабас, как купец. Они имеют доли в судах, которые находятся в море, Шейлок через деньги, которые он одалживает Бассанио, а Барабас через его собственные акции на судах. Оба автора, описывая главных героев — евреев исходят из стереотипов того времени, поэтому

и Барабас и Шейлок являются средоточием всех негативных качеств: ненависть, злоба и презрение к не-евреям, скупость и расчетливость как смысл жизни, полное отсутствие благородных порывов. Оба героя ощущают гонения и притеснения евреев христианами и жаждут мести. Оба героя любят свои деньги больше, чем что-либо в мире, даже больше своих собственных дочерей.

Когда Джессика убегает с христианином Лоренцо, Шейлока больше волнует, что она прихватила с собой сокровища, нежели тот факт, что он потерял дочь. Поэтому, когда Шейлок узнает, что Джессика забрала сокровища он рыдает. Аналогичным образом Барабас больше всего заботится о своих деньгах, чем о своей дочери, заставляя ее стать монахиней, чтобы извлечь часть своего состояния от его старого дома. Он несказанно счастлив, когда его дочь возвращается с деньгами и рыдает:

«Венецианский купец»	«Мальтийский еврей»
«SHYLOCK ... I never felt it till now: <u>two thousand ducats</u> in that; and other <u>precious, precious jewels</u> . I would <u>my daughter</u> <u>were dead at my foot, and the jewels in her ear!</u> would she were hearsed at my foot, <u>and the ducats in</u> <u>her coffin!</u> » [Shakespeare: The Merchant of Venice. III. 1]	«BARABAS Oh my girl, / <u>my gold, my fortune, my felicity</u> / ... Oh girl, <u>oh gold, oh beauty, oh my bliss</u> ». [Marlowe: The Jew of Malta. II. 1]

Несмотря на то, что он рад видеть свою дочь, более важным для него оказывается все-таки золото. «О золото мое, о жизнь, о счастье,» может относиться как к любви по отношению к своей дочери, так и к его деньгам, хотя для его персонажа больше подходит любовь к деньгам. Барабас жертвует Авигеей во второй раз, когда он использует ее красоту, чтобы заставить двоих человек убить друг друга, чтобы отомстить Фарнезе, который принудил его сдать свои деньги и дом.

В своей пьесе Марло изображает чрезмерно жадного и хладнокровного еврея, по сравнению с которым Шейлок у Шекспира изображается как человек, а не как убийца. Он настаивает на том, что евреи и христиане разделяют общие человеческие качества, несмотря на то, что на него

плевали, пинали, и осуждали за то, что он другой. Шекспир, являясь величайшим драматургом всех времен, выбрал пьесу Марло как основу своей пьесы для того, чтобы опровергнуть жестокость пьесы Марло, и добиться социальной справедливости. Поэтому Шекспир назвал свою пьесу комедией.

И у Барабаса, и у Шейлока есть дочь. Сходные черты между Джессикой и Авигеей проявляются в том, что обе героини религиозны и романтичны одновременно, они стремятся к счастью, рвутся на волю. Их романтические порывы находят выход, и они страстно влюбляются в молодого христианина (Джессика — Лоренцо, Авигея-Матиас), в котором они ищут спасение и освобождение:

«Венецианский купец»	«Мальтийский еврей»
«JESSICA I am not to his manners. O Lorenzo, If thou keep promise, I shall end this strife, <u>Become a Christian and thy loving wife</u> ». [Shakespeare: The Merchant of Venice. II. 3]	«ABIGAIL Know, holy sir, I am bold to <u>solicit thee</u> . JACOMO. Wherein? ABIGAIL. <u>To get me be admitted for a nun</u> ». [Marlowe: The Jew of Malta. III]

Принципиально сходны и конфликты, лежащие в основе произведений: сюжеты пьес построены на столкновении двух религий — христианской и иудейской. В «Венецианском Купце», место действия — Италия, в «Мальтийском еврее», место действия — Мальта в конце 16-го века, когда евреи рассматриваются как денежные укрыватели, которых после смерти ждет ад, по-

тому что они не верят, что Христос это Мессия. Евреи, в свою очередь, считают христиан лицемерами.

Высказывания Барабаса о несправедливости и подлости по отношению к нему христиан, предвосхищают знаменитый монолог Шейлока о равенстве людей независимо от их вероисповедания:

«Венецианский купец»	«Мальтийский еврей»
<p>«SHYLOCK He hath disgraced me, and <u>hindered me half a million; laughed at my losses,</u> mocked at my gains, scorned my nation, <u>thwarted my</u> <u>bargains</u>, cooled my friends, heated mine enemies; and what's his reason? <u>I am a Jew. Hath</u> <u>not a Jew eyes? hath not a Jew hands, organs,</u> <u>dimensions, senses, affections, passions?</u> ...and if you wrong us, shall we not revenge? If we are like you in the rest, we will resemble you in that. <u>If a Jew wrong a Christian,</u> what is his humility? Revenge. <u>If a Christian</u> <u>wrong a Jew</u>, what should his sufferance be by Christian example? Why, revenge. <u>The villany you</u> <u>teach me, I will execute, and it shall go hard but I</u> <u>will better the instruction</u>». [Shakespeare: The Merchant of Venice. III. 1]</p>	<p>«BARABAS O earth-mettled villains, and <u>no Hebrews born!</u> And will you basely thus submit yourselves <u>To leave your goods to their arbitrement?</u> Will you then steale my goods <u>Is theft the ground of your Religion?</u> What? bring you Scripture to confirm your wrongs? <u>Preach me not out of my possessions.</u> Some Jewes are wicked, as all Christians are: But say the Tribe that I descended of Were all in generall <u>cast away for sinne,</u> <u>Shall I be tryed by their transgression?</u> <u>The man that dealeth righteously shall live:</u> <u>And which of you can charge me otherwise?</u>» [Marlowe: The Jew of Malta. I. 1]</p>

Шекспир развивает сюжетные линии пьесы Марло «Мальтийский Еврей», написанной несколько лет назад, и повествует о еврейском ростовщике английской публике, оперируя культурными и историческими событиями своей эпохи. Дело в том, что в Англии 16 века официально практически не было евреев, потому что они были изгнаны в 1290 году указом об изгнании. Некоторые исследования показывают, что насчитывалось менее 200 евреев в елизаветинской Англии (всего около 100 были определены историками). Большинство из этих евреев были практикующие христиане, но многие из них, вероятно, были марраны (евреи, которые практиковали свою религию тайно). Евреи были популярным объектом ненависти в шекспировской Англии в значительной степени из-за суда над придворным врачом королевы Елизаветы, португальским евреем (и марраном) Родриго Лопесом. В 1594 Лопес был осужден в заговоре с целью отравить королеву Елизавету I и был казнен как предатель — то есть был повешен перед толпой мстительных зрителей. Судебный процесс Лопеса вдохновил Шекспира на возрождение пьесы Кристофера Марло «Мальтийский Еврей» (1589), в котором главный персонаж — еврей по имени Барабас, жадный, хитрый, и хладнокровно-жестокий. Другими словами, Барабас отвечал всем требованиям «основных» еврейских качеств, которые елизаветинские театралы того времени презирали.

Вышеизложенное, таким образом, дает нам право утверждать, что в пьесе «Венецианский купец» реализуется система интертекстуальных отношений, путем заимствования сюжетных линий пьесы К. Марло «Мальтийский Еврей», что было продиктовано культурным контекстом елизаветинской эпохи в истории Англии, а также конкретным историческим событием — судебным процессом и последующей казнью (1594 г.) придворного врача королевы Елизаветы, португальского еврея (и маррана) Родриго Лопеса. Безусловно, на содержание пьесы Шекспира оказала влияние пьеса Марло, откуда

он взял мотив и краски для обрисовки характера Шейлока и мотив любви дочери жестокого еврея к христианину (Джессика — Лоренцо). Наряду с этим необходимо отметить, что в пьесе Шекспира «Венецианский купец» и в пьесе Марло «Мальтийский Еврей» совпадают конфликт столкновения христианской и иудейской религий, проблема антисиметизма, которые создают драматическую коллизию, определяют сюжет и тональность произведения. В пьесе Марло еврей Барабас враждует с губернатором христианином и его рыцарями, схожим образом, в пьесе Шекспира изображается конфликт еврея-ростовщика Шейлока с купцом христианином Антонио и его друзьями.

Шекспир заимствовал элементы, сюжетные линии и образы Марло, при этом искусно создавая новую, прекрасную по живописности и неповторимости лирическую картину. Мастерство Шекспира заключалось именно в добавлении чего-то нового, что способствовало совершенно иному пониманию того или иного вопроса. Каждый герой пьесы «Венецианский купец» многогранен и раскрывает свои качества в течении пьесы: Порция смиренная, но своенравная, Антонио готов пожертвовать собой, но одновременно ощущает жалость к самому себе, и Шейлок — жестокий, и вместе с тем сам является жертвой большой жестокости. В пьесе прослеживаются темы великодушия, самоотверженности и настоящей дружбы, которые объединяют Антонио, Бассанио, Порцию, Нериссу, Джессику; и темы алчности, ненависти, униженного положения, расчетливости как смысла жизни, полного отсутствия благородных порывов, которые ярко раскрываются в образе скупого ростовщика Шейлока.

Комедия «Венецианский купец» передает атмосферу венецианской жизни эпохи — объединение в ней кипучей деловой деятельности, жажды наживы с праздничным духом, весельем, радужным настроением и жаждой наслаждений. Язык шекспировской комедии

«Венецианский купец» не смотря на заимствования, отличается необыкновенным богатством и красочностью. Радость жизни, прославление здорового, сильного, от-

важного, ярко чувствующего, смело думающего героя — вот основное в комедии У. Шекспира «Венецианский купец».

Литература:

1. Кристева, Ю. Бахтин, слово, диалог и роман/Ю. Кристева // Избранные труды: Разрушение поэтики. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. — 656 с.
2. Кузьмина, Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка/Н. А. Кузьмина; науч. ред. Н. А. Купина. — Изд. 2-е, стер. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 267 с.
3. Москвин, В. П. Интертекстуальность: понятийный аппарат: фигуры, жанры, стили — М.: URSS, 2011. — 164 с.
4. Смирнов, И. П. Порождение интертекста: Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б. Л. Пастернака/И. П. Смирнов. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. — 193 с.
5. Смирнов, А. А. Творчество Шекспира. Вильям Шекспир. Избранные произведения [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://lib.ru/SHAKESPEARE/shks_smirnov1.txt_with-big-pictures.html
6. Тороп, П. Х. Проблема интертекста [Текст]/П. Х. Тороп // Текст в тексте: тр. по знаковым системам XIV. — Тарту: Изд-во ТГУ, 1981. — Вып. 567. — с. 33–44.
7. Фатеева, Н. А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов [Текст]/Н. А. Фатеева. — М.: Агар, 2000. — 282 с.
8. Универсальная научно-популярная онлайн-энциклопедия Кругосвет [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/INTERTEKSTUALNOST.html
9. Genette, G. Palimpsests: Literature in the Second Degree/G. Genette. — paris: editions du Seuil, 1982. — 490 с.

Милосердие и справедливость в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»

Малкова Татьяна Юрьевна, кандидат филологических наук, учитель русского языка и литературы
ГБОУ СОШ №1084 (г. Москва)

«...так кто ж ты, наконец? — Я — часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо» [4: 384].

В романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» изначально, в эпиграфе из «Фауста», задаётся такая система мышления, при которой однозначность оценок, отделение одного качества от другого так же неуместны, как и членение реальности на дискретные, исторически сменяющие друг друга события. Высокое и низкое, пафос и насмешка оказываются неотделимы друг от друга. Одни состояния переливаются в другие, перераспределяются в самых различных сочетаниях так же, как и сам мир, о котором повествуется.

Добро и зло, свет и тьма в романе изначально присущи миру, составляя его естество, практически равновелики и взаимосвязаны. Эта позиция выражена в словах Воланда: «Что делало бы твоё добро, если бы не существовало зла» [4: 716].

В 29 главе романа Иешуа обращается с просьбой к Воланду. Но в ранних редакциях Булгаков делал Воланда подчинённым Иешуа, от которого сатана получал распоряжение: ему велено было унести главных героев из Москвы.

Такая трактовка взаимоотношений, при которой Воланд оказывался в подчинённом положении, впослед-

ствии была отвергнута Булгаковым. Поэтому в поздних редакциях романа появляется слово «просит», чрезвычайно значимое в данном тексте. Воланд и Иешуа одинаково всеильны. Отсюда и возникает принципиальная для автора формулировка «просьбы», адресованной равному.

Таким образом, в финале романа перед нами возникают два вершителя, две силы, решающие судьбу мастера и его подруги.

Дуалистическая концепция добра и зла, света и тьмы, их равновесия, составляющая булгаковскую концепцию Вселенной, закономерно вызывает у исследователей (И. Ф. Бэлза, И. Л. Галинская, А. В. Минаков) ассоциации с учениями богомилов, катаров, альбигойцев. В этом плане можно также вспомнить апокрифическое Евангелие от Филиппа: «Свет и тьма, жизнь и смерть, правое и левое — братья друг другу. Их нельзя отделить друг от друга» [2: 33].

Дуалистический принцип, положенный в основу романа, выразился в концепции «разделения ведомств»: «Каждое ведомство должно заниматься своими делами» [4: 644], — произносит Воланд. При этом необхо-

димо заметить, что это не ведомства Добра и Зла, а «Царство света» и «Царство тьмы». И мы согласны с мнением М.И. Андреевской, определившей их функциональное разграничение. Владыкой «Царства света» оказывается Иешуа, и функцией этого ведомства — Милосердие. А ведомство Воланда вершит Справедливость, потому что фейерверк «наказующего зла», которым владеет и играет Сатана, — это неизбежное следствие принципа обходиться с каждым по заслугам.

Толковый словарь Ушакова определяет справедливость как беспристрастие. Носителем и воплощением идеи беспристрастного судьи выступает Воланд. Сказав это, мы, разумеется, никакого открытия не сделали. Данная тема лежит на поверхности романной структуры, и многие исследователи (Г. А. Лесскис, И. Ф. Бэлза, А. Маргулев, А. Барков, М. И. Андриевская, П. Андреев) не преминули сказать об этом. В своём докладе мы бы хотели показать, как справедливое воздаяние оказывается неразрывно связано с милосердием на уровне мотивной структуры романа и в том числе в образе Воланда.

Каждому по его вере — это ли не есть высшая справедливость? Воланд наказывает или награждает, определяя соразмерность причины и следствия. Возмездие за зло выступает неотъемлемой частью закона справедливости.

В романе ставится вопрос о типологии зла, который Булгаков пытается осмыслить разнообразными способами — от гротескно-юмористических сцен с озорным котом до разветвлённой системы «преступлений» разных персонажей и следующих за ним «наказаний».

В ершалаимской линии повествования воплощением земного зла является Пилат. Как известно, первые редакции романа (1929–1933 гг.) строились без Мастера. В центре находился рассказ Воланда о Пилате и Иешуа («Евангелие Воланда»). То есть основной нравственной проблемой романа должна была стать проблема Пилата с его комплексом личной вины. С мотивом преступления и справедливого наказания оказывается связан мотив совести, ответственности за принятое решение. Пилат пошёл против себя, своей совести. «Самый страшный порок», трусость, руководил им. Он увидел в подсудимом свет истины и, потеряв его, дав свершиться преступлению, мучается. Двенадцать тысяч лун не знает он покоя, осознавая непоправимость содеянного. И это чувство вины, не дающее покоя ни днём, ни ночью, становится его наказанием.

В московском же мире зло чрезвычайно разнообразно. В этой связи уместно привести суждение И. Белобровцевой, отметившей, что сценой на Патриарших открывается целая серия самых разнообразных преступлений (от вранья по телефону до доноса) и последовавших наказаний, «выводя на уровень поверхностной структуры текста важнейший мотив романа... мотив преступления и наказания» [3: 221]. При соприкосновении с нечистой силой выходит наружу бытовое зло, мелкое, и вследствие этого незаметное. Героев, алчных, жадных, трусливых, на страницах романа встречается немало. Тут и предсе-

датель жилтоварищества Никанор Иванович Босой, берущий взятки легко и изящно, и распутный пьяница Степа Лиходеев, и киевский дядюшка умершего Берлиоза, поражающий своей цепкостью в желании завладеть квартирой племянника, и Варенуха, и Римский, и Семплеяров, и посетители Варьете. Все они так или иначе наказаны: деньги превращаются в этикетки, дамские наряды просто исчезают, всплывает адюльтер Семплеярова, до смерти напугана жадная Аннушка, Варенуха превращается в «отца-благодетеля» контрамарочников и т. д.

И совсем иное зло являют собой представители литературной элиты. Внезапная встреча с нечистой силой выворачивает наизнанку всех этих латунских, ариманов, берлиозов. Сам Булгаков называл Союз писателей «Союзом профессиональных убийц» [15: 394], что вполне соотносится с отношением московских литераторов к мастеру. Множество деталей участвует в описании сатанинского мира московских литераторов. Это мир, по словам И. Белобровцевой, «самодовольный и фальшивый, мир попрания духа и стремления к материальным ценностям, борьбы за квартиры и дачи» [3: 234]. И возмездие за совершённое зло совсем иного рода: уходит в небытие Берлиоз, горит адским пламенем дом Грибоедова, воплощение социально-бытового бесовства и знак Москвы вообще.

Верша справедливый суд на земле, Воланд осуществляет как акты возмездия за «конкретное» зло, так и акты воздаяния, творя, таким образом, отсутствующий в земном бытии нравственный закон. Истинное творчество, не идущее на компромиссы и сделку с совестью, настоящая любовь и преданность достойны награды. Конечно, в отношении того, является ли вечный приют и покой для художника наградой, исследователи не сошлись в едином мнении. Да и сам приют находится в ведомстве Воланда, собственно говоря, в аду. В связи с этим необходимо заметить, что с образом мастера связан мотив ответственности и вины творческой личности, которая искусственно изолирует себя от обступающих извне проблем, чтобы получить возможность работать, реализовать свой творческий потенциал (Б. М. Гаспаров). Мотив личной вины, связанный с образом Пилата, сменяется мотивом вины художника, совершившего сделку с сатаной. Поэтому именно Мастер отпускает Пилата, объявляет его свободным — а сам остается в «вечном приюте». Человек, молча давший совершиться у себя на глазах убийству, вытесняется художником, молча смотрящим на все совершающееся вокруг него из «прекрасного далёка». Пилат уступает место Мастеру. Вина последнего менее осязательна и конкретна, она не мучает, не подступает постоянно навязчивыми снами, но это вина более общая и необратимая — вечная

Однако в вещем сне Бездомного Маргарита «отступает и уходит со своим спутником к луне», в локус Иешуа. Значит, они всё-таки заслужили «свет»? Булгаков, оставляя текст разомкнутым, в полном соответствии с традицией мифа расширяет поле возможных интерпретаций.

Вера в торжество правосудия звучит в словах Воланда: «Всё будет правильно, на этом построен мир» [4: 735]. И. Ф. Бэлза рассматривает данный тезис в двух аспектах — прежде всего как «утверждение закономерностей всего происходящего в мире и как неизбежность этических критериев. Утверждение второго аспекта дано путём признания вины, требующего её безоговорочного осуждения и кары» [7:199]. В этом отношении концепция Булгакова ближе всего к дантовской. Концепция, на которой строит Данте своё произведение, основана на вере в справедливость. Надпись на вратах ада гласит: «Был правдою мой зодчий вдохновлён» [9:27]. Царство Люцифера утверждает принцип высшей справедливости, во имя которой, по точному замечанию И. Ф. Бэлзы, «собственно, и создан ад» [6: 103].

Булгаковский Воланд также творит суд, определяя меру и вид кары и чётко соблюдая функцию своего ведомства, к числу которых милосердие не принадлежит. На просьбу Маргариты сжалиться над Фридой Воланд, не скрывая своего раздражения, говорит: «Осталось, пожалуй, одно — обзавестись тряпками и заткнуть ими все щели моей спальни!» — и далее: «Я о милосердии говорю...» [4: 643]. Раздражается Воланд не против самого милосердия, а потому, что его просят сделать то, что не входит в дела его ведомства.

С точки зрения ведомства Справедливости, Фрида за своё деяние подлежит осуждению, несмотря ни на какие «смягчающие» обстоятельства:

«— А где же хозяин этого кафе? — спросила Маргарита.

— Королева, — вдруг заскрипел снизу кот, — разрешите мне спросить вас: при чём же здесь хозяин? Ведь не он же душил младенца в лесу!» [4: 629].

Это — дантовский принцип абсолютизации нарушения этических норм, чем бы оно (нарушение) ни было вызвано.

Чем же вызвано решение Маргариты спасти от мучений, вечных душевных терзаний Фриду? Ею руководит бескорыстное стремление помочь из чувства сострадания, а также нежелание обмануть человека, которому подала надежду. А это и есть милосердие самой высокой пробы, милосердие, не считающее себя добродетелью. За одно это Маргарита заслуживает счастья с любимым.

При этом, как верно указывает И. Белобровцева, читатель становится свидетелем того, что сам Воланд проявляет, казалось бы, несвойственные сатане снисходительность и милосердие. За ночь, проведённую в роли хозяйки бала, Маргарите обещано исполнение одного желания, заранее оговорённого в беседе с Азazelло. Договор нарушает неожиданная просьба героини смилостивиться над Фридой. Сатана не хочет ставить героиню, проявившую бескорыстие и милосердие, в двусмысленное положение человека, нарушающего условия договора. Ба-

лансируя на грани — соблюсти правило или нарушить его во имя милосердия — Воланд остаётся в рамках заданных условий. Он предоставляет помилование Фриды самой Маргарите, при этом исполняет и заранее оговорённое желание (извлекает мастера из клиники) и не выражённую словесно просьбу оставить Наташу ведьмой. Справедливость и Милосердие оказываются неразрывно связанными и представленными в данном случае в лице Воланда, «повелителя теней».

Но представить Милосердие как какое-то смягчённое добавление к Справедливости — значит уйти от существования большой духовной проблемы. Никакими силами Справедливости, даже если она захочет счесть двухтысячелетние муки Пилата искуплением, страданий Пилата снять нельзя, потому что поступок уже совершён. И прощение пятого прокуратора Иудеи — это акт Милосердия. Именно мотив прощения оказывается связующим звеном между Милосердием и Справедливостью.

Тема справедливого наказания в романе Михаила Булгакова оказывается связанной с важным мотивом — с возможностью искупления вины. И Фрида, и Пилат, испив отмеренную им чашу мучений, получают прощение. «Оплатил и закрыл свой счёт» [4:733] и фиолетовый рыцарь.

В написанном же мастером романе недостаёт христианского прощения. Сам Булгаков не был склонен к всепрощению, и его главный герой останавливал своё произведение, когда засыпал отомстивший за Иешуа и потому успокоившийся Пилат. Мастер ошибался, считая свой роман завершённым текстом. С точки зрения высшей справедливости, в нём не доставало решения сразу двух судеб: судьбы Пилата после завершения наказания и судьбы самого мастера, который должен научиться милосердию и прощению. Как же трудно оказалось герою, затравленному, загнанному, проявить милосердие! Мастер смог дописать свой роман лишь в потустороннем мире, за пределами земного существования. Булгаков последователен в своей дуалистической концепции: завершить творение мастера вдохновляет дьявол, сообщающий волю Иешуа. Возможно, именно в этот момент предвосхищается изменение судьбы главных героев: вопреки предсказанному Воландом пребыванию в вечном приюте, в эпилоге мы видим главных героев идущими по лунной дороге. Освободив Пилата от наказания, сумев простить и его, и своих гонителей, мастер и Маргарита в итоге заслужили «свет».

«Всё будет правильно, на этом построен мир» [4: 735], — говорит Воланд, намекая на то, что и сам он в конечном итоге должен вписываться в это построение. Вспомним также слова Иешуа о будущем царстве «истины и справедливости». И если истина и милосердие есть Бог, то воплощением справедливости в романе Булгакова является Воланд.

Литература:

1. Андреевская, М. И. О «Мастере и Маргарите» // Литературное обозрение. — № 5. — 1991.

2. Апокрифы древних христиан — СПб., 1994.
3. Белобровцева, И., Кульяс С. Роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». Комментарий. — М., 2007.
4. Булгаков, М. Мастер и Маргарита. // М. Булгаков. Романы. — М. 1987.
5. Булгаков, М. Неизвестный Булгаков. — М., 1993.
6. Бэлза, И. Il ben intelletto // Дантовские чтения. — М., 1985.
7. Бэлза, И. Генеалогия «Мастера и Маргариты» // Контекст 1978. — М., 1978.
8. Гаспаров, Б. М. Литературные лейтмотивы. Очерки русской литературы XX века. — М., 1994.
9. Данте, А. Божественная комедия. — М., 1982.
10. Кушлина, О., Смирнов Ю. Поэтика романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита». — Душанбе, 1987.
11. Лескис, Г. А. Комментарии к роману «Мастер и Маргарита» // М. Булгаков. Собр. соч. в 5 т. Т. 5. — М., 1990.
12. Соколов, Б. Тайны «Мастера и Маргариты». — М., 2006.
13. Соколов, Б. Энциклопедия булгаковская. — М., 1996.
14. Чудакова, М. О. Жизнеописание Михаила Булгакова. — М., 1988.
15. Чуковская, Л. К. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. — М., 1997.

Приемы гротеска в повести М.А. Булгакова «Похождения Чичикова»

Маломожнова Екатерина Сергеевна, студент
Башкирский государственный университет (г. Уфа)

Более ста лет назад Н.В. Гоголь написал свое бессмертное произведение — поэму «Мертвые души», в которой воссоздает «круги ада» российской помещичьей и чиновничьей действительности. Объединяющим звеном частей поэмы в единое целое становится образ Павла Ивановича Чичикова — типичного представителя своего поколения, в котором «обстоятельства» воспитывают «страсть к приобретению» [4]. Позднее, уже в XX веке, к образу Чичикова обращается другой русский писатель — М.А. Булгаков. В своей повести «Похождения Чичикова» он рисует картину неустроенного быта России, в которую «двинулась ватага» [1: 168] из мертвого царства продажных чиновников и лицемерных помещиков.

Повесть «Похождения Чичикова» тесно связана с поэмой Н.В. Гоголя: М.А. Булгаков выводит на ее страницах персонажей гоголевских произведений («Мертвых Душ», «Ревизора», «Женитьбы»), использует прием реминисценции («Какой же русский не любит быстрой езды?!» [1: 176], «Мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет» [1: 170]), во главу своего произведения ставит цитату из «Мертвых душ». От Н.В. Гоголя наследует М.А. Булгаков и прием гротескного изображения действительности.

В повести «Похождения Чичикова» гротеск, как и в поэме Н.В. Гоголя, тесно связан с бытийными, остросоциальными проблемами. М.А. Булгаков высмеивает конкретные бытовые реалии России 1920-х годов: мошенничество, бюрократизм, взяточничество, приспособленчество, духовное и душевное онемение. Как пишет в своей статье «Жанровое своеобразие сатирических повестей М. Булгакова» Е. Глушко, «гротескный мир произведения является многослойной пародией на советское общество и систему отношений в нем» [2].

К повести «Похождения Чичикова» подан подзаголовок «Поэма в десяти пунктах с прологом и эпилогом», отсылающий к жанровому определению Н.В. Гоголем своего произведения как поэмы. И действительно, в «Мертвых душах» сильно поэтическое, лирическое начало, создаваемое многочисленными авторскими отступлениями, в которых Н.В. Гоголь вспоминает о своем детстве, дает оценку характеру и поведению собственных героев, рассуждает о судьбе России и русского народа. Однако, в «поэме» М.А. Булгакова лирические отступления отсутствуют; подробное описание персонажей и авторские комментарии происходящих событий практически исключены из текста. «Похождения Чичикова» отличаются стремительным развитием сюжета, но «именно авторское начало направляет все эти быстрые перипетии» [2]. Лирическое в «Похождениях Чичикова» создается благодаря игре автора с образами и мотивами классической литературы, которые он продолжает развивать в своей повести.

В качестве эпиграфа к «Похождениям Чичикова» М.А. Булгаков использует отрывок из поэмы Н.В. Гоголя без прямого указания на это произведение: «— Держи, держи, дурак! — кричал Чичиков Селифану. — Вот я тебя палашом! — кричал скакавший навстречу фельдъегерь, с усами в аршин. — Не видишь, леший дери твою душу, казенный экипаж» [1: 168]. Эпиграф призван вызвать читательские ассоциации с поэмой Н.В. Гоголя, дать намек на начало новой авантюры, связанной с образом Чичикова. Кроме того, эпиграф также создает свойственный гротеску контраст воображаемого, абсурдного с реальной действительностью, с бедами самого автора, нуждающегося в брюках, сахаре, лампе [1: 179].

Пролог и эпилог, повествующие о «дикивинном сне» автора, позволяют разграничить действительный и мнимый планы повести М. А. Булгакова.

Уже в начале повести писатель использует прием перевода «неправдоподобного в план правдоподобия» [3]: пришедшее к автору сновидение делает все события в повести правдоподобными, так как во сне возможно все. Именно во сне персонажи разных гоголевских произведений могут не только ожить, но и встретиться, как старые знакомые. Оживают герои гоголевских «Мертвых душ» Чичиков, Петрушка, Собакевич, Коробочка, Ноздрев и другие; странным образом их жизни пересекаются с Хлестаковым и Подколесиным — героями гоголевских пьес «Женитьба» и «Ревизор». «Продлевая жизнь» данным персонажам, М. А. Булгаков не только поселяет их в НЭПовскую Россию, но и наделяет их чертами современных ему людей — героев «нового времени» — амбициозных, лицемерных, стремящихся к личной выгоде и достатку, «непривередливых» в выборе средств для достижения цели.

Благодаря «сновиденческой фантазмагории» [3] гоголевские герои появляются в России НЭПовского периода и обретают род занятий, близкий их характеру: кучер Селифан становится шофером на государственной службе; лакей Петрушка — курьером; Собакевич властвует в отделе выдачи пайков; Ноздрев по-прежнему проигрывается и завирается. Сохраняется и история с псевдотурецким кинжалом, на котором стоит подпись русского мастера; однако, М. А. Булгаков гиперболизирует эту ситуацию: в его повести Ноздрев не просто похваляется своим турецким оружием, а собирается поставить их целую партию англичанам.

Гиперболизируется, «развивается» и образ главного действующего лица, объединяющего собой все части повести М. А. Булгакова — Павла Ивановича Чичикова, «гоголевского персонажа, занимающегося до революции скупкой мертвых душ» [1: 175]. Обладающий «необыкновенным поэтическим даром в вымысле средства к приобретению» [4], Чичиков органично «вливается» в советскую действительность 1920-х годов. Талант Чичикова, скупающего ранее за бесценок якобы никому не нужные «мертвые души» для достижения богатства, оказывается как нельзя кстати в условиях оживающего российского капитализма, позволяющего «делать деньги из ничего». Вся его деятельность на страницах булгаковской повести пронизана авантюрами. Называя настоящие имя и фамилию, Чичиков, тем не менее, свою анкету заполняет уклончиво, стремясь оставить минимальные сведения о себе: «К какой партии принадлежит? Сочувствующий (а кому — неизвестно). Был ли под судом? Волнистый зигзаг. Адрес? Поворотя во двор, в третьем

этаже направо, спросить в справочном бюро штаб-офицершу Подточину, а та знает» [1: 175]. Однако, подавая заполненный бланк регистраторше, Павел Иванович боится своего разоблачения («Дрогнула только у него рука, когда подавал ее» [1: 169]), но анкета его оказывается никому не нужной: «никто анкету не читал <...> попала она в руки к барышне-регистраторше, которая распорядилась ею по обычаю: провела вместо входящего по исходящему и затем немедленно ее куда-то засунула, так что анкета как в воду канула» [1: 169]. И именно в этот момент Чичиков понимает, что свободен в своих действиях, что именно в нэповском капитализме его талант может раскрыться в полную силу. Вся деятельность Чичикова пронизана гротеском и преувеличением: он выбивает пайки на себя, на жену и ребенка, «на Селифана, на Петрушку, на того самого дядю, о котором Бетрищеву рассказывал, на старуху мать, которой на свете не было» [1: 170], продукты ему доставляют на грузовике; ради доставки кружев за границу он перевозит баранов в двойных тулупах, бриллианты он прячет в колеса, уши и «невесть в каких местах» [1: 171], совершает масштабные покупки недвижимости (продает Коробочке Манеж в Москве) и др.

Сатирическим приемом является и упоминание самим Чичиковым имени своего создателя: «Чичиков ругательно ругал Гоголя: — Чтоб ему набежало, дьявольскому сыну, под обоими глазами по пузырьку в копну величиною! Испакостил, изгадил репутацию так, что некуда носа показать. <...> А все Гоголь, чтоб ни ему, ни его родне...» [1: 168]; и возвращение в тот самый город, из которого его однажды вынудили уехать.

Гротескным приемом становится и вторжение самого автора-повествователя в происходящие в повести события. Он самолично исправляет «несправедливость», карает виновных, поворачивает сюжет и фабулу повести в нужную ему сторону [3]. Благодаря его «бурной» деятельности продажные чиновники, канцеляристы и бюрократы нэповской России оказываются наказаны. Наказан и «главный» мошенник Чичиков, которому предпринимательские способности, описанные Н. В. Гоголем, в повести М. А. Булгакова позволяют стать «трильонщиком» [1: 173]. Использование гротескного приема сновидения делает возможным и абсурдное «врезание» Чичикова и обнаружение бриллиантов у него в животе.

Абсурд, смешение реального и вымышленного планов, частотные реминисценции, «воскрешение» гоголевских персонажей создают гротескную картину повести М. А. Булгакова «Похождения Чичикова», сатирически изображающей российскую действительность НЭПа, которая обесценивает человеческие отношения и нравственные идеалы, которая «умертвляет» душу человека.

Литература:

1. Булгаков, М. А. Похождения Чичикова // Булгаков М. А. Собрание сочинений в 10 т. Т. 1. Дьяволиада. — М.: Голос, 1995.

2. Глушко, Е. Жанровое своеобразие сатирических повестей М. А. Булгакова. Электронный доступ: <http://www.info-library.com.ua/libs/stattya/788-zhanrova-svoeridnist-satirichnih-povistej-m-bulgakova.html>
3. Петриашвили, О. Гротеск в русской литературе XX ВЕКА. Автореферат диссертации. Электронный доступ: <http://rusfilologia.narod.ru/referat.htm>
4. Шевырёв, С. П. Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Статья первая. Электронный доступ: <http://www.licey.net/lit/crit19/chichikov1>.

Проблема двойственности главного героя повести А. Камю «Падение»

Петросян Мерри Мгеровна, магистрант

Башкирский государственный университет (г. Уфа)

Вопросы творчества Альбера Камю наиболее плодотворно разработаны в таких работах отечественных литературоведов, как «Грани несчастного сознания» и «В поисках утраченного смысла» С. И. Великовского, «Нравственные ценности в философии Альбера Камю» И. Б. Сазеевой, «Феноменология абсурдного в творчестве А. Камю» Л. М. Спину, «Мысли о А. Камю» В. В. Ерофеева, а также книга Е. П. Кушкина «Альбер Камю. Ранние годы». Благодаря им исследованы такие проблемы, как «нравственные ценности философии Камю», «феноменология абсурда в творчестве Камю», «проблема свободы в философии Камю».

Объектом нашего анализа является последняя завершённая работа Альбера Камю — повесть «Падение», написанная в 1956 г. Отечественные учёные С. И. Великовский и В. В. Ерофеев проанализировали текст повести в общем, не останавливаясь на деталях. Целью нашего исследования является попытка решения проблемы двойственности главного героя повести — Жан-Батист Кламаса.

Для начала, обозначим некоторые необходимые определения. Экзистенциализм — философское направление середины XX в., которое выдвигает на первый план абсолютную уникальность человеческого бытия, поднимает проблемы смысла жизни, отношения человека к смерти и абсурдности бытия.

Согласно философии экзистенциализма, чтобы осознать себя как «экзистенцию», человек должен оказаться в «пограничной ситуации» — например, перед лицом смерти. И осознание человеком своей собственной смертности и несовершенства является для экзистенциалистов самым глубоким знанием о природе человека.

Именно осознание главного героя, Жан-Батиста Кламаса, своего несовершенства и несовершенства всех людей лежит в центре повествования. Об этом мы узнаём ещё с первых страниц повести, когда «судья на покаянии» говорит своему собеседнику:

«Вы заметили, что концентрические каналы Амстердама походят на круги ада? <...> Мы здесь в последнем кругу ада». [3, 387]

Уже в этом замечании прослеживаются библейские мотивы повести (что не свойственно представителям атеистического направления экзистенциализма). И если вспомнить, что в ад попадают за грехи, то название повести можно трактовать не просто как «падение» ценностей людских, и даже не то падение (самоубийство), свидетелем которого стал Кламаса, но и как грехопадение.

В повести множество библейских аллюзий. Так, имя главного героя переводе с французского — Иоанн Креститель. Согласно Евангелиям, он (Иоанн Креститель) — ближайший предшественник Иисуса Христа, предсказавший пришествие Мессии, крестил в водах реки Иордан Иисуса Христа, трижды окунув его в воду. Подобно евангельскому Иоанну Крестителю циничный пророк из Амстердама корчит из себя провозвестника близящегося всесветного рабства под пятой земных кесарей.

Впрочем, христианская символика прослеживается и в форме, которую избрал автор для повести — исповедь. Согласно словарю Ожегова, исповедь имеет два значения: 1. У христиан: признание в своих грехах перед священником, отпускающим грехи от имени церкви и Бога, церковное покаяние. 2. перен. Откровенное признание в чем-нибудь, рассказ о своих сокровенных мыслях, взглядах (книжн.) [5; 327]

Исповедь здесь выступает как особый феномен духовного бытия, без которого невозможно экзистенциальное самоопределение главного героя.

Несмотря на то, что вышеупомянутые исследователи говорят о монологе в связи с главным героем повести «Падение», нам бы хотелось остановиться на диалоге. Хотя, безусловно, говорит в повести лишь Жан-Батист Кламаса, однако этого требует форма исповеди. Кроме того, это диалог, потому что часто в речи самого Жана Батиста есть ответы на «не прописанные» вопросы собеседника:

«Что? Рассказать про тот вечер? Я дойду до него, потерпите немножко». [3; 397]

«А есть ли этому какое-нибудь оправдание? Откровенно говоря, есть...». [3; 426]

В связи с таким разногласием в трактовках возникает проблема коммуникации. Экзистенциалистская фило-

софия рассматривает коммуникацию как «заброшенность в мир». Такое понимание коммуникации объясняется развитием в XX в. такой системы нравов, как индивидуализм. Отношения, складывающиеся в условиях индивидуализма, организуют жизнь человека на принципах изоляции и самоизоляции, что порождает такое явление культуры, как некоммуникабельность. Некоммуникабельность есть распад всех социальных связей, крайняя форма взаимного отчуждения. В результате у индивидов возникает чувство одиночества, ощущение бессмысленности кратковременного и никому не нужного существования человека в мире. Такую ситуацию философы называли «кризисом коммуникации». Молчание — это тоже своего рода «кризис коммуникации». Однако молчание тоже является её (коммуникации) частью. Тем более, что исповедь и подразумевает роль пассивного собеседника, собеседника-слушателя. Говоря о монологе, мы исключаем слушателя. Тем не менее, слушатель является неотъемлемой частью исповеди. Для Жан-Батиста невозможна исповедь без «собеседника», ибо, по его же словам, он говорит о своих недостатках, судит себя, чтобы иметь право судить других, вызвать и других на исповедь.

Вместо предлагаемого термина «поток сознания», который используют рецензенты повести, мы выдвинем термин «исповедальное состояние сознания». Исповедальность — это интенция сознания, которая находит отражение в многоликости форм речевого общения.

Главный герой является обладателем двойственной натуры. И мотив двойственности красной нитью проходит через всю повесть. Впервые этот мотив возникает при упоминании главным героем двуликого бога Януса. Причём упоминает Жан-Батист его для объяснения своей натуры, или, как он говорит, «ярлыка».

Двойственность Кламанса проявляется во всём. В своей исповеди он признаётся, как любит помогать людям, но впоследствии выясняется, что помогает он из корысти, а не из добродетели — ему нравится чувство величия над людьми. Он откровенничает, что ликует, когда у кого-то случается беда:

«Один мой приятель, добродетельный христианин, признавался, что первое чувство, которое он испытывает при виде нищего, приближающегося к его дому, неудовольствие. Со мной дело обстояло хуже: я ликовал!». [3; 391]

Квинтэссенцией повести, на наш взгляд, является следующая фраза Жан-Батиста:

«Мне несколько не было жаль расставаться с отдаваемой вещью или с определённой суммой денег; наоборот, я всегда извлекал из этой филантропии некоторые радости, и далеко не самой маленькой из них было меланхолическая мысль о бесплодности моих даров и весьма вероятной неблагодарности, которая за ними воспоследует». [3; 391]

Двойственность героя проявляется также в том, что он приводит аналогии и сравнения из священного писания,

даёт собственную трактовку распятия Христа, считает, что счастье ему даровано свыше и т.д., но при этом он не верит в бога:

«Я чувствовал, что счастье, так сказать, дано мне неким высшим соизволением. Если я вам, что я человек абсолютно не верующий, вы ещё больше заметите необычайность такого убеждения». [3; 395]

Далее, рассказывая о своём друге, от которого он «чаще убежал», и явился к нему, лишь когда тот умер, Кламанс и сам высказывает мысль о двойственности людей вообще:

«Так уж скроен человек, дорогой мой, это двуликое существо...» [3; 396]

Показательным является также и то, что герой данной повести А. Камю уже не воплощает всех тех экзистенциальных идей, выразителями которых являлись герои раннего творчества писателя. Нельзя отрицать тот факт, что это могло произойти потому, что Камю в поздние годы творчества поставил под сомнение все те постулаты, которые ранее выдвигал, произошла, возможно, переоценка ценностей. Так, скажем, в повести «Посторонний» главный герой — Мерсо — является приверженцем свободы. Несмотря на то, что над ним вершат суд, он считает себя свободным духовно: свободным от мнения окружающих, свободным от собственной точки зрения на что бы там ни было (ему всё «всё равно») и даже свободным от своей жизни, ибо является он скорее её пассивным наблюдателем, нежели проживающим её. Жан-Батист же, напротив, является сам «вершителем судеб», так сказать, однако не ценителем свободы. Вот что говорит герой:

«Нельзя обойтись без господства и без рабства. Каждому человеку рабы нужны, как воздух. Ведь приказывать так же необходимо, как дышать». [3; 403]

И в этой фразе можно увидеть отголоски философии Раскольникова из «Преступления и наказания» Достоевского о делении людей на «тварей дрожащих» и «право имеющих».

Великовский также замечает «уход» Камю от философии экзистенциализма:

«Это горькие, во многом исповедальные книги (повесть «Падение» и сборник «Изгнание и царство»), внушенные подозрением в каком-то непоправимом просчете, заведшем его (Камю) туда, где ему смолodu менее всего хотелось бы очутиться». [1]

И этот «уход» от философии экзистенциализма, естественно, нашёл отражение в творчестве писателя, в частности в повести «Падение». Именно это, по нашему мнению, явилось причиной двойственности главного героя. Жан-Батист, отрицая существование Бога, тем не менее, то и дело прибегает к примерам из Библии, к прямой её цитации, также не зря автор «окрестил» его библейским именем. Таким образом, двойственность главного героя определяется его, так сказать, «пограничным» положением между экзистенциальной атеистической философией вседозволенности и религиозностью.

Литература:

1. Великовский, С. И Проклятые вопросы Камю <http://www.philology.ru/literature3/velikovsky-89.htm>
2. Ерофеев, В. В. Мысли о Камю <http://noblit.ru/node/1223>
3. Камю, А. Падение. Избранное. М., 1969, с. 379–462
4. Камю, А. Посторонний. Избранное. М., 1989, 464 с.
5. Ожегов, С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — 4-е изд. — М., 1997, 1992 с
6. Федотова, М. Г. Основы теории коммуникации. Омск, 2005, 58 с.

Мотив бездомности в лирике Николая Оцуа 1930-х годов

Сафонова Екатерина Анатольевна, аспирант
Томский государственный педагогический университет

Каждая культурно-историческая эпоха имеет свою духовную константу. Еврейский философ М. Бубер различал в истории человеческого духа эпохи обустроенности и бездомности: «В эпоху обустроенности человек живет во Вселенной как дома, в эпоху бездомности — как в диком поле, где и колышка для палатки не найти» [1, с. 165]. В XVI веке Карл Болвил провозгласил: «Этот мир не что иное, как наилучший дом человека». В XX веке человек остро ощутил незащищенность земного дома. В неуютном земном мире он не может найти пристанища. Состояние бездомности как нельзя лучше воспроизвели в своем творчестве писатели и поэты первой волны русской эмиграции, многие из которых лишились своего дома и навсегда покинули родину.

Николай Оцуп — петербургский поэт, ученик Н. Гумилева, входящий в третий «Цех поэтов» уехал из России в начале 1920-х годов. Поначалу он рассматривал эмиграцию как временное пристанище, однако в 1930-х годах поэт теряет всякую надежду на возвращение домой. 1930-е годы характеризуются экономическим и духовным кризисом эмиграции: это годы наступления «коричневой» угрозы. Одними из ведущих в лирике Оцуа 1930-х годов становятся мотивы бездомности и богооставленности.

Поэт не разделяет представления старшего поколения эмигрантов о родине как о потерянном райском уголке. Для него пространство родины и пространство эмиграции равно чужие: «Ни смерти, ни жизни, а только подобие/Того и другого — не только для тех,/Чье солнце — над Лениным, спящим во гробе/(То солнце уж слишком похоже на грех) ... // Но так ли уж ярко оно, иностранное,/Над садом у моря, над визгом детей.../И думать нельзя, и загадывать рано./Земля... Для чего оставаться на ней. // Под бурями века, под едкими ядами — /Всесветная осень, всемирный распад,/И лучшие люди особенным взглядом/Друг в друга, как в черную пропасть глядят» [2, с. 127].

Начало стихотворения Н. Оцуа совпадает со стихотворением В. Смоленского «Ни смерти, ни жизни, ни правды, ни лжи, ни людей./Лишь сны в поднебесье,

как стаи летят лебедей» [3, с. 343] (1930), что подтверждает общие настроения и ощущения поэтов, находящихся в эмиграции. Стихотворение Оцуа было написано в 1930 году по случаю окончания строительства в Москве Мавзолея для В. И. Ленина. Не случайно Ленин сравнивается с солнцем: замысел создания Мавзолея нес в себе элементы традиций Древнего Египта, в котором было принято бальзамировать фараонов, носивших титул «Сын Солнца».

Н. Оцуа и младоэмигрантов часто упрекали в аполитичности, но в этом стихотворении отчетливо выражено негативное отношение поэта к В. И. Ленину и Советской власти. Поэт полагал греховным разрушение моральных устоев и слом традиций и посчитал невозможным оставаться в России и жить, потеряв творческую свободу, однако надежды на свободную жизнь за границей (под свободой эмигранты понимали статус и признание) оказались иллюзорными. В стихотворении свободу и жизнь в эмиграции символизируют «солнце, море, дети», но их недостаточно, поэтому и появляются депрессивные мысли лирического субъекта о бессмысленности человеческого существования в любом уголке земли. В стихотворении часто используются многоточия, тире, скобки — знаки умолчания, передающие ощущение недосказанности мысли автора, возможности додумывания.

В период разрушительной истории человек находится в состоянии трагической растерянности и отчужденности. Предчувствие и предощущение разъятости мира порождает эсхатологические мотивы: земная жизнь воспринимается поэтом, как «бури века, едкие яды, всецветная осень, всемирный распад». Мироощущение Оцуа схоже с восприятием писателей, оставшихся в России. В. В. Розанов в книге «Опавшие листья» (1929) писал: «Как увядающие цветы люди. Осень — и ничего нет. Как страшно это «нет». Как страшна осень» [4, с. 110]. В лирике младоэмигрантов существование также ассоциировалось с осенним увяданием, разрушением и смертью. Ср. Н. Оцуп: «С деревьев листья осыпаются/И пролетают там и тут,/Друг к другу люди приближаются/И друг

от друга устает» [2, с. 144]. Г. Иванов: «Листья падали, падали, падали,/И никто им не мог помешать./От гниющих цветов, как от падали,/Тяжело становилось дышать» [3, с. 232]. Б. Божнев: «Подобно крысам с корабля,/Лист за листом, шурша угрюмо,/Бежит из твоего, земля,/Еще не тонущего трюма» [3, с. 462]. В эмигрантской поэзии образ осени семантически связан с торжеством забвения, завершением жизненного цикла. Например, в лирике А. Штейгера осень является самым грустным временем года, символизирующим безнадежность, усталость, чахотку (стихотворения «Осень», «Сентябрь», «Снова осень и сердце щемит»).

Часто поэты эмиграции пишут о своих болезнях и больницах. Неуютное больничное пространство описано и в стихотворении Оцуа: «Снег передвинулся и вниз/Сползает по наклонной жести,/Садится голубь на карниз/И дремлет на пригретом месте. // И капель тысячи горстей/Под ветром сыплются с ветвей... // Но этого всего с кровати/Не видно. Маятник стучит,/И мало воздуху в палате,/И умирающий хрипит» [2, с. 120]. Ср.: Г. Адамович: «Светало. Сиделка вздохнула./Потом себя осенила небрежным крестом/И отложила ненужные спицы./Прошел коридорный с дежурным врачом./Покорника вынесли из больницы...» [3, с. 165]. А. Штейгер: «Может быть, это лишь заколдованный круг/И он будет когда-нибудь расколдован./Ты проснешься, как все изменилось вокруг!/Не больница, а свежий некошенный луг...» [3, с. 280]. Б. Божнев: «А я стою, невидимый для них,/Над черною и мокрою решеткой./Все думая — как мало не больных...» [3, с. 465]. Ю. Терапиано: «В городской для бедных больнице/Ты в январский день умерла./Опустила сиделка ресницы,/Постояла — и прочь пошла» [3, с. 304]. В. Смоленский: «Между жизнью и смертью прослойка — /Ледяная больничная койка» [5, с. 132].

В стихотворении Оцуа часы выступают метрономом человеческой жизни, маятник напоминает о невидимом в повседневности, но неотступно приближающемся дыхании смерти. Замкнутое пространство больничной палаты противопоставлено пространству живого природного мира за окном, не доступному взору умирающего. Фиксация фрагментов реальной конкретной ситуации проявляется в анафорах, в повторении соединительного союза «и», однако описания природы за окном прерываются многоточием, нарушая ритм стихотворения — так смерть обрывает жизнь человека. Больному не хватает воздуха, это ощущение похоже на мировосприятие изгнанников-эмигрантов, часто писавших о своем затрудненном дыхании вдали от родины. В качестве примера приведем слова С. Эфрона: «Есть в эмиграции особая душевная астма, производим дыхательные движения, а воздуха нет» [6, с. 314].

Состояние внутренней заброшенности поэтов эмиграции сказалось на их экзистенциальной бездомности. В лирике Н. Оцуа человек не знает тепла домашнего очага. Он живет либо в больнице, либо в отеле: «Дело

неизвестно в чем — /Люди, и любовь, и годы,/В океане под дождем проплывают пароходы... // И не знаю, кто и где,/Наклонившийся к воде/Или же, как я — в отеле,/Лежа на своей постели, // Видит ясно всех других,/Что-то делающих где-то,/И до слез жалеет их/И себя за то и это: // То на убыль жизнь идет,/И у нас тепло берет/Мир, от нас же уходящий; // Это — настужь неба свод,/Ледяной и леденящий» [2, с. 123]. Обитателем гостиниц, фланером и неизменным скитальцем избражен лирический герой в стихотворении Г. Адамовича: «Осенним вечером, в гостинице, вдвоем,/На грубых простынях привычно засыпая.../Мечтатель, где твой мир? Скиталец, где твой дом?/Не поздно ли искать искусственного рая?» [3, с. 172]. В тексте Г. Адамовича используется откровенный образ «постели», в которой оказываются практически незнакомые друг с другом мужчина и женщина, желая на мгновение избавиться от гнетущего одиночества. Г. Адамович продолжает традицию А. Блока: «Разве дом этот дом в самом деле? Разве так суждено меж людьми?» [7, с. 45]. (Стихотворение «Унижение», 1911). В стихотворении Оцуа жизнь подобна убывающей воде, символизирующей потери. В конце автор умышленно прибегает к нарушению ритмической правильности. Контрастный прием перебоя ритма отражает дисгармоничность душевного мира поэта. Лирический субъект находится в отеле один, он сознательно отстраняется от окружающих людей и занимает позицию стороннего наблюдателя. Ограниченное замкнутое пространство номера отеля раздвигается, и поэт наблюдает за действиями «других», в то же время оставаясь безразличным к их занятиям.

Поэт осознает трагедию повседневности: «У газетчиц в каждом ворохе — /О безумии, о порохе,/О — которой все живем — /Муке с будничным лицом./И стилистика заправская/Не поможет ничему:/Пахнет краска типографская/Про больницу и тюрьму,/И уродскую чувствительность,/И тщеславие, и мстительность./У газетного листа/Сходство с людными кварталами,/Где пивные, теснота,/Циферблаты над вокзалами/С пассажирами усталыми/И особенная та — /Где уж никакими силами/Не поможет пустота,/Дно которой — за перилами/Арки, лестницы, моста (1933) [2, с. 122]. Предложения с перечислительной интонацией передают автоматизм и привычность к тому распорядку, который установился в итоге разрушения высших человеческих ценностей в будничной жизни людей. Стихотворение состоит из 26 имен существительных и лишь 3 глаголов. Отсутствие слов с семантикой действия и движения указывает на некую аффектированную имитацию жизни. Один из глаголов, используемых автором — «живем», но эта жизнь — симулякр, два раза употребляется глагол «не поможет», а также используется глагол «пахнет». Запах газетной краски напрямую связан с образом обывательского мира. За мнимой жизнью скрывается пустота, отсутствие духовного наполнения. Наряду с больницей, тюрьмой (как изоляцией) и пивной (как пространством

измененного сознания, бегства из жизни) в стихотворении не случайно упоминается вокзал с усталыми пассажирами; это образ самих эмигрантов, покинувших родные места. Душевная пустота приводит людей к разобщенности и враждебности. В лирике эмигрантов сложилось особое недоверие к теплым взаимоотношениям между людьми, семье и дому.

Отвращение к дому — некогда надежному убежищу — стало специфической чертой лирики Н. Оцупа 1930-х годов: «Затем построен новый дом/С окошками, с дверями,/Чтобы одни рождались в нем,/Других вперед ногами/Отсюда вынесут — в цветах,/На вялых родственных руках. // Увидит скоро новый дом,/Любовь, счастливую вначале/И безобразную потом,/Когда сердца пустыми стали. // Тогда захочет новый дом,/Чтоб человек с высоким лбом/Под самой крышей пел и чах:/Пусть мучится душа живая/О том, что в нижних этажах/Скользит, следов не оставляя» (1930) [2, с. 124]. Издревле «дом» является символом счастья, достатка, единства любви, семьи и рода. Это освоенное родное пространство, которое противостоит стихии и хаосу как гармония и защищенность. Однако в стихотворении Оцупа новый дом напол-

няется негативными чертами, поскольку жизнь оканчивается смертью, а любовь оборачивается равнодушием и разочарованием. Ср.: Б. Божнев: «Не камень, а карточный домик,/Жилище для бабочек, тень./Но более прочного дома/Нам строить не хочется, лень» (1934) [3, с. 425]. Дом обретает семантику разъединения людей, Оцуп отказывается жильцам в любви и семейном счастье. Человек получает временный приют, однако ему неуютно в земном доме: он чахнет, мучается, а после смерти бесследно исчезает. В стихотворениях отражена трагедия ненастроенного быта эмигрантов, многие из которых за границей так и не сумели обрести свой дом и семью.

Итак, в поэзии Оцупа земля является метафорой божьего дома. Следует отметить, что поэт верит в существование Бога, но остро ощущает уход Бога из мира. Богооставленность есть основной опыт эпохи, в которой довелось жить поэту. Мотив утраченного дома реализуется не столько в контексте ностальгических настроений (потеря дома как архетипического родного пространства, прибежища), сколько в сфере религиозных переживаний поэта. Поскольку Бог оставил этот мир, в любом уголке земли человек ощущает бездомность и незащищенность.

Литература:

1. Бубер, М. Два образа веры. М.: Республика, 1995.
2. Оцуп, Н. А. Океан времени: Стихотворения; Дневник в стихах; Статьи и воспоминания/Сост., вступ. ст. Л. Аллена; Коммент. Р. Тименчика. СПб: Logos; Дюссельдорф: Голубой всадник, 1993.
3. Поэзия русского Зарубежья/Сост., предисл., коммент. О. И. Дарка. М.: СЛОВО/SLOVO, 2001.
4. Розанов, В. В. Опавшие листья. Короб первый. 1929. // В. В. Розанов Уединенное. М.: Издательство политической литературы, 1990.
5. Голубчик, В. М., Тверская Н. М. Человек и смерть: поиски смысла (этические аспекты явления). М.: Наука, 1994.
6. Саакянц, А. Марина Цветаева. Жизнь и творчество. М.: Эллис Лак, 1999.
7. Чудное мгновенье. Любовная лирика русских поэтов. Кн. 2./сост. Л. Озеров. М.: Художественная литература, 1988.

Неологизация концепта как активный процесс, реализуемый в художественном тексте (на материале англоязычной прозы)

Хачатрян Аревик Сосовна, студент

Научный руководитель Акопян Ануш Георгиевна, старший преподаватель
Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

Ключевые слова: концепт, «Заводной Апельсин» Энтони Берджесс

Прежде чем начать свое исследование мы обратились к одним из наиболее важных частей — к определениям понятий.

Что такое концепт?

Изучив множество материалов, мы выяснили, что нет однозначного определения к этому термину.

В. И. Карасик приводит ряд подходов к концептам, разбиваемых разными авторами [Карасик 2004; 3].

Среди них назовем следующие:

концепт — идея, включающая абстрактные, конкретно-ассоциативные и эмоционально-оценочные признаки, а также спрессованную историю понятия [Степанов 1997; 412];

концепт — личностное осмысление, интерпретация объективного значения и понятия как содержательного минимума значения [Лихачев 1993; 3—9];

концепт — это абстрактное научное понятие,работанное на базе конкретного житейского понятия [Соломоник 1995; 246];

концепт — сущность понятия, явленная в своих содержательных формах — в образе, понятии и в символе [Колесов 2004; 19–20];

концепты — своеобразные культурные гены, входящие в генотип культуры, самоорганизующиеся интегративные функционально-системные многомерные (как минимум трехмерные) идеализированные формобразования, опирающиеся на понятийный или псевдо понятийный базис [Ляпин 1977; 16–18].

В России термин концепт был употреблен С.А. Аскольдовым-Алексеевым в 1928 г. в статье «Концепт и слово». Ученый определил концепт как мысленное образование, которое замещает в процессе мысли неопределенное множество предметов, действий, мыслительных функций одного и того же рода (концепты растение, справедливость, математические концепты) [Аскольдов 1997; 267–279].

Мы остановились на определении Валерия Закиевича Демьянкова. В своей книге «Термин «концепт» как элемент терминологической культуры» он дает следующее определение.

Концепт — это содержательная сторона словесного знака, за которой стоит понятие, относящееся к умственной, духовной или материальной сфере существования человека [Шведова 2007].

В своей работе мы рассмотрим тему неологизации концепта в произведении одного из самых незаурядных и разносторонне развитых писателей — Энтони Бёрджесса.

Несколько слов об авторе.

Английский писатель и литературовед (занимался литературными исследованиями, особенно творчества Шекспира и Джойса), также занимался сочинением музыки (симфонии, балет и опера), литературным переводом и журналистикой. Наиболее известное произведение Бёрджесса — сатирическая антиутопия «Заводной апельсин».

Также, чтобы лучше понять само произведение, определим, в русле какого направления оно написано.

Роман «Заводной Апельсин» написан в русле направления модернизм. В литературе модернизм пришёл на смену классическому роману. Вместо жизнеописания читателю стали предлагать литературные интерпретации различных философских, психологических и исторических концепций, появился стиль, названный Поток сознания (англ. Stream of consciousness), характеризующийся глубоким проникновением во внутренний мир героев. Важное место в литературе модернизма занимает тема осмысления войны, потерянного поколения. [Модернизм в литературе, электронный ресурс]

Более всего увлекает читателя языковой эксперимент Энтони Бёрджесса. Он состоит в том, что автор включил в своё произведение искусственный сленг.

На примере романа «Заводной апельсин» мы имеем возможность рассмотреть случай, когда использование

вымышленного-языка (в данном случае — сленга) становится основным фактором, определяющим поэтику художественного текста и его воздействие на читателя [Окс 2005].

С первых же страниц, произведение изумляет читателя изобилием необычных слов. На первый взгляд, они очень похожи на английский язык, но в основном состоят из окказиональных слов неанглийского происхождения. Насыщенность произведения такими словами оказывает на читателя воистину шоковый эффект:

«There was me, that is Alex, and my three droogs, that is Pete, Georgie, and Dim. Dim being really dim, and we sat in the Korova Milkbar making up our rassoodocks what to do with the evening, a flip dark chill winter bastard though dry. The Korova Milkbar was a milk-plus mesto, and you may, O my brothers, have forgotten what these mestos were like, things changing so skorry these days and everybody very quick to forget, newspapers not being read much neither. Well, what they sold there was milk plus something else. They had no license for selling liquor, but there was no law yet against prodding some of the new veshches which they used to put into the old moloko, so you could peet it with vel-locet or synthemesc or drencom or one or two other veshches which would give you a nice quiet horrorshow fifteen minutes admiring Bog And All His Holy Angels and Saints in your left shoe with lights bursting all over your mozg. Or you could peet milk with knives in it, as we used to say, and this would sharpen you up and make you ready for a bit of dirty twenty-to-one, and that was what we were peeting this evening I'm starting off the story with».

пер. «Компания такая: я, то есть Алекс, и три моих друга, то есть Пит, Джорджик и Тем, причем Тем был и в самом деле парень темный, в смысле glupyj, а сидели мы в молочном баре «Korova», шевеля mozgoi на счет того, куда бы убить вечер — подлый такой, холодный и сумрачный зимний вечер, хотя и сухой. Молочный бар «Korova» — это было zavedeniye, где давали «молоко-плюс», хотя вы-то, блин, небось уже и запомнили, что это были за zavedeniya: конечно, нынче ведь все так скоро меняется, забывается прямо на глазах, всем plevatt, даже газет нынче толком никто не читает. В общем, подавали там «молоко-плюс» — то есть молоко плюс кое-какая добавка. Разрешения на торговлю спиртным у них не было, но против того, чтобы подмешивать кое-что из новых shtutshes в доброе старое молоко, закона еще не было, и можно было pitt ego с велосетом, дренкомом, а то и еще кое с чем из shtutshes, от которых идет тихий baldiozh, и ты минут пятнадцать чувствуешь, что сам Господь Бог со всем его святым воинством сидит у тебя в левом ботинке, а сквозь mozg проскакивают искры и фейерверки. Еще можно было pitt «молоко с ножами», как это у нас называлось, от него шел tortsh, и хотелось dratsing, хотелось gasitt кого-нибудь по полной программе, одного всей kodloi, а в тот вечер, с которого я начал свой рассказ, мы как раз это самое и пили». (Перевод: В. Бошняк)

Выделенные слова — это вкрапления сленга «надцат».

Исследователь постмодернистской литературы Б. Макхейл утверждает, что использование вымышленного языка является одним из приемов конструирования художественного текста («the strategy of antilan-guage») [McHale 1987]. Вымышленный язык (по терминологии исследователя, «антиязык») определяется следующим образом: «Антиязык — это специализированный дискурс отдельной группы, демонстрирующей отличия от нормы — отличия от нормы в привычном негативном смысле (например, криминальная или тюремная субкультура) или в силу престижности рода деятельности (высшие армейские чины, религиозные мистики, возможно, даже поэты). Язык такой группы отличается от стандартного в той же степени, в какой поведение данной группы отличается от социальной нормы. Антиязык развивается путём систематических трансформаций нормативного языка, особенно ярко это проявляется в лексических процессах «ре-лексикализации» (адаптации стандартного слова к специфическому, нестандартному употреблению внутри группы) и «сверхлексикализации» (избытку полных и неполных синонимов понятий, особенно важных для данной группы)»... [Окс 2005]. «Антиязык по сути своей «диалогичен» — в нём заключена скрытая полемика со стандартным языком и привычным мировоззрением. Он создаёт эффект «противоположной» точки зрения на мир, «контрреальность», диалектически связанную с «действительной», «официальной» реальностью». [Окс 2005].

Э. Бёрджесс не считал, что произведение «Заводной апельсин» самое лучшее его творение. В 1982 году, когда произведение было опубликовано в Великобритании, оно осталось практически не замеченным, и только благодаря режиссеру Стенли Кубрику (экранизация 1971 года) роман получил мировую известность. Затем, роман был опубликован в США, но, в немного видоизменённом варианте: издатель добавил к роману послесловие и глоссарий, но при этом исключил последнюю главу, несущую огромную смысловую и композиционную нагрузку. Интересно, что сам автор не сопротивлялся подобному произволу издателя, и, комментируя его действия, заявил, что «ему лучше знать». Наличие двух версий текста обуславливает амбивалентную игровую ситуацию. Так как это позволяет принципиально по-разному его интерпретировать, и обуславливает постоянные споры между исследователями и критиками [Окс 2005].

Название языка — модифицированное окончание русских числительных от «одиннадцати» до «девятнадцати». Объясняется это тем, что носителями надсата в «Заводном апельсине» были подростки (nadtsatyje) — «тинейджеры» (teenagers, буквально «надцатилетние»; или сокращённо — «тины», teens).

Основу языка Надсат составляют слова русского происхождения. В основном они брались без изменения, например:

— Droog;

— Britva;
— Devotchka;
— Dva;
— Gazetta;
— Gorlo;
— Mozg;
— Raskazz;
— Zasnoot;
— Kahl;
— Yahzick;
— Interessovat;
— Govoreet;
— Eemya

Некоторые из слов автор не просто транслитерировал, а сокращал или передавал с помощью созвучных английских слов, например:

— Люди (lyudi) — передано как lewdies (где lewd — переводится как распутный; непристойный; бесстыдный);
— Хорошо (khorosho) — как horrorshow (страшное шоу);
— Голова (golová) — как Gulliver;
— Понимать (ponimát) — pony;
— Человек (chelloveck) — veck.

С помощью принципа морфологической интерференции Берджесс образовывал, так называемые, гибридные новообразования — слова, составленные из морфем разных языков:

— dratsing — от русского глагола «драться» + окончание ing;
— nuking — от русского глагола «нюхать» + окончание ing;
— lubbilubbing — от русского глагола «любить» + окончание ing;
— nogas — от русского существительного «нога» + образующее множественную форму окончание «s»;
— otchkies — рус. Очки;
— platties — рус. Платья;
— sharries — рус. Шары;
— zoobies — рус. Зубы.

Ещё одним источником языка был Сленг Кокни. Например:

— Cutter — money — cutter рифмуется с bread and butter, что обозначает доход или деньги;
— Pretty polly — рифмуется с Lolly, что также обозначает деньги;

— Luscious Glory — upper story — hair.

Слова из других языков:

— Shlaga — нем. Schläger (драчун)
— Tashtook — нем. Taschentuch (носовой платок)
— Tass — нем. Tasse или фр tasse (чашка)
— Orange — малазийский Orang (человек, мужчина)

Что касается названия, существует несколько версий.

По одной из них, Берджесс в 1945 году в одном из лондонских пабов услышал фразу «as queer as a clockwork orange», которая ему очень понравилась. «Я взял эту фразу и добавил свой смысл. Получился некого рода ок-

сюморон — сочетание природного, сладкого, то есть апельсина и железного холодного механизма» — говорил он на телепрограмме «Camera tree» в 1972 году.

Итак, для чего автору нужно было использовать не обычный американский сленг, а неологизмы?

Для этого несколько есть несколько причин. Первая причина в основе своей прагматическая. Берджесс, будучи по натуре лингвистом, понимал, что сленг посто-

янно меняется. Он понимал, что если будет использовать современный ему сленг, то через некоторое время произведение устареет (по мере того, как выйдут из употребления это слова). Ему хотелось, чтобы его рассказчик говорил на уникальном языке, который никогда не устареет. Также, именно неологизация концептов является одним из способов изображения субкультуры, как нечто, существующее отдельно и независимо от общества.

Литература:

1. Окс, М. В. Вымышленные языки в поэтике англоязычного романа XX века: на материале романов «1984» Дж. Оруэлла, «Заводной апельсин» Э. Берджесса, «Под знаком незаконнорожденных» и «Бледный огонь» В. Набокова: дис.... канд. филол. наук/Окс М. В. — Ростов н/Д., 2005. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.dissercat.com/content/vymyshlennyye-yazyki-v-poetike-angloyazychnogo-romana-xx-veka-na-materiale-romanov-198...> (15.04.2014).
2. Статья «Надсат». [Электронный ресурс]. — URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9D%D0%B0%D0%B4%D1%81%D0%B0%D1%82> (дата обращения: 16.04.2014).
3. Шведова, Н. Ю. Термин «концепт» как элемент терминологической культуры, 2007. [Электронный ресурс]. — URL: http://www.infolex.ru/FOR_SHV.HTM
4. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография. — 2-е изд. — М.: Гнозис, 2004. — с. 3.
5. Степанов, Ю. С. Концепт. // Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. — с. 412.
6. Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка, ИАН СЛЯ. 1993. № 1. — с. 3–9.
7. Соломоник, А. Семиотика и лингвистика. М., 1995. — с. 246.
8. Колесов, В. В. Язык и ментальность. СПб, 2004. — с. 19–20.
9. Ляпин, С. Х. Концептология: к становлению подхода: Концепты. Научные труды Центроконцепта. Вып. 1. Архангельск, 1977. — с. 16–18.
10. Аскольдов, С. А. Концепт и слово// Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М., 1997. с. 267–279.
11. Статья «Модернизм в литературе». [Электронный ресурс]. — URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%B8%D0%B7%D0%BC#.D0.9C.D0.BE.D0.B4.D0.B5.D1.80.D0.BD.D0.B8.D0.B7.D0.BC_.D0.B2_.D0.BB.D0.B8.D1.82.D0.B5.D1.80.D0.B0.D1.82.D1.83.D1.80.D0.B5 (дата обращения: 18.04.2014)
12. McHale, Brian. Postmodernist Fiction. London: Routledge, 1987.

5. ОБЩЕЕ И ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Логины как неофициальные личные имена

Абдрахманова Толкын Муратбековна, кандидат филологических наук, доцент

Восточно-Казахстанский государственный технический университет имени Д. Серикбаева (г. Усть-Каменогорск)

В статье рассматриваются логины с точки зрения ономастики. Сравниваются официальные личные имена, прозвища и логины.

Ключевые слова: логин, неофициальное личное имя, прозвище, ономастика, антропонимика.

В современном языкознании изучение неофициальных личных имен как одного из специфических разрядов ономастики приобретает особую актуальность в связи с тем, что каждое новое поколение людей постоянно создает новые имена и вкладывает в них новое содержание. Если в повседневной жизни все еще актуальны прозвища, то в виртуальной жизни людей, которой они посвящают половину своего времени, становятся популярными различного рода логины. Логин это имя пользователя. **Логин** — это слово, которое будет использоваться для входа на сайт или сервис. Очень часто логин совпадает с именем пользователя, которое будет видно всем участникам сервиса, но иногда никнейм может задаваться отдельно.

Логин — уникальный (это важно) набор букв и/или цифр, который необходим для доступа к сайту или сервису. Придумывается логин пользователем самостоятельно. Теперь что касается самих логинов. Они могут быть любыми, для сервиса главное, чтобы они были уникальными. Из примеров выше видно, что логин может как отображать ваше имя, год рождения, фамилию, так и быть просто выдуманным, как Batman.

В данной статье логин будет рассматриваться с точки зрения языкознания. Актуальность данной темы определяется тем, что, во-первых, в последние годы так называемый «человеческий фактор» вовлечен в лингвистические исследования с целью изучения того, как человек — представитель определенной культуры (Ю.Н. Караулов) использует язык в качестве средства коммуникации. Поэтому данное исследование актуально и в том, что оно направлено на рассмотрение того, как в языковых единицах отражается сам человек во всем многообразии его деятельности. Во-вторых, логины это явление, относящееся как к лингвистике, так и к информатике, т.е. на стыке двух наук. В связи с этим, цель данной статьи заключается в выявлении и описании особенностей функционирования логинов. Поставленная цель и логика исследования обусловили следующие задачи работы:

— показать, что логины представляют собой особый класс собственных имен в ономастическом пространстве;

— разграничить понятия «прозвище», «логин», «официальное имя»,

— выявить способы мотивации логинов;

— рассмотреть семантику логинов.

Можно ли отнести логин к неофициальным личным именам?

Что такое неофициальное личное имя? *Неофициальное личное имя (НЛИ)* — это имя, которое употребляется в разговорной речи, в быту, в кругу семьи и друзей. В состав неофициальных личных имен входят качественные имена (гипокористические, деминутивные, аугментативные, пейоративные) и прозвища (мелиоративные, групповые, андронимы, гинеконимы, насмешливые, школьные, уничижительные). Неофициальные личные имена функционируют предпочтительно в свободной сфере, что предполагает своеобразный выбор средств выражения. Эти средства определены *интралингвистическими* (заданные антропонимические формы официальных имен, их лексико-семантическое содержание, словообразовательные средства языка, создающего эти имена, сложность произношения, трудновыговариваемость имени, эмоционально-экспрессивная окрашенность, метафоричность и ассоциативность); *экстралингвистическими* (тезоименность, употребление в сфере неформального общения, корпоративность, количество неофициальных личных имен, индивидуальная принадлежность, факультативность, официальность/неофициальность, функционирование в иноязыковой среде и др.) факторами [1; 12].

Прозвище — название, данное человеку в шутку, в насмешку и т.п. (обычно содержащее в себе указание на какую-либо заметную черту его характера, наружности, деятельности и т.п.). *Кличка* — прозвище, даваемое человеку (в шутку, в целях конспирации). *Прозвища* в системе личных имен служат в качестве дополняющего имени, которые указывают на отрицательные или положительные черты характера его носителя, на его наклонности, физические недостатки тела и т.д. В связи с развитием фамилий прозвища стали употребляться не так широко, как раньше.

Однако мы знаем, что этот пласт лексики остается излюбленным среди молодежи, школьников, детей. Прозвища возникли вместе с потребностью человека в общении. Остроумные, меткие, они прекрасно выполняют эмоционально-экспрессивную функцию. Прозвища — это образная характеристика человека. Они подчеркивают то, что наиболее выпукло выражается в человеке, какие слабости и ошибки, достоинства и недостатки, силу и слабость, уродство и красоту [2, с. 100]. Количество прозвищ у одного индивида может быть неограниченным, при этом прозвища одного носителя могут отражать самые разные представления о нем, например, *Рыжий* — из-за рыжих волос, *Длинный* — из-за длинного роста, *Мусор* — из-за того, что работает в полиции; это противопоставляет прозвища всем официальным и неофициальным антропонимам, где оттенки значения абстрагированы.

Наряду с логинами есть еще такие понятия как ники, имя почтового пользователя. Логин — идентификатор пользователя, используемый при подключении к системе. К логину прилагается секретная информация, которая известна только владельцу логина и серверу — пароль. Логин и пароль используются при входе в защищенную систему. Логин отображается при вводе, пароль — маскируется или вовсе не отображается.

А ник — это псевдоним пользователя. Используется пользователем как самоопределение при взаимодействии с другими пользователями. Разница — логин не обязан быть удобочитаем и произносим, ник — крайне желательно.

Ещё есть имя почтового ящика. Это часть адреса электронной почты, находящаяся до символа @.

Логин, ник и имя почтового ящика могут совпадать, а могут различаться — в зависимости от возможностей системы и желания пользователя.

Имена собственные дифференцируют однородные предметы, тогда как нарицательные имена дифференцируют разнородные предметы [3].

Во-первых, являясь ингерентным элементом виртуального ономастического пространства, логин играет важную роль в системе языка и культуры, способствуя выявлению особенностей людей, общающихся в интернете.

Логин есть неофициальное имя субъекта (объекта), которое субъект берет (придумывает) вместо официального антропонима, как правило, юмористично или оригинально и самовыражается с помощью этого наименования. Основанием к появлению логина служит либо форма официального антропонима, либо любое слово, состоящее из букв и цифр.

Из 100 опрошенных студентов у 85 логины состоят из имени и фамилии, у некоторых из имени, фамилии и года рождения (даты рождения). Причину создания подобных логинов они объясняют тем, что:

- «логин должен быть понятным»,
- «логин должен легко запоминаться»,
- «логин должен содержать какую-то информацию о человеке»,

- «по логину должно быть легко найти человека»,
- «в моде было писать фамилию или имя и дату рождения»...

Некоторые логины состоят из цифр. Это могут быть номера телефонов, дата рождения, какие-то другие важные даты или случайно выбранные цифры. Другая часть логинов состоит из букв и цифр, выбранных возможно по инициалам, либо по случайно выбранным буквам и цифрам. В большинстве случаев логины это прозвища, не важно на каком языке, это имена, какими бы хотели называть себя авторы: *Sweetie*, *Dear*, *Darling*, *Храбрый*, *Туземец*, *Самурай*, *Мила* и многие другие. Также как и прозвища, в большинстве случаев это смешные имена, но в отличие от прозвищ, ими называют себя сами авторы, и не за какие-то качества, а просто так. У одного и того же человека может быть несколько логинов, также как и прозвищ.

Возникновение НЛИ (неофициальных личных имен) (квалитативных, гипокористических имен, прозвищ) связано с рядом лингвистических и экстралингвистических факторов:

- «громоздкость» полных имен и неудобство его произнесения;
- труднопроизносимое имя другого языка;
- выделение из нескольких одинаковых имен;
- обращение к детям;
- указание на определенные качества человека и др.

Возникновение логинов определяется следующими факторами:

- обязательность при регистрации в определенных сайтах;
- связь с официальным именем;
- вымышленное имя;
- имя другого языка;
- случайный набор цифр и букв.

Сферой употребления определяется такое качество, как обязательность/необязательность имени в современном языке. Официальные имена с этой точки зрения оказываются обязательными, т.к. в процессе общения они релевантны, НЛИ — необязательными [4, с. 293]. Логины же в свою очередь являются обязательными, т.к. без регистрации невозможно зайти в определенные сайты, нет доступа к электронной почте и т.д.

Официальные личные имена в отличие от НЛИ стилистически нейтральны, т.к. НЛИ считаются стилистически окрашенными единицами, эмоционально и экспрессивно насыщенными и практически не приобретают статус нейтральных слов. Так, использование прозвищ напоминает использование слов-табу, употребление которых запрещено вследствие различных соображений: предрассудков, мифологических верований, боязни неприличных выражений и т.п. Однако, запрет на употребление прозвищ действует не во всех ситуациях, а лишь в присутствии прозываемого, и объясняется нежеланием оскорбить его (в присутствии собеседника и при обращении к нему обычно используются семейные или интимные прозвища) [4,

Таблица 1

Сходства	Различия
ОЛИ, прозвища, логины — имена собственные	ОЛИ употребляется как внутри семьи, так и в официальном документе Прозвище применимо только при близких отношениях между людьми или при отсутствии взаимного уважения. Прозвища в официальных документах не пишутся. Логины не произносятся вслух, они только пишутся при входе на сайты. В официальных документах они не пишутся.
ОЛИ и прозвища образуются из единиц лексико-грамматических систем	Логины образуются от официальных имен, имен и даты рождения, случайный набор цифр и букв
От личного имени и прозвища образуются фамилии: Андрей и его потомки Андреевы, Андрей Хорек и его дети — Андреевичи Хорьковы	Имя постоянно сочетается с отчеством и фамилией; прозвище — никогда. Из имени без труда образуются отчества, а из прозвища — нет: это нелегко. Имя — почтительно, прозвище — часто обидно От логинов ничего не образуется. В повседневной жизни ими не именуют людей, они нужны только для входа на сайты, электронную почту и т.д.

с. 294]. Положительная и негативная окраска гипокористических, квалитативных имен зависит от ряда причин, основными из которых являются:

— использование определенных субъективно-оценочных суффиксов (каждый суффикс семантически наполнен, т.е. у каждого суффикса — свое определенное значение);

— интонационное выражение данной формы имени (в связи с определенным обстоятельством). Логины являются стилистически нейтральными в большинстве случаев (Swetastol, Dana, Akmaral и др.), бывают и стилистически окрашенные (Sweet, Милашка, Перчик и др.)

Основной функцией ОЛИ считается функция именования, тогда как основными и важнейшими функциями НЛИ считаются сигнификативно-характеристическая и дифференциальная. Основной функцией логинов является функция дифференциации.

Если количество ОЛИ у одного индивида регламентировано, т.е. у каждого человека только одно официальное личное имя, то количество НЛИ — не ограни-

чено — у одного индивидуума одновременно может быть несколько НЛИ (несколько прозвищ, несколько сокращенных, уменьшительно-ласкательных имен) или же они возникают в разное время в зависимости от возраста, от тех или иных жизненных ситуаций. Количество логинов у одного и того же человека может быть несколько.

В таблице 1 мы собрали основные качества официальных личных имен, прозвищ и логинов.

Подводя итоги вышесказанному, мы можем предположить, что логины являются:

- неофициальным личным именем,
- бывают стилистически нейтральными,
- автором логинов являются сами субъекты,
- количество логинов может быть несколько,
- логины могут быть образованы от официальных имен, букв и цифр, букв иностранного происхождения,
- логины находятся между официальными и неофициальными личными именами, приобретая качества как от ОЛИ, так и от НЛИ.

Литература:

1. Т. Абдрахманова Структура и семантика неофициальных личных имен казахского, русского и немецкого языков: Дис... канд. фил. н. — Алматы, 2007. — 170 с.
2. Крыжановская, С. Г. Баба-яга или «Фантомас» (о прозвищах) // Этническая ономастика / Отв. ред. Р. Ш. Джарылгасинова, В. А. Никонов. — М.: Наука, 1984. — с. 100
3. Карпенко, М. В. Русская антропонимика / Конспект лекций спецкурса. — Одесса, 1970. — 42 с.
4. Данилина, Е. Ф. Прозвища в современном русском языке // Восточно-славянская ономастика: материалы исследования. — М., 1979. — с. 76.

The Significance of Latin Borrowings in the Modern English Language and Its Practical Interest

Evgenia Petrovna Bakhurova, Master of Arts/Linguistics

Бахурова Евгения Петровна, магистр

Российский университет дружбы народов (г. Москва)

Ключевые слова: *borrowings, Latin borrowings in English, native word stock, borrowed word units, the process of assimilation, periods of borrowing, loan-words, the word stock.*

Each language is considered to be a social phenomenon. Therefore, it is always at the stage of development. As any phenomenon, the language does not stay unchanged for a considerable period of time, it can widen its stock by borrowing word units from other languages. In order to understand the contemporary language state, its grammatical forms, phonetic system and its lexical structure, each language phenomenon is considered to be a result of lengthy historical development and a number of changes and transformations.

The subject matter of my scientific article is to analyze the notion of Latin borrowings in the English language and prove how essential this issue is. One of the practical objectives of the paper is to review and study a number of words of Latin origin in the English word stock due to the Etymological Dictionary [4] and, with the help of the examples enlisted, in that way, confirm the topic's significance in the modern linguistics.

In studying Modern English we regard the language as fixed in time and describe each linguistic level — phonetics, grammar and lexis — synchronically, taking no account of the origin of present-day features or their tendencies to change. The synchronic approach can be contrasted to the diachronic. When considered diachronically, every linguistic fact is interpreted as a stage or step in the never-ending evolution of language. In practice, however, the contrast between diachronic and synchronic study is not so marked as in the theory: we commonly resort to history to explain current phenomena in Modern English.

Firstly, I'd like to stress, that the most significant feature of the English language is considered to be its mixed character. As it was noted by Professor Smirtitskiy in his work [11, p. 40–50], due to close contacts with other languages, it is believed that foreign influence is the most important factor in the history of English. Though native words constitute only 30% of the English vocabulary, they are the most frequently used ones. The bulk of words of native origin has been preserved and consists mostly of very ancient elements: Indo-European, Germanic and West-Germanic cognates. Words of the Indo-European stock have parallels in different Indo-European languages: Greek, Latin, French, Spanish, Polish, Lithuanian, Russian, etc.:

Let's give the illustration with the example of the word «*father*»:

Table 1
Illustration of the common Indo-European word stock

<i>fæder</i> (Old English)	<i>pere</i> (French)
<i>fadar</i> (Gothic)	<i>pāter</i> (Latin)
<i>pedær</i> (Persian)	<i>pitr</i> (Sanskrit)
<i>fader</i> (Swedish)	<i>Vater</i> (German)
<i>patēr</i> (Greek)	<i>papá</i> (Spanish).

Words of the Common Germanic stock have cognates only in the Germanic group: in German, Norwegian, Dutch, Icelandic, etc. For example, the verb «to sing» has the following parallels:

- *singan* (Old English);
- *siggwan* (Gothic);
- *singen* (German) [2, p. 16–67]

Secondly, borrowing from other languages has been characteristic of English throughout its history. More than 2/3 of the English vocabulary are borrowings and mostly they are words of Romanic origin, especially that of Latin.

Latin words were borrowed in all historical periods. English history is rich in different types of contacts with other countries, that is why it is very rich in borrowings. The Roman invasion, the Christianizing of Britain in the VI c. and the Middle English period — each time piece is highly informative in this way. There are quite a lot of them in medicine, chemistry, in technology, politics.

Chart-2 Explanation:

Bede: *Bæda* or *Bēda* (Old English); (ca. 672/673–26 May 735), also known as **Saint Bede** or the **Venerable Bede** (*Bēda Venerābilis* (Latin), an English monk at the monastery of Saint Peter at Monkwearmouth.

Chaucer: **Geoffrey Chaucer** (ca. 1343–25 October 1400), known as the Father of English literature, is widely considered the greatest English poet of the Middle Ages.

Shakespeare: **William Shakespeare** (26 April 1564–23 April 1616), the English poet, playwright and actor, widely regarded as the greatest writer in the English language and the world's pre-eminent dramatist (if ever really existed — the author).

The Internet: a global system of interconnected computer networks, carrying an extensive range of information

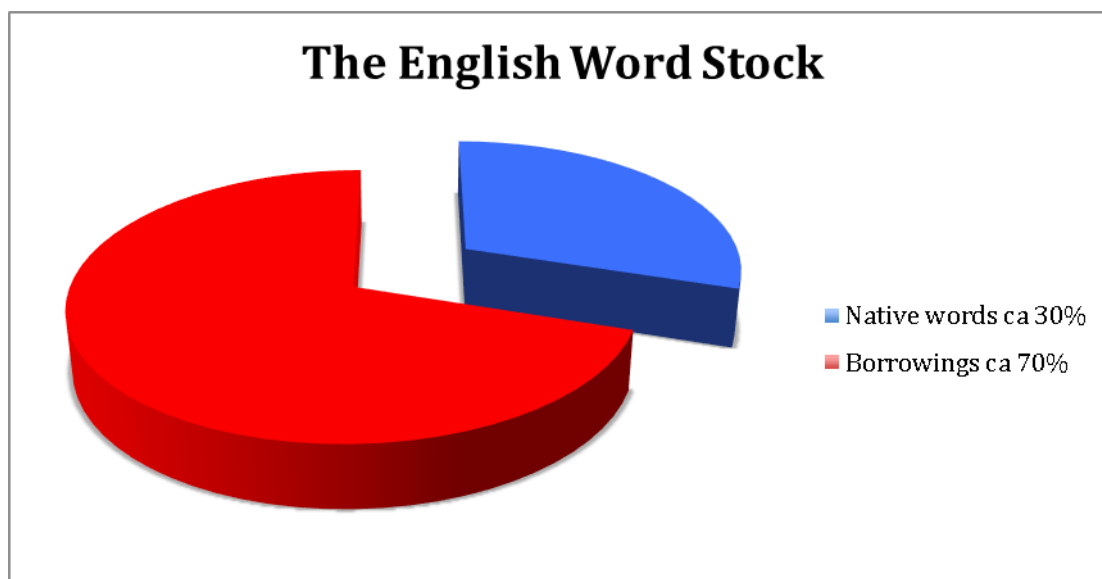

Fig. 1. The approximate borrowings percentage in English

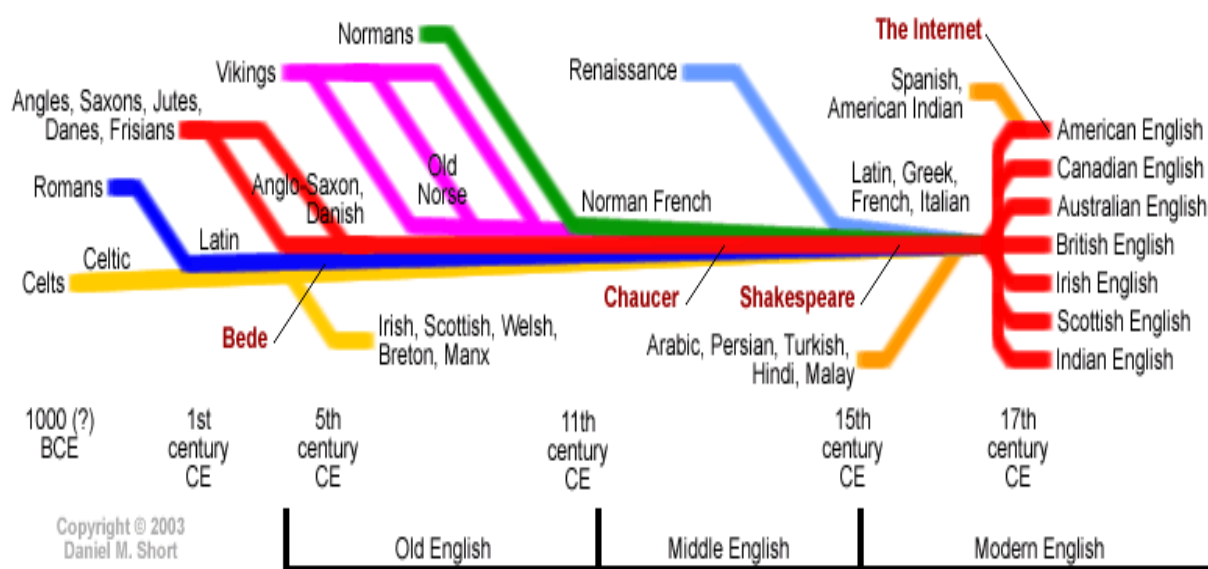

Fig. 2. The process of borrowing throughout the time line and its sources

resources and services, used for sharing information throughout the globe.

The borrowing process is gradual and includes such notion as the process of assimilation (phonetic, grammatical and lexical) — i. e. words adjust themselves to the phonetic and lexico-grammatical norms of the language. In the present article I will dwell upon the notion of assimilation of borrowings, degree of assimilation, the role of native and borrowed elements in the Modern language, influence of Latin borrowings on the English language and try to prove

that this topic is significant in the context of the Modern English language.

Now it's time to dwell upon the issues of words of native origin and borrowings. I have already mentioned that the bulk of words of native origin has been preserved and comprises about 30% of the English vocabulary. It's interesting to find out that almost all words of Anglo-Saxon origin belong to very important semantic groups. [9, p. 50–69]. For the better illustration we can divide the notional words of Anglo-Saxon origin into such groups as denoting:

Table 2

<ul style="list-style-type: none"> — parts of the body: <ul style="list-style-type: none"> • head • arm • back • hand, etc. — members of the family and closest relatives: <ul style="list-style-type: none"> • father • mother • son • wife, etc. — natural phenomena and planets <ul style="list-style-type: none"> • snow • wind • star • moon, etc. 	<ul style="list-style-type: none"> — qualities and properties: <ul style="list-style-type: none"> • long • old • dark • hot • cold, etc. — common actions: <ul style="list-style-type: none"> • to do • to make • to go • to eat • to come • to hear, etc.
--	---

Most native words possess a wide range of lexical and grammatical valency. Many of them enter a number of phraseological units: for instance, the word «**heel**» enters the following phraseological units:

- **head over heels/heels over head** — «upside down»;
- **to show a clean pair of heels** — «run away»;
- **to turn on one's heels** — «turn sharply round»;
- **to be at/on/upon smb's heels** — «follow smb.»;
- **to be head over heels in love with smb.** — «to love smb. deeply»;

— **to cool/kick one's heels** — «keep waiting in vain», etc.

And now it's high time we passed over to the issue of borrowings.

Due to the specific historical development of English, it has adopted many words from other languages, especially from Latin. We should bear in mind that all borrowed words undergo the process of assimilation (phonetic, grammatical, lexical), i. e. they adjust themselves to the phonetic and lexico-grammatical norms of the language. [3, p. 87–102]

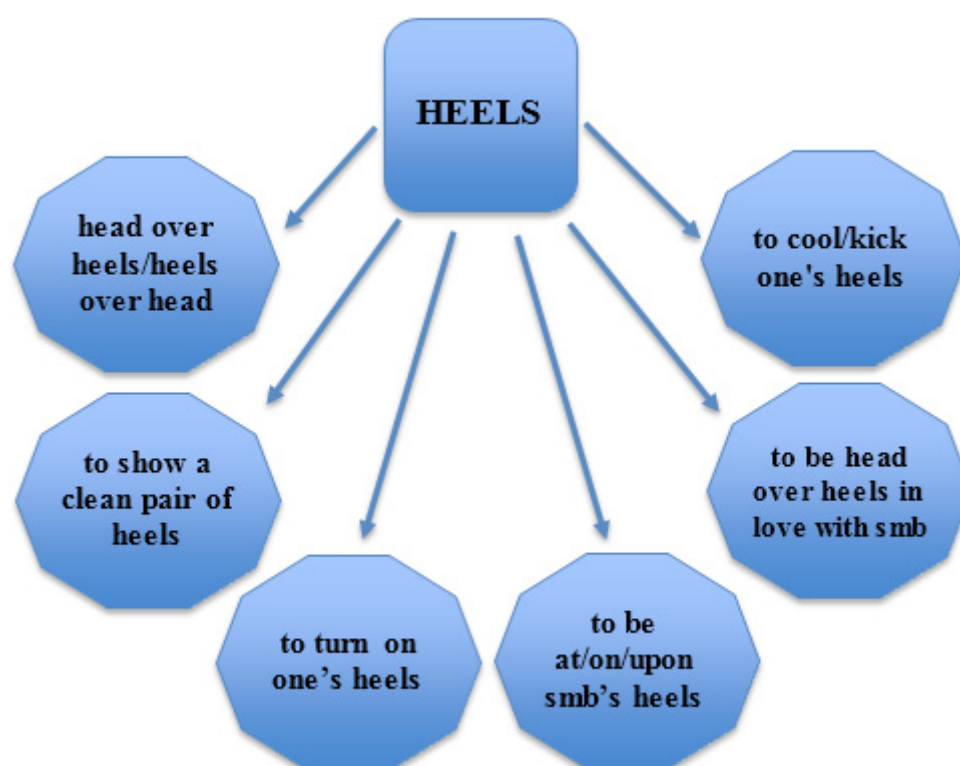

Fig. 3. A phraseological unit illustrating the lexical valency

Phonetic assimilation comprises substitution of native sounds and sound combinations for strange ones and for familiar sounds used in a position strange to the English language, as well as shift of stress.

For example, words like «**honour**», «**reason**» were accented on the same principle as «**father**», «**mother**».

Grammatical assimilation finds expression in the change of the morphological structure of the word. Usually as soon as words from other languages were introduced into English they lost their former grammatical categories and paradigms and acquired new grammatical categories by analogy with other English words, as in the following examples:

е. г.

Им. спутник *Com. sing.* **Sputnik**

Род. спутника *Poss. sing.* **Sputnik's**

Дат. спутнику *Com. pl.* **Sputniks**

Вин. спутник *Poss. pl.* **Sputniks'**

Тв. спутником

Предл. о спутнике

However, there are some words in Modern English that have retained for centuries their foreign inflexions. е. г. **phenomenon** (Latin) — **phenomena**; **addendum** (Latin) — **addenda**.

And, finally, lexical assimilation includes changes in semantic structure and the formation of derivatives. [1, pp. 60–77, 255–259] For instance, the word «**wood**» is the basis for the formation of a number of new words: **wooden**, **woody**, **wooded**, **woodcraft**, **wooder**, **woodiness**, **woodcutter**, **woodwork** and many others. Moreover, the word enters a number of idiomatic expressions (е. г. «**to be**

out of the wood» — to come out of danger, «**babes in the wood**» — ingenious people, «**to take to the woods**» — to run away, etc.)

Now it's time to say a few words about the practical part of the present article and the scientific interest the results of which it may bring to light. Through the study of the Etymological Dictionary of the English Word Stock, namely, the Barnhart Dictionary of Etymology [4], I achieved the following goals that were as follows: firstly, to prove that there really was a great deal of word units borrowed from Latin through the history of the English language and, secondly, to elicit some examples and make certain conclusions.

It's true that English vocabulary, which is one of the most extensive among the world's languages, contains an immense number of words of Latin origin. Having studied the Barnhart Dictionary of Etymology, I came to the conclusion that there really is a great number of words of Latin roots in the English word stock. This fact can be explained in the following way: Latin loan-words appeared in the English language throughout the time line. Let's name the most significant stages of the process:

1. The trend began at those distant times (I c. B. C.) with the words which the West-Germanic tribes brought from the continent when they came to settle in Britain. These borrowings entered the language due to a direct intercourse and trade relations with the peoples of the Roman Empire. Germanic tribes had to use Latin words in order to name new notions they had not known before.

These words mainly denote:

1. names of articles of clothing and household use:

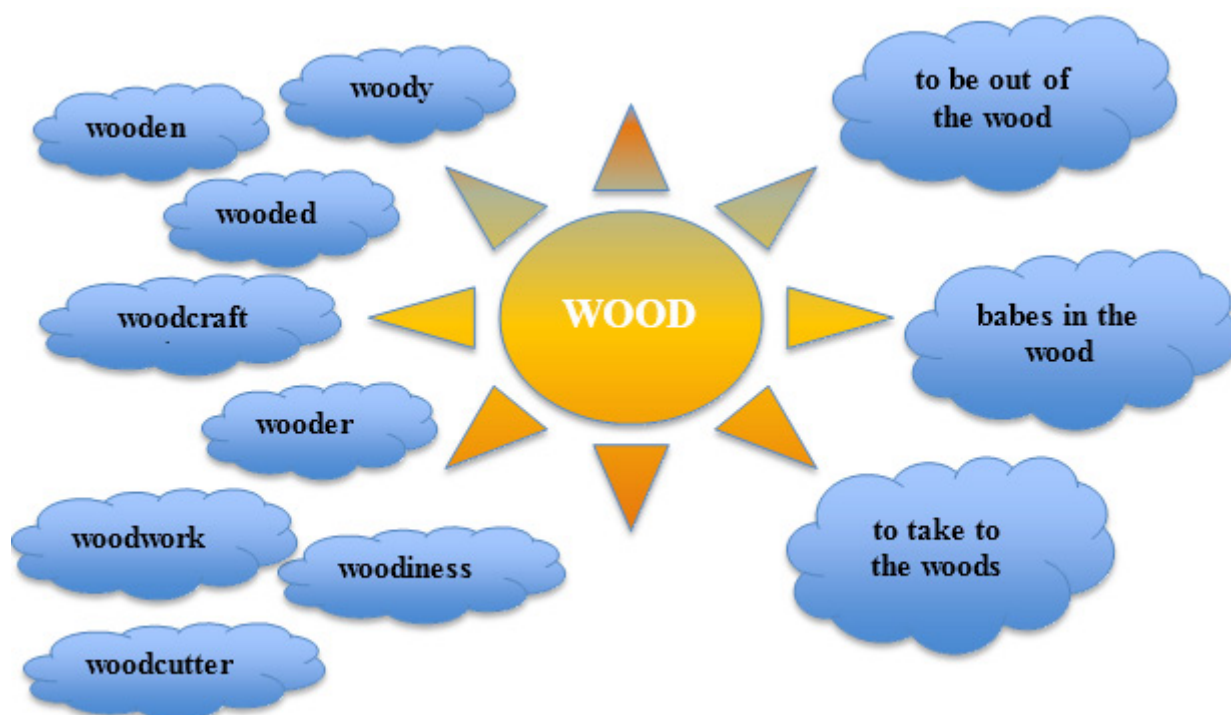

Fig. 4. Illustration of the lexical assimilation of borrowings

For instance, such words as «a cap» — from L. L. cappa «a cape, hooded cloak», possibly shortened from capitulare — «headdress» (from L. caput «head»);

«a sock» (n.) — O. E. socc «light slipper», from L. soccus «light low-heeled shoe», variant of Gk. sykchos «a kind of shoe». Teenager slang notion «sock hop» dated back to c. 1950, from notion of dancing without shoes;

«purple» — O. E. purpul, dissimilation (first recorded in Northumbrian, in Lindisfarne gospel) from purpure «purple garment», purpuren «purple», from L. purpura «purple-dyed cloak, purple dye», also «a shellfish from which purple was made», from Gk. porphyra, of Semitic origin, originally the name for the shellfish (murex) from which it was obtained.

2. words denoting foods:

«radish» — O. E. rædic, from L. radicem, from radix «root»;

«a lobster» — O. E. loppestre, corruption of L. locusta «lobster», literally «locust», by influence of O. E. loppe «spider», variant of lobbe. (Trilobite fossils in Worcestershire limestone quarries were known colloquially as locusts, which seems to be the generic word for «unidentified arthropod», as apple is for «foreign fruit».) Slang for «a British soldier» since 1643, originally in reference to the jointed armor of the Roundhead cuirassiers, later to the red coat;

«millet» — early XVc., from M. Fr. millet, dimension of mil «millet» from L. milium.

3. names of trees, plants, herbs (often cultivated for their medical properties):

«a pine» (n.) — O. E. pintreow, the first element from L. pinus, related to Gk. pitys, from *pi-, found in words for «fat, sap, pitch».

«a savory» (n.) — «a herb», probably an alteration of O. E. sæperie, from L. satureia.

2. The second period of Latin borrowings is marked by the slightest influence of Latin due to the Romanized Celts. There was no opportunity for direct contact between Latin and Old English in England, and such Latin words as could have found their way into English would have had to come in through Celtic transmission.

For instance, names of places:

«Manchester» — Mameceastre (1086), from Mamucio (4c.), the original Celtic name, probably from *mamm «breast, breast-like hill» + O. E. ceaster — «a Roman town».

«Belgium» — 1602, from L. name of the territory occupied by the Belgæ, a Celtic tribe.

3. The third and the vastest borrowing period occurred after the Adoption of Christianity in the 6th century and the appearance of monasteries and churches. It resulted in a great number of church-word borrowing that entered the language. Here are some examples provided:

«an altar» — O. E., from L. altaria — «burnt offerings», but influenced by L. altus — «high».

«a candle» — O. E. candel, early church-word borrowing from L. candela — «a light, torch», from candere — «to shine». Unknown in ancient Greece, but common from early

times among Romans and Etruscans. Candles on birthday cakes seem to have been originally a German custom. «To hold a candle to» originally meant «to help in a subordinate capacity».

«a deacon» — O. E. deacon, from L. diaconus, from Gk. diakonos «a servant of the church, religious official».

As the number of these words is almost five hundred, surely it seems impossible to elicit all of them in the atricle.

4. And finally, another pre-eminent group of Latin borrowings entered English with the revival of learning (XV–XVI centuries) at the Renaissance times. [6, p. 70–125] Latin was drawn upon the scientific nomenclature. As at that time the language was understood by scientists all over the world, it was considered the common name-language for science. These words were mainly borrowed through books, by people who knew Latin well and tried to preserve the Latin form of the word. Here are the examples:

«an antenna» — appeared in 1646, from L. antenna — «a sail yard», the long yard that sticks up on some sails, translation of Gk. keraiai «insects' horns». Modern use in radio, etc., is from 1902. (the plural form is «antennae»).

«a phenomenon» — 1576, «a fact, an occurrence», from L. phaenomenon, from Gk. phainomenon — «something which appears or is seen», noun use of neut. prp. of phainesthai «appear». The meaning «extraordinary occurrence» first recorded in 1771. The plural form is «phenomena». Phenomenal — meaning «smth. of the nature of a phenomenon» is from 1825. The shortened form phenom is from the baseball slang, first recorded ca. 1890.

«a formula» — 1638, from L. formula — «a form, rule, method, formula», dim. of forma — «a form». Originally, «words used in a ceremony or ritual». The plural form is «formulae».

As we have seen in the stated examples these nouns preserved their original plural inflexion to this day and these forms still exist in the language. A great number of them has suffixes that clearly mark them as Latin borrowings of the time:

— verbs ending at **-ate, -ute**:

«to aggregate» — c. 1400, from L. aggregatus/aggregare — «add to», from ad- «to» + gregare — «a herd»;

«to separate» — early XVc., from L. separatus/separare, from se — «apart» + parare — «to make ready, prepare». The adjective meaning «detached, kept apart» is first recorded ca. 1600, from the pp. used as an adjective. Separatism (1628) and separatist (1608) were first used in religious sense;

«to prosecute» — XVc., from L. prosecutus, pp. of prosequi — «follow after». The meaning «to bring to a court of law» is first recorded in 1579.

— adjectives ending in **-ant, -ent, -ior, -al**:

«evident» — mid. XIVc., from L. evidentem (nom. evidens) — «perceptible, clear, obvious», from ex- «fully, out of» + videntem (nom. videns), prp. of videre «to see». Evidence is L. L. evidentia — «proof», originally — «distinction»;

«**superior**» — XIVc., from L. superior — «higher», comparative of superus — «situated above, upper», from super — «above, over»;

«**cordial**» — XIVc., from M. L. cordialis — «of or for the heart», from L. cor (gen. cordis) — «heart». Original sense of the notion was medicine, foods and drinks that stimulate the heart. [6, p. 350–378]

The significance of Latin borrowings can be marked not only in the distant times but nowadays too. Surprisingly, but borrowings continue to appear in Modern English as well.

There are quite a lot of them, for instance:

1. in medicine;

«**aspirin**» — coined in 1899 in Germany as a trademark

name, either from from Gk. a- «without» + L. spiraea, the plant in which the natural acid in the medicine is found, or a contraction of acetylierte spirsäure, the name of the acid found in the leaves of the plant.

2. in chemistry;

«**valence**» — 1884, from L. valentia — «strength, capacity», from valentem (nom. valens), prp. of valere — «be strong».

Now it's high time we made certain conclusions, according to the investigation, carried out in the given scientific article. Comparing the amount (153 words analyzed) and strata of Latin borrowings on the English language in different historical periods, we get the following results that are best presented in the form of a table.

Table 3

The strata of borrowing

I c. B. C. — III c. A. D.	IV c. A. D.	VI c. A. D.	XII–XIII c. A. D.	XV–XVI c. A. D.
Articles of clothing	Names of places	Church nomenclature	Common vocabulary	Scientific strata
Articles of household use		Words denoting religious notions		Medicine
Words denoting foods				Chemistry
Names of trees, plants, herbs				Technology
Words connected with war and trade				
Notions for construction and building spheres				
Units of measurement and containers				

Table 4

The amount of borrowed word units (according to the number of words analysed-153)

Date	Number of Latin Borrowings
I c. B. C. — III c. A. D.	8
IV c. A. D.	1
VI c. A. D.	18
XII c. A. D.	4
XIII c. A. D.	5
XIV c. A. D.	31
XV c. A. D.	24
XVI c. A. D.	31
XVII c. A. D.	25
XVIII c. A. D.	3
XIX c. A. D.	3

Thus, having considered the issue of Latin borrowings in the English language we can draw the following conclusions on the basis of the material studied above.

The role of the Latin language in Medieval Britain is clearly manifest; it was determined by such historical events

as the Roman occupation of Britain, the influence of the Roman civilization, the introduction of Christianity and the Renaissance. It is no wonder that the Latin language exerted considerable influence on different aspects of English: the Old English alphabet, the growth of writing and literature.

The impact of Latin on the Old English vocabulary enables us to see the spheres of Roman influence on British life.

Latin words entered the English language at different stages of the history. Chronologically they can be divided into several layers.

1. The earliest layer comprises words, which the West-Germanic tribes brought from the continent when they came to settle in Britain. For instance, **weall** (wall), **straet** (road, street), **mīl** (mile). The contact with the Roman civilization began long before the Anglo-Saxon invasion.

2. The adoption of Latin words continued in Britain after the invasion, since Britain had been under Roman occupation for almost 400 years. Later on Latin words were transmitted to them by the Romanized Celts. Early borrowings from Latin indicate the new things and concepts learned from the Romans: they pertain to war, trade, agriculture, construction and building and home life.

Words connected with trade indicate general concepts, units of measurements and articles of trade unknown to the Teutons before they came into contact with Rome: Old English *cēapian*, *cēap*, *cēapman* and *manZian*, *manZunZ*, *manZere* (to trade, deal, trader, to trade, trading, trader) came from the Latin names for 'merchant' — *caupo* and *mango*. Units of measurement and containers were adopted with their Latin names: Old English *pund* (New English *pound*), *ynce* (*inch*) from Latin *pondo* and *uncia*.

The following words denote articles of trade and agricultural products, introduced by the Romans: O. E. *win* (from L. *vinum*), O. E. *butere* (from L. *būtyrum*), O. E. *plume* (from L. *prunus*), O. E. *ciese* (from L. *cāseus*), O. E. *pipor* (from L. *piper*), (N. E. *wine*, *butter*, *plum*, *cheese*, *pepper*).

A great number of words related to building, domestic life and military affairs were borrowed into the English language: O. E. *cealc* — N. E. *chalk*; O. E. *pyle* — N. E. *pillow*, etc.

3. Among the Latin loan-words adopted in Britain there were some place-names or components of place-names used by the Celts. Latin *castra* in the shape *caster*, *ceaster* — «camp» formed O. E. place-names which survive today as *Chester*, *Dorchester*, *Lancaster* and the like (some of them with the first element coming from Celtic); L. *colonia* — «settlement for retired soldier» is found in *Colchester* and in the Latin-Celtic hybrid *Lincoln*; L. *vicus* — «villag» appears in *Norwich*, *Woolwich*, L. *portus* — in *Bridport* and *Devonport*.

The next period of Latin influence on the Old English vocabulary began with the introduction of Christianity in the late 6th c. Numerous Latin words which found their way into the English language during these five hundred years clearly fall into two main groups:

1. words pertaining to religion,
2. words connected with learning. [8, p. 236–240]

The new religion introduced a large number of new conceptions which required new names. Most of them were adopted from Latin, some of the words go back to Greek prototypes: (O. E. *apostol*; apostle from L. *apostolus* from Gk. *apóstolos*).

We may also add to this list some other modern English words from the same source: *abbot*, *alms*, *altar*, *angel*, *ark*, *creed*, *disciple*, *hymn*, *idol*, *martyr*, *noon*, *nun*, *organ*, *palm*, *pine*, *pope*, *prophet*, *psalm*, *psalter*, *shrine*, *relic*, *rule*, *temple* and others.

After the introduction of Christianity many monastic schools were set up in Britain. The spread of education and the Great Revival of Learning led to the wider use of Latin: teaching was conducted in Latin, or consisted of learning Latin. These conditions are reflected in a large number of borrowings connected with education, and also words of a more academic, «bookish» character. Unlike the earlier borrowings scholarly words were largely adopted through books; they were first used in O. E. translations from Latin, e. g.: (O. E. *scōl*; N. E. *school*; L. *schola* (Gk. *skhole*).

Due to this analysis we come up to the conclusion that the issue of the words borrowed from Latin is the important and significant one. As we see, Latin words were borrowed in particular historical periods and due to close contacts with the Roman civilization nowadays we have the abundance of Latin loan-words in the Modern English word stock. The significance of borrowings should not be underrated because they reflect the whole history and that very time period when they entered the English language. However, it is rather difficult to trace accurately the development and ways of assimilation of borrowings as these events are so far back in history. Nevertheless, it becomes more captivating, necessary and reasonable to analyze this very issue — Latin borrowings in the English language and understand how Roman civilization influenced English word stock as numerous traces of this influence are clearly seen even now.

References:

1. Arnold I. V. The English Word. Лексикология совр. англ. яз./И. В. Арнольд. — М.: Высшая школа, 1986, p. 295.
2. Baugh A., Cable Th. A History of the English Language./Fifth Edition. — Routledge, London, 2002, p. 447.
3. Barber Charles, Beal Joan C., Shaw Philip A. The English Language: A Historical Introduction./Charles Barber. — Cambridge: Cambridge University Press, 2009, p. 322.
4. Barnhart, Robert K., Barnhart Concise Dictionary of Etymology./Robert K. Barnhart. — London, Collins, 1995, p. 944.
5. Lass R. Old English: A Historical Linguistic Companion./R. Lass. — Cambridge: Cambridge University Press, 1994, p. 324.
6. Williams J. M. Origins of the English Language: A Social and Linguistic

7. History./J. M. Williams. — New York: The Free Press, 1975, p. 418.
8. Аракин В.Д. Очерки по истории английского языка: Учеб. пособие./В. Аракин. — М.: Физматлит, 2007, p. 288.
9. Аракин В.Д. История английского языка./Под редак. О.А. Пекиной. — М.: Физматлит, 2003, p. 272.
10. Дубенец Э.М. Лексикология современного английского языка: Modern English Lexicology./Э.М. Дубенец. — М.: «Глосса-Пресс», 2002, p. 192.
11. Секирин В.П. Заимствования в английском языке./В.П. Секирин. — Киев: Изд-во Киевского унив., 1964, p. 152.
12. Смирницкий А.И. Хрестоматия по истории английского языка с VII по XVII вв.: Серия «Классическая учебная книга»./А.И. Смирницкий. — М.: Академия, 2008, p. 304.

Etiquette statement of compliment in English culture

Бедретдинова Ирина Алексеевна, старший преподаватель;

Ахмедова Айгюль Тариеловна, студент

Московский государственный университет экономики, статистики и информатики

This article deals with the notion of statement of compliment in English culture with a woman as an addresser, and a man (men) and a woman (women) as the recipient.

.Ключевые слова: *compliments, communication, statement, etiquette, lingvoculture, communicative strategy, verbal act.*

Researchers who analyzed speech in the context of life and human activity applied to a verbal act theory. Issues of verbal act are included in the linguistic concepts of C. Bally, MM Bakhtin, KL Buhler, W. Humboldt, S. Kartsevskii, LP Yakubinsky and so on. Integrity and development of the theory were developed in the linguistic philosophy under Wittgenstein's pressure. Interests of researches such as GP Grice, J. Austin, James. Searle, were concentrated on the theory of «speech act» which leads to the fact that the concept of «verbal acts» is one of the central one in Pragmalinguistics [11, 447]. Verbal acts are also the main subjects of analytic philosophy's study, the basis of what was founded in Oxford lectures in the second half of the 1950s by George Austin. Later his ideas were developed by other scientists such as A. Wierzbicka, GP Grice, J. Leach, J. Searle and etc.

The verbal act theory considers communication to be a purposeful activity where a statement is basic measurement. A statement considers to be something among pauses in oral speech and something among points in written speech; usually a statement is a sentence [8, 1–5].

In the process of communication one participant uses means of communication for expression of his emotional condition with a certain communicative goal. Therefore, for the successful implementation of the communicative acts the main factor is sender's informative intention and his communicative purpose.

A verbal act is a measurement of linguistic communication. The word «act» is used to emphasize the dynamics, process of an action. If you do not mean a process, the term of a «statement» is often used. Verbal acts are considered to be qualified as realization of proposals.

As it was noted by N. D. Arutyunova, a verbal act is a purposeful verbal action that takes place in accordance with the principles and rules of verbal behavior accepted in a given society; units of social behavior that is considered within the pragmatic situation [5, 179].

M. Halliday considers a verbal act to be «a choice of the only one alternative and a lot of the others linked with each other forming a»semantic potential «language» [9].

According to I. P. Susov, a verbal act is a verbal action for a speaker's impact on a listener, for the interaction of speaker and listener in the process of object-practical and theoretical-cognitive activity. The text, in his opinion has its ultimate aim to provide exposure, motivation in general [2, 247].

Thus, speaker and addressee are involved in the speech, acting as carriers of certain social roles or functions agreed among them. Participants in the speech have general language skills (verbal competences), knowledge and ideas about the world.

In the theory of speech acts the subject of speech activity is understood as an abstract individual, being a carrier of a number of psychological and social characteristics. Usually, the subject of the speech act produces utterance, oriented on the listener's perception. The statement serves both a product of the speech act and a tool to achieve a certain goal. Depending on the circumstances or conditions (in which speech act is committed), it can reach the goal and prove to be successful or not, and that will lead to illocutionary failure. Conditions of success suggest that the recipient is able to identify the illocutionary force of the speech act, which must be expressed verbally or non-verbally. In other case, the speaker is expected to fail in communication [10, 78].

In linguistic works of the past decade, greater attention is paid to gender studies. According to the term, the cultural, social, linguistic factors refer to studies that determine not only the society attitude to men and women, but also the verbal behavior of speakers due to their belonging to one or other sex, as well as stereotypes of masculinity and femininity.

A study of the gender dimension of verbal communicants' behavior has great importance in linguistics because its accounting allows linguists to penetrate deeper into female or male view, and thus better understand the real-life model of the orienting behavior of men and women, as well as the specifics of the male and female voice strategies and tactics.

The object of this article is etiquette statement of compliment in English culture with a woman as an addresser, and a man (men) and a woman (women) as the recipient (s). The subject of this article is communicative tactics of women-addressers [6, 207].

We will proceed from the following theoretical propositions:

1) Communicative tactics are «a set of practical moves in the actual process of verbal interaction». It contributes to the realization of the speech strategy and always correlated with a set of existing communicative intentions or goals.

2) Communicative strategy is a «set of pre-planned and implemented theoretical moves to achieve communicative goals». It is correlated with the communicative purpose and not with intentions. In a number of works it is noted that communicative strategy is universal and cannot have national characteristics. Communicative tactics are always a derivative to the national culture and distinctive in different ethnocultural and linguistic communities.

3) A compliment is etiquette saying and verbally constitutes «highly structured formula that can be applied with minimal effort in a variety of situations requiring favorable comments (interpretation)».

4) The main function of compliments is to create or maintain solidarity between the addresser and the addressee. Compliments in Western cultures (especially in the American) are so great that they were figuratively but very accurately called «social lubricant».

5) Compliment consists of two-member speech actions: compliment (remark-stimulus) — answer to a compliment (remark-response) [11, 447].

Overall, communicative addressee strategy in English can be described as a strategy of origin or development of personal existing contacts with recipients, a strategy to consolidate solidarity with addressee, or, in other words, the strategy of establishing and maintaining mutual understanding and agreement with the recipients. Men' and women' different attitude to compliments in Western societies leads to a strategic and tactical differences in female compliments to opposite-sex companions.

The possibility of clear opposition in male and female compliments is explained by Western sociolinguist as theoretical proposition that men and women behave differently in communicative situations [12, 120].

Communicative women behavior can be generally characterized as cooperative, in contrast to the men communicative behavior, which is characterized as a competitive and control-oriented. If we talk about holistic women contribution in the process of interaction, this contribution can be described as «other-oriented» [2, 247].

Such differences in the communicative behavior of men and women are the cause of their different attitude to compliments. Based on the assumptions of the theory of politeness (by P. Brown and S. Levinson), we can say that women treat the compliments as the statements of positive comity (statements that demonstrate the unity and solidarity), and for men compliments are statements of negative politeness (a statement providing freedom of action).

Women perceive compliments as a mean of expressing verbal approval or encouragement of behavior which is socially accepted. The British and American middle-classes are expected to take interest in various ornaments, beautiful dresses, stylish hairstyle, explicit interest in family matters and parenting. For a woman to look attractive, wear a beautiful dress and decoration mean to fulfill socio-mediated role.

Men do not believe the compliments are the best mean of expressing the solidarity, so they often verbalize compliments in situations in which their use is prescribed by the rules of etiquette or social politeness.

The question of "who is who" (men to women, women to men, or members of the same sex when communicating with each other) have been solved a long ago in Western society. According to N. Wolfson, J. Manes, J. Holmes, the women are those who act as the sender and recipients of the compliments. In this case, the most frequent are «women to women» compliments, then «women to men» and «men to women» compliments. «Men to men» compliments are rarer. The fact that most recipients of compliments are women is explained by their positive attitude to compliments [3, 30–36].

Compliments to women about their skills come from men of higher social status, having the right to express approval or to assess the behavior of subordinate women (by virtue of the status of superiority) [7, 208].

As for the compliments about appearance, jewelry, clothing, the social status of women-recipients in this case is not relevant. Here it is necessary to talk about the above-mentioned social role of women. Compliments on the jewelry and clothing can be addressed to women of any social status by both men and women [1, 34].

Based on the foregoing, women relation to the compliment and focusing their communicative behavior on making cooperation, we assume that women compliment is a practical move, tactically aimed at implementing the communication strategy of establishing or maintaining contact with the addressee-recipient. Therefore, women in the British lingvoculture while building their compliments should take into account not only the intended subject of the statements, but also the age and social status of recipients.

Communicative tactics of women compliments in English lingvoculture manifested at the level of choice: utterance and language units [2, 247].

For purely female compliments, it is usual a rare use of topics related to female recipients' family (except their children), their nature and health. In our opinion, this is due to the fact that women avoid giving a positive assessment to companion's nature and health because such statements can be inadequately perceived by female recipients (as flattery, as irony, or even as an insult) [4, 272].

A misinterpretation of the meaning by women recipients can lead to unexpected for women-addressee outcome: communicative strategy will fail to implement and communicative purpose will fail to achieve.

Compliments about children's success at school and their talent recognize maternal skill in recipients, what is a direct manifestation of the desire to create or strengthen solidarity with the interlocutor.

More numerous compliments are the compliments about female recipients' appearance and voice, their personal belongings (clothes, apartments) and professional ability. The most common themes are about appearance and personal things, which usually attract the attention of the sender while communicating with women. As an item of compliments women-senders primarily select the objects which are visually perceived by both interlocutors and the material embodiment of the recipients' personal taste. Women-senders base their position on that the compliments about appearance are interpreted as verbal expression of solidarity with the addressee:

«I like your dress. I think it's adorable» (I think that it is a charming, delightful). (Collins. Lady Boss).

Woman communicative tactics in the example manifest at the stage of selecting the object of the compliment. Choosing the companion's dress as the object demonstrates addressee's excellent communicative competence. As it is known, in the English lingvoculture the utterance can be interpreted by the addressee as a compliment and not as explicit flattery, if it is associated with something, what is positively assessed by both communicants and has great value to the recipient [13].

At the syntactic level the communicative tactics are expressed in the application of short sentences, and at the lexical level — in the application of emotive adorable and predicate like, both considered to be typical compliments in the English lingvoculture.

It is very difficult to determine the degree of sincerity of the sender in the given context. However, we attribute this compliment to the category of sincere compliments proceeding that sincere compliments are more typical to communication

between interlocutors, which are relatives or close friends and do not depend on each other morally or financially. Sincerity also indicates informal atmosphere communication situation. In this case, the degree of respect between female-addressee and female-sender should be significant through sympathy and positive attitude [6, 200–207].

Women's compliments to men are a perfect example of communication between genders, with women as the initiator of communication who must take into account the above-mentioned men negative attitudes to the compliment. Therefore, female-addressee communicative tactics should be more «subtle» and deliberated, in comparison to a purely female-addresser's compliments.

From thematic point of view, women compliments for men focus on sender's appearance (50 %), on their professional skills (20 %) and on the personal relation of male-sender to female-recipients (20 %). All other issues account 10 % of the examples.

Linguistic units used to women-addresser are so scarce, that only confirm the formulaic nature of the compliment as etiquette of speech genre.

According to our data, the basic syntactic units of compliments in English lingvoculture are (more than 74 %) formula structure you + be + adjective (noun), you + verb + adverb (noun), you + look + adjective (noun), you + have + adjective + noun. I love (like) + your + adjective + noun (frequency of use of these units ranges from 50, 04 % to 1, 47 %). And the most common structure (50, 04 %) is you + to be + adjective (noun) [13].

Among the lexemes used by women for compliments there are some which can be equally distinguished by men and women (good, beautiful, nice, kind, wonderful), and extremely female lexemes (adorable, charming, sweet, lovely, divine). It is very common in female compliments to use adjectives lovely, great. At the same time, the most frequent lexeme in women's compliments is predicate good recorded in 17 % of examples [7, 208].

So, we believe that the women-addressee's communicative tactics of compliments in English lingvoculture is characterized by several features: dealing with the different genders women cannot ignore the significant differences between men and women compliments; the choice of the priority themes of women's compliments to men; women depend on the different attitude of different sexes mailing to the language as a means of communication; verbalizing the compliments women often have to take into account the social status and age of recipients, the extent of his acquaintance with them, as well as formal or informal communication.

References:

1. Басова Т. Комплимент. Учитесь женщину хвалить. Родная газета. — № 13 (99). — 2005. — с. 34.
2. Васильева А. Н. Комплимент как средство речевой коммуникации / А. Н. Васильева. — М.: ПРИОР, 2004. — С. 247.
3. Волюнкина С. В. Комплимент в аспекте жанровых взаимодействий (на материале телевизионных ток-шоу) / С. В. Волюнкина // Филология: Сборник науч. статей. — Красноярск: КрасГУ, 2006. — с. 30–36.

4. Гойхман О. Я. Речевая коммуникация / О. Я. Гойхман, Т. М. Надеина. — М.: ИНФРА-М, 2001. — С. 272.
5. Иссерс О. С. Речевая тактика комплимента в разговорной речи / О. С. Иссерс // Речь города: Тезисы докладов Всероссийск. межвузовск. научной конференции. — Омск. — 1995. — с. 179.
6. Леонтьев В. В. Комплимент как жанр личностного типа дискурса / В. В. Леонтьев // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. — Волгоград: Перемена, 2000. — с. 200–207.
7. Панкратов В. Н. Манипуляции в общении и их нейтрализация / В. Н. Панкратов. — М.: Изд-во института психотерапии, 2001. — С. 208.
8. Серебрякова Р. В. Национальная специфика комплимента и похвалы в русской и английской коммуникативных культурах // Язык, коммуникация и социальная среда. 2001. Вып. 1. с. 1–5.
9. Сурова Е. А. К вопросу о критериях типологизации высказываний в комплиментном дискурсе. URL: www.tverlingua.by.ru
10. Brown, P., Levinson, S. Politeness: Some Universals in Language Use. Cambridge Text: Cambridge University Press, 2-nd ed, 2009. — P. 78.
11. Holmes, J. Paying compliments: A sex-preferential politeness strategy. // Journal of Pragmatics. 2001. Vol. 12. №4. P. 447.
12. Manes, J., Wolfson N. The Compliment Formula, Conversational Routine. The Hague, Paris: Mouton, 1980. P. 120
13. Wolfson, N., Manes, J. The compliment as a social strategy. Paper in Linguistics. 2000. Vol.

Internet slang

Бедретдинова Ирина Алексеевна, старший преподаватель;

Михалева Анастасия Игоревна, студент

Московский государственный университет экономики, статистики и информатики

This article deals with the topic of modern internet slang, its peculiarities and usage. It also describes the relations between society and language and the impact of internet slang on language in general.

Keywords: *language, internet slang, dialects, LOLspeak, leetspeak, netglish.*

Language is a very complicated and multilayered system that is changing and growing constantly. One of the language layers is *slang*. It is defined in Oxford Dictionary as 'type of language that consists of words and phrases that are regarded as very informal, are more common in speech than writing, and are typically restricted to a particular context or group of people' [13]. According to Urban Dictionary, slang is 'the continual and ever-changing use and definition of words in informal conversation' [14]. Thus, we can single out two main feature of slang:

— It is normally used in informal speech (rather oral than written)

— It is used as a 'secret language' by certain groups of people

Slang can be divided into different groups: professional slang, regional slang, teenage slang, etc. But nowadays with the rapid growth of internet community it is especially relevant to consider *internet slang*. It can be defined as 'type of slang that Internet users have popularized, and in many cases, have coined'. It mostly tends to creating abbreviations; shorten forms of words and developing use of keyboard symbols. David Crystal, editor of the Cambridge Encyclopedia of the English Language, comments on it: «So far we have been communicating in speech, writing and with sign lan-

guage. But the internet is neither speech nor writing. It has aspects of both and represents a new form» [4].

Even though today internet slang is comprehensible to all internet users, the first *dialect* of it was created by hackers and was originally considered confidential. It was called *leet-speak* or *1337* and was basically an alternative alphabet, in which each letter was represented by a number, a key-board symbol or a combination of numbers or/and symbols. Sometimes one letter could have various replacements (for example, A could be written as / — \ or ^ or 4 or @). The name for this language was created by misspelling word 'elite' (it can also be spelled '*leet-speak*') and then reproducing letters with the mentioned alphabet symbols: 1 for L, 3 for e and 7 for t.

These are general rules for the leet-speak replacements:

1. The main principle on which replacements are found is graphic resemblance between letters and symbols or numbers, for example, in word *5p34k* → *speak*. 5 looks like S, 3 looks like letter E written backwards and 4 is similar to A.

2. Not only graphic, but also sound resemblance can be used, like in *SEZ* → *says*. In this case, the replacement is basically about transcribing. The transcription is [sez], thus, Z stands for the final S and letter E represents sound /ε/.

3. Another feature of leetspeak is capitalizing consonants or even dropping vowels out. For example, *srsly* → *seriously*; *rly* → *really*.

4. Typing errors are not corrected in leetspeak, such as, *htis* → *this*.

5. Keyboard symbols can be used to create the shape of a letter, for example, *|3r13|=* → *brief*, where *|3* is *B* and *|=* is *F* (also *1* stands for *I* and *3* for *E*)

6. To create a plural form of a noun leetspeakers use suffix 'Orz'. Example: *b00k0rz* → *books* [11].

In the course of time this language has lost its elitism and original function. Today hardcore gamers use this language to insult other players. It has also effected *texting (SMS) language*, where some letters can be replaced by numbers, even though the principle of replacement is slightly different: sound or graphic similarity (for example, *2NTE* → *tonight*, *L8R* → *later*). The variants of this dialect exist in many languages including Russian. Thus, in different languages different symbols and associations might be used. For example, *bl* → *bl* or *Λ* → *Л*.

The other *dialect* of internet slang is *LOLspeak* (or *LOLcat*), that has its own spelling rules based mostly on sound resemblance of words (homonymous misspelling) and 'playing' with grammar rules. The roots of its dialect go back to funny pictures of cats accompanied with grammatically incorrect captions. The images themselves first appeared in 2005 on a website called «Caturday» that was registered on April 30, 2005. However, the term «LOLcat» was not attested until June 2006. Back then, it was first used on the imageboard forum «4chan». And then, the domain name «LOLcats.com» was registered on June 14, 2006. Vaughan and Gawne identify LOLspeak as a form of language play that serves in-group cohesion: if you're in on the joke, you're part of the community [12]. These are general rules of LOLcat.

1. Borrowing the spelling of certain parts of one word to misspell another word that shares certain phonetic sounds (or that just rhymes). Ex.: *ghost* → *goast* or *ghoast* (borrowing from «toast» or «coast»); *moan* → *mown* (borrowing from «own» or «mow»)

2. Words that end in a silent «e» that have a consonant before often exchange the two last letters (*like* → *liek*; *come* → *coem*)

3. In words that end in «er», either the «e» is dropped, replaced with «u», or the ending is changed to «ah» (*over* → *ovah* \ *ovur* \ *ovr*)

4. Diphthongs (multiple vowel sounds in one syllable) are often exaggerated or misplaced (*Baby* → *baybeh*; *funny* → *funneh*)

5. «Th» sounds are usually replaced with «f», but can occasionally be replaced with «tt» or «dd» (*Nothing* → *Nofin*, *nuttin*; *With* → *wif*).

6. Adding «d» or «ed» to atypical spellings of past-tense verbs/verbals or their present-tense forms (*ate* → *eated*; *made* → *maded*)

7. Pronouns are severely transformed (*I am* → *Iz*; *U Plural* → *yuz*; *his* → *him*; *their* → *dem*) [10].

The example of use of LOLcat is: *He went to the store and came back with nothing. He is very bad!* → *Him goed to teh stowr an caem bak wif nofin! Him is vewee wet!*

LOLcat also includes baby-talk, common typing errors, kindergarten misspellings and community-specific mannerisms found on online message boards [10].

Both Leet-speak and LOLcat are now being used by internet society, but their popularity is decreasing because of the development of *social networks*. 'Social network service is an online service, platform, or site that focuses on building and reflecting of social networks or social relations among people, e. g., who share interests and/or activities.' It has become an essential part of modern people life (especially among teenagers and young people). All these active users form some sort of subculture that demands its own language. The reasons internet users are in need of new form of communication are different. First of them is invention of new technological and online phenomena that implies use of new words. Such words are called *neologisms*. They can be specifically created, such as *google* → *to google* (from the search engine name the verb was created) that originally meant 'to look for in google' but now has transformed into simply 'to look, to search'. Another example is *app* that is a smartphone or a web software. But usually neologisms are created by means of modification of existing words. Such as 'social networking' itself. The notion was defined for the first time in 1973 and back then it was 'the use or establishment of social networks or connections' [4]. Only recently, the phrase got linked to internet-based activities.

Another reason of creating new sign system is technical and is mostly connected with *Twitter*, where the number of characters is limited to 140. Thus, tweets (twitter users) have to find the ways to express their feelings and opinions in shorter forms. In addition, most people prefer to communicate in social networks via smartphones rather than PCs. Therefore, it is much easier and more convenient to use *fragments* — abbreviated and truncated words and even sentences. The rules of punctuation are also not always followed, as it requires switching keyboard screens. Thus, ungrammatical forms can be used. Ex.: «*I can't find the document?*» instead of «*I can't find the document. Do you know where it is?*» The other reason people use fragments is that it helps to express emotions, especially if this fragment accompanies a link or a media file. In this case, short and capacious words (or abbreviations) are preferable. For example, simple 'LOVE', 'OMG' (Oh My God) or 'Stahp it!' (Stop it) in the caption are much more meaningful than full grammatically correct sentences. Moreover, people on the internet are not normally inclined to reading long comments and notes, which means it is much easier to get attention by something compact and eye-grabbing. Besides, according to Patricia T. O'Conner, the author of several books on language, 'Because so much of the Internet is image-driven, people are compelled to use much stronger language than they might ordinarily to compete with the image' [6].

For this reason and also because of their emotional and expressive fullness *emoji* are widely used nowadays. Emoji are

the tiny pictures you can put on your texts. They were born in Japan but by now have spread all over the world. However, while in Japan emoji are equally popular with people of all age, in other countries they are considered more appropriate if used by young people. They are especially valuable as they play the same role (along with *gifs* — small animated pictures) that hand gestures, mimicry and other forms of nonverbal communication play in the real-life conversations. Thus, emoji bring on-line conversations closer to real life and make it less 'dry'. They have become so popular among smartphone users, that emoji have been added to the phones virtual keyboard along with regular alphabetic keyboard.

Last thing is, as it was mentioned in the beginning, the desire of internet community to make their language 'secret', only comprehensible to the members of this society. It is especially relevant regarding teenagers. For them internet slang can be the means of socializing and joining to some kind of subculture; of separating themselves from the 'adult world' by creating one on their own. Following this idea, using all the stated methods teens create their secret code that is sometimes very difficult to decode and interpret. The teenager's internet language abounds in abbreviations, cut-downs, intentional distortions and seemingly common phrases that can be misunderstood or seem pointless for people, not familiar with the features of internet slang. For example, a very common internet expression '*want a cookie*' has nothing to do with bakery but is actually used as a sarcastic response to perceived bragging. Another example: 'want a piece of this' means 'want to fight' and usually is used in calling someone out. In general, internet conversations tend to be rather aggressive and vulgar, and one of the purposes of creating this new slang is to cover and soften the rudeness of situation.

Regarding abbreviations, acronyms and cut-downs, it is especially difficult to understand their meaning as their amount is growing rapidly and not all of them stay in language. Often enough such units remain comprehensible only for a small group of people and fade away soon. However, there are still fragments used and recognized by all the internet society members, including abbreviations like *ily* → I love you, *idk* → I don't know; cut-downs like *fab* → fabulous; *fave* → favourite; distortions like *I dunno* → I don't know, *lemme* → let me.

The impact that internet slang has already had on real-life language (especially English) is already noticeable. It is

very common nowadays (particularly amongst teenagers) to use internet abbreviations such as *OMG* in their spoken language. Some say these lexical units will strike roots while others are rather skeptical about it. They are more inclined to believe that specific internet *grammar* will influence both spoken and written language [2]. However, those are only predictions and only time will tell. As for now, some researchers have already singled out *Netglish* (*Internet* + *English*) as an individual language. It is no wonder that it is English language that has been combined with the language of internet. In 2013 English was the majority of internet users was English speaking — more than 800 million users. Two other nationalities represented in the top-3 were Chinese (about 650 million) and Spanish (222 million) [3]. Nevertheless, 55.7 % of web content uses English language. Next language on the list is German with only 6,7 % of content [5]. Thus, a substantial amount of internet users whose mother tongue is not English deal with this language on a daily basis. It has led researchers to the idea that by 2050 more than a half of world population will have become rather fluent in English. The problem is, this form of English is not what we are used to. Most likely, it will be so-called *International Colloquial English* (or *ICE*). It is based on English but includes some borrowings from other languages and text-abbreviations and internet slang (including symbols). Basically it means that *ICE* represents a new form of language: firstly, it combines oral and written speech; secondly, it enables people to communicate in an absolutely different way: one person can be simultaneously involved in dozens of conversations, as well as one conversation may involve dozens of people.

Summing up, internet slang can be difficult to understand and is considered by some people simply as dumping-down of 'google generation' and their disability to express their opinion with traditional language means. It is doubtless, though, that language itself is a constantly developing system, sensitive to all the social changes. Modern society is very busy and highly communicative which means it needs faster and more efficient ways of information exchange. Internet slang with its conciseness and emotionality suits this idea perfectly. Not only it enables people to express their feelings and opinions swiftly with few pushes of keyboard buttons but as well helps to increase the amount of information being decreased. It is particularly relevant in 'information boom' era.

Литература:

1. Кузнецов, А. В. Slang of Social Networks <http://www.moluch.ru/archive/27/2972/#sdfootnote1anc>
2. Internet + English = Netglish http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/1235945.stm
3. Internet world users by language <http://www.internetworldstats.com/stats7.htm>
4. Kleinman Zoe How the Internet Is Changing English <http://www.bbc.co.uk/news/technology-10971949>
5. Usage of content languages for websites http://w3techs.com/technologies/overview/content_language/all
6. Wayne Teddy On Internet Slang, IMHO http://www.nytimes.com/2014/03/30/fashion/on-internet-slang-imho.html?_r=1
7. Worthman Jenna Whimsical Texting Icons Get a Shot at Success <http://www.nytimes.com/2011/12/07/technology/emoji-in-iphones-signals-a-shot-at-mainstream-success.html>

8. <http://en.wikipedia.org/wiki/Lolcat>
9. http://en.wikipedia.org/wiki/Padonkaffsky_jargon
10. http://www.lolcatbible.com/?title=How_to_speak_lolcat
11. <http://www.netlingo.com/word/leetspeak.php>
12. <http://stancarey.wordpress.com/2011/12/08/lolcat-linguistics-i-can-has-language-play/>
13. <http://www.oxforddictionaries.com/>
14. <http://www.urbandictionary.com/>

Фразеологические единицы с компонентом — именем числительным «два»: лингвокультурологический и семантический аспекты

Гаврилова Елизавета Геннадьевна, студент

Филиал Тюменского государственного университета (г. Тобольск)

Ментальность русского народа находит яркое выражение во фразеологизмах с компонентом — числительным. С точки зрения лингвокультурологии фразеологизм является хранителем культурной информации народа. Лингвокультурологический подход выявляет способы отражения культуры в содержании фразеологизмов [2, с. 3].

Во многих фразеологизмах русского языка одним из компонентов являются бывшие лексемы с числовым значением. Материалом для нашего анализа послужило 260 фразеологизмов с компонентом-именем числительным, которые зафиксированы во фразеологических словарях русского языка. Анализ языкового материала позволил сделать вывод о том, что представленность компонентов фразеологизмов с бывшими лексемами именами числительными различается. Так, по нашим данным, во фразеологизмах русского языка одним из наиболее частотных компонентов является лексема «два» и ее производные «оба», «двое», «двойной», «второй». При этом количественное числительное «два» является компонентом в 28 фразеологизмах (12%), собирательные и порядковые числительные — компоненты в 18 фразеологизмах. В целом продуктивность этого числительного составляет 20% в анализируемой фразеологической подсистеме: *убить двух зайцев* — «одновременно сделать два дела; добиться осуществления двух целей», *два Аякса* — «неразлучные друзья», *есть в два горла* — «очень много кушать», *как две капли воды* — «совершенно, очень сильно похож, схож», *от горшка два вершка* — «1. очень маленький (о ребёнке); 2. человек небольшого роста, *вторая натура* — «одна из существенных черт, особенностей, склонностей человека», *второе дыхание* — «прилив энергии, бодрости в состоянии усталости», *играть вторую скрипку* — «занимать не главное, подчинённое положение в каком-либо деле».

Идея и символика двойственности в целом не характерны для русской культуры, особенно в христианский период ее существования, однако в язычестве ее присутствие гораздо более заметно и проявляется, например, в образах Чернобога и Белобога, или Ивана и Купалы,

олицетворявших собой две половины года. Идея чета и нечета выражала собой соотношения правого и неправого начал. Славянскую мифологию пронизывала идея борьбы таких начал, как Жизнь (Жива, Род) и Смерть (Навь, Морена), живая и мертвая вода, Правда и Кривда [1, с. 142].

Число *два* символизирует парность, четность, удвоение. Воплощает в себе нечто преходящее, неустойчивое, делимое, неоднозначное: *между двумя стульями сидеть, ни два ни полтора, палка о двух концах, между (меж) двух огней*. Довольно популярные фразеологизмы в этой группе имеют библейское происхождение.

Двум господам служить — «работать, действовать, угождая двум противостоящим сторонам». Восходит к Библии: «Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне». «Маммона» означает «богатство» (Матф. 6:24).

Второе пришествие — «отдалённое будущее, неопределенно далёкий срок». Значение этого фразеологизма имеет истоком христианское учение о вторичном появлении — «втором пришествии» Христа на землю [5, с. 23].

Фразеологизм *меж двух разбойников* используют в том случае, когда хотят охарактеризовать человека, оказавшегося в позорящей его ситуации (компании), но при этом сохраняющего свои положительные качества. Этимологически значение фразеологизма связано с выражением, описывающим характер смерти Иисуса Христа, крест которого, согласно сообщениям Евангелий, был воздвигнут между распятиями преступников Димас и Гестаса, получивших прозвание Благоразумного и Безумного разбойников [4, с. 56].

Число *два* для русского народа — символ парности, удвоения. В то же время это нечто неустойчивое, неоднозначное, а значит, неосновательное [6]. Отсюда *сидеть между двумя стульями, ни два ни полтора, палка о двух концах, между (меж) двух огней*. И таких фразеологизмов, выражающих отрицательную оценку, в рус-

ском языке немало, так как народ всегда стремился не выражать свое положительное отношение к чему-либо, чтобы не спугнуть удачу, но стремился высказаться в том случае, если необходимо было дать отрицательную оценку действительности, чтобы освободиться от этого.

Символический смысл неоднозначности лексема «два» хранит не только в русской, но и в западноевропейской культуре. «Два» так же служит для передачи антагонизма и противоречия и в английской культуре: *two-faced* — «неискренний, двуликий», *torn between two things* — «трудный выбор между двумя (вещами)», *have two strikes against one* — «быть в трудной ситуации, иметь что-либо работающее против кого-либо», *have second thoughts about (someone or something)* — «испытывать сомнения по поводу кого-либо чего-либо», *to be in two minds* — «быть в нерешительности, стоять перед альтернативой», *swim between two waters* — «коле-

бание между двумя мнениями или решениями»; во французской фразеологической системе находим: *entre les deux* — «ни то, ни сё»; *porter habit de deux paroisses* — «служить и вашим, и нашим»; *Il n'y a pas deux poids et deux mesures* — «нельзя мерить двойной мерой»; в немецком языке: *zwei Seelen in einer Brust* — «противоречивые чувства», *das sind zwei Paar Stiefel* — «это две разные вещи, две большие разницы», *seine zwei Seiten haben/Jedes Ding hat zwei Seiten* — «всякой медали есть обратная сторона».

Фразеологизмы с компонентами-бывшими лексемами, именами числительными — достаточно обширный пласт как русского языка. Символика чисел была всегда интересна людям, особенно часто её связывали с религиозными культами, поэтому многие из них отражают верования не только русской, но и других наций, их мифологические представления о тех или иных числах.

Литература:

1. Ключников, С. Ю. Священная наука чисел/Ключников С. Ю. — М.: Беловодье, 1996. — 192 с.
2. Маслова, В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений [Текст]/В. А. Маслова. — 2-е изд., стереотип. — М.: Издательский центр «Академия», 2004. — 208 с.
3. Фразеологический словарь русского литературного языка/под ред. А. И. Фёдорова. — М.: Астрель, АСТ, 2008. — 880 с.
4. Фразеологический словарь русского языка/сост. Войнова Л. А., Жуков В. П./под ред. А. И. Молоткова. — М., 1999. — 544 с.
5. Фразеологический словарь современного русского литературного языка/под ред. проф. А. Н. Тихонова/Сост. А. Н. Тихонов, А. Г. Ломов, А. В. Королькова. Справочное издание: в 2 т. — М.: Флинта: Наука, 2004.
6. Шах, Г. Энциклопедия — сказочные страны, королевства и царства. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://vse-skazki.ru/index.php>.

Специфика контролирующей стратегии в педагогическом дискурсе

Гудина Ольга Анатольевна, кандидат филологических наук, учитель английского языка
МКОУ Быковская СОШ №1 имени Героя России С.А. Арёфьева (Волгоградская область)

Коммуникативные стратегии и тактики занимают значительное место в теоретических исследованиях различных лингвистических, психолингвистических, когнитивных и социолингвистических направлений. Вариативность данных подходов определяется многогранностью самого понятия стратегии, отражающей непосредственную связь языка и мышления. Основными характеристиками стратегии являются осознанный характер, контролируемость, структурность, гибкость.

В современной лингвистике существует огромное количество трактовок коммуникативной (речевой) стратегии. В своих исследованиях к этому понятию обращаются ученые Л. А. Шкатова, Т. В. Матвеева, О. Я. Гойхман, Е. В. Ключев, О. С. Иссерс. Наиболее подробное определение коммуникативной стратегии приводится Т. В. Мат-

веевой. Под речевой стратегией она понимает «мыслительный план общения посредством речи, направленный на достижение общей коммуникативной цели в речевом событии, и, далее, организацию говорящим своего речевого поведения в соответствии с этим планом, а также условиями общения, ролевыми и личностными особенностями речевых партнеров, культурной традицией». [5, с. 100]. Автор считает, что необходимой составляющей речевой стратегии является целеполагание. Говорящий заранее прогнозирует необходимый прагматический и коммуникативный результат своей речевой деятельности и в соответствии с прогнозом отбирает целесообразные действия, которые могут привести к желаемой цели.

Е. В. Ключев полагает, что коммуникативная стратегия — это часть коммуникативного поведения или ком-

муникативного взаимодействия, в которой серия различных вербальных и невербальных средств используется для достижения определенной коммуникативной цели, «стратегический результат, на который направлен коммуникативный акт». Стратегия — общая рамка, канва поведения, которая может включать и отступления от цели в отдельных шагах [3, с. 11].

О.С. Иссерс понимает речевую стратегию как «план комплексного речевого воздействия, которое осуществляет говорящий для влияния на партнера, специфический способ речевого поведения, совокупность речевых действий, направленных на решение общей коммуникативной задачи говорящего» [1, с. 102].

Исследователи Л.К. Граудина и Е.Н. Ширяева обращают внимание на обусловленность выработки стратегии требованиями стилистической нормы. Стратегия связана с «поисками общего языка и выработкой основ диалогического сотрудничества: это выбор тональности общения, выбор языкового способа представления реального положения дел» [4, с. 345].

По мнению Т.В. Матвеевой, речевая стратегия определяется, с одной стороны, личными мотивами, потребностями, установками, убеждениями, всей ценностной системой говорящего, с другой — системными ценностями культуры народа, действующими социальными нормами и конвенциями. То есть «налицо как личная, так и общая социально-культурная детерминированность стратегий» [5, с. 149].

Функцию осуществления стратегии речи выполняют коммуникативные тактики. Лингвисты определяют речевую тактику как этап, ступень осуществления речевой стратегии. Матвеева предлагает понимать коммуникативную тактику как «речевой акт, взятый в аспекте целеполагания и представляющий собой конкретный этап осуществления речевой стратегии, то есть шаг на пути к генеральной цели» [5, с. 176].

Как указывает Е.В. Ключев, коммуникативная тактика, прежде всего, соотносится не с коммуникативной целью, а с набором коммуникативных намерений. Это и отличает ее от коммуникативной стратегии. Коммуникативное намерение трактуется Е.В. Ключевым в качестве «тактического хода, являющегося практическим средством движения к соответствующей цели» [3, с. 11].

Таким образом, коммуникативная стратегия представляет собой творческую поэтапную реализацию коммуникантом плана построения своего речевого поведения для достижения общей языковой/неязыковой цели общения в речевом событии. Главная цель педагогического дискурса — социализация человека. Поддерживая контакт с адресатом (обычно коллективным), учитель осуществляет невербальный контроль общения, дозирует время объяснения нового, повторения пройденного материала, называет этапы занятия, соотносит моменты информативного и фатического (контактоустанавливающего) общения.

Для многих контроль означает ограничение, принуждение, отсутствие самостоятельности — все то,

что прямо противоположно нашим представлениям о свободе личности. Для педагога контроль — это то, что позволяет удерживать учеников в определенных рамках. Это можно считать верным, т.к. один из аспектов контроля действительно состоит в обеспечении подчинения чему-то. Однако сводить контроль просто к неким ограничениям, исключающим возможность действий, наносящих вред и заставляющих каждого вести себя строго дисциплинированно, — означало бы упустить из виду основную задачу обучения.

Слово *контроль* иностранного происхождения. Оно образовано от английского слова *control*. В русском языке это слово имеет два оттенка: контроль — как «проверка» и находиться под контролем — то есть «быть управляемым».

Следует подчеркнуть важность и необходимость контроля в процессе обучения. Учитель начинает осуществлять функцию контроля с того самого момента, когда он сформулировал цели и задачи и создал обучение. Контроль очень важен, если вы хотите, чтобы обучение проходило успешно. Без контроля начинается хаос. Контроль является неотъемлемым элементом самой сущности всякого обучения. Контроль как речевая стратегия педагогического дискурса может преследовать разные цели, однако во всех случаях он не является самоцелью и носит обучающий характер: он позволяет совершенствовать процесс обучения, заменять малоэффективные приемы и способы обучения более эффективными, создавать более благоприятные условия для коррекции и улучшения практического владения языком, для воспитания учащихся средствами языка. Контролирующая стратегия в педагогическом дискурсе представляет собой сложную интенцию, направленную на получение объективной информации об усвоении знаний, сформированности умений и навыков, осознании и принятии системы ценностей. Это обратная связь, выражающаяся в проверке готовности к получению новой информации, в контроле понимания во время объяснения и после предъявления нового материала. Контролировать — значит поддерживать контакт с адресатом, стимулируя внимание, вести опрос, экзаменировать, тестировать [2, с. 120].

Контролирующая стратегия направлена не только на реализацию цели контроля усвоенных учащимися знаний (прием информации), но и на дисциплину в аудитории (*Соблюдайте тишину!/Потише, пожалуйста!/Не разговаривайте!/Успокойтесь!/Be attentive!/Could I have your attention, please?/Be quiet! Everyone listen!/Don't all shout. Don't talk at once!/Get on with your work quietly/Don't you talk!/Sit down! One more outburst from you or anyone else and you are out of this school! Do you hear me?!/This is your final warning*).

Контроль имеет следующие функции: диагностирующую, корректирующую, стимулирующую, предупредительную, регулирующую, обучающую, воспитательную, развивающую и обобщающую.

Контрольно-корректирующая функция состоит в выявлении степени овладения отдельными группами учащихся (сильных, средних, слабых) новым материалом, знаниями, навыками и умениями с целью улучшения этого владения в совершенствовании методики корректирования, т. е. внесение изменений в нее в соответствии с особенностями данного класса, уровнем обученности в конкретных видах речевой деятельности в соответствии с новыми данными методической теории и опыта.

Контрольно-предупредительная проверка дает возможность обратить внимание учащихся на то, какой материал, какие навыки и умения подлежат проверке, какие требования предъявляются учителем, определить степень готовности учащихся к проверке, уровень владения материалом. Она позволяет выявить пробелы в усвоении материала, отдельных языковых явлений и своевременно ликвидировать их.

Контрольно-обобщающая функция состоит в выявлении степени владения навыками и умениями по части курса обучения (в конце темы, четверти, полугодия, года). Эта проверка имеет обобщающий, комплексный характер.

Регулирующая функция представляет собой корректировку педагогом хода занятия, осуществление контроля работы учащихся. Здесь используется императивная стратегия, которая реализуется через регулирующую тактику (*Тишина в классе! / Bom, posmotrite пожалуйста задание 21 / Everybody, look here! / Look at the blackboard!*). Тактика контроля может осуществляться использованием форм синтаксического индикатива в императивном значении (*Так, раскладываем свои вещи / Готовимся к уроку / Усаживаемся / Quickly! / Go on working!*).

Развивающая функция контроля состоит в стимулировании познавательной активности учащихся, в развитии их творческих способностей. Контроль обладает исключительными возможностями в развитии учащихся. В процессе контроля развиваются речь, память, внимание, воображение, воля и мышление школьников (*I want you to picture her clothes. Only her clothes, very clearly, in your mind / Imagine Professor Snape in your grandmother's clothes / I want everyone to picture the thing they fear most....and turn it into something funny / Concentrate*).

В педагогической практике используют следующие виды контроля: а) текущий (следящий), б) тематический, в) периодический, г) итоговый. Все указанные выше виды контроля применяются на разных этапах урока в соответствии с его спецификой.

Текущий контроль — самый распространенный и наиболее эффективный вид контроля, когда речь идет о систематической контрольно-корректирующей функции проверки. Текущий контроль проводится для оценки степени усвоения учениками учебных материалов и осуществляется в виде непрерывного контроля. Формы текущего контроля могут быть самыми разнообразными: тесты, система контрольных вопросов, контрольные задания, опросы, коллоквиумы, рефераты и т. д.

Осуществление контролирующей стратегии посредством проверки домашнего задания — это наиболее оперативная, динамичная и гибкая проверка результатов обучения. Это дает учителю и ученику возможность своевременно отреагировать на недостатки (*Pronunciation is your weak point, I'm afraid*), выявить их причины и принять необходимые меры к устранению (*Have another try and make your reading more distinct*); вернуться к еще не усвоенным правилам, операциям и действиям (*That's it.. Please, Helen, pronounce the words. Now it's correct. You must work more.*). Проверка знаний проводится в устном опросе как диалог учителя с одним учащимся и затем со всем классом (*Let's begin.. We'll check our homework / Mike, will you take your exercise-book and come to the board / And you, Helen, read Text 7, will you? / The others should write down the mistakes if she has any / Do you follow me? / Will you read a little louder, please? / That'll do. Any mistakes noticed?*).

Для учебного диалога очень важна продуманная система вопросов, которые проверяют не только способность учеников запоминать и воспроизводить информацию, но и осознанность усвоения, способность рассуждать, высказывать свое мнение, строить ответ, активно участвовать в общей беседе, умение конкретизировать общие понятия. В речи педагога часто встречаются информационные вопросы, которые задаются с целью передачи новых знаний, их закрепления или повторения пройденного материала (*Кто помнит, в чем заключается правило буравчика? / Как определяется сила Ампера? / Где находится Аргентина, Иванов? / What's the difference between the definite and indefinite article?*), а также фатические вопросы, направленные на регулирование учебного процесса, установление, поддержания или прерывания контакта (*Well, what's your last name? / Тебе поинтереснее упражнение дать?*). В данном случае контролирующая стратегия носит и обучающую, и развивающую функции. Обучающая функция контроля заключается в совершенствовании знаний и умений, их систематизации. В процессе проверки учащиеся повторяют и закрепляют изученный материал. Они не только воспроизводят ранее изученное, но и применяют знания и умения в новой ситуации.

Во время проверки необходимо поддерживать ситуацию успеха и поощрять ученика для того, чтобы формировать правильное отношение к контролю. Здесь можно проследить связь контролирующей стратегии с оценивающей, что выражается в использовании преподавателем экспрессивов и апрейзоров во время урока (*Very good! / Wonderful, Neville, wonderful! / Incredible! / Okay.... Marvelous! / Absolutely, very, very enjoyable! / Wonderful, wonderful!*).

Тематический контроль предусматривает проверку усвоения и овладения учащимися соответствующими навыками, умениями в результате изучения темы (параграфа учебника) на заключительных уроках, иногда предусматриваемых авторами учебников. Данный вид

контроля заключается в проверке усвоения программного материала по каждой крупной теме курса, а оценка фиксирует результат.

Периодический контроль проводится, как правило, с целью проверки овладения материалом большого объема, например изученного за учебную четверть или за полугодие. Этот вид проверки может выявить общее состояние успеваемости учащихся класса. Контролирующая стратегия в данном типе опроса носит ориентирующую функцию, то есть учитель контролирует степень получения информации учеником самостоятельно, выясняет, насколько усвоен и как глубоко изучен материал, преподаватель преследует интерпретативную цель педагогического дискурса, он хочет получить ответы на вопросы «Что имеется в виду?», «Каково смысловое содержание?». Учитель оперирует вопросами, которые помогают ему выявить уровень владения и осмысления книги (*Какова тема пьесы?/Кто — нибудь знает разницу между сюжетом и темой?/Он утверждает, что чествование — это плохо?/Ты хочешь сказать, что чрезмерное чествование может привести к беде?*).

Итоговый (заключительный) контроль — это контроль навыков и умений, который проводится в конце каждого года обучения. Итоговый контроль осуществляется в качестве оценки результатов обучения за определенный, достаточно большой промежуток учебного времени — четверть, полугодие, год.

Как текущий, так и итоговый опрос представляет собой серию заданий, в которых формулируются наиболее важные моменты применительно к темам теоретических дисциплин и практических курсов. Формулировка вопросов может быть выражена как в виде вопросительных (*How would you treat a case of tetanus?/How will you test diphtheria serum?/How would you treat a case of simple sore throat?*), так и в виде побудительных предложений, в особенности побуждений-команд (*Откройте учебники/Найдите упражнение 12/Put down the following .../Read the words and give their definitions*), в письменном опросе формулировки обычно даны как номинативные повествовательные предложения. Иногда педагог намеренно использует наводящие вопросы (которые он произносит с оттенком иронии), чтобы уличить уче-

ника в недостаточном знании предмета (*В каком веке создано «Слово»? — В двенадцатом. В конце. — Верно. Что случилось с князем Игорем? — Князь Игорь попал в плен. — Правильно! Князь Игорь попал в плен. Ах, черт возьми! Ах, досада какая! Как же это он попал в плен?!).*

Что касается экзамена, то его основное отличие как формы контроля знаний, умений и навыков состоит не в содержательном, а в ситуативно-статусном отношении: экзамен представляет собой формальную процедуру контроля и оценки. Формализация экзамена соответствует функции ритуала: обозначить определенный этап в жизни человека. В этом смысле экзамен как жанр педагогического дискурса является инициацией и значит гораздо больше, чем контрольное мероприятие. В педагогическом общении широко используются различные тесты, т.е. стандартные задания, применяемые с целью определения умственного развития, специальных способностей, волевых качеств человека и других сторон его личности.

Педагогическое общение полифункционально. В педагогике выделяются следующие функции педагогического общения: конструктивная (отбор и организация учебного материала), организаторская (организация учебного процесса, выбор форм работы) и собственно коммуникативная, включающая в себя все виды совместной деятельности учителя и учащихся. Все три функции соотносены с целями деятельности учителя: обучающей, воспитывающей, развивающей. Они взаимосвязаны и взаимообусловлены. Вся деятельность учителя, его коммуникативные действия носят воспитательный характер. Учащиеся вольно или невольно воспринимают речь учителя, его манеру общаться как образец. Коммуникативная стратегия взаимодействия «учитель — ученик» определяется учителем, управляющим процессом познавательной деятельности, регулирующим взаимоотношения между учащимися, создающим атмосферу доброжелательного и активного речевого общения. Это ярко выраженная стратегия партнерства, кооперации. Речь учителя на уроке имеет специфические черты, которые проявляются в преобладании в речи стереотипных учительских вопросов и побуждений, клишированном характере реплик и эксплицитно выраженных средств адресации.

Литература:

1. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. — Омск, 2006.
2. Карасик, В. И. Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. — Волгоград, 2000.
3. Ключев, Е. В. Речевая коммуникация: Учебное пособие для университетов и вузов. — М., 1998.
4. Культура русской речи: Эффективность общения. — М., 1996.
5. Матвеева, Т. В. Как поддержать разговор: Для тех, кто хотел бы совершенствоваться. — Пермь, 1995.

Англо-американизмы и речевые стратегии

Гуторова Наталья Сергеевна, аспирант

Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

В статье рассматривается многообразие функций, реализующихся англо-американизмами в современной письменной русской речи.

Ключевые слова: англо-американизмы, эвфемизмы, манипулятивность, ирония, комический эффект, языковая игра.

В эпоху активизации процесса межкультурной коммуникации роль заимствований в языке-реципиенте приобретает всё большее значение. Заимствованные единицы, прежде всего, англо-американизмы часто встречаются в письменной русской речи, в частности, в книгах, газетах, журналах. Их широкое употребление обусловливается не только возможностью служить средством номинации определённой реалии, но и их способностью выполнять те или иные функции, важные для реализации интенций автора. Исследование подобного потенциала заимствованных языковых единиц, в первую очередь, наиболее многочисленных из них — англо-американизмов — представляется весьма актуальным.

Помимо обычных функций номинирования, документирования, рекламного представления маркировки (бренда), англо-американизмы выполняют и целый ряд более специфических функций. Так, англоязычные оценочные единицы в русском тексте выступают в качестве своеобразных эвфемизмов, поскольку выглядят менее грубо. Ср. название главы «Fuck'ты & fuck'и» в книге М. Свешниковой «Fuck'ты» и текст: *Я встречалась с Кириллом. И изменяла направо и налево, назад и еще раз налево. Он просто был. <...> Но ни один миллиграмм моих мыслей ему не принадлежал. Это было просто наличие. Fuck't. А с другим был FUCK, и это нравилось больше*; ср. также: — *Я перезвоню, отвечает он и делает еще один шаг вперед*. В.С. Норлусенян [1] приводит многочисленные факты использования инвективных макаронизмов и полагает, что смягчение инвективности есть одна из основных функций англо-американизмов в русских текстах. Ср.:

Правда, хорошо зная Любу Успенскую, могу предположить, что Маша Распутина услышит от нее. В английском варианте это звучит как «фак ю!»

Переводите на русский сами [2].

Я договорился с собой, что общение с ними построю на одном выражении лица: непередаваемо благодарном. FUCK THEM! [3].

Удовлетворение потребности в эвфемизмах, то есть тропах, состоящих в непрямом, вежливом, смягчающем обозначении какого-либо предмета или явления. Заимствование эвфемизмов может быть вызвано либо соображениями вежливости, суеверием либо желанием повысить престиж объекта, о котором идет речь. Например, такие англицизмы, как *Hairstyling* (Frisieren), *Outfit* (Klei-

dung) были заимствованы немецким языком в качестве эвфемизмов.

Удовлетворение потребности в оксюморонах, то есть фигурах речи, состоящих из соединения двух антонимических понятий. М.А. Кузина [4] отмечает, что этот стилистический приём часто встречается на страницах немецкого журнала «Der Spiegel» с целью иронизации новостных сообщений. Так, верующий человек называется «*Christus-Fan*», а шестисотый Мерседес — «*King-Size-Kalesche*». В первом случае стилистический эффект основывается на столкновении понятий из разных сфер общественной жизни: духовной и повседневной, во втором — на сочетании слова «*Kalesche*» с нехарактерным для него признаком «*King-Size*».

Характерным признаком современной коммуникации многие исследователи считают манипулятивность. Вербальную манипуляцию понимают по-разному, однако есть позиции, которые незыблемы. Во-первых, манипулятивное воздействие носит скрытый характер (отправитель речи делает все возможное, чтобы скрыть истинные цели высказывания). Во-вторых, манипулятивное воздействие заведомо осуществляется не в интересах адресата, наносит ему моральный и/или материальный ущерб. Использование современных англо-американизмов нередко служит именно манипулятивным целям. Ср.:

*Мы же рассмотрим те случаи, когда использование иностранных слов происходит с совершенно иным умыслом. Это использование связано не с появлением новых слов языка, а с подменой старых, точнее — корневых слов языка, которые мы постигаем с детства, которые связаны с глубинными смыслами жизни и деятельности каждого носителя языка. Цель такого использования — введение в заблуждение слушателя или читателя, «размывание» его сознания для дальнейших манипуляций. Фактически — это замена работающих механизмов нашего сознания чужеродными и неработающими деталями, которые еще необходимо адаптировать. Это не настройка (внимание — русское слово!), а своеобразный «*тюнинг*» (внимание — иностранное слово!) чужого сознания, в результате которого «настройщик» получает власть над другими людьми при помощи непонятных им слов. [Южная столица. 2–16 ноября 2006. с. 11].*

Манипулятивные приемы используются при создании заголовков, слоганов в рекламных текстах: игра слов здесь подчинена коммерческим интересам рекламодателя, поэтому, естественно, она включает в себя слово, обозначающее значимую рекламную единицу. Ср., например, слоган «*Chevrolet Blazer* — все в одном ключе», который построен на приеме многозначности: «ключ» как ключ от машины: открыл машину и ты — владелец, и «ключ», как гармония.

И. В. Некрасова [5, с. 91] считает, что рекламу «*Вас ждет отличный шопинг*» следует рассматривать как нарушение пункта 1. ст. 5 Закона 2006 года «О рекламе», который закрепляет, что в рекламе не допускается использование иностранных слов и выражений, способных привести к искажению смысла информации (при этом не относятся к нарушениям названия на иностранных языках зарубежных рекламодателей, например — SONY, названия рекламируемой продукции на языке ее производителя — Хегох). В рекламном дискурсе иноязычные единицы чаще всего являются оправданными включениями (особенно — маркировочные обозначения иностранных товаров), но в любом случае рекламодатель обязан сделать все возможное, чтобы прояснить смысл рекламы, а не затемнить его.

Что касается слова *шопинг*, вряд ли сегодня оно способно ввести в заблуждение даже самого мало читающего человека. Однако сам пункт законодательства, учитывающий возможность манипуляции с помощью иноязычия, в высшей степени важен.

Сегодня остро стоит вопрос о способах противодействия манипулятивному воздействию, которое, безусловно, деструктивно с точки зрения экологии языка. Однако если прямой обман (хотя бы гипотетически) наказуем, то манипуляция, даже выявленная, находится вне зоны действия юридических установлений. Очевидно, только риторическое просвещение, общественное разоблачение вербальных манипулятивных приемов могут (в перспективе) привести к тому, что словесные манипуляции будут повсеместно осуждаемым явлением. Только в этом случае возможно изменение ситуации.

Англо-американизмы активно используются в современном русском языке в качестве средства создания иронии. Есть системные «иронизмы» типа «мэн», «фэйсом об тэйбл» и под:

*Пхеньян быкует, всем грубя,
И в нем черно-черным...
Но как же верил я в тебя,
Товарищ Ким Чен Ын!
Я был один из дурачков,
Кто втайне полагал,
Что ты корейский Горбачев
И скрытый либерал.
Что, сидя на своем сучке,
Ты, адекватный мэн,
Не веришь в истину чуже
И хочешь перемен*

[Д. Быков «Ким Чен Ын» // Собеседник, 2013, № 12].

В создании иронии (с опорой, естественно, на экстралингвистические факторы) могут участвовать и самые тривиальные англо-американизмы — наименования артефактов:

*Ступай, Навальный, в президенты!
Довольно мелочной возни.
Корону Путина надень ты,
Айфон Медведева возьми!*

[Д. Быков «Президент Навальный» // Собеседник, 2013, № 13].

Хорошо известно, что ирония, подобно метафоре, оценочна, что ирония является содержательной концептуальной категорией текста, позволяющей автору имплицитно выразить не только свои интенции, но и гражданскую позицию в целом. Как видим, актуальные англо-американизмы помогают Дмитрию Быкову осуществить это в тексте, написанном после того, как скандальный оппозиционер и блоггер обозначил свою готовность участвовать в президентских выборах.

Комический эффект создается необычной комбинацией языковых единиц, когда англо-американизм помещается в ряду «приземленных», сугубо «бытовых» слов: *В мясной магазин срочно требуются: уборщица, мерчендайзер, грузчик*. Ср. также синтагматику маркировочных единиц:

Господь курит «Marlboro VIP's» и ездит по небу на Lamborghini «The God» 2009 года выпуска. Ибо Он Бог. Господь может спуститься к нам, но не может, подобно нам, опуститься до Gucci, Calvin Klein и Cartier. Ибо все это носят Пемп [6].

Называя медийный материал, посвященный «национальным странностям вакансий и резюме в России», автор использует неоднородные в смысловом отношении лексические единицы в качестве однородных членов предложения: *Требуется работник с изюминкой, айфоном и без ненависти к богачам* [Комсомольская правда, 19 ноября 2013 г.]. *Изюминка, айфон, ненависть к богачам* даны как однородные члены предложения при их очевидной семантической неоднородности, что и создает желаемый автором комический эффект.

Англо-американизмы и их производные, особенно — из числа «ключевых» слов, способны передавать важнейшие пагматические оценки, например — пейоративность:

Потом я вдруг заметил, как вся эта менеджерско-ресепсионистская челядь забегала, засуетилась... Мне эту менеджерскую челядь даже стало жалко. Но все больше и больше людей, как я замечаю, даже на моих концертах, которых интересует правда, а не кривда и которые не имеют никакого отношения к губернаторской челяди, менеджерам-недоумкам и тяжелой позолоте [М. Задорнов «Лапотное золото» // Советская Россия, 5 октября 2013 г.].

Наиболее распространенная стратегия использования англо-американизмов связана с языковой игрой. Как пишет Ж. В. Иванова, модной стала язы-

ковая игра с привлечением иноязычных графем, которая имеет подвиды, в частности, выделяется графогибридизация, или поликодификация, то есть оформление новообразований средствами разных языков (*Какое пиво мы выBEERаем, Чудотворные STARцы, Тульский PRяник* [7, с. 191]. Использование латиницы приобретает устойчивый характер, что проявляется при создании графодериватов, включающих названия автомобильных марок: *«AUDI»енция, ReVOLVolution, Saabразно*

Англо-американизмы становятся важным средством создания анекдота. В современных определениях анекдота подчеркивается его игровая природа: «Анекдот — сюжетно организованное речевое произведение, рассказ малого объема с игровой иллокутивной функцией» [8, с. 4]. Анекдот — единственный продуктивный фольклорный жанр рубежа XX-XXI столетий, в создании которого небольшую роль играют иноязычные единицы.

«Здравствуй, дедушка Мороз!

Возможно, я в прошлом году неправильно написал слово Porsche...

[Комсомольская правда, 15 ноября 2011 г.]

— *Вася! Сколько лет, сколько зим! Как ты, где ты?*

— *Да я фрилансер.*

— *Ай, к чему эти понты. Говори прямо: безработный.*

— *А ты как?*

— *У меня свой бизнес.*

— *Ай, к чему эти понты. Говори прямо: спекулянт* [Комсомольская правда, 18 июня 2014 г.].

Жена — мужу:

— *Дорогой, а чего ты меня в черный список от правил?*

— *От тебя спам шел.*

— *Какой спам?*

— *Ну там типа «пополни баланс», «мне новая куртка нужна», «дай денег на сапоги» и всякое такое* [Собеседник, 2013, №36].

Новый год прошел хорошо, если с утра на улице тебя зовут «О! Чувак с ютуба!»

[Комсомольская правда, 26 декабря 2012 г.].

Во всех этих случаях именно иноязычный элемент оказывается конструирующим анекдотный дискурс.

Таким образом, мы приходим к нескольким выводам. Поскольку современная реклама не удовлетворяется строгой констатацией свойств рекламируемого товара, но стремится воздействовать на эмоциональную сферу человека, для нее важно создания атмосферы богатства, роскоши, успеха, одним из атрибутов которой является товар/услуга. Это обстоятельство обуславливает выбор специальных языковых средств, среди которых важнейшее место занимают англо-американизмы.

Затемненная внутренняя форма англо-американизмов и других иноязычий делает их удобным инструментом осуществления манипулятивной стратегии. Вербальное манипулирование деструктивно с точки зрения экологии языка, однако сложность в том, что манипуляция (в отличие от прямой клеветы) находится вне зоны действия юридических установлений, и только риторическое просвещение (в долгосрочной перспективе) может привести к тому, что манипуляции будут повсеместно осуждаемым явлением, а значит перестанут использоваться.

Итак, результаты произведенного в статье анализа позволяют сделать общий вывод о многообразии функций англо-американизмов в современной русской речи, реализация которых помогает автору осуществлять свои намерения, что обуславливает его потребность в использовании подобных заимствований.

Литература:

1. Норлусенян, В. С. Дискурсивные функции макаронизмов в современном русском языке // Известия РГПУ. Филология. Вып. 2. — Ростов н/Д., 2000. — с. 60–67.
2. Кушанашвили, О. Я и путип... Как победить добро. — М.: Астрель, 2013. — 444 с.
3. Кушанашвили, О. Эпоха и Я. Хроники хулигана. — М.: АСТ: Астрель, 2011. — 383 с.
4. Кузина, О. А. Семантические и ассоциативные поля туризма как отражение фрагментов языкового сознания и картин мира русских, немцев и американцев: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Барнаул, 2006. — 20 с.
5. Некрасова, И. В. Правовое регулирование рекламы // Адвокат, 2007. № 7. — с. 87–97.
6. Шестаков, Е. Культура речи. — М.: АСТ: Астрель, 2010. — 319 с.
7. Иванова, Ж. В. Графогибридизация как разновидность графической игры (на материале языка СМИ начала XXI в.) // Языковая система и речевая деятельность: лингвокультурологический и прагматический аспекты: материалы Международной научной конференции. Вып. 1. — Ростов н/Д: НМЦ «Логос», 2007. — с. 193–195.
8. Доронина, С. В. Содержание и внутренняя форма русских игровых текстов: когнитивно-деятельностный аспект (на материале анекдотов и речевых шуток): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Барнаул, 2000. — 22 с.

Холистический и элементаристский подходы к восприятию и интерпретации текста (на примере рассказа Л. Андреева «Большой шлем»)

Данилова Светлана Витальевна, кандидат филологических наук, доцент

Филиал Томского архитектурно-строительного университета в г. Ленинске-Кузнецком (Кемеровская обл.)

Восприятие — «это процесс сбора информации о мире с помощью наших чувств» [3, с. 184]. Существует мнение, что языковые личности в процессе восприятия, интерпретации текста используют два подхода — **холистический и элементаристский**. Это и будет **предметом** нашего исследования. **Объект** исследования — интерпретация и восприятие текста. Мы преследуем **цель**: рассмотреть два подхода к интерпретации текста.

Холизм — учение о целостности. Известна формула южноафриканского философа Я. Х. Смата: «Целое больше своих частей». Холизм в переводе с греческого означает «целый». Холистический подход «акцентирует описание процедуры восприятия по принципу «сверху вниз» [2, с. 189]. Восприятие при этом описывается, как процесс, зависящий от фоновых знаний человека, его модели мира. Это признание целостности воспринимаемого объекта. Под целым мы понимаем контекст речевого высказывания, включающий такие составляющие, как жанр, коммуникативная ситуация, событийная ситуация, социальный контекст, культурно-исторический контекст. **Элементаризм** предполагает, что восприятие строится «снизу вверх», и смысл складывается из смысла составляющих его элементов. Часть — это своеобразный код. Целое — контекст.

Гипотеза: Языковая личность, использующая одну из стратегий (подходов), функционирует в слабой персонологической позиции и актуализирует одну из смысловых версий. Языковая личность, использующая две стратегии, — в наибольшей степени реализует множественность своего смыслового потенциала.

Мы затрагиваем **проблему** соотношения целого и части в языке, сформулированную Ф. де Соссюром при рассмотрении им оппозиции значимости и значения. Значимость — содержание, вытекающее из системной целостности, каждый элемент которой содержательно зависит от этой целостности. Каждый элемент системы имеет своё значение. Но целое больше суммы своих частей.

Применение этих стратегий обусловлено как врождёнными языковыми способностями (левополушарный и правополушарный типы языковой личности), так и дотекстовыми знаниями и интенциональностью субъекта-интерпретатора.

Рационально-логическая интерпретация текста соответствует левополушарной языковой личности (элементаристский подход), а интуитивно-чувственная — правополушарной личности (холистический подход). Языковая и метаязыковая стратегии соответствуют элементаристской и холистической.

Рассмотрим два подхода на примере рассказа Леонида Андреева «Большой шлем» (1899 г.). Социальная проблематика «Большого шлема» — трагическая разобщённость и одиночество людей. Главные герои рассказа отвернулись от «дряхлого мира», обливающегося «стонами больных, голодных и обиженных», омещанившиеся интеллигенты три раза в неделю собирались для игры в карты, противопоставляя реальному миру свой собственный сочинённый, иллюзорный мирок, определяемый правилами карточной игры. Руководствуясь соображениями мелочного житейского практицизма, они начинают принимать придуманный ими иллюзорный мирок за настоящий, а в итоге проигрывают собственную жизнь. Вот в чём, на наш взгляд, смысл данного текста. Это пример обывательской бездуховности. Л. Андреев исповедален в своих рассказах. Это ещё ярче обостряет социальную проблему.

Рассмотрим подробнее различные стратегии интерпретации (подходы): 1. В самом начале рассказа читатель неожиданно узнаёт, что для героев «Большого шлема» **воскресенье — «самый скучный день в неделе»**, так как воскресенье «пришлось оставить на долю различным случайностям»: приходу посторонних, театру...» [1, с. 89]. Хотя летом на даче они играли в винт и в воскресенье. Пример интуитивно-чувственного подхода восприятия жизни героями текста и читателями. Здесь проявляется **сильная метаязыковая персонологическая позиция, метаязыковая рефлексия**. 2. Когда умер в момент игры Николай Дмитриевич Масленников, то его напарник Яков Иванович был поражён, что **«НИКОГДА»** Масленников не увидит, что у него есть большой шлем, есть туз: «И Якову Ивановичу показалось, что он до сих пор не понимал, что такое смерть. Но теперь он понял, и то, что он ясно увидел, было до такой степени бессмысленно здесь, ужасно и непоправимо. Никогда не узнает! Если Яков Иванович станет кричать об этом над самым его ухом, будет плакать и показывать карты, Николай Дмитриевич не услышит и никогда не узнает, потому что нет на свете никакого Николая Дмитриевича» [1, с. 9]. В этом контексте также проявляется **метаязыковая рефлексия**.

В данном тексте доминирует холистический подход (метаязыковой, интуитивно-чувственный, правополушарный). Это проявляется и в тех ситуациях текста, когда герои неожиданно узнают подробности о жизни друг друга (их ведь всегда интересовала только игра), и тогда, когда в самом конце рассказа (сразу после смерти Масленникова) звучит вопрос Якова Ивановича: «А где же мы возьмём теперь четвёртого?» [1, с. 99]. Они ведь играли

вчетвером...И уж совсем неожиданный конец. Евпраксия Васильевна спросила:

— А Вы, Яков Иванович, всё на той же квартире? Спросила на всякий случай (они ведь ничего не знали друг о друге).

Холистическая модель текста у Л. Андреева является наиболее частотной, свидетельствующей, с одной стороны, об активном участии **метаязыкового** сознания, с другой — такой ментальной деятельности слушающего, результатом которой является **компрессия** исходного текста. Сам исходный текст проводит в сознание читателя-слушателя **элементаристскую модель** (от частного к целому), но при этом данный подход

не является доминирующим. Семантизация исходного текста, таким образом, осуществляется путём его свёртывания в ключевую лексику или словосочетание. Комментируемая часть интерпретирующего суждения представляет собой более или менее развёрнутое суждение. В подобных метатекстах сильная текстовая позиция интерпретации подкрепляется сильной персонологической позицией (автора-героя текста). Такой метатекст характеризуется высокой степенью вариативности интерпретации разных аспектов исходного текста Л. Андреева «Большой шлем». Таким образом, языковая личность, использующая две стратегии, — в наибольшей степени реализует множественность своего смыслового потенциала.

Литература:

1. Андреев, Л. Н. Повести и рассказы/Предисл. И примеч. В. Чувакова. М., 1984. — 416 с.
2. Ким, Л. Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста: монография. «Кемеровский государственный университет», 2012. — 272 с.
3. Мацумото, Д. Человек, культура, психология. Удивительные загадки, исследования и открытия. СПб, 2008. — 668 с.

Редупликация в английском языке

Ибрагимова Эльза Ильхамовна, студент
Казанский (Приволжский) федеральный университет

Цель нашего исследования заключается в выявлении особенностей редупликаций и редупликационных форм в английском языке. В нашей работе мы рассматривали редупликацию как «фономорфологическое явление, состоящее в удвоении начального слога (частичная редупликация: в англ. яз. — *sosoa*) или целого корня (полная редупликация в англ. яз. — *grugru, gaga, hiwihiwi*)». [1, с. 403]

В настоящее время проблема редупликации актуальна, значима и подвержена обсуждению не только в отечественной лингвистике, но и в зарубежной. Многие лингвисты и языковеды посвятили огромное количество работ анализу английской редупликации, но до сих пор нельзя точно дать определение этому понятию и выявить его роль, функции и значимость в языке. Но можно утверждать, что редупликация в английском языке имеет гораздо более широкое распространение, чем могло бы показаться на первый взгляд.

Как подчеркивает Т. М. Беляева, редупликативы создаются и функционируют в разговорной речи «в силу своей экспрессивности, которая возникает в результате взаимодействия формальных, содержательных, и звуковых (точнее, фоносемантических) признаков» [2, с. 135].

Основная же сфера распределения редупликации в языках мира — «эта сфера различных модификаций

значений исходной единицы при сохранении «основного» лексического значения» [3, с. 217].

Английские редупликативы, по мнению исследователей, больше всего применяются в неофициальном, сниженном стиле речи, где различаются разговорные и сленговые слова, относящиеся к языку детей и к диалектам. Очень сложно провести четкую границу между словами, относящиеся к языку детей и к диалектам, потому что слова из диалектов часто заимствуются в общем сленге. Многие редупликативные слова, появившиеся в сленге и в разговорном стиле, со временем могут быть включены в общеупотребительную лексику (*rooh-rooh, push-push, fifty-fifty, tip-top, ping-pong*).

По мнению Е. Ф. Арсентьевой, «диапазон употребления редупликации крайне широк. Она типична для всех жанров и стилей речи. Редупликацией пользуются и в литературно-книжной, и в разговорной речи, она характерна как для речи взрослых, так и детей. Исследователи сходятся во мнении, что редупликаты английского и русского языков являются стилистически маркированными». [4, с. 13]

Лингвист Г. Б. Антрушина считает, что с точки зрения стилистики большинство слов, образованных путем редупликации, относятся к разговорной речи и сленгу, например, *walkie-talkie* («a portable radio»), *riff-raff* («the

worthless or disreputable element of society»), chichi («sl. for chic as a chi-chi girl»)[5, с. 288].

Также можно наблюдать в языке, что некоторые слова устаревают и выходят из общего употребления, вследствие того, что устаревают обозначаемые ими предметы и явления действительности, либо по каким-либо другим причинам (flish-flash, curry-durry, hedley-medley).

Материалом данного исследования являются редупликации, отобранные методом сплошной выборки из одно и двуязычных словарей современного английского языка, в том числе онлайн-словари, Longman Dictionary of Contemporary English, Oxford English dictionary, Oxford Dictionary of Slang [6, 7, 8,]. Общая выборка слов составила 200 редупликативных образований. В данной работе мы проанализировали редупликативные образования, которые были поделены на 11 тематико-коннотативных блоков.

Самая многочисленная группа представлена редупликациями, относящимися к человеку, к человеческой деятельности. И это вполне очевидно, так как человек занимает ведущую роль в обществе, именно человеческая деятельность является основополагающей. Среди слов, относящихся к данной группе, имена прилагательные и имена существительные были представлены в равных количественных соотношениях. Человек предстает в качестве субъекта коммуникативного акта, что является главной составляющей человеческого общения. В данной группе мы выделили несколько подгрупп. Самая представительная из них — сфера детской речи. Слова данной подгруппы используются не только детьми, но и взрослыми, которые употребляют их при разговоре с ними. Они хорошо запоминаются, ритмичны по своей форме, несут эмоциональную окраску. Многие слова данной группы образованы путем полного повтора редупликанта (chop-chop — быстро-быстро, splash-splash — плюх-плюх). Часть из них образована путем прибавления суффикса субъективной оценки у (ie). Например: pinky-winky — мизинчик. Часть из них являются онomatопетическими образованиями (choo-choo — ту-ту). Безусловно, слова детской речи органично сочетаются в процессе коммуникативного акта. Необходимо отметить и подгруппу, включающую в себя лексемы, которые характеризуют спор и спорные ситуации. Необходимостью выделения данной подгруппы послужило широкое распространение данных слов в обществе. Данные слова достаточно часто употребляются в разговорной речи (argy-bargy — спор, pell-mell — неразбериха). В отдельную подгруппу нами были выделены также редупликаты, относящиеся к сфере пищевых продуктов и напитков, в частности chatter-chatter — слабый чай, hauchee-rauchee — картофельное пюре. Выявление слов данной сферы обусловлено тем, что слова данной подгруппы ежедневно используются нами в повседневной речи, помогают нам разнообразить наш словарный запас. Сфера техники — малочисленная подгруппа данной группы (hi-fi — проигрыватель). Выявление ее как отдельной подгруппы послужило ее не-

посредственное отношение к человеческой деятельности. Следующий подтематический блок данной группы включает в себя человеческие эмоции, которые могут выражать уoo-hoo — радость, jeepers-creepers — возмущение (черт возьми). В большей части в этой подгруппе представлены восклицания, значения которых определяются звукоизобразительным характером формы слова.

Следующая группа английских редупликативов — это сфера «Правоохранительные органы. Преступность». В данной группе слов мы можем найти ряд слов со значением мошенничество (razz-matazz — пустые обещания, hocus-rocus — надувательство), со значением предметов, указывающих непосредственное отношение к деятельности полиции (cop-shop) — полицейский участок, boom-boom — пистолет), а также ряд слов, включающие в себя слова из сферы наркотики. Например: wacky-tabbacky, ha-ha — марихуана.

Следующая по количеству представленных единиц — группа слов, состоящая из звукоподражаний, воспроизводимые с помощью предметов и механизмов. Слова данной группы необходимы, так как они могут заменить названия явлений, таким образом, упростить наш язык. Например: din-don, tick-tock, thump-thump.

В ходе нашего исследования нами была отобрана также следующая группа редупликативов — звуки, воспроизводимые птицами и животными. Чаще всего они являются объектом употребления детской речи. В отобранных нами словах они образованы путем полного повтора редупликатива. Например: mew-mew — мяу-мяу, how-how — гав-гав, tweet-tweet — чик-чирик, croak-croak — ква-ква.

Для английского языка также характерна концентрация редупликативов в сфере «названия животных и растений». В данной группе слов можно обнаружить полные редупликаты (ylang-ylang — каланта душистая, coco — кокосовая пальма) и неполные, а именно дивергентные (с изменением звука во 2 компоненте в редупликативе) — piggy-wiggy — свинка, saw-daw — галка, hod-dod — улитка.

В равных соотношениях выступают редупликаты сфер «Игры» (ping-pong, pall-mall) и «предметы» (nick-nack — безделушка). Слова данных групп представлены малочисленно, по 4 редупликатива в каждой. Это объясняется их пассивностью в нашей речи.

В английском языке, в ходе нашей работы было насчитано 7 слов семантического поля «музыка и танцевальные стили». Многие из них заимствованы из английского в русский язык по социокультурным причинам (ga-ga, go-go, hip-hop, cha-cha, boogie-woogie). Слова данной группы получили широкое распространение среди молодежи.

Интересным является и соотношение частей речи представленных единиц. Наиболее количественная группа редупликативов — имена существительные (116). Это объясняется тем, что при коммуникативном акте мы чаще всего используем именно слова данной части речи, так как именно они могут указывать на объект действия

(fuddy-duddy — консерватор), на окружающие нас предметы (might-light — ночник), на окружающий мир (gee-gee — лошадка). В ходе нашего исследования было выявлено, что имена существительные часто употребляются как взрослыми, так и детьми, так как они помогают им выразить на более понятном их языке явления окружающего мира. Например: chuff-chuff — звук паровоза. Следующая наиболее представительная группа — имена прилагательные (31). Эта незаменимая часть речи делает наш язык красочным, понятным для окружающих. Она может выражать состояние (crinkum-crankum — запутанный), помогает изобразить более точно объекта (hagum-sagum — легкомысленный), обозначает признак события (hipper-dipper — великолепный). Можно выявить, что редупликация в сфере признака направлена на экспрессивно-количественное изменение смысла. Для английского языка характерно также использование глаголов-редупликаций (17). Слова данной части речи помогают выразить интенсивность действия (dingle-dangle — качаться вперед назад). Чаще всего они раскрывают действие объекта, выраженного именем существительным. Например: blah-blah — нести чепуху. Использование наречий (14) в роли редупликативных образований также характерно для данного языка. Они

нужны для более полного выражения степени осуществления действия (fifty-fifty — 50/50), ритмичности, размеренности (chor-chor — очень быстро). Междометия (13) и звукоподражания (9) также выступают в роли редупликаций в английском языке. При помощи междометий выражаются чувства и эмоции (yoo-hoo). Звукоподражания находят свое отражение больше всего в детской речи, ввиду того, что при помощи них дети упрощенно называют окружающие их предметы и явления (sgoak-sgoak — ква-ква).

Безусловно, данная выборка не является полной, так как явление редупликации достаточно изменчивое, которое не всегда фиксируется в словарях.

Изучив все материалы по данной теме, мы пришли к выводу, что употребление редупликаций влечет за собой определенные цели. Редупликации можно употребить в стилистических целях. Она может служить для пейорации (снижение стилистических характеристик лексической единицы): money-shmoney. Для придания словам шутливого или иронического оттенка также возможно их употребление. Например: lovey-dovey — «нежное обращение к любимому человеку». Редупликации могут служить как способ передачи эмоций: boo-hoo («громкий плач»).

Литература:

1. Лингвистический энциклопедический словарь/Под ред. В. Н. Ярцевой; Ин-т языкознания АН СССР. — М.: Сов. энцикл., 1990. — 403 с.
2. Беляева, Т. М., Хомяков, В. А. Нестандартная лексика английского языка Текст./Т. М. Беляева, В. А. Хомяков. Л.: ЛГУ, 1984. — 135 с.
3. Петрова, Л. И. Редупликация в английской словообразовательной системе Текст.: дис. канд. филол. наук/Л. И. Петрова. Л.: [б. и.], 1978. — 217 с.
4. Арсентьева, Е. Ф. Редупликация в современном английском и русском языках/Е. Ф. Арсентьева, Р. Б. Валиуллина // Филология и культура. Philology and Culture. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2013 № 1 (31) — с. 12–16, 2013
5. Антрушина, Г. Б. Лексикология английского языка/Г. Б. Антрушина, О. В. Афанасьева, Н. Н. Морозова. — М.: Дрофа, 2001 — 288 с.
6. John Ayto. The Oxford Dictionary of Slang (Oxford Paperback Reference)/John Ayto — Oxford University Press, 2000
7. Longman Dictionary of Contemporary English [Электронный ресурс], 2003. — URL: <http://www.longmandictionariesonline.com> (дата обращения: 06.05.2014).
8. Oxford English dictionary [Электронный ресурс], 2010. — URL: <http://www.oxforddictionaries.com> (дата обращения: 06.05.2014).

Антропонимизация в терминологической лексике английского судостроения

Клепиковская Наталья Владимировна, кандидат филологических наук, старший преподаватель
Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова (г. Северодвинск)

Данная статья посвящена рассмотрению семантического переноса, приводящего к переосмыслению лексики общего языка и образованию терминов судостроительной тематики. Процесс антропонимизации рассматривается как основная тенденция метафорического образования терминов в области судостроительной терминологии.

Ключевые слова: терминология, судостроительная терминология, метафора, антропонимизация

Судостроение — одна из древнейших отраслей промышленности, зародившаяся еще в глубокой древности. Появление специальной отрасли научного и технического знания обусловило необходимость создания собственного терминологического аппарата.

В процессе своего становления и совершенствования любая терминосистема, в том числе и судостроительная, во многом опирается на собственные языковые ресурсы. Являясь частью общезыковой системы, судостроительная терминология формируется и развивается по принципам и правилам, принятыми в общем языке. Развитие судостроительной терминосистемы происходит за счет привлечения знаков, уже существующих в системе языка, и приспособления их исходной семантической структуры для описания новых объектов, т. е. при помощи семантического способа или путем семантической деривации. Таким образом, семантический способ предполагает модификацию семантической структуры лексических единиц общего языка с последующим переходом их в разряд терминов. Наиболее продуктивным способом изменения значения лексической единицы в рамках семантического способа является метафорический перенос, который рассматривается в качестве регулярного механизма терминообразования.

В современной науке метафора понимается как ведущий механизм познания действительности и как продуктивный способ создания новых значений лексических единиц на основе их переосмысления. При именовании нового объекта в специальной области знания происходит сложный процесс, состоящий из нескольких стадий, в результате которого формируется термин-метафора. Данный процесс состоит из (1) вычленения объекта наименования, (2) определения его отличительных признаков (размер, цвет, структура и т. д.), (3) установления среди уже известных (знакомых) предметов того, который имеет сходство с новым объектом, (4) дальнейшего закрепления нового понятия [Скороходова, с. 98; Левандровская, с. 21–22].

Как показывают исследования, посвященные процессам метафоризации в сферах общезыковой и специализированной лексики на материале различных языков, в том числе и английского, широко распространенным типом метафоры является антропоморфная метафора [Телия, с. 182; Kovecses, с. 16–20; Lakoff, Johnson, с. 42].

Максимальная степень продуктивности свойственна антропоморфному типу метафоры, поскольку его экспликация обусловлена действием принципа антропометричности, согласно которому человек является мерой всех вещей. Построение терминологии на основе данного принципа предполагает использование в качестве основных сфер-источников образования новых терминов следующие сферы: части тела и органы человека, его дом, домашняя утварь и предметы быта. При антропонимизации происходит уподобление специальных понятий общеупотребительным, связанным с человеком и всеми областями его физической, психической и социальной жизни.

Специализированная лексика судостроительной макротерминосистемы английского языка была проанализирована на предмет выявления изменений в семантической структуре слова и классифицирована с учетом принципа антропометризма.

В основе судостроительной терминологии, образованной на базе антропоморфной метафоры, лежит общезыковая лексика, входящая в тематические группы «Анатомия», «Физиология», «Семья», «Физическое, психическое и умственное состояние» и «Род деятельности, занятие». В каждой исследуемой группе в зависимости от использования того или иного символа (основания для метафорического переноса) были выявлены основные модели переносов по типу «значение исходного слова» → «символ переноса» → «новое слово».

1. Тематическая группа «Анатомия» включает лексические единицы общелитературного языка, которые описывают строение тела человека, его органы и переосмысливаются, переходя в разряд терминов.

Основными мотивировочными признаками (символами), лежащими в основе метафорического переноса, являются: сходство формы, выполняемая функция, местоположение в пространстве. В зависимости от использования выделенных символов выявлены четыре основные модели метафоризации.

Примеры терминологических единиц, образованных по модели:

а) соматизм → сходство формы → термин: *eye* 'проушина, люверс', *elbow* 'колесо трубы, патрубок', *knee* 'кница, колесо трубы', *head* 'головка', *neck* 'хвост турбинной лопатки' [Фаворов, с. 241, 223, 347, 306, 421,

Лысенко, с. 184, 165, 292, 248, 347; Layton, с. 81, 79, 117, 103, 142], *finger* 'штифт, штырь' [Лысенко, с. 196].

б) соматизм → сходство функции → термин: *boiler foot* 'опора котла', *hand hook* 'якорь, цепной крюк' [Фаворов, с. 267, 315; Лысенко, 2005: 208, 258], *joint* 'муфта' [Лысенко, с. 287];

в) соматизм → сходство местоположения → термин: *cylinder face* 'рабочая поверхность цилиндра', *derrick heel* 'шпор грузовой стрелы', *lip* 'фланец', *nose* 'носовая часть судна', *skin friction* 'поверхностное трение', *waist hawser* 'прямой средний швартов' [Фаворов, с. 242, 375, 426, 276, 305; Лысенко, с. 253, 184, 250, 311, 352, 247], *eyebrow* 'козырек над иллюминатором', *heart* 'сердечник стального троса', *heel* 'основание, пятка кия' [Фаворов, с. 242, 308, 310; Layton, с. 81, 103, 104; Лысенко, с. 253, 184].

Зачастую метафорический перенос происходит на основе сходства предметов не по одному признаку, а по двум или даже более. Так, например, в судостроительной макротерминосистеме термины-метафоры были образованы по моделям, в основу переноса которых легли сразу два признака:

а) соматизм → сходство формы и функции → термин: *leg* 'опора, стойка', *rib* 'шпангоут', *skeleton* 'каркас, остов' [Фаворов, с. 357, 543, 605; Лысенко, с. 301, 443, 482], *brush arm* 'щеткодержатель' [Лысенко, с. 26].

2. Тематическая группа «Род деятельности, занятия» включает общезыковую лексику, именующую различные профессии, занимаемые должности, виды деятельности, которыми занимается человек.

Рассмотрение терминов и терминообразовательных моделей позволило вычленил основные символы, лежащие в основе метафоризации общезыковых лексем: сходство характеристики, принципа, характера действия, функции.

Примеры терминологических единиц, образованных по модели:

а) наименование вида деятельности → сходство характеристики → термин: *king bolt* 'шкворень', *king pot* 'главный тигель' [Лысенко, с. 51, 291], *racer* 'быстроходное судно' [Фаворов, с. 513; Лысенко, с. 417; Layton, с. 165];

б) наименование вида деятельности → сходство принципа, характера действия → термин: *plunger* 'скальчатый поршень, толкатель клапана', *jumper hammer* 'фрикционный молоток' [Фаворов, с. 480, 301; Лысенко, с. 393, 289];

в) наименование вида деятельности → сходство функции → термин: *distributor* 'разветвительная коробка', *director* 'направляющее устройство, прибор управления', *collector* 'коллектор', *conductor* 'провод', *annunciator* 'индикатор', *governor* 'регулятор', *monitor* 'контрольно-измерительный прибор', *speed governor* 'регулятор скорости' [Фаворов, с. 207, 202, 142, 151, 32, 294, 420; Лысенко, с. 149, 145, 93, 101, 23, 235, 347], *jet guide* 'подводящее сопло в турбине' [Лысенко, с. 240].

3. Тематическая группа «Физическое, психическое и умственное состояние» включает общезыковые лек-

сические единицы, именующие явления, процессы, связанные с физической, психической и умственной жизнью человека. Отобранные лексемы приобретают переносное значение, на основе сходства объектов по характеристике, аналогии и сходства процессов абстрактного и материального мира.

Примеры терминологических единиц, образованных по модели:

а) общеупотребительная ЛЕ → аналогия → термин: *heat conduction* 'теплопроводность', *exhaust line* 'выхлопной трубопровод', *exciter* 'задающий генератор', *sensibility* 'точность прибора' [Фаворов, с. 151, 370, 239, 577; Лысенко, с. 101, 308, 181, 467];

б) общеупотребительная ЛЕ → сходство характеристики, качества → термин: *clumsy ship* 'плохоуправляемое судно', *live* 'под напряжением', *naked* 'неизолированный' [Фаворов, с. 588, 376, 418; Лысенко, с. 474, 312, 347];

в) общеупотребительная ЛЕ → сходство процессов абстрактного и материального мира → термин: *failure* 'повреждение', *delivery* 'подача питания' [Фаворов, с. 245, 191; Лысенко, с. 187, 303, 401, 133], *liberation* 'выделение', *preservation* 'покрытие защитной смазкой' [Лысенко, с. 303, 401].

4. Состав тематической группы «Физиология» формируют лексические единицы, описывающие жизнедеятельность человеческого организма и такие его основные функции, как дыхание, питание, рост и т.д.

Ниже приводятся примеры терминологических единиц, образованных по моделям, в которых в качестве основания для переноса служит сходство функции и аналогия:

а) название физиологического процесса → аналогия → термин: *feed* 'питающая линия', *feeding cable* 'энергопитающий кабель', *supply* 'сеть, подводка', *choke* 'дрозсельная катушка' [Фаворов, с. 249, 626, 125; Лысенко, с. 190, 191, 515, 81];

б) название физиологического процесса → сходство функции → термин: *noise immunity* 'помехозащищенность' [Лысенко, с. 266].

5. В тематическую группу «Семья» входит лексика половой принадлежности, родства и языковые единицы, описывающие семейные отношения и связи.

Примеры терминологических единиц, образованных по модели: общеупотребительная ЛЕ → аналогия → термин: *sister clip* 'складной гак', *female connection* 'соединение с соединительной деталью, охватывающей другую деталь', *male connection* 'соединение с соединительной деталью, входящей в другую деталь', *marriage* 'точная пригонка одной детали к другой', *married gear* 'спаренные грузовые стрелы', *divorce* 'разрывать соединение', *marry* 'сопрягать, состыковывать', *mate* 'сращивать концы тросов' [Лысенко, с. 87, 102, 327, 228, 150, 328].

Приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что развитие судостроительной терминосистемы происхо-

дило за счет привлечения имеющихся знаков и приспособления исходной семантической структуры для описания новых объектов. Полученные в ходе исследования данные позволяют заключить, что в качестве лексического субстрата в ходе антропонимизации выступают слова активного словарного фонда, входящие лексическую систему общего языка и именующие самые разнообразные объекты как предметной (конкретной, овеществленной), так и понятийной сферы (т.е. сферы неовещественной, включающей терминологические именованья, как пра-

вило, обозначающие действие, его принцип или признак в отвлечении от деятеля).

Таким образом, одним из продуктивных способов решения проблем номинации возникающих научных понятий в сфере судостроения является антропонимизация, представляющая собой устойчивый механизм формирования новых единиц судостроительной терминотерминологической системы, действующий по регулярным моделям. Принцип антропометризма, т.е. соизмерение новых объектов по своему образцу, реализуется в данной терминотерминологической системе в полном объеме.

Литература:

1. Скороходова, Е. Ю. Метафорические номинации в языке и мышлении [Текст]/Е. Ю. Скороходова // Вестник ПСТГУ: Филология. — 2006. — Вып. 1. — с. 97—102.
2. Левандовская, Н. В. Глагол как вербально-когнитивное средство формирования лексикосферы военной авиации (на материале английского и русского языков) [Текст]: Автореф. дис. ... канд. филол. наук/Н. В. Левандовская. — Краснодар, 2009. — 23 с.
3. Телия, В. Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира [Текст]/В. Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. — М., 1988. — с. 173—203.
4. Kovecses, Z. Metaphor: A practical introduction [Text]/Z. Kovecses — New York: Oxford University Press, 2002.
5. Lakoff, G. Johnsen, M. Metaphors we live by [Text]/G. Lakoff, M. Johnson. — London: The university of Chicago press, 2003.
6. Фаворов, П. А. Англо-русский морской словарь [Текст]/П. А. Фаворов. — М.: Советская энциклопедия, 1973. — 792 с.
7. Layton, T. Dictionary of Nautical Words and Terms [Text]/T. Layton. — Glasgow, 1995. — 244 p.
8. Лысенко, В. А. Современный англо-русский морской технический словарь [Текст]/В. А. Лысенко. — Киев: ИП Логос, 2005. — 608 с.

Лексикологические процессы в терминологии

Корнейчук Юлия Васильевна, кандидат филологических наук, преподаватель

Нижневартковский государственный университет (Ханты-Мансийский автономный округ — Югра)

Корнейчук Галина Георгиевна, учитель (г. Нижневартковск)

В терминологической лексике происходят те же процессы, которые мы можем наблюдать в общелитературной лексике, однако, по мнению терминоведов, указанные процессы имеют ряд особенностей. Своеобразие терминологической полисемии, омонимии, антонимии или синонимии объясняется характерными признаками самих терминов. Так, по мнению В. П. Даниленко, прохождение явлений «в терминологии отлично от аналогичных явлений в общелитературной лексике. Отличие сводится к тому, что эти процессы не затрагивают характерных лексико-семантических признаков терминологии» [3, с. 65].

В терминологической теории и практике под полисемией понимается употребление одной и той же лексемы для обозначения двух связанных понятий в рамках одной терминологии. Частным случаем полисемии ученые называют случаи использования одного термина в широком и узком контексте. «Под полисемией принято считать

«способность слова иметь одновременно несколько значений, т.е. обозначать различные классы предметов, явлений, признаков и отношений» [9, с. 4].

К частным случаям полисемии можно также отнести явления скрытой полисемичности термина, когда одному однозначному термину соответствуют в другом языке два или более разных термина, но близких по значению.

С. В. Гринев-Гриневич приводит две основных причины терминологической омонимии: «появление нового понятия, имеющего сходные черты с понятием, называемым данным термином, и развитие и видоизменение понятия, вызывающие необходимость в расщеплении семантики называющего его термина» [2, с. 98].

Межнаучную терминологическую омонимию как отдельный вид омонимии выделяет А. А. Реформатский. Ее суть заключается в том, что «один и тот же термин может входить в разные терминологии данного языка» [11, с. 88].

Терминологическая омонимия, отмечает В.П. Даниленко, значительно отличается от омонимии, происходящей в рамках общелитературной лексики. «Во-первых, терминология использует только одну разновидность омонимии, а именно ту, которая является результатом семантического развития слова, его многозначности. Во-вторых, омонимия по отношению к терминологии может быть охарактеризована как межсистемное явление: либо это термины разных терминосистем, либо это термины лексико-семантического способа образования, ставшие омонимами к породившим их словам общелитературного языка. В пределах одной отраслевой терминологии омонимия указанного типа не развивается» [3, с. 72].

Явление антонимии тоже присуще терминологической лексики, причем, как полагает Н.З. Котелова, «антонимов-терминов не меньше, чем антонимов-не-терминов» [6, с. 122]. Подобные выводы лингвист основывает на рассуждениях о том, что противопоставление понятий является неотъемлемой частью «научного описания объектов, организующее его начало. Являясь точками отсчета, противоположные понятия позволяют измерять явления, признаки, качества» [6, с. 122]. В противовес мнению Н.З. Котеловой мы можем привести цитату В.Ф. Новодрановой из статьи «Роль антонимии в организации терминосистемы»: «Языку науки в большей степени, чем литературному языку свойственна антонимия, т.к. одним из механизмов, организующих понятия в систему, является механизм противопоставления» [10, с. 50].

В качестве предпосылок возникновения явления терминологической антонимии В.П. Даниленко отмечает наличие важных отличий, выражающихся в диаметрально противоположных понятиях в логике и в антонимических значениях, отраженных в языке.

В терминологической лексике В.П. Даниленко различает два вида антонимии: лексический и словообразовательный [3, с. 82].

Присуща терминологии и синонимия. И.В. Арнольд указывает, что «терминология лингвистики отягощена синонимией и многозначностью. Она настолько не упорядочена, что изложение материала часто приходится начинать с перечисления терминов, уже существующих для концептов, которые предполагается изучить» [1, с. 86].

Н.З. Котелова отмечает, что «термины-синонимы могут быть использованы для номинации близких понятий, а также с стилистической (модернизации, специализации текста), эвфемистической целью, когда ими обозначают одно и то же явление и др.» [6, с. 123].

«В терминологии синонимы соотносятся с одним и тем же понятием и объектом, они не характеризуют его разные свойства» [11, с. 91]. Уместно будет привести высказывание С.И. Коршунова о том, что «термины-синонимы могут отличаться либо по признакам понятий, либо, при одинаковых признаках, по различному происхождению терминологических элементов» [5, с. 1522]. В.П. Даниленко указывает, что «синонимы в терминоведении имеют иную

природу и иные функции. Здесь они, как правило, не выполняют стилистических функций» [3, с. 74].

Среди причин образования терминологических синонимов можно выделить несколько основных:

1) необходимость более кратких форм терминов. С этим связана ситуация одновременного существования в науке полного и краткого варианта термина.

«Краткий вариант может создаваться либо путем лексического сокращения термина-словосочетания, либо путем замещения словосочетания однословным наименованием (сложносокращенным, сложным или производным словом)» [2, с. 102];

2) стремление к созданию терминов, в состав которых входили бы элементы, не находящиеся между собой в противоречивых отношениях;

3) разные источники формирования терминов.

Предположительно, исторически синонимия в терминологии формировались двумя основными способами:

1) термин заменялся другим на основе временного фактора: более древний вытеснялся менее древним;

2) термин заменяется другим на основе географического фактора. В результате взаимодействия всех диалектных номинаций выбиралась одна, которая стала общепризнанной в официальной лексике [7, с. 24].

Развернутый перечень данных источников появления синонимии можно встретить у С.В. Гринёва-Гриневича: «метадиалекты различных научных школ, идиолекты отдельных исследователей, варьирование формы термина, использование в номинации различных аспектов одного явления, заимствование термина с последующим появлением семантического дублета на родном языке и т.д.» [2, с. 102].

В.П. Даниленко отмечает, что «синонимия особенно характерна для начальных этапов формирования терминологических систем, когда еще не произошел естественный (и искусственный) отбор лучшего термина и сосуществуют многие варианты» [3, с. 74]. Подобное явление наиболее характерно для периода начала формирования системы основных научных понятий «разными языковыми способами — прямого заимствования, калькирования, подыскания соответствующего наименования в своем национальном языке, а также создание оригинальной русской терминологии средствами своего языка» [3, с. 74].

Для целей нашего исследования актуально наблюдение С.П. Коршунова: «Наличие иноязычных синонимов характерно для начального периода формирования русской научно-технической «книжной» терминологии. Первые переводные и оригинальные ученые труды, относящиеся к XVI, XVII и началу XVIII в., пестрят синонимами, из которых одни являются своеязычными, а другие иностранными» [5, с. 1525].

Т.И. Федаева в диссертации на тему «Русская лингвистическая терминология второй половины XVIII века» отмечает, что явление синонимии наименований было распространено в грамматиках второй половины XVIII века,

и это свидетельствовало о неустоявшейся грамматической терминологии. [12, с. 14].

Противоположной точки зрения на время возникновения синонимов относительно времени развития и становления самой терминологии придерживаются А. П. Майоров и О. Н. Гордеева: «в лингвистических исследованиях отмечается, что явление синонимии свойственно вновь создаваемым системам <...> Синонимия отражает динамику развития терминосистемы» [8, с. 27]. Однако в нашем диссертационном исследовании мы будем рассматривать синонимию именно в период формирования и становления терминологии.

В терминологии можно встретить следующие наименования терминов-синонимов:

- 1) относительные синонимы;
- 2) абсолютные синонимы;
- 3) терминологические дублиеты.

«Относительные синонимы отличаются от абсолютных тем, что последние (т. е. абсолютные), во всех случаях являются эквивалентными в смысле употребления, т. е. заменяют друг друга, удовлетворяя этим принцип однозначности, относительные же синонимы этому принципу не удовлетворяют, т. е. каждый из них является многозначным (заменяют они друг друга только в некоторых случаях)» [5, с. 1524].

Кроме того, необходимо отметить синонимичные выражения, обозначающие понятия синонимии терминов, встречающиеся у С. В. Гринева-Гриневица:

- 1) синонимия;
- 2) дублетность;
- 3) эквивалентность;
- 4) вариантность [2, с. 103].

Учитывая спектр возможных обозначений синонимии, С. В. Гринева-Гриневиц вводит термин **равнозначность**, а также производный от него термин **равнозначные**

термины. «**Равнозначные термины** — это термины с одинаковым или подобным значением, используемые для называния одного понятия. Равнозначные термины можно разделить на **термины-синонимы** (термины одного языка с тождественным или подобным значением) и **эквиваленты** (разноязычные равнозначные термины) [2, с. 105–106].

Из положений лингвиста о равнозначных терминах следует, что их в свою очередь тоже можно разделить на **абсолютные синонимы** (с тождественным значением) и **относительные синонимы** (с подобным значением). Абсолютные синонимы подразделяются на **варианты** (термины-синонимы, полученные вариацией формы термина) и **дублиеты** (термины-синонимы, имеющие различную форму) и т. д. [2, с. 105–106].

В. П. Даниленко в книге «Русская терминология. Опыт лингвистического описания» обращает внимание на тот факт, что латинский язык играл особую роль в формировании терминологии языка науки. «Латынь, принятая в определенный исторический период в качестве особого языка науки в западноевропейских странах, оставила глубокие следы в формировании национального языка науки, в том числе и на русской почве» [3, с. 33].

В. В. Колесов отмечает, что «система терминов, выработанная еще в XVI в., на Руси (в том числе и на основе перевода Э. Доната) не привилась как система, но некоторые кальки и оригинальные образования, особенно (и прежде всего) в фонетических определениях, оказались приемлемыми. <...> Конкурентность дублиетов давала возможность для совершенствования терминологии с содержательной точки зрения...» [4, с. 77].

Таким образом, в области терминологии протекают такие же лексикологические процессы, как и в общелитературном языке, однако в силу специфики терминов, эти процессы обладают рядом особенностей.

Литература:

1. Арнольд, И. В. Основы научных исследований в лингвистике: учеб. пос. [Текст]/И. В. Арнольд. — М.: Высшая школа, 1991. — 140 с.
2. Гринева-Гриневиц, С. В. Терминоведение: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений [Текст]/С. В. Гринева-Гриневиц. — С.: Издательский центр «Академия», 2008. — 304 с.
3. Даниленко, В. П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания [Текст]/В. П. Даниленко. — М.: Издательство «Наука», 1977. — 245 с.
4. Колесов, В. В. История русского языкознания: Очерки и этюды [Текст]/В. В. Колесов. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. — 472 с.
5. Коршунов, С. И. Синонимы в технической терминологии // Изв. АН СССР. Отделение технических наук, 1952. — № 10. — с. 1524
6. Котелова, Н. З. К вопросу о специфике термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. — М., 1970. — с. 123
7. Кутина, Л. Л. Языковые процессы, возникающие при становлении научных терминологических систем // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М.: Наука, 1972.
8. Майоров, А. П. Терминологическая синонимия [Текст]/А. П. Майоров, О. Н. Гордеева // Терминоведение/Под ред. В. А. Татарина. — М.: Московский Лицей, 1997. — Вып. 1–3. — с. 27–28.
9. Новиков, Л. А. Лексикология русского языка, ее основные понятия и категории. [Текст]/Л. А. Новиков // «Русский язык в национальной школе», 1972. — № 6. — с. 4

10. Новодранова, В. Ф. Роль антонимии в организации терминосистемы [Текст]/В. Ф. Новодранова // Терминоведение/Под. ред. В. А. Татарина. — М.: Московский Лицей, 1996. — Вып. 1—3. — с. 50—51.
11. Реформатский, А. А. Термин как член лексической системы [Текст]/А. А. Реформатский // Проблемы структурной лингвистики. — М.: Наука, 1968. — с. 103—125.
12. Федаева, Т. И. Русская лингвистическая терминология второй половины XVIII века: автореф. дис.... канд. филол. наук: защищена 13.02.1997: утв. 22.12.1996 [Текст]/Т. И. Федаева. — Москва: 1997. — 20 с.

Эмоциональный концепт «жестокость» в романе Роберта Музиля «Душевные смуты воспитанника Тёрлеса»

Красавский Николай Алексеевич, доктор филологических наук, профессор
Волгоградский государственный социально-педагогический университет

Установлен базисный статус эмоционального концепта «жестокость» в концептосфере романа «Душевные смуты воспитанника Тёрлеса» австрийского писателя первой половины XX века Роберта Музиля. Определены способы вербализации данного концепта в этом произведении — обозначение и выражение. Выявлены ассоциативные связи жестокости с такими феноменами, как кнут, жертва, унижение, подавление в романе Р. Музиля.

Ключевые слова: концепт, эмоциональный концепт, индивидуально-авторский концепт, концептосфера, картина мира, ассоциация, ассоциативное поле, лексема.

В отечественной лингвистике эмоциональные концепты в последнее десятилетие стали традиционным объектом лингвокультурологического изучения [2; 3, с. 7—23; 5, с. 93—96; 9 и др.], что обусловлено прежде всего их социопсихологической релевантностью для членов общества и как следствие высокой номинативной плотностью слов, обозначающих и выражающих чувства и эмоции homo loquens. Ретроспективный анализ работ, выполненных в русле лингвокультурологии эмоций, показывает изобилие исследований, авторы которых на материале разных языков успешно описали эмоциональные концепты. В фокусе внимания ученых при этом, как правило, оказывались эмоциональные концепты национальной (коллективной) языковой картины мира. Значительно меньше работ, насколько мы можем судить, посвящено описанию *индивидуально-авторских* концептов, в частности изучению индивидуально-авторских эмоциональных концептов. Можно с уверенностью предположить, что они все чаще и чаще станут привлекать внимание лингвоконцептологов. Перспективность описания индивидуально-авторских концептов обусловлена разными причинами.

Во-первых, исследование индивидуально-авторских концептов выявляет саму систему иерархии *ценностных* ориентиров конкретной языковой личности. Индивидуальные ценностные приоритеты не всегда совпадают с ценностными приоритетами, общепринятыми

в социуме. Так, в частности, можно привести пример ницшеанского понимания добродетели, иллюстрирующего различия в аксиологической системе конкретного индивида и его социума. При когнитивной дешифровке индивидуально-авторского концепта в нем выявляются дополнительные смыслы, свидетельствующие о своеобразии интерпретации мира тем или иным индивидуумом. Ценностные характеристики индивидуально-авторского концепта устанавливаются посредством обращения ученых к его образным признакам, «прописанным» в языковом сознании конкретного индивида. В основе образных признаков концепта лежат ассоциации. Богатство и разнообразие последних зависят во многом, как известно, преимущественно от степени креативности, творческого характера индивида. Так, например, ассоциативно-образные признаки индивидуально-авторского концепта «любовь» в повести «Жгучая тайна» австрийского писателя прошлого века Стефана Цвейга сводятся к следующим: душевные страдания, опасность, бегство, пламя, огонь, пожар, скорость выстрела, удары молота, вздрагивание тела. Указанные признаки ярко индивидуальны. В словаре «Ассоциативные нормы русского и немецкого языков» [1] они не зафиксированы. Исключение составляет слово *Schmerz* (душевные страдания/боль). В этом словаре отмечены следующие наиболее часто называемые немцами ассоциаты: *schön, Herz, Hass, Glück, Freund, wunderschön, wichtig, Gefühl, Geborgenheit, Treue, ver-*

trauen, Schmerz, Partner, selten, wunderbar, Familie, Trauer, warm, Zuneigung, Ehe, Emotion, Enttäuschung, ewig, finden, Freude. Совпадающим, как можно видеть, в языковом немецком коллективном сознании и в индивидуальном языковом сознании Ст. Цвейга выступает один признак — *Schmerz* (душевные страдания/боль).

Во-вторых, анализ образных признаков (характеристик) индивидуально-авторского концепта позволяет выявить сложную систему многочисленных ассоциаций и коннотаций, сопровождающих то или иное слово, служащее средством вербализации ментальных структур, которыми мыслит индивид. Следовательно, становится возможным определение особенностей использования конкретным индивидом того или иного слова, выявление его художественно-выразительного, в целом, прагматического потенциала, раскрывающего содержание конкретного концепта. В качестве примера можно привести высокочастотное применение глагола *hämmern* в составе метафоры в повести Ст. Цвейга «Жгучая тайна». Этим глаголом образно выражается концепт «страх»: *Irgendein warmes und beklemmendes Gefühl flog von dort mit dem Blut durch den ganzen Körper, Angst schoss heiß empor, hämmerte drohend an die Schläfen ...* [12]. — *Какое-то томительно-сладостное тепло разлилось по всему ее телу, кровь ударила ей в голову, в висках угрожающе застучало* (Перевод мой. — Н. К.). Этим же глаголом Ст. Цвейгом выражается и концепт «отчаяние»: *es zuckt und hämmert mir an den Schläfen (у меня стучит в висках)* (см. подробнее: [6, с. 82–85]). Другим примером может служить активное, ярко выраженное индивидуально-авторское употребление Ст. Цвейгом оценочного эпитета *brennend* в упомянутом произведении. Этот часто используемый австрийским писателем эпитет образно описывает страх одного из персонажей, вызывая при этом в сознании читателя ассоциацию этого чувства с огнем, пламенем: *Die grausam brennende Angst jagte sie, der Mann hinter möchte ihr folgen und sie fassen* [12, с. 20]. — *Ее гнал жутко выжигающий страх. Она думала, что мужчина сзади преследует ее, настигнет ее* (Перевод мой. — Н. К.).

В настоящей статье мы охарактеризуем индивидуально-авторский эмоциональный концепт «жестокость» (*Grausamkeit*) на материале написанного в 1906 году романа известного австрийского прозаика XX века Роберта Музиля «Душевные смуты воспитанника Тёрлеса» (*Die Verwirrungen des Zöglings Törleß*). Выбор этого произведения для интерпретации жестокости продиктован психологической напряженностью его сюжета, выражающейся, в том числе, и в высоком индексе частотности применения лексем, обозначающих и эксплицирующих названный выше концепт.

Концепт как сложное ментальное образование вербализуется такими способами, как обозначение и выражение. Под обозначением, согласно В.И. Карасику, понимается присвоение конкретному фрагменту действительности специального знака, в то время как выражение

концепта составляет «вся совокупность языковых и неязыковых средств, прямо или косвенно иллюстрирующих, уточняющих и развивающих его содержание» [4, с. 15].

Концепт номинируется и выражается самыми различными языковыми средствами. Для того чтобы выявить его сущность, целесообразно обратиться к лексико-семантическим полям как системно-структурному образованию, фиксирующему тематически и — в целом — семантически родственные явления. В немецком языке лексико-семантическое поле жестокости достаточно разветвлено. Так, в частности, такой его важнейший сегмент, как лексико-семантическая группа «*grausam*», составляют, согласно лексикографическим источникам [7; 8; 11], следующие слова: *grausam, barbarisch, bestialisch, brutal, entmenscht, erbarmungslos, gefühllos, gewalttätig, gnadelos, grimmig, herzlos, inhuman, rigoros, rücksichtslos, roh, schonungslos, tierisch, unbarmherzig, viehisch, wild*. Из вышеприведенных слов в «Душевных смутах воспитанника Тёрлеса» употребляются следующие: *grausam, brutal, roh, tierisch, viehisch, wild*. Укажем индекс частотности их применения: *tierisch* (8), *roh* (5), *grausam* (4), *wild* (4), *brutal* (2), *viehisch* (1). Используются в этом произведении также и дериваты этих слов, в частности, *Grausamkeit* (2), *Rohheit* (2), *Wildheit* (1). Суммарный индекс частотности употребления данных лексических единиц в романе Р. Музиля равен 27. Далее приведем пример с употреблением слова, непосредственно обозначающего концепт «жестокость», с последующим комментарием: *Reiting würde Basini opfern und nichts als Interesse dabei empfinden. Er würde ihn moralisch zerschneiden, um zu erfahren, worauf man sich bei solchen Unternehmungen gefaßt zu machen hat. Und wie gesagt, dich oder mich gerade so gut wie Basini und ohne daß es ihm im geringsten nahe ginge. Ich dagegen habe gerade so gut wie du diese gewisse Empfindung, daß Basini schließlich und endlich doch auch ein Mensch sei. Auch in mir wird etwas durch eine begangene Grausamkeit verletzt. Aber gerade darum handelt es sich! Förmlich um ein Opfer!* [10]. — *Райтинг принес бы Базини в жертву, не испытывая при этом ничего, кроме интереса. Он разорвал бы его морально на куски, чтобы узнать, к чему нужно быть готовым при подобного рода предприятия. И, как уже сказано, тебя или меня в точности так же, как Базини, без каких-либо переживаний. У меня же, как и у тебя, есть ощущение, что и Базини, в конце концов, тоже человек. И во мне также остается душевная рана от совершаемой жестокости. Именно об этом и идет речь! Поистине о жертве!* (Перевод мой. — Н. К.).

Приведенный фрагмент текста — это рассуждения одного из главных персонажей романа Байнеберга о своих сокурсниках по интернату — аутсайdere Базини и жестоком, склонном к садизму Райтинге. Байнеберг и Райтинг, если вспомнить сюжет романа, всячески — морально и физически — издеваются над слабохарактерным Базини. Для Райтинга, не отличающегося успехами

в учебе, это способ самоутверждения в коллективе сокурсников, безжалостных и равнодушных к чужим проблемам. Коллектив интерната — это, в основном, будущие австрийские офицеры, дети, как правило, из семей элиты. Для более интеллектуально развитого Байнеберга издевательство над сокурсником — это своеобразный эксперимент, при проведении которого ожидается открытие «новых» поведенческих реакций человека. В приведенном выше отрывке текста употребление лексемы *Grausamkeit* служит маркером прямого обозначения человеческой жестокости. Это слово ключевое в приведенном фрагменте текста. Большую смысловую нагрузку здесь выполняет и лексема *Opfer* (жертва), значение которой указывает на пассивность человека, его неумение сопротивляться обстоятельствам жизни и чужой воле, часто несправедливое к нему отношение других людей. Жертвами, согласно Байнебергу, становятся только слабые люди. Они достойны наказания в силу их второсортности. Рассуждения этого персонажа в беседе с Тёрлесом, протагонистом романа, близки занимающим умы некоторой части интеллигенции в то время в Европе идеям Ф. Ницше (концепция сверхчеловека (*Übermensch*) и недочеловека (*Untermensch*)).

Концепт не только обозначается, но и выражается, описывается лексемами, не являющимися семантически и деривационно родственными его прямым номинациям. В качестве примера назовем лексему *demütigen* (унижать), употребленную Байнебергом для описания своего эмоционального состояния при издевательствах над Базини: *Gerade daß es mir schwer fällt, Basini zu quälen — ich meine, ihn zu demütigen, herabzudrücken, von mir zu entfernen — ist gut. Es erfordert ein Opfer. Es wird reinigend wirken. Ich bin mir schuldig, täglich an ihm zu lernen, daß das bloße Menschsein gar nichts bedeutet — eine bloße äffende, äußerliche Ähnlichkeit*» [10]. — То, что мне трудно мучить Базини — его унижить, подавить, отдалить от себя, — это, на самом деле, хорошо. Это потребует жертвы. Это действует очищающе. Я должен ведь каждый день постигать на его примере, что сам по себе факт принадлежности к человеческому роду еще ничего не значит — это всего лишь дурачащее, внешнее сходство (Перевод мой. — Н. К.). Байнеберг хорошо понимает связь между жестокостью и унижением человека. Унизить человека значит проявить жестокость по отношению к нему. Свою жестокость этот персонаж романа оправдывает тем, что, во-первых, посредством издевательств над другими приходит совершенно новый опыт общения с людьми (*an ihm lernen*), появляются новые ощущения, позволяющие заглянуть в глубины собственного Его, и, во-вторых, жертвами издевательств становятся те, кто только внешне напоминает человека (*äußerliche Ähnlichkeit*), а на самом деле, как полагает Байнеберг, им в силу слабости характера и отсутствия силы воли не является. Ключевую позицию в данном текстовом эпизоде занимают лексемы *demütigen* (унижать) и *reinigend* (очищающее). Же-

стокость, по мысли персонажа, производит эффект катарсиса.

Концепт жестокости часто выражается лексемой *quälen* (мучить). Индекс частотности ее употребления в романе равен 12. В приводимом текстовом пассаже Байнеберг в беседе с Тёрлесом цинично рассуждает о своем решении в отношении Базини: *Beineberg, der nicht entnehmen konnte, wie seine Worte gewirkt hatten, fuhr fort:»... Du brauchst nicht zu erschrecken, es ist nicht so arg. Denn zunächst auf Basini ist doch, wie ich dir ausführte, keine Rücksicht zu nehmen. Die Entscheidung, ob wir ihn quälen oder etwa schonen sollen, ist nur in unserem Bedürfnisse nach dem einen oder dem anderen zu suchen. In inneren Gründen. Hast du solche? Das mit Moral, Gesellschaft und so weiter, was du damals vorgebracht hast, kann natürlich nicht zählen* [10]. — Байнеберг, не поняв, как подействовали его слова, продолжал: — Не надо бояться. Это не страшно. Как я тебе объяснил, с Базини вообще не надо считаться. Мучить его или пощадить — это наше решение. Оно зависит только от нашей потребности в том или в другом. От неких внутренних причин. У тебя они есть? Все то, что ты говорил тогда о нравственности и тому подобном, в расчет, разумеется, не берется (Перевод мой. — Н. К.). Сильную позицию в данном отрывке текста занимает контекстуальная антонимическая пара *quälen/schonen* (мучить/щадить), показывающая безжалостное господство одних воспитанников интерната над другими. Глагол *quälen* вызывает у читателя ассоциации, связанные с физическими и моральными страданиями человека-жертвы, с одной стороны, и ассоциации с жестокостью исполнителя действий — палача.

Концепт «жестокость» вербализуется в романе Р. Музиля «Душевные смуты воспитанника Тёрлеса» и посредством лексем, не входящих в одноименное семантическое поле (*der gespitzte Bambus, der Darm, treiben*). При этом читатель легко дешифрует фрагмент текста, в котором образно, натуралистически выражен этот концепт: *Törleß wandte sich an Beineberg. Aber dieser grinste nur. Er sog zwischen dem Sprechen an einem langen Tschibuk, saß mit orientalisches gekreuzten Beinen und sah mit seinen abstehenden Ohren in der zweifelhaften Beleuchtung wie ein groteskes Götzenbild aus. Meinetwegen könnt ihr machen, was ihr wollt; mir ist es nicht um das Geld zu tun und um die Gerechtigkeit auch nicht. In Indien würde man ihm einen gespitzten Bambus durch den Darm treiben; das wäre wenigstens ein Vergnügen. Er ist dumm und feig, da ist weiter nicht schade um ihn, und es war mir wirklich Zeit meines Lebens höchst egal, was mit solchen Leuten geschieht. Sie selbst sind nichts, und was aus ihrer Seele noch werden mag, wissen wir nicht. Allah schenke eurem Urteil seine Gnade!*» [10]. — Тёрлес повернулся к Байнебергу. Тот лишь ухмылялся. При разговоре он потягивал длинный чубук. Сидел он по-восточному, скрестив ноги. При иска-

женном освещении он был похож из-за своих оттопыренных ушей на странного идола. — По мне, делайте вообще все, что хотите. Меня не интересуют ни эти деньги, ни вопросы справедливости. В Индии ему бы сквозь кишки протащили бы бамбуковый кол. Это было бы, по крайней мере, весело. Он глуп и труслив. Его не жаль. На самом деле мне было бы абсолютно все равно, что случается с такими людьми. Сами они ничтожны, и что с их душой может быть, мы не знаем. Пусть благословит Аллах ваш приговор! (Перевод мой. — Н. К.). В данном пассаже речь идет о планируемом наказании Базини, которого оклеветал один из воспитанников интерната — Райтинг. Базини обвиняется в краже денег. В приведенном диалоге речь идет о мере наказания Базини. Байнеберг позиционирует себя как интеллект, стоящий выше повседневной ситуации. Его философия сводится к необходимости поиска и избавления человечества от слабых, лишенных силы воли и способности себя защитить людей. В этом эпизоде, равно как и в других фрагментах романа, Р. Музиль подобно Кассандре предупреждает мир о грозящей катастрофе — человеконенавистничество пустило глубокие корни в Европе. Примечательно, что у истоков человеконенавистничества, согласно Р. Музилю, стоят интеллект, элита общества. В интернате обучаются будущие австрийские офицеры и государственные чиновники. Автор романа показывает безжалостный мир отношений между людьми своей эпохи на примере интеллектуалов-воспитанников элитного учебного учреждения. Их жестокость утонченная. Это не унижения человека человеком, производимые в примитивной форме. Р. Музилем показана рафинированная жестокость — сознательный вызов гуманизму, его ценностям. Приведем показательный пример: *Das ist auch schwer zurecht gelegt. Wir müssen ihn noch weiter demütigen und herunterdrücken. Ich möchte sehen, wie weit das geht. Auf welche*

Weise, ist freilich eine andere Frage. Ich habe allerdings auch hierüber einige nette Einfälle. Wir könnten ihn zum Beispiel durchpeitschen und er müßte Dankpsalmen dazu singen; den Ausdruck dieses Gesanges anzuhören wäre nicht übel — jeder Ton gewissermaßen von einer Gänsehaut überlaufen [10]. — Это трудно придумать. Мы должны его и дальше унижать и подавлять. Мне хотелось бы посмотреть, насколько далеко здесь можно зайти. Каким образом — это, конечно же, другой вопрос. У меня, впрочем, имеется на этот счет несколько забавных соображений. Мы можем, например, отстегать его кнутом, а он при этом должен будет петь псалмы благодарности. Недурно бы послушать, с каким выражением он пел бы — по каждому звуку как бы пробегали мурашки (Перевод мой. — Н. К.).

Концепт «жестокость» в романе австрийского писателя Роберта Музиля «Душевные смуты воспитанника Тёрлеса» имеет статус ключевого, что обусловлено идейно-художественным содержанием этого произведения. Р. Музиль в этом романе показывает формирующуюся новую идеологию в Европе, основанную на жестокости и цинизме. Ключевой статус концепта «жестокость» подтверждается и высокой степенью вербализации этого феномена в данном произведении.

Как концепт жестокость вербализуется двумя способами — через обозначение и выражение. Второй способ оязыковления жестокости в романе «Душевные смуты воспитанника Тёрлеса» является доминирующим. Можно предположить, что выражение концепта служит доминирующим способом его объективации в коммуникативной деятельности человека, по крайней мере, в художественном дискурсе.

Концепт «жестокость» обладает в «Душевных смутах воспитанника Тёрлеса» ассоциативными связями с такими явлениями, как кнут, жертва, унижение, подавление.

Литература:

1. Ассоциативные нормы русского и немецкого языков. Н. В. Уфимцева, И. А. Стернин, Х. Эккерт и др. — М.: Воронеж, изд-во «Истоки», 2004. 130 с.
2. Воркачев, С. Г. Любовь как лингвокультурный концепт. — М.: Гнозис, 2007. 287 с.
3. Дженкова, Е. А. Концепты «стыд» и «вина» в немецкой лингвокультуре // Немецкая концептосфера: национальные и индивидуально-авторские концепты: колл. монография. — Волгоград, «Парадигма», 2012. — с. 7–23.
4. Карасик, В. И. Концепт как категория лингвокультурологии // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». 2002. № 1 (01). — с. 14–23.
5. Красавский, Н. А. Ассоциативно-образные признаки концепта «гнев» в повести Стефана Цвейга «Жгучая тайна» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 9 (27), Часть 2., 2013. — с. 93–96.
6. Красавский, Н. А. Концепт «отчаяние» в повести Стефана Цвейга «Письмо незнакомки» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 5 (35), Часть 1. 2014. — с. 82–85.
7. Рахманов, И. В. и др. Немецко-русский синонимический словарь. — М.: Рус. яз., 1983. 704 с.
8. Немецко-русский словарь синонимов. Тезаурус. — М.: Ин. язык, 2002. 448 с.
9. Стефанский, Е. Е. Концептуализация негативных эмоций в мифологическом и современном языковом сознании (на материале русского, польского и чешского языков): автореф. дисс. д-ра филол. наук. — Волгоград, 2009. 44 с.

10. Musil Robert Die Verwirrungen des Zöglings Törleß. — Hamburg, Rowohlt, 1992. 140 S.
11. www.wortschatz.uni-leipzig.de
12. Zweig Stefan Das brennende Geheimnis // www.gutenberg.org.

Интернет-рецензия в аспекте эволюции жанра рецензии

Медведев Сергей Алексеевич, магистрант

Алтайский государственный университет (г. Барнаул)

Пространство интернет-коммуникации (далее — ИК) создает целый ряд особенностей функционирования текстов в Глобальной Сети. Прежде всего изменению здесь подвергается язык общения, приобретающий черты синтеза письменной и устной речи, что обусловлено спецификой данной среды. Кроме того, здесь трансформируется и традиционная система жанров, причем исследователи говорят как о формировании абсолютно новых жанровых форм (запись в блоге, статусное сообщение и проч.), так и о создании аналогов традиционных жанров с учетом их функционирования в Интернете.

В качестве последних можно представить, например, жанр интернет-миниатюры или же интернет-рецензии. В рамках данной работы мы рассмотрим особенности интернет-рецензии на примере повести Юлии Нифонтовой «Шиза», представленной на сайте proza.ru.

Исследуя литературную рецензию в рамках современных тенденций развития культуры, А.Г. Башкатова отмечает, что «рецензенты выносят оценку, прежде всего, самому произведению, его форме, стилю, сюжету, затем идейному содержанию произведения и ценностным установкам автора» [1, с. 21].

Таким образом, для рецензии на сегодняшний день характерен больший, чем ранее, акцент на вынесение оценки, а также выражение реакции аудитории на то или иное художественное явление. Вследствие того, что фактически каждое из ответных сообщений является выражением реакции на опубликованное произведение, в поле понятия интернет-рецензии попадают все ответные сообщения на тот или иной текст, представленный в пространстве интернет-коммуникации.

Каждый из публикуемых в свободном доступе электронных документов, в том числе и художественных текстов, потенциально попадает под оценку большого числа людей, каждый из которых может оставить к представленному материалу ответное сообщение. Однако, «несмотря на то, что количество площадок для литературно-критического высказывания существенно возросло, о достаточной развитости литературной «инфраструктуры» и об адекватности современной литературной рецензии эстетическим, этическим, аксиологическим и иным запросам аудитории говорить не приходится» [1, с. 9].

На сегодняшний день мы можем говорить о том, что многогранность понятия интернет-рецензии обуслов-

лена в том числе различным характером ответных сообщений на представленный художественный текст.

Под интернет-рецензией мы понимаем сообщение критического характера на представленный художественный текст или его фрагмент. Одна из основных особенностей интернет-рецензий состоит в том, что для написания ее пользователь не обязательно должен обладать набором литературных навыков. Как известно, в рамках ИК практически каждый пользователь может оставить свой отзыв (комментарий, оценочное сообщение, реплику) на сообщение или высказывание другого пользователя.

Автором интернет-рецензии может стать обычный читатель, не обладающий набором специальных навыков. Участнику коммуникации в данном случае необходимо только «зайти» на сайт под своим логином, чем фактически и ограничивается доступность опубликованного текста для выражения читательской оценки.

Написать традиционную рецензию может далеко не каждый. Как отмечали исследователи (Н.Н. Мошникова, О.А. Сальникова, Т.И. Синдеева, З. С. Смелкова, А.А. Тертычный и проч.), рецензия в традиционном смысле должна содержать в себе информацию о литературном произведении, его анализ и оценку. Стать ее автором может квалифицированный специалист, получивший необходимое образование и обладающий набором необходимых знаний, умений и навыков (анализ материала, понимание ценности произведения, умение находить литературные отсылки, грамотное построение речи и т.д.) [Подробнее см.: 2].

Необходимо также отметить, что издания, публикующие рецензии (как литературные, так и публицистические) в большинстве своем следят за соблюдением качественной составляющей будущих рецензий, что характерно для большей части материалов средств массовой информации. Естественно, для написания рецензии в рамках Интернета соблюдение приведенных выше требований совсем необязательно, а качественная фильтрация контента зачастую сводится только к удалению сообщений с бранной лексикой, откровенной рекламой и оскорблениями других пользователей.

Для описания следующей отличительной черты интернет-рецензии обратимся к особенностям публикации текстов в коммуникативном пространстве Глобальной

Сети. Здесь большое значение начинает играть «тезис о малом тексте», объем которого не превышает «один экран» и «не требует вертикального скроллинга (прокрутки)» [4], что значительно облегчает восприятие материала. Кроме того, многие сайты имеют ограничение максимального объема публикуемых текстов, а читателю гораздо удобнее осуществлять чтение по частям. Вследствие обозначенных выше особенностей восприятия текста в рамках интернет-коммуникации, большие литературные произведения (например, романы или повести) зачастую публикуются постепенно, по частям или главам.

Исходя из всего этого, озвучим следующую особенность интернет-рецензии: при анализе больших литературных форм рецензия может быть написана на какой-либо определенных фрагмент произведения. Примечательно, что при публикации произведения по главам большой распространение получила обобщающая рецензия на все произведение после последней из его частей. Например:

Рецензия на «Глава 20. Секрет Геллы» (Юлия Нифонтова)

Увлеченно прочитала Вашу повесть, Юля. Мне очень понравилось и то, о чем Вы написали и то, как. Ценю юмор в различных его проявлениях, поэтому было особенно приятно читать. Серьезно анализировать Вашу повесть не получится (я скорее поэт, чем прозаик, да и то громко сказано), тем более это отлично получилось у предыдущего рецензента. С интересом приступаю к продолжению! Конечно, если возникнут замечания, предложения — напишу Вам.

Успехов Вам в жизни и творчестве, дорогая Юля!

С теплом и уважением, Лина

Милая-милая Линочка!!! Спасибо Вам огромное от всей души!!!:)))

Как радостно находить понимание...

Обнимаю, Юля.

Как видно из приведенного примера, в рамках интернет-коммуникации (конкретно на сайте Проза.ру в том числе) автор опубликованного произведения может непосредственно вступить в диалог с читателем посредством текста ответного сообщения, в чем и состоит еще одна особенность интернет-рецензии. Примечательно, что в тексте интернет-рецензии читатель может высказать рекомендации автору произведения, что может привести к последующему изменению изначального текста под влиянием рецензии. Так, например, читатель может указать автору на некоторые недочеты или порекомендовать употребление другой словоформы:

ШЕРОХОВАТОСТИ, чтобы облегчить вам поиск.

Серый проявил себя по-стахановски упорно и... (может быть «упорным»?)

Татьяна Смородина

Подобные советы и рекомендации читателей могут, как уже говорилось, повлечь за собой изменение изначального текста. Примечательно, что подобная «редактура» со стороны читателей зачастую и является одной

из целей публикации автором текста в данном коммуникативном пространстве.

Многие из писателей используют Интернет в качестве редакционной площадки для своих произведений. Благодаря возможности оперативного получения отклика читателей на тот или иной текст, автор может с гораздо меньшим риском испытать воздействие на публику того или иного художественного приема, оценить, насколько удачен определенный сюжетный поворот и так далее.

Еще одну особенность интернет-рецензии можно сформулировать следующим образом: под воздействием интернет-рецензии изначальный текст может претерпеть значительные изменения, в особенности, если автор опубликованного текста намерен в дальнейшем представить его массовому читателю еще и на традиционном бумажном носителе. В результате ответные сообщения на опубликованный в рамках интернет-коммуникации художественный текст оказывают значительное влияние не только на формирование литературы в Интернете («сетературы» в широком смысле), но и литературы вообще.

Значимость Интернета и в особенности читательских отзывов (=интернет-рецензий) для развития литературы была отмечена в послесловии к роману Дмитрия Глуховского «Метро 2033». Автор сообщает, что изначально главы романа публиковались исключительно на одноименном сайте в сопровождении с музыкальными файлами, которые рекомендовалось слушать при прочтении тех или иных фрагментов текста. Каждый из читателей мог высказать свое мнение относительно художественных качеств текста, после чего автор (в данном случае — Д. Глуховский) мог вносить определенные правки в произведение перед его публикацией в виде книги. На данный момент «Метро 2033» является международным литературным проектом, а Интернет и интернет-рецензии продолжают играть для него значимую роль.

Озвучим следующую особенность интернет-рецензии. В отличие от традиционной рецензии, рецензия в Интернете может быть максимально редуцированной. Так как свидетельством наличия читательского отзыва на определенный художественный текст является уже сам факт написания ответного сообщения, интернет-рецензия может состоять даже из одного слова («Хорошо!», «Гениально», «Слабо» и т.п.) или даже из одного знака (в рамках социальных сетей их роль играют отметки «Мне нравится», «Like» и проч.). Как следствие, интернет-рецензия может и вовсе не иметь следов литературности, от чего она, впрочем, не перестает быть рецензией в рамках нашей концепции:

Рецензия на «Шиза. История одной клички» (Юлия Нифонтова)

РЕСПЕКТ ОТ ОСНОВАТЕЛЯ ШИЗОРЕАЛИЗМА!

Эл Тузовский

РЕСПЕКТ ОСНОВАТЕЛЮ!!!:)))

Юлия Нифонтова

Нельзя не отметить тот факт, что в рамках интернет-коммуникации могут создаваться рецензии, сопоставимые

по своим «качествам» с традиционными литературными рецензиями. Здесь также представлен и детальный анализ изобразительных средств, и рассмотрение художественных достоинств и недостатков текста и многое другое. Однако многие из подобных рецензий все же испытывают на себе влияние коммуникативного пространства, в результате чего здесь наблюдается, например, непосредственность общения, употребление нестандартной пунктуации и сокращений.

Интернет-рецензии могут оказывать существенное влияние на оцениваемый текст. Помимо того, что из-

начальный текст может быть изменен под влиянием рецензий, автор имеет возможность непосредственно наблюдать реакцию читателей на свое произведение. Подобное явление мы рассмотрели на примере Юлии Нифонтовой, которая свои значимые произведения помимо непосредственной печати на бумажных носителях публикует и в рамках Интернета. В целом пространство интернет-коммуникации оказывает существенное влияние на формирование сетературы (литературы в Интернете) и ее отличительных особенностей, одной из которых и является взаимодействие с интернет-рецензией.

Литература:

1. Башкатова, А.Г. Литературная рецензия в контексте современных тенденций развития культуры: автореф. на соиск. степени канд. филол. наук: 10.01.10/Башкатова А.Г.; МГГУ. — М.: 2013.
2. Зинова, Е.А. Методика обучения студентов-журналистов рецензии как жанру современной медиасферы: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук: спец. 13.00.02/Е.А. Зинова; Московский педагогический государственный университет. — М., 2012. — 21 с.
3. Плотникова, А.А. Объем текста лирической интернет-миниатюры как ключевой признак жанра // Вестн. Том. гос. ун-та. 2012. №354. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/obem-teksta-liricheskoy-internet-miniatury-kak-klyuchevoy-priznak-zhanra> (дата обращения: 28.06.2014).

Психолингвистические способы измерения этнической напряженности

Морева Анастасия Владимировна, студентка
Московский государственный лингвистический университет

В статье описывается психолингвистическая методика для диагностики межэтнической напряженности. Автором был проведен ассоциативный эксперимент с участием слов-этнонимов и выявлены определенные закономерности в ответах, обнаружены сходные ассоциации к словам-стимулам у участников исследования и определена модальность отношения социальной группы к той или иной этнической общности.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, картина мира, этническая напряженность.

Каждый из нас знаком с такими понятиями, как «язык» и «мышление», однако далеко не многие могут объяснить их суть и проследить взаимосвязь между ними. Между тем язык и мышление — это два неразрывно связанных вида общественной деятельности. Разница состоит в том, что мышление — имеет психическую, идеальную природу, между тем как язык — это явление по своей первичной природе физическое, материальное. При помощи последнего мы выражаем свои мысли, осуществляем коммуникацию. Выяснение степени и конкретного характера связи между языком и мышлением составляет одну из центральных проблем теоретического языкознания и философии языка с самого начала их развития. В решении этой проблемы обнаруживаются глубокие расхождения — от прямого отождествления языка и мышления (Ф.Э. Д. Шлейермахер, И.Г. Гаман) или их чрезмерного сближения с преувеличением роли языка (В. фон Гумбольдт, Л. Леви-Брюль) до отрицания непосредственной связи между ними (Ф.Э. Бенекс) или, чаще, иг-

норирования мышления в методике лингвистического исследования (лингвистический формализм, дескриптивизм). Однако же связь между этими явлениями, несомненно, имеется. На начальных этапах развития общества язык, развивавшийся в первую очередь как средство общения, вместе с тем включался в процессы мышления, дополняя два первоначальных его вида — практически-действенный и наглядно-образный — новым, качественно высшим видом словесно-логического мышления и тем самым активно стимулируя развитие мышления вообще. Развитие письменности усилило воздействие языка на мышление и на саму интенсивность языкового общения, значительно увеличило возможности языка как средства оформления мысли. В целом же по мере исторического развития мышления во всех его видах постепенно усиливается его воздействие на язык, сказывающееся главным образом в расширении значений слов, в количественном росте лексического и фразеологического состава языка, отражающем обогащение понятийного аппарата мыш-

ления, и в уточнении и дифференциации синтаксических средств выражения смысловых отношений.

Именно язык и мышление участвуют в формировании картины мира — совокупности знаний и мнений о действительности. В рамках культуры картина мира познается постепенно, последовательно и непрерывно. Всю жизнь мы получаем новые знания, и на их основании у нас формируется определенное мнение о том или ином явлении окружающего мира. В силу особенностей формирования картина мира нами не осознается, но оказывает сильное влияние на наше мировосприятие. Так, например, мы рождаемся в стране, у которой есть своя культура, нас с самого детства окружают традиции, присущие ей, у нас складывается определенная модель видения мира, и, в конце концов, мы начинаем воспринимать эту культуру как единственно возможную. Кроме того, стоит отметить, что огромную роль в становлении нашей картины мира играют СМИ. При помощи языковых средств можно легко сформировать у людей нужное мнение. Самое главное, мы даже не заметим, что это мнение нам навязано, мы будем думать, что сформировали его сами. Все вышеперечисленное влияет на то, что когда мы сталкиваемся с представителями других этносов (которые олицетворяют чуждую нам культуру), может возникнуть культурный шок. Это происходит от того, что мы встречаемся и взаимодействуем с незнакомыми нам явлениями. А культурный шок, в свою очередь, может привести к межэтнической напряженности.

Сегодня мы нередко сталкиваемся с этим понятием. Для этого есть все основания. В наше время отношения между различными этническими группами стали одной из важнейших частей социальной реальности, именно с этой областью связано наибольшее количество проблем и социальных конфликтов. Для того чтобы найти выход из сложившейся ситуации и стабилизировать отношения в обществе, нужен подробный анализ межэтнической напряженности. Стоит учесть, что межэтническая напряженность — это не обособленное явление.

Она появляется только тогда, когда существует конфликт между различными этническими группами в целом, а не между отдельными их представителями. Именно поэтому нужно понять мысли, идеи, устремления народа, как единого целого, понять, каким образом зарождаются конфликты. Однако прежде всего нужно разобраться в самом понятии межэтнической напряженности. Иногда вместо слова «напряженность» употребляют термин «конфликт». Однако это не совсем точно, ведь мы рассматриваем разнообразный спектр проблемных отношений между группами, где конфликт является лишь одним из событий. Конфликт — одна из стадий межэтнической напряженности, наряду с расхождениями, спорами, противоречиями и любыми другими межэтническими проблемами. Конфликт зарождается, вызревает и затухает в психологическом поле межэтнической напряженности, которое в значительной степени формируется под влиянием целенаправленной политики, осуществля-

емой национальными элитами. Поэтому по отношению к этническому конфликту межэтническая напряженность выступает как более общее родовое понятие.

Доктор психологических наук, автор монографии «Психология межэтнической напряженности» Солдатов Г.У. охарактеризовала межэтническую напряженность как форму и проявление социальной напряженности: «Социальная напряженность — феномен XX в. Он связан не только с общественными кризисами, но и со все ускоряющимся темпом жизни, с возрастающей стрессовой нагрузкой, с ухудшением экологии. Поэтому понятие «социальная напряженность» в научной литературе используется в достаточно широком диапазоне: от определения ее как естественного параметра, характеризующего функционирование любой социальной системы, до рассмотрения как специфического состояния, возникающего только в периоды социальных изменений. <...> Это означает развитие содержания социальной напряженности во взаимосвязи с понятиями социальной дезинтеграции, девиации (в отношениях стабильного общества), аномии (в отношениях нестабильного общества), утраты социальной идентичности, классовой борьбы, межэтнических столкновений и социальных кризисов. Общее для большинства таких исследований — рассмотрение неопределенности как исходной точки развития социальной напряженности» [8, с. 4].

Рукавишников В.И. определяет социальную напряженность как понятие, характеризующее особое состояние общественной жизни, отличающееся обострением внутренних противоречий объективного и субъективного характера. Рассматривая проявления напряженности прежде всего на социально-психологическом уровне, он выделяет следующие характерные для нее признаки: неудовлетворенность существующим положением дел в жизненно важных сферах общественной жизни, социальным порядком в широком смысле слова; утрата доверия к властям, рост пессимизма, усиление циркуляции слухов в обществе, возникновение атмосферы массового психического беспокойства и эмоционального возбуждения; усиление вынужденных и добровольных миграций, активизация различных общественно-политических движений и усиление борьбы за власть, активизация массовых действий — митингов, демонстраций, забастовок.

Межэтническая напряженность — это форма социальной напряженности, трансформация которой в межэтническую является закономерным процессом в условиях глубоких изменений полиэтнического общества. Основные признаки социальной напряженности при ее трансформации в межэтническую приобретают отчетливую этническую специфику.

Напряженность чаще всего трактуется как характеристика нарушения гомеостаза социальных систем. В соответствии с теорией социальных изменений Парсонса, межгрупповая напряженность возникает в случаях изменения установившегося равновесия в балансе обмена

между группами как элементами социальной системы [9]. Это происходит сразу же, как только одна из сторон организуется по какому-либо новому социальному признаку, например, этническому. Происходят внутрисистемные изменения и начинаются новые отношения, которым с самого начала не суждено обойтись без противоречий. Такую тенденцию ученый обозначал как категорию напряженности и придавал ей важнейшее значение для понимания социальных трансформаций в обществе [9].

В соответствии с этим положением межэтническая напряженность — это итоговое нарушение баланса взаимоотношений на всех уровнях поликультурного общества, в результате которого происходит раскол массового сознания на множество этнических идентичностей, и межэтнические отношения переструктурируются согласно новым социальным условиям. От того, насколько тесно связаны между собой подсистемы общества, зависит скорость иррадиации напряженности внутри него [4].

Говоря о напряженности, нельзя оставить без внимания само это понятие. В словаре Ожегова С.И. говорится, что напряженность — это «неспокойное, чреватое опасностью или ссорой состояние каких-нибудь отношений» [5, с. 390].

Такие ссоры могут возникнуть в результате:

- 1) несовместимости социальных ценностей;
- 2) несоответствия между компонентами действий;
- 3) несовпадения инициатив (целей и стратегий межгруппового поведения) в структуре общества
- 4) разрыва между ожидаемым удовлетворением потребностей и действительным их удовлетворением.

Исследования социальной напряженности в рамках теории социального стресса [4] определяют ее как результат «общего адаптационного синдрома», возникающего на групповом уровне в ответ на внешние неблагоприятные воздействия. В связи с этим в качестве основной функции межэтнической напряженности выделяется функция адаптации группы в кризисных условиях на основе этничности, как сложной смеси менталитета и культуры. С этой точки зрения межэтническая напряженность отражает не только изменения в структуре межэтнических отношений, но и внутренние процессы мобилизации и самоорганизации этнической группы в переходный период ее развития.

Таким образом, межэтническая напряженность — многоуровневый, многосубъектный феномен, энергетическая характеристика социальной системы, элементами которой являются различные этнические группы. Некоторые из них находятся в оппозиционном взаимодействии и воспринимаются друг другом как виновники групповой неудовлетворенности.

Одним из способов выявления межэтнической напряженности является метод ассоциативного эксперимента [1, 3, 6]. Его суть состоит в том, что испытуемому предлагается список слов, к каждому из которых нужно подобрать первую пришедшую в голову ассоциацию. В силу того что эксперимент обычно проводится

на большом количестве испытуемых, можно проследить определенные тенденции реакций на то или иное слово. Результаты ассоциативного эксперимента призваны показать общий ход мысли, настроения испытуемых.

В рамках исследовательской работы мы провели подобный опыт для диагностики межэтнической напряженности. Испытуемым был предложен список слов, среди которых встречались названия различных этнических групп: *американцы, немцы, цыгане, кавказцы, таджики, евреи, афроамериканцы, украинцы, прибалты*. Нашей целью было выявление определенных закономерностей в ответах, обнаружение схожих ассоциаций к словам-стимулам у участников исследования и определение модальности отношения социальной группы к той или иной этнической общности. По мнению Белянина В.П., «главным преимуществом ассоциативного эксперимента является его простота, удобство применения, так как он может проводиться с большой группой испытуемых одновременно. Испытуемые работают со значением слова в «режиме употребления», что позволяет выделять и некоторые *неосознаваемые компоненты значения* (курсив наш. — А. М.). <...> Ассоциативный эксперимент показывает наличие в значении слова (а также предмета, обозначаемого словом) психологического компонента. Тем самым ассоциативный эксперимент даёт возможность построить семантическую структуру слова. Он служит ценным материалом для изучения психологических эквивалентов того, что в лингвистике называется семантическим полем, и *вскрывает объективно существующие в психике носителя языка семантические связи слов*» [2, с. 133] (курсив наш. — А. М.).

В эксперименте принимали участие 55 студентов 2 курса в возрасте от 19 до 20 лет, получающие образование по специальности «Перевод и переводоведение». Обобщенно результаты индивидуальных ассоциаций можно представить следующим образом (слева указано слово-стимул, справа — ассоциативные поля к каждому из слов):

Американцы — фаст-фуд (13), лишний вес (13), нация (6), враги (3), наглость (3), Барак Обама (3), дружелюбие (2), кинематограф (2), глупые (2), национальная символика (флаг и статуя Свободы) (2), капитализм (1), лидеры (1), смерть (1), луна (1), янки (1), богатство (1).

Немцы — война и фашизм (16), пунктуальность (10), пиво (5), педантичность (4), машины (3), Германия (3), сосиски (2), друг (2), люди (2), кино (1), школа (1), Европа (1), кровь (1), сдержанные (1), злые (1), воздержались от ответа (3).

Цыгане — воров (14), табор (11), золото (7), предметы одежды (платье, платок, сережка, юбка) (4), Румыния (3), красный (2), танец (2), лошадь (2), находчивые (2), грязь (2), веселые (1), скрипка (1), вокзал (1), пестрые (1), гадание (1), песни (1).

Кавказцы — горы (14), лезгинка (4), оружие (4), обезьяны (3), чурки (3), народ (3), враги (3), борода (3), Дагестан (2), вспыльчивые (2), опасность (2), нос (2),

шашлык (2), Грозный (1), акцент (1), жители России (1), Москва (1), жестокие (1), грязь (1), сила (1), повсюду (1).

Китайцы — узкоглазые (15), много (7), желтый (5), хитрые (3), головной убор (2), культура (2), рис (2), народ (2), рассвет (1), чай (1), изобретательные (1), партнеры (1), низкие (1), умные (1), техника (1), суетливые (1), панда (1), вещи (1), красный (1), боль (1), усердие (1), воспитание (1), трудолюбие (1), воздержались от ответа (2).

Таджики — работа (18), дворники (8), уборка (4), строительство (3), язык (3), надоели (3), миграция (2), рынок (2), фрукты (2), Таджикистан (2), грязь (2), рыжие жилетки (1), двор (1), кожа (1), халат (1), плов (1), горы (1).

Евреи — деньги (8), хитрость (4), религия (5), жадность (5), огонь (5), язык (3), Израиль (3), жида (2), Сара (2), нажива (1), нос (1), маца (1), ссуда (1), жлобы (1), пейсы (1), находчивые (1), умные (1), благополучие (1), доктор (1), головной убор (1), дружба (1), воздержались от ответа (6).

Афроамериканцы — негры (27), музыка (5), жара (5), люди (3), пальмы (3), цепочки (2), дерзость (1), шоколад (1), гетто (1), свобода (1), плантация (1), Америка (1), там-там (1), дреды (1), рабы (1), футбол (1).

Украинцы — сало (12), братья (7), Майдан (5), Крым (5), соседи (3), желтые (3), Украина (2), нация (2), хитрые (1), коса (1), воры (1), обделенные (1), чуб (1), злые (1), воздержались от ответа (4).

Прибалты — медленные (10), эстонцы (10), море (5), говор (2), Латвия (2), шпроты (1), Калининград (1), опасность (1), «недонемцы» (1), гостеприимство (1), соседи (1), неблагодарность (1), финны (1), берег (1), пиво (1), воздержались от ответа (14).

Следующим этапом исследования стало разделение реакций на три сектора: предметный, понятийный и оценочный.

Характер распределения ассоциаций по трем секторам можно интерпретировать в плоскости диагностики отношения к этнической группе — преобладание оценочного, отрицательно заряженного сектора является тревожным социальным маркером напряженности.

Представим итоги нашего исследования по каждому слову-стимулу.

Американцы: оценочный сектор — 41 %, понятийно-предметный сектор — 59 %. Показатели позволяют сделать вывод, что преобладают негативные оценки, аудитория охарактеризовала американцев как «тупых», «толстых», «наглых», «злых», лишь два человека дали положительную оценку — «дружелюбные». Кроме того, здесь имеются номинации культурно обусловленных и исторически мотивированных смыслов — имена президентов, самих американцев (янки — презрительное наименование, присвоенное южанами северянам). У 13 опрошенных американцы ассоциируются с фаст-фудом. Итак, в сложившемся портрете преобладают негативные черты, явно прослеживается неприязнь участников экспери-

мента к американцам, недостаточное уважение по отношению к ним.

Немцы: оценочный сектор — 33 %, понятийно-предметный сектор — 62 %, воздержались от ответа — 5 %. У большого количества опрошенных немцы ассоциируются с войной и фашизмом, в соответствии с этим наблюдаются такие характеристики как «злые», «враги», «кровь», «фашизм», «война», и лишь один респондент охарактеризовал немцев как друзей. Также многие связали эту этническую группу с машинами, технологиями — это показывает, что Германия воспринимается как передовая, высокоразвитая страна, а ее жители характеризуются как «пунктуальные», «педантичные» и «сдержанные». Многие связали немцев с традиционной кухней — с сосисками, пивом. Такими образом, мы видим, что в сознании русских людей еще живы воспоминания о войне с фашистской Германией, немцы до сих воспринимаются как потенциально опасная нация, хотя многие испытуемые уже воспринимают Германию как развитую страну с мощной экономикой, граждане которой серьезно относятся к жизни.

Цыгане: оценочный сектор — 33 %, понятийно-предметный сектор — 67 %. Четверть (25 %) опрошенных воспринимают цыган как воров, у 20 % цыгане ассоциируются с табором. Многие испытуемые связали их с золотом, традиционной одеждой, песнями, танцами, лошадьми, некоторые назвали их веселыми. Прослеживаются такие ассоциации как «грязь», «вокзал». Это показывает, что в оценке данной этнической группы присутствует негативный оттенок, но он существенно слабее, чем при описании американцев или немцев. Цыгане у большинства опрошенных ассоциируются с национальным колоритом, отмечаются особенности их быта — кочевой образ жизни, любовь к свободе, открытость.

Кавказцы: оценочный сектор — 31 %, понятийно-предметный сектор — 69 %. Многие выразили негативное отношение к кавказцам, которое проявилось в актуализации опасности и жестокости в таких реакциях как «оружие», «опасность», «чурки», «вспыльчивые», «жестокие». У многих возникли реакции «горы», «шашлык», «лезгинка», то есть в качестве основного признака выступают черты национального колорита. Ни у одного испытуемого не возникло положительной оценочной характеристики. Это говорит о том, что в основном отношение к кавказцам либо резко негативное, либо нейтральное.

Китайцы: оценочный сектор — 71 %, понятийно-предметный сектор — 25 %, воздержались от ответа — 4 %. Большинство анкетированных обратили внимание на внешность — узкий разрез глаз и низкий рост. Многие называли китайцев умными, усердными, трудолюбивыми, упорными. Также были ассоциации и с китайской традиционной культурой. Была отмечена большая численность китайцев, их суетливость, однако резко негативных реакций не было, следовательно, к этой этнической группе у нас относятся положительно.

Таджики: оценочный сектор — 47 %, понятийно-предметный сектор — 53 %. У подавляющего числа опрошенных таджики ассоциируются с трудом, рабочей силой, трудовой миграцией. Несколько человек назвали в качестве основных характеристик этнической группы национальные блюда, например «плов»; 3 человека отметили, что таджики им «надоели». Можно интерпретировать данные эксперимента как свидетельство в основном пренебрежительного отношения к работникам низкой квалификации, однако резкого негатива по отношению к этнической группе нет.

Евреи: оценочный сектор — 44 %, понятийно-предметный сектор — 45 %, воздержались от ответа — 11 %. Во многих анкетах мы обнаружили ассоциации с любовью к деньгам, бережливостью, жадностью и хитростью этого народа, однако отмечаются такие их качества как верность, доброта, ум, религиозность. Значительное количество испытуемых отметило историческую реалию — «холокост». Определенно, в отношении к этому народу из-за свойственного ему поклонения прежде всего материальным ценностям есть некая неприязнь, но она не так явно выражена.

Афроамериканцы: оценочный сектор — 53 %, понятийно-предметный сектор — 47 %. У половины испытуемых зафиксирована ассоциация с темным цветом кожи, являющаяся, по мнению некоторых ученых, неполиткорректной. Реакции «жара», «пальмы», «песок», «музыка», «танцы» и т.д. свидетельствуют о нейтральном отношении к афроамериканцам.

Украинцы: оценочный сектор — 20 %, понятийно-предметный сектор — 73 %, воздержались от ответа — 7 %. Многие охарактеризовали украинцев как «братьев», то есть опрошенные отождествляют русских и украинцев, относятся к ним хорошо. Из этого можно сделать вывод, что несмотря на нестабильную политическую обстановку в отношениях России и Украины, на то, что украинские СМИ часто навешивают на русских «ярлыки» (москаль, черносотенец), у русского народа отношение к украинцам не поменялось. Мы по-прежнему считаем их братским народом, осознавая, что у всех есть свои особенности. Этому во многом способствует тот факт, что российские СМИ пытаются объективно освещать политические события.

У нас есть возможность сравнить результаты нашего эксперимента 2014 года и ассоциативного эксперимента доктора филологических наук Бутаковой Л.О., который она проводила в 2009 году в Омском государственном университете. Вот его результаты и комментарий исследователя.

«Украинцы (2009): жадные (6), простые (6), щедрые (4), распушенные (4), гостеприимные (3), добрые (2),

глупые (2), хитрые (2), обязательные (2). Ассоциативное поле не отличается большим объемом. В нем четко очерчено ядро, заполненное предметными реакциями, отражающими стереотипные образы сознания, фиксирующие национальные продукты питания (сало, горилка), еду (борщ, галушки), одежду (шаровары), прическу (чуб), и распространенное разговорное наименование — хохлы. Оценочный сектор поля не столь разнообразен (35 %)» [3].

Прибалты: оценочный сектор — 24 %, понятийно-предметный сектор — 51 %, воздержались от ответа — 25 %. Многие опрошенные указали реакцию «медлительные». В то же время их характеризуют как гостеприимных, дружелюбных, но есть и такие, кто назвал их «неблагодарными». Прибалты также ассоциируются с Балтийским морем. Негативные характеристики присутствуют, но их крайне мало, в основном отношение к прибалтам положительное.

Итак, мы видим, что ассоциативный эксперимент — это очень хороший способ проследить основные тенденции в отношении одной этнической группы к другим. На основании результатов исследования можно сделать выводы о том, с какими этносами у нас наиболее сложные отношения, выявить очаги межэтнической напряженности, увидеть, к каким народам проявляется наибольшая неприязнь или агрессия. На основании этих выводов можно будет судить о том, какую этническую группу следует изучать более подробно. Это поможет выяснить основные причины межэтнической напряженности и устранить их. Кроме того, если такой эксперимент проводить регулярно (хотя бы раз в год), можно наблюдать динамические перестройки в ассоциативных полях за определенный промежуток времени. Таким образом можно проследить, как изменяются модальности межэтнических отношений.

Однако при проведении ассоциативного эксперимента возникают некоторые трудности. Во-первых, испытуемые не всегда честны при написании слов-реакций, во-вторых, сложность представляет распределение результатов по секторам. Некоторые реакции можно интерпретировать двояко, они находятся на стыке секторов, и не всегда удастся с легкостью отнести их к той или иной группе. В-третьих, ассоциативный эксперимент охватывает сравнительно небольшую группу участников, что не позволяет нам судить о мнении всей этнической группы в целом. Здесь большую роль играют такие факторы как гендерные различия испытуемых, их возраст, социальная принадлежность, профессия и т.д. В-четвертых, большое влияние оказывают СМИ, поэтому первой реакцией на словостимул зачастую является не собственное мнение анкетиремого, а «ярлык», который «вешают» на ту или иную этническую группу телевидение, пресса и интернет.

Литература:

1. Адамова, З.Г. Ассоциативный эксперимент как метод исследования этнической напряженности // Вестник МГЛУ. Серия Лингвистика. — Москва, 2005. — Вып. 511. Языковое сознание и культура.
2. Белянин, В.П. Психоллингвистика. — М.: Флинта. 2011.

3. Бутакова, Л. О. Этнос, сознание, культура: лингвистическое моделирование с региональным уклоном // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Материалы Международной школы-семинара (VI Березинские чтения). Вып. 17. — М.: ИНИОН РАН, АСОУ, 2010.
4. Давыдов, А. А. Измерение социальной напряженности. — М., 1992.
5. Ожегов, С. И. Словарь русского языка. — М., 1988.
6. Пищальникова, В. А. История и теория психолингвистики: курс лекций. Ч. 2. Этнопсихолингвистика. — М.: Моск. гос. лингв. ун-т, 2007.
7. Рукавишников, В. О. Социальная напряженность // Диалог. 1990. №8. с. 7–11.
8. Солдатова, Г. У. Психология межэтнической напряженности. — М.: Смысл, 1998.
9. Parsons, T. The Social system. Glencoe, IL: Free Press, 1951.

Структурно-семантические особенности служебных частей речи с уступительным значением

Мусатова Галина Александровна, кандидат филологических наук, доцент
Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище имени генерала армии В.Ф. Маргелова

В данной статье подробно рассмотрим несколько классов служебных частей речи с уступительным значением, определим их структурно-семантические особенности, проанализируем зависимость средств связи от лексического наполнения оформляемых ими синтаксических конструкций.

I «Уступить, не согласившись...»

В этот подкласс входят лексемы **если и 1, даже если (и) 1**, которые предполагают наличие компонента «условие», поскольку произошли от условного союза «если».

Если и попользуюсь в этом деле чем-нибудь лишним, так и греха нет никакого... (А.Н. Островский «Свои люди — сочтёмся»).

Даже если жена и не совсем счастлива, так не имеет права, не смеет жаловаться (А.Н. Островский «Доходное место»).

Для лексем данного подкласса предлагается такое толкование: говорящий считает, что ситуация Б, вероятнее всего, не имеет места. Если ситуация Б всё же имеет место, её действие существенно ослабляется действием А или практически сводится на нет.

— Драгоценная королева, — пищал Коровьев, — я никому не рекомендую встретиться с ним (А), **даже если** у него и не будет никакого револьвера в руках (Б)! (М.А. Булгаков «Мастер и Маргарита»).

Француз ей поклонился и отвечал, что он надеется заслужить уважение (А), **даже если** откажут ему в благосклонности (Б) (А.С. Пушкин «Дубровский»). — Ситуация А (француз надеялся заслужить уважение) ослабляет важность ситуации Б, которая, вероятно, не будет иметь места (откажут или нет в благосклонности?).

Другого платья у него не было, а **если и** было, он, быть может, и не надел бы его... (Ф.М. Достоевский «Преступление и наказание»).

Лексема **если и 1** предполагает ещё меньшую вероятность существования ситуации Б, чем лексема **даже если 1**. В том случае, если Б всё же имеет место, лексема **если и 1** указывает на практически полную нейтрализацию ситуации Б под воздействием А [1, с. 30].

II «Компенсация» и «оговорка» [1]

Данный подкласс составляют лексемы **зато, правда, вот только (только)**.

Она [Анна] была менее блестяща в действительности, но зато в живой было что-то такое новое, привлекательное, чего не было на портрете (Л.Н. Толстой «Анна Каренина»).

Трёхкомнатную он обменял на две отдельные по две комнаты и стал обладателем, как вы сами видите, шести комнат, правда, рассеянных в полном беспорядке по всей Москве (М.А. Булгаков «Мастер и Маргарита»).

[Собакевич]: *Сказал бы и другое слово, да вот только за столом неприлично* (Н.В. Гоголь «Мёртвые души»).

Для слов данного подкласса предлагается следующее толкование: говорящий признаёт существование ситуации Б и обращает внимание адресата на то, что имеет место также ситуация А, независимая от Б и противоположно оцениваемая по отношению к Б, и что в данном случае А важнее Б.

Обратимся к лексеме **зато**.

Определяемое лексемой **зато** выражение описывает важную, главенствующую ситуацию А.

Анатоль был не находчив, не быстр, не красноречив в разговорах (Б), но у него зато была драгоценная для света способность спокойствия и ничем не изменяемая уверенность (А) (Л.Н. Толстой «Война и мир»). — Имеет место ситуация Б (Ана-

толь не быстр, не красноречив); говорящий это признаёт, но в то же время отмечает, что ситуация А (У Анатоля есть способность спокойствия и ничем не изменяемая уверенность) важнее Б.

Он [Левин] очень нервный человек и бывает неприятен, правда (Б), но **зато** иногда он бывает очень мил (А) (Л.Н. Толстой «Анна Каренина»). — Ситуация Б (Левин — очень нервный человек) оценивается говорящим как нечто второстепенное по сравнению с ситуацией А (иногда он бывает очень мил).

Для толкования лексемы **зато** важным является компонент «по мнению говорящего». **Зато** — очень субъективное, оценочное слово, выражающее уверенное, твёрдое мнение. Хотя и А, и Б являются реальными фактами, А оценивается как более важное, чем Б, только говорящим и может не разделяться адресатом.

Проанализировав языковой материал, мы пришли к выводу, что слово «**зато**» очень часто употребляется вместе с сочинительными союзами «но, да = но».

Вам придётся двигаться на ней [барке] очень медленно, **да зато** вы перейдёте пороги, чего нельзя сделать на пароходе (И.А. Бунин «Казацким ходом»).

Кроткие хохлатые жаворонки...теперь спят. **Но зато** проснулись и всю ночь будут с жалким писком голода гоняться друг за другом все эти мелкие и крупные хищники, дремавшие днём (И.А. Бунин «Белая лошадь»).

Выражение, определяемое лексемой **правда**, описывает менее важную, второстепенную ситуацию Б.

Правда, сохранились некоторые из таких усадеб ещё и до сего времени (Б), но в них уже нет жизни (А) (И.А. Бунин «Антоновские яблоки»).

Лексема **правда** — «слабое» слово, выражающее не твёрдое, некатегоричное мнение; важно только, чтобы оценка А и Б была противоположной.

Правда, Макар не видел ещё рассвета (Б), но, судя по пространству, ему казалось, что они шли уже целую ночь (А) (В.Г. Короленко «Сон Макара»).

Правда, уже раз я с нею объяснился (Б), но тогда это как-то не вышло (А) (И.А. Бунин).

Таким образом, в фокусе внимания лексемы **зато** находится важная ситуация А, у лексемы **правда** — менее важная ситуация Б. **Зато** имеет значение «компенсация», **правда** — «оговорка».

Лексема **вот только (только)** предполагает следующее толкование: говорящий признаёт, что имеет место А, и обращает внимание адресата на то, что нежелательная ситуация Б также имеет место, но А важнее Б.

А, **вот только** Б.

Кто это говорит вам, что я похудел! Клевета! Здоровёхонек и растолстел так, что самому становится совестно, сыт и доволен по горло; **вот только** бы вы-то выздоравливали (Б)! (Ф.М. Достоевский «Бедные люди»).

III «Можно пойти на уступку при условии...»

В данный подкласс входят лексемы **добро бы, пускай бы**.

Для них предлагается такое толкование: говорящий считает, что для осуществления ситуации Б нет достаточных оснований. Б можно было бы признать обоснованным при условии, что ситуация А имела бы место.

Со всех сторон поступали беспрестанно жалобы, что спины и плечи, **пускай бы** ещё только титулярных (А), а то даже самых тайных советников (Б), подвержены совершенной простуде по причине ночного сдёргивания шинелей (Н.В. Гоголь «Шинель»).

Куда спешишь? **Добро бы** на пир (А), а то под обух, того и гляди... (А.С. Пушкин «Капитанская дочка»).

IV «Предел нормы»

В состав подкласса входят лексема **хоть 1**, ряд **пусть 1, пусть даже, даже если 2, если и 2** (часто в дистантном употреблении), **хоть бы 1 (хоть бы 1)**.

Слова, принадлежащие к этому классу, имеют следующее значение: говорящий считает, что ситуация Б, сильно выходящая за пределы нормы, создаёт отсутствие нормальных условий для существования ситуации А, и утверждает, что А имеет или будет иметь место.

Он сказал, что не уйдёт (А), **даже если** его начнут убивать (Б). — «Не уйдёт, **даже если** начнут убивать» — это сильно выходит за пределы нормы.

Ручку двери снаружи в это время крутили и дёргали, и слышно было, как курьерша за дверями отчаянно кричала: «Нельзя! Не пуцуй! (А) **Хоть режьте!**» (Б) (М.А. Булгаков «Мастер и Маргарита»). — «Не пуцуй, **хоть режьте**» — это крайняя степень проявления действия.

Пусть бунтовщики, **пусть даже** дезертиры (Б), но это народ, господа, вот что вы забываете (А) (Б. Пастернак «Доктор Живаго»).

Да **хоть бы** он принц крови был (Б), моя дочь ни в ком не нуждается (А)! (Л.Н. Толстой «Анна Каренина»).

Одна из основных в этом подклассе — лексема **хоть 1**. Она образует ряд фразем со значением крайней степени, предела чего-либо: **хоть на край света, хоть убей, хоть тресни, хоть падай, хоть режь**.

А меня **хоть ты** золотом осыпь (Б), так я не поеду (А).

Иди ты **хоть на край света** (Б), я бы всё шла за тобой и не оглянулась бы (А) (А.Н. Островский «Гроза»).

В подобных конструкциях представлены «...крайние гиперболические условия, препятствующие наличному действию или состоянию, но не могущие отменить эти действия, состояния» [2, с. 28]. Семантика уступки достигает своего предела.

Конструкции «хоть+императив» делятся на несколько смысловых групп:

1) необходимость исполнения чего-либо, обязательность, невозможность понять что-либо или сделать: **хоть в гроб ложись, хоть в петлю лезь, хоть пулю в лоб, хоть убей, хоть умри**;

2) безысходность, безнадежность, невыносимость чего-либо: **хоть волком вой, хоть головой об стенку бейся, хоть плачь** (лексемы, связанные со значением «отчаяние, бессилие»);

3) тщетность усилий, безразличие, равнодушие, нежелание, непонимание: **хоть кол на голове теши, хоть бы хны, хоть лопни, хоть разорвись (на части)**.

В большинстве случаев фраземы этого типа сосредоточены в сфере антропоцентричности и тех типовых жизненных ситуаций, которые связаны с крайними, экстремальными психическими или физическими состояниями субъекта. Меньшая часть образований «хоть+императив» находится в зоне номинаций состояний среды, природы: **хоть глаз выколи** — состояние темноты; **хоть топор вешай** — духоты. Количественная семантика может быть представлена как максимальная или минимальная: **хоть отбавляй, хоть пруд пруди** или **хоть шаром покати**. Например: *Родственников и старух, которых на всяких родинах **хоть пруд пруди**, тут не видно* (А. П. Чехов).

Синтаксические фразеомодели отличаются свободным, ситуативно или контекстуально обусловленным лексическим наполнением.

V «Уступить вопреки желанию»

Внутри данного класса выделяется три подкласса уступительных выражений.

1 «Субъект готов на всё»

В данный подкласс входят следующие группы языковых единиц:

а) синонимический ряд **по крайней мере, хотя бы 2 (хоть бы 2), хоть 2**;

б) синонимический ряд **лишь бы, только бы**.

Для синонимического ряда **по крайней мере** предлагается следующее толкование: субъект понимает, что получить желаемое трудно или невозможно, поэтому готов иметь меньшее А, обладание которым более вероятно.

Все лексемы рассматриваемого ряда предполагают компромисс: субъект соглашается на нечто меньшее, чем то, чего он действительно желает.

— *К сожалению, ничего сделать не могу, так как валюты у меня нет, — спокойно ответил Дунчиль. — Желательная для адресата ситуация не достижима.*

— *Так нет ли, по крайней мере, бриллиантов? — спросил у него артист (М. А. Булгаков «Мастер и Маргарита»).* — Адресат готов удовлетвориться меньшим.

[Карандышев]: *Был цыганский табор-с — вот что было.*

[Лариса]: *Что ж, может быть, и цыганский табор; только в нём было, по крайней мере, весело. Сумеете ли вы дать мне что-нибудь лучше этого табора? (А. Н. Островский «Бесприданница»).*

Всё лето не покидала Кузьму мечта съездить в Воронеж. Хоть бы от поезда до поезда побродить по воронежским улицам, посмотреть на знакомые тополя, на тот голубенький домик за городом (И. А. Бунин «Деревня»). — Кузьма понимает, что у него нет возможности долго находиться в Воронеже, поэтому он готов удовлетвориться меньшим: *от поезда до поезда побродить по улицам, посмотреть на знакомые тополя.*

Вводное сочетание **по крайней мере**, указывающее оценку меры того, о чём говорится, часто используется для выражения требования. Слово **хоть 2** предполагает просьбу: для него характерна ситуация упрощения, субъект находится в зависимом и несколько униженном положении. Например: *По крайней мере, о себе я вправе спросить, зачем я тебе? (И. А. Гончаров «Обрыв»).* — *Я имею право спросить о себе, если не могу ничего большего.*

*Вы смелее, честнее, глубже нас, но вдумайтесь, будьте великодушны **хоть** на кончике пальца, пощадите меня (А. П. Чехов «Вишнёвый сад»).*

*Танька часто ревела и просила «**хоть** капустки»... (И. А. Бунин «Танька»).*

Синоним **хоть бы 2** употребляется только в контекстах со значением желательности и несбыточности; **хотя бы 2** — в контекстах реального существования некоего положения дел.

*Время наше уходит, мы уже не молоды, и **хоть бы** в конце жизни нам не прятаться, не лгать (А. П. Чехов «Чайка»).*

*Ветер бушует и рвёт крышу. Шум у крыльца... Эх, **хоть бы** кто-нибудь приехал! (И. А. Бунин).*

*Кроме того, **хотя бы** вашей дочери и сделалось лучше, во всяком случае пригласите завтра доктора Афросимова (А. И. Куприн «Чудесный доктор»).*

Лексемы, составляющие ряд **по крайней мере**, различаются местоположением по отношению к определяемому слову.

Сочетание **по крайней мере** может находиться в непосредственной препозиции к слову или именной группе, от которой синтаксически зависит, может отдаляться от определяемого слова другими словами и быть в постпозиции к нему.

Володя говорил, что на другом факультете ему, по крайней мере, не будет совестно перед новыми товарищами... (Л. Н. Толстой «Юность»).

Нет, теперь я уже не поддамся на это! Быть дурною, но по крайней мере не лживою, не обманщицей! (Л. Н. Толстой «Анна Каренина»).

Для синонима **хотя бы 2** типична непосредственная препозиция к определяемому слову, два других расположения тоже допустимы. Например: *Как же может*

управлять человек, если он лишён возможности составить какой-нибудь план **хотя бы** на смехотворно короткий срок (М.А. Булгаков «Мастер и Маргарита»).

Частица **хоть 2** может находиться либо в непосредственной препозиции, либо в постпозиции по отношению к определяемому слову.

«Так вы **хоть** про роман скажите», — деликатно попросил его Иван (М.А. Булгаков «Мастер и Маргарита»).

Вейротер с движением человека, слишком занятого для того, чтобы терять **хоть** одну минуту времени, взглянул на Кутузова и...взял бумагу (Л.Н. Толстой «Война и мир»).

В предложениях данного типа частица **хоть** может находиться при главном члене или предикативной основе (1), при не предикативно значимых членах предложения (2).

1) — *Всё знаем! Слышали ваш разговор. — Чистая беда с вами, ребята! Не сболтните **хоть**!*

2) — *Да как же одной идти теперь ночью? — подтвердила княгиня. — Я пошлю **хоть** Парашу* (Л.Н. Толстой «Анна Каренина»).

...прекраснейшие в мире женщины и девушки готовы были умереть за счастье **хоть** на мгновенье быть рабой его (И.А. Бунин).

Лексемы **лишь бы** и **только бы** имеют следующее значение: субъект готов отказаться от всего при условии, что будет иметь место желательная для него ситуация А, которая оценивается как нечто не очень большое.

Возвратясь в город и хорошенько обдумав своё положение, начал он искать место приказчика; потом стал соглашаться на любое — **лишь бы** был кусок хлеба (А) (И.А. Бунин «Деревня»).

В это мгновенье я, кажется, охотно отдал бы жизнь свою, **лишь бы** она [Джемма] не горевала (А) (И.С. Тургенев «Первая любовь»). — В это мгновение я готов отдать свою жизнь при условии, что Джемма не будет горевать.

Пропaday жизнь! **Только бы** эти возлюбленные существа наши были счастливы (А).

...возьмите извозчика и велите ему доставить барышню по адресу. **Только бы** адрес-то нам достать (А) (Ф.М. Достоевский «Преступление и наказание»).

2 «Ничего не поделаешь, согласен...»

В данный подкласс уступительных выражений входят лексемы **пусть 2**, **пускай**.

Для них предлагается следующее толкование: говорящий понимает, что избавиться от нежелательной ситуации А трудно или невозможно, не прилагает к этому дополнительных усилий и соглашается с её существованием.

Ты знаешь мои правила: всё открыто! Я завтра при тебе спрошу: хочет она, тогда **пусть** он поживёт. **Пускай** поживёт, я посмотрю. — Князь фыркнул. — **Пускай** выходит, мне всё равно, — закричал он тем пронзительным голосом, которым он всегда кричал при прощанье с сыном (Л.Н. Толстой «Война и мир»).

Пойду гулять, **пусть** немного обдует, а то много мыслей в голове о жизни (А.Н. Островский «Доходное место»).

Независимо от того, кто является субъектом ситуации, лицом, не заинтересованным в ней, является говорящий; поэтому лексемы **пусть 2**, **пускай** используются, как правило, в прямой речи, а не в нарративе. Субъект ситуации при лексемах **пусть 2**, **пускай** может быть только третьим лицом [1, с. 36].

3 «Мало — хочется большего»

Данный подкласс уступительных выражений содержит лексему **-то**. Для неё предлагается такое толкование: «Говорящий понимает, что А значительно меньше того, что он ожидал, ему хочется большего».

Вы видите, что ваша победа не **очень-то** радостна и что вы не можете быть приняты как спаситель (Л.Н. Толстой).

[Огудалова]: Осуждать его перед тобой я не стану; а и **притворяться-то** нам друг перед другом нечего... (А.Н. Островский «Бесприданница»).

Лексема **-то** выделяет слово, к которому присоединяется, и заключает в себе смысл целого предложения.

Лексема **-то** часто придает уступительному предложению противительный оттенок значения. Например: Работать **-то** я люблю...времени нет (Ср.: Люблю работать, **но** времени нет).

Итак, были представлены некоторые классы языковых единиц с уступительным значением. Для них выделяется общая схема употребления: имеет место конфликт ситуаций А и Б; в этом конфликте ситуация А побеждает. Иногда это происходит благодаря неким дополнительным обстоятельствам В.

Уступительные слова и выражения ориентированы на реального или воображаемого адресата или оппонента. Все они указывают на некоторую долю согласия с адресатом, признания его правоты, а также на некоторую долю несогласия с ним, утверждения правоты говорящего [1, с. 37].

Литература:

1. Апресян, В. Ю. Уступительность в языке и слова со значением уступки [Текст]/В. Ю. Апресян // Вопросы языкознания. — 1999. — №5. — с. 24–45.
2. Крючков, С.Е. Современный русский язык: Синтаксис сложного предложения [Текст]/С.Е. Крючков, Л.Ю. Максимов. — М.: Просвещение, 1977. — 191 с.

Ассоциативный эксперимент в психолингвистическом моделировании значения слова

Нагайцева Елена Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент
Академия социального управления (г. Москва)

В исследовании представлены элементы комплексного анализа когнитивной составляющей синонимического ряда. Ряд рассматривается как цепочка лексем, вербализирующих в речи те или иные оттенки смысла концепта «невзрослый». Специфика подхода проявляется в привлечении к анализу данных лексикографической практики, элементов когнитивного анализа лексики (классификация как способ моделирования фрагмента действительности в Русском семантическом словаре), корпусной технологии и результатов свободного ассоциативного эксперимента.

На материале синонимического ряда в рамках статьи представлен опыт моделирования фрагмента действительности, языковым средством указания на который является ряд семантически похожих слов. Синонимы не только являются избыточным средством языка указывать в новом языковом знаке на уже фиксированное в языке содержание, но и показывают работу нашего мышления, находящего нюансы в интеллектуальном моделировании действительности.

Специфика исследования заключается в использовании электронной базы данных — Национального корпуса русского языка — для выявления актуальных когнитивных признаков; а также во введении в методику анализа семантических отношений между синонимами мегаструктуры — концепта.

По мнению ученого В.А. Пищальниковой [1], концептуализация — это процесс структурирования знания о реалиях действительности, а опыт, приобретаемый человеком по разным каналам восприятия, не является однородным. Поэтому знание включает, по Р.И. Павленису, все, что индивид знает, думает, представляет о действительном или возможном мире [2].

Концепт — специфическая модель значения, акцентирующая роль языкового значения в познавательных процессах. Структура концепта: понятие, представление, предметное содержание, ассоциация, эмоция, оценка, тело знака [3].

Введение в практику лингвистического анализа наряду со **значением** слова новой единицы — **концепта** оправданно. По мнению исследователя, автора методики концептуального анализа художественного текста В.А. Пищальниковой, значение как лингвистическая категория в основном вычленяет и фиксирует составные части содержания (элементы) языковой единицы, концепт же моделирует его порождение и функцию [1].

Представление значения слова в виде набора семантических компонентов достаточно традиционно. Таков, в частности, наиболее стандартный способ представления семантики близких по значению слов. Разложение значения слова на простейшие составляющие восходит к идеям Л. Ельмслева и Р. О. Якобсона и структурной лин-

гвистики в целом. Наиболее ярко и последовательно этот способ семантического описания реализовался в рамках подхода, называемого компонентным анализом.

В Русском семантическом словаре строение лексики представлено в виде многоступенчатых классификаций (схем), отражающих устройство части речи. Интегрированные определенным способом слова «именуют определенный участок «картинки жизни», информируют о нем и его живописуют» [4, с. X].

По мнению авторов, благодаря существованию таких «картинок жизни» приобретает реальное очертание триада: 1) лексическая система — языковая картина мира, 2) конечное или предконечное подмножество лексического класса — реальное представление некоего участка бытия и 3) синонимический ряд как собственно языковое, семантическое отношение слов, ближайшим образом связанных друг с другом [4, с. XI].

Обращение к идейно структурированному лексикографическому источнику позволило выявить некоторые закономерности, но характер этих закономерностей зависит от ответа на вопрос — является ли лексический класс естественным образованием или это плод умозрительных построений лексиколога? Исследователи во вступительной статье очерчивают свою позицию. «Ответ на этот вопрос зависит от того, что понимать под естественным состоянием языка, в данном случае его лексики. Если понимать под естественным разбиением слов только те ассоциации, которые непосредственно и сразу возникают у носителя языка при необходимости соотнести называемое с чем-нибудь подобным или с его безусловными признаками, то такой элементарной и по существу неосознанной естественности лексические классы слов и их подмножества, так, как они представлены в «Русском семантическом словаре», до определенной степени лишены. Если же не отказывать языку в том, что созданные им абстракции, отвлечения от реальных связей и зависимостей естественны, если согласиться с тем, что такие абстракции принадлежат к числу «человеческих факторов» ничуть не меньше, чем все бесконечные единицы нашей речи, то вычленение лексических классов как конструкторов, созданных самим языком

в ходе его истории, оказывается описанием его собственного строения, разграничением органических участков языковой системы» [4, с. XI].

Привлечение ассоциативного эксперимента в рамках нашего исследования позволило установить статус «естественности» группировок слов синонимического ряда в словарных статьях Русского семантического словаря.

В Русском семантическом словаре [4] лексический ряд сгруппирован по одному семантическому признаку **«номинация лица по признаку неопытности и незрелости»**. В эту группу вместе с исследуемыми словами попали следующие: *девчонка, желторотик, Митрофанушка, недоросль, салага*. Это позволяет на представленном нами материале увидеть специфику возможного способа концептуализации действительности, который реализован в словаре, когда моделируется фрагмент действительности с четкими и симметричными, заданными исследовательской логикой, отношениями. Действительно, указанный семантический признак входит в содержательную структуру каждого слова, но вот актуальность этого признака, принадлежность его центру или периферии семантической структуры слова исследователями не анализируется.

Представим описание ряда интересующих нас синонимов, которые входят в эту группу [4, с. 92]

Мальчишка — перен. Молодой и неопытный мужчина (разг. пренебр.) *Мальчишка, а мнит себя большим специалистом*.

Молокосос — Человек, который ещё очень молод и неопытен, не знает жизни (разг. пренебр., также бран.). *Молокосос, а смеет поучать старших. Молокососу с таким поручением не справиться*.

Сопляк — То же, что молокосос (прост, пренебр., также бран.)

Сосун (уменьш. сосунок) — Очень молодой и совершенно неопытный человек (прост, пренебр.). *Этого сосуна еще учить и учить ремеслу*.

Щенок — перен. Мальчишка, молокосос (прост, пренебр., также бран.) *Не перечь деду, щенок!*

Каждый элемент номинации лиц содержит оценочный компонент. «При этом оценочный компонент может, во-первых, выступать как дополнительный по отношению к характеризующему компоненту значения (напр., *писака, рифмоплет, сапожник* — к компоненту деятельности), во-вторых, оценка может накладываться на тот или иной характеризующий компонент, образуя вместе с ним сложные диффузные сочленения (напр., *трудога, бессребреник, жмот* — по свойствам натуры, чертам характера; *недоумок, дурак* — по умственным способностям), в-третьих, оценочный компонент может выступать в слове как доминирующий или единственный компонент значения» [4, с. 63]. Одной из таких групп является группа «Брань, хула», в нее, по мнению исследователей, входят такие единицы, которые подаются в толковых словарях в качестве самостоятельных значений, закрепившихся в языке именно

как брань. Поэтому лексическое значение слов в этих группах уже не фиксирует существенных признаков, не ассоциируется с тем или иным свойством именуемого лица, эти единицы не требуют собственного семантического описания.

Слова *молокосос* и *сопляк* входят в группу с семантическим признаком «брань, хула».

Слово *мальчишка* входит в группу с семантическим признаком «номинация по полу, а также по возрасту».

Слова *сосунок* и *щенок* входят в две разные группы с иными, нежели у синонимов, референтами: грудной ребенок и детеныш собаки.

Иных коннотативных значений, которые бы показывали специфику каждого синонима в синонимичном ряду в словаре не отмечается.

Предлагаем в качестве моделирования содержания фрагмента концептуальной картины мира, вербализованной рядом синонимов, **интеграцию процедур выявления ассоциативных связей слов-синонимов и актуальных признаков внутренней формы слова**.

Когнитивная доминанта ряда — «невзрослость», этот компонент присущ каждому синониму: мальчишка, молокосос, сопляк, сосунок, щенок.

Далее распределение когнитивных признаков внутри синонимичного ряда вариативно. Приведем примеры актуализированных в речи носителей языка когнитивных признаков слов-синонимов, при выявлении которых мы опирались на анализ контекстов, взятых из НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА (www.ruscorpora.ru).

Когнитивные признаки:

1. **«неопытность»** — мальчишка (4 контекста), молокосос (2), щенок (3), сосунок (1), сопляк (1). Приведем примеры:

Пшёл ты, мальчишка сопливый/неделю на фронте не прослужил/а уже донос! [Александр Рогожкин. к/ф «Кукушка», (2002)].

Но покровительствовал всегда с весёлой развязностью: — А, молокосос пришёл? Ну, как твои дела сосунковые? А. И. Солженицын. На изломах (1996).

Ты еще сопливый щенок, чтобы произносить такие слова, ты еще ничего не смыслишь в жизни! Евгений Шкловский. Чужие окна (1990—1996).

И вот сосунок с «мобилой», за всю жизнь не забивший гвоздя в стену, командует за тысячи километров «Game over, мужики! Александр Казинцев. Путь Филиппа (2004) // «Наш современник», 2004.07.15.

Если архитектор работает сорок лет и едва сводит концы с концами/а рядом какой-то сопляк со средним незаконченным образованием имеет все/потому что он наворовал/то/хочешь не хочешь/тоже будешь где-то воровать/хотя бы для того/чтобы прожить как-то. Дискуссия об органах местного самоуправления (2001).

2. **«требует опеки»** — сопляк (5 контекстов), сосунок (2), молокосос (1). Приведем примеры:

А ведь ты еще **сопляк**, мальчишка и в жизни не видел ничего, кроме мамкиной сиськи! Максим Милованов. Рынок тщеславия (2000).

Ты еще **сосунок**, а если еще раз услышу, то скажу твоему отцу, чтобы он тебя выпорол нещадно, понял. Евгений Шкловский. Чужие окна (1990–1996).

Та кто-сь такой? — Вон лежит молокосос... Ще и молоко на губах не обсохло. А. С. Серафимович. Железный поток (1924).

2* **«требуется внимания, ласки»** — щенок (3 контекста). Приведем примеры:

Или время меняет стилистику божьих тварей, и вот уже ты не в состоянии излагать события последовательно, а тычешься, как **щенок**, в разные сиськи. Иржи Грошек. Реставрация обеда (2000).

3. **«привязанность»** — щенок (4 контекста), мальчишка (1). Приведем примеры:

Яков, как **щенок**, ходит за ним по пятам. Ирина Ратушинская. Одесситы (1998).

Она обняла его за плечи — свой **мальчишка**, не пойми кто, ученик, старый любовник, племянник, дружок... Людмила Улицкая. Путешествие в седьмую сторону света // Новый Мир, №8–9, 2000.

4. **«ранимость, открытость»** — щенок (6 контекстов), мальчишка (1). Приведем примеры:

[Гена пинает мальчика] А ну/**щенок**/в сторону. Пшел отсюда. Леонид Гайдай и др. к/ф «Бриллиантовая рука» (1968).

Я не мог сдержать слез, когда говорил слова прощания, а потом ушел из зала и ревел, как **мальчишка**, так мне было горько видеть Владимира Львовича в гробу и прощаться с ним — удивительно добрым, благородным человеком, великолепным, истинно мхатовским артистом, интеллигентом. Владлен Давыдов. Театр моей мечты (2004).

5. **«неуклюжесть»** — щенок (1 употребление). Приведем контекст:

Как слепой **щенок**, наощупь пробираюсь среди глыб, придавленный тяжестью падающей на плечи воды. Константин Серафимов. Экспедиция во мрак (1978–1996)

6. **«несолидность»** — мальчишка (2 контекста), щенок (2), молокосос (1), сопляк (1).

Приведем примеры:

Пожилый человек бежал несолидно, как **мальчишка**, и держал в руках трехлитровую стеклянную банку с каким-то продуктом. Фридрих Горенштейн. Куча (1982)// «Октябрь», №1, 1996.

Есть такая поговорка русская, что маленькая собачка до старости **щенок**. Беседа с Дмитрием Приговым // «Пятое измерение», 2003.

А тут парнишка, **молокосос**, можно сказать, — и три медали у него, да ещё недавно через военкомат выданный припоздалый орден Красной Звезды и лазоревой ленточкой светящаяся медалька «За взятие Кенигсберга». Виктор Астафьев. Пролетный гусь (2000).

Если архитектор работает сорок лет и едва сводит концы с концами/а рядом какой-то **сопляк** со средним не-

законченным образованием имеет все/потому что он наворовал/то/хочешь не хочешь/тоже будешь где-то воровать/хотя бы для того/чтобы прожить как-то. Дискуссия об органах местного самоуправления (2001).

7. **«игривость, подвижность»** — мальчишка (2 контекста). Приведем пример:

Казалось, вот-вот он сядет на перила и съедет вниз, как мальчишка. В. Т. Шаламов. Колымские рассказы (1954–1961).

Ряд контекстов демонстрирует правоту тезиса ученых о нейтрализации семантических отличий слов-синонимов в речи:

Даже тот **молокосос**, **щенок**, которого забрали, мог себе позволить никого не бояться, а кого или чего бояться теперь ему, Родионцеву? Владимир Маканин. Человек свиты (1988).

Смеешь не доверять нам, мудрецам! **Мальчишка**, **щенок**, **молокосос**! Но Хазир взмахнул шелковой плеткой. В. М. Дорошевич. Сказки и легенды (1893–1916).

Молокосос. **Сопляк**. Веня взмыл над землей от ярости. Василий Шукшин. Мой зять украл машину дров! (1969–1971).

Ряд контекстов показывает, что для функционирования некоторых лексем актуальной является внутренняя форма — **молокосос**, **сосунок**, **сопляк**. Их словообразовательные связи со словами-производителями (мотивирующей базой) еще прозрачны: «молоко + сосать», «сосать», «сопли».

Какой-нибудь, прости Господи... **молокосос**, шаромыжка... молоко на губах не обсохло... А. П. Чехов. Опекун (1883).

Та кто-сь такой? — Вон лежит **молокосос**... Ще и молоко на губах не обсохло. А. С. Серафимович. Железный поток (1924).

То насканивал этот **кривогубый сосунок** Тухачевский, что будто из-за Сталина он Варшаву не взял. Александр Солженицын. В круге первом. Т. 1. Гл. 1–25 (1968).

Сопляк, пошел прочь, пока тебе соплей не утер! В. В. Вересаев. Сестры (1928–1931).

Актуальность внутренней формы слова (мотивирующего признака) накладывает ограничения на употребление слова. Форма актуализирует значимость внешнего вида субъекта, инфантильность, поэтому частотно использование именно этого фрагмента синонимического ряда в тех случаях, когда нужно вербализовать не содержательную оценку (умный, опытный и т. д.), а представить словом образ внешний, визуальный (несолидный и т. п.). Количество контекстов, представленных в «Корпусе», также неравномерно, против 1090 словоупотреблений доминанты ряда «мальчишка» выступают 99 контекстов со словом «сопляк», 83 — «молокосос» и 26 — «сосунок». Это также свидетельствует о большей семантической связанности слов с актуальной внутренней формой, способных сочетаться со словами, содержащими набор сем, необходимых для поддержания синтагматических отношений (**сопляк** — **утереть**

сопли, молокосос — молоко на губах не обсохло, сосунок — губы и т. д.).

Следующим этапом моделирования значения слов синонимического ряда было исследование ассоциативного потенциала каждого синонима. В ассоциативном экспе-

рименте приняли участие 25 человек, из них — 5 человек преподаватели и 20 человек — студенты гуманитарного направления.

В результате анкетирования мы получили следующие данные.

Таблица 1

Данные ассоциативного эксперимента

МАЛЬЧИШКА	СОПЛЯК	МОЛОКОСОС	ЩЕНОК	СОСУНОК
отказ — 1	отказ — 0	отказ — 4	отказ — 0	отказ — 5
Девчонка — 2	Мальчишка — 2	Ребенок — 3	Собака — 11	Малыш — 2
Озорник — 2	Слабак — 2	Соска — 2	Котенок — 2	Ребенок — 2
Пацан — 2	Хилый — 2	Баран	Будка	Щенок — 2
Беспредельщик	Вася	Вячеслав	Кобель	Вячеслав
Врунишка	Идиот	Дети	Маленький	Грудь
Да	Лох	Карапуз	Малыш	Дите
Девочка	Маленький	Маленький	Милашка	Идиот
Девчушка	Мальчик	Малолетний	Милый	Лох
Добрый	Мелочь	Малыш	Мультфильм	Малолетка
Кибальчишка	Младенец	Молодой	Симпатичный	Молоко на губах не обсохло
Милый	Молокосос	Насос		Молокосос
Молодой	Нехороший	Недоросль		
Озорной	Плохой мальчик	Пить	Полукровка	Молокосос
Он	Противный	Плохой мальчик	Страх	Неопытный
Парнишка	Самоучка	Реклама	Уши	Нет
Пионер	Слабый	Сопляк	Хорошенький	Парень
Плохишка	Слюни	Сосунок		Песок
Телевизор	Сопля	Щенок		Теленок
Шалун	Тюфяк			Хиляк
Школа	Хулиган			
Юнец	Чувак			
	Щенок			

Сравнительный анализ данных позволяет нам констатировать следующее — лексемы, принимавшие участие в эксперименте, являются взаимозаменяемыми в некоторых контекстах, так как связаны ассоциативными отношениями подобия в сознании носителей языка.

Ниже представим распределение ассоциаций по когнитивным признакам, выявленным по контекстам словупотреблений, изъятых из Национального корпуса русского языка по одному слову ряда «Сопляк», но такой анализ проделан по всем словам ряда.

Таблица 2

Распределение когнитивных признаков между лексемами синонимического ряда (фрагмент)

СОПЛЯК	Присутствие когнитивного признака по данным Национального корпуса русского языка		Присутствие когнитивного признака по данным ассоциативного эксперимента (приводятся ассоциации по этому признаку)
НЕВЗРОСЛОСТЬ			
'неопытность'	+		лох, самоучка
'требуется'	'опеки'	+	идиот, маленький, младенец, молокосос, слабак, слабый, сопля, хилый, щенок
	'ласки'	—	
'привязанность'	—		
'ранимость', 'открытость'	—		
'неуклюжесть'	—		тюфяк
'несолидность'	+		мальчишка, мелочь
'игривость, подвижность'	—		хулиган

Ассоциации реципиентов, не вошедшие в таблицу распределения когнитивных признаков: *Вася, Мальчик, Нехороший, Плохой мальчик, Противный*.

Ограниченный контекст ассоциаций не всегда позволял с достаточной определенностью решить вопрос о содержании фиксируемого признака (в частности, реакция ЩЕНОК на слово МОЛОКОСОС могла быть отнесена и к зоне 'требуется ласки', и к зоне 'неуклюжесть' и т.д.). Заслуживает отдельного комментария лексема щенок, в ассоциативном эксперименте получившая реакции на другой тип референта — животное (собака, полукровка и т.д.). Внутренняя форма этого слова представлена моделью когнитивного сравнения, проведения аналогии между поведенческой моделью животного и человека. Мотивация в этом случае не формальна, а содержательная — метафорический перенос.

Литература:

1. Пищальникова, В.А. Соотношение понятий значение и концепт в современной лингвистике // Актуальные проблемы преподавания курса перевода в вузе. — М., 2008. — с. 5–21.
2. Павиленис, Р.И. Проблема смысла: Современный логико-философский анализ языка. — М: Мысль, 1983. — 286 с.
3. Пищальникова, В.А. Психопоэтика: Монография. — Барнаул: Изд-во АТУ, 1999. — 174 с.
4. Русский семантический словарь. — М., 2000.
5. Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru)
6. Лукашевич, Е.В. Психолингвистический эксперимент как способ диагностики эмоциональной напряженности // Языковое сознание. Теоретические и прикладные аспекты. — М.: Барнаул, 2004. — с. 129–137.

Развитие глагольных категорий в английском языке

Решетникова Наталья Дмитриевна, студент

Научный руководитель: Карпушина Елена Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

Любой язык представляет собой постоянно меняющееся историческое явление. Это касается всех аспектов языка: грамматики и лексики, фонетики и орфографии. Основная цель изучения истории языка состоит в объяснении сегодняшнего этапа его существования, позволяющем лучше понять его современные особенности.

Германские языки были языками синтетического строя. Именные части речи имели категории падежа, рода и числа, глагольные — времени, наклонения, лица и числа. Основными способами формообразования были окончания, а также чередование гласных в корне слова (особенно в глаголах) и в редких случаях супплетивизм — образование разных форм слова от разных корней.

Грамматические категории английского глагола являются предметом многочисленных работ общего и специального характера по теории и истории грамматического строя английского языка.

Ассоциативный эксперимент все чаще привлекается для различных методик экспертирования текстов. В исследовании Е. В. Лукашевич при анализе слов-синонимов *ребенок, чадо, дитя, ребяенок* использована модель выявления эмоциональной напряженности в концептуальной структуре слова [6]. Результаты эксперимента представляют интерес не только для лингвистов, но и для психологов, социологов.

Обращение в рамках исследования к корпусной технологии позволяет упростить и алгоритмизировать некоторые процедуры выявления семантики слов, а также уточнить данные в Русском семантическом словаре толкования значений слов-синонимов, оценить употребительность языкового выражения в определенном значении, определить условия нейтрализации значений, выявить актуальный набор семантических компонентов в толковании.

В статье рассматривается вопрос о том, как развивались глагольные категории с древнеанглийского до новонанглийского. Актуальность темы обусловлена тем, что изучение глагола и отглагольных форм вызывает особое затруднение при изучении иностранного языка.

Грамматика древнеанглийского периода. Система глагола

Глагольная система древнеанглийского языка была представлена личными и неличными формами глагола, различие между которыми было более существенным, чем в настоящее время, поскольку неличные формы не только спрягались, но и склонялись, подобно именным частям речи.

Система спряжения древнеанглийского глагола включала категории **времени, наклонения, числа и лица**.

Категория лица глагола включала формы первого, второго и третьего лица. Это различие проявлялось только

в формах единственного числа изъявительного наклонения.

Категория числа была образована оппозицией форм единственного и множественного числа.

Категория времени была представлена формами настоящего и будущего времени. Значение будущего времени выражалось с помощью формы — настоящего в сочетании с временным наречием или сочетанием модального глагола с инфинитивом.

Категория наклонения включала формы изъявительного, повелительного и косвенного наклонения. Последнее использовалось для выражения как нереальных, так и проблематичных действий (для чего в современном английском используется два разных наклонения), а также вместо изъявительного наклонения для передачи косвенной речи.

Все категории пользовались только синтетическими показателями — флексиями, внутрискорневыми чередованиями, суффиксами.

Все глаголы древнеанглийского языка можно подразделить на группы в зависимости от грамматических средств, используемых при образовании их основ — чередование гласных в корне и суффиксация.

Так называемые сильные глаголы использовали в качестве основного средства выражения различных грамматических категорий чередование гласных в корне, или абляут. Грамматические окончания присоединялись непосредственно к корню-основе глагола.

Сильные глаголы относятся к наиболее древним глаголам языка.

Так называемые слабые глаголы более новые по времени своего появления в языке. В качестве основного грамматического средства образования основы они использовали суффиксацию. Этот способ образования форм был наиболее продуктивным, и именно его использовали вновь образуемые или заимствованные глаголы, постоянно расширяя число слабых глаголов.

Слабые глаголы, в отличие от сильных, имели перед грамматическим окончанием основообразующий суффикс, в зависимости от которого их также можно разделить на несколько классов. [7]

Состав категорий

а) Большее число категорий в системе имени и меньшее в системе глагола, отсутствие в древнеанглийском глаголе морфологической категории утверждения, отрицания (формы с *do* противопоставленных формам без *do*).

б) Большее число категориальных форм, входящих в именные морфологические категории, и меньшее число категориальных форм, входящих в глагольные морфологические категории: сравним, с одной стороны, четырехпадежную древнеанглийскую систему склонения и двухпадежную современную; с другой стороны, сравним выделение древнеанглийской категории времени на ос-

нове противопоставления двух времен — настоящего и прошедшего — и выделение соответствующей современной английской категории на основе противопоставления трех времен — настоящего, прошедшего и будущего.

в) Большой охват морфологическими категориями системы имени и меньший охват морфологическими категориями системы глагола: сравним древнеанглийскую категорию числа, характерную для всех частей речи системы имени, и соответствующую современную английскую категорию, присущую лишь существительным и некоторой части местоимений; с другой стороны, сравним древнеанглийскую категорию залога, имевшуюся только в причастии и современную категорию залога, пронизывающую всю систему глагола.

Другими словами, древнеанглийский язык, в отличие от современного, характеризовался более развитой системой именных категорий и относительно менее развитой системой глагольных категорий. [1]

Изменения в системе глагола в среднеанглийский и новоанглийский периоды

В системе глагола среднеанглийского языка, так же как и древнеанглийского выделяются следующие морфологические классы: сильные (*given, risen*), слабые (*seggen, libben*), претерито-презентные (*witan, doweren, can, munen*), неправильные (*beon, gān*) и супплетивные глаголы. Система личных глагольных форм характеризуется следующими грамматическими категориями: категория лица (1, 2, 3 (в ед. ч.)), категория числа (ед. ч., мн. ч.), времени (настоящее, прошедшее, будущее), наклонения (изъявительное, повелительное, сослагательное), залога (действительный, страдательный) и вида (временной соотнесенности). [3]

Основа и личный показатель (окончание) стали сокращаться в использовании и редуцироваться. Происходило это по двум параметрам: сначала происходило ослабление неударных слогов, таким образом, окончания на гласный, просто отпадали, на согласную — остаются на месте, но уже без редуцированного гласного, затем начиналось аналогичное выравнивание всех форм через упрощение парадигмы. Все формы глагола на данном этапе развития языка «полусинтетические».

В процессе истории неличные формы постепенно теряют именные черты (элементы системы склонения), приобретая взамен глагольные (элементы системы спряжения). В среднеанглийский период также возникает новая неличная форма — герундий.

В среднеанглийский период сохраняется разделение глаголов на сильные и слабые.

В новоанглийский период в группе сильных глаголов происходят изменения. Это вызвано разделением первоначальных классов на подклассы, присоединением глаголов одного класса к другому, переходом сильных глаголов в группу слабых и в редких случаях наоборот.

Группа слабых глаголов становится все более многочисленной, так как пополняется за счет заимствований и вновь образованных слов. [4]

В позднем среднеанглийском — раннем новоанглийском периоде вторая и третья формы слабых глаголов становятся омонимичными.

В новоанглийский период вследствие различных фонетических изменений две основных группы древнеанглийских глаголов — сильные и слабые — дали две главных группы современных глаголов: правильные и неправильные, ни одна из которых не происходит непосредственно от тех или иных групп древнеанглийских глаголов.

Основными источниками неправильных глаголов были немногочисленные неправильные глаголы древнеанглийского периода, большинство сильных глаголов, слабые глаголы первого класса, а также глаголы — скандинавские заимствования.

В дополнение к древнеанглийским категориям лица, числа, времени и наклонения в среднеанглийский и новоанглийский период постепенно возникли еще три грамматических категории: залога, аспекта и временной отнесенности. Для их образования использовались новые средства — аналитические формы.

Аналитические формы стали применяться и для прежних грамматических категорий — времени и наклонения.

Что касается видовременных форм английского глагола в среднеанглийский период «законченность» по-прежнему определяла выбор перфекта более чем время действия и, что «предшествование» ситуации в прошлом или в настоящем присутствует далеко не всегда. Перфект настоящего времени, наряду с перфектом прошедшего времени и простым прошедшим, может употребляться в тех случаях, когда имеется явная привязанность действия к прошлому, когда действие входит в ряд других прошедших действий и, когда оно предшествует другому действию в прошлом. [5]

Историки отмечают тот факт, что многие древнеанглийские средства обозначения завершенности предшествования к этому времени перестали существовать: вышли из употребления многие лексические единицы с этим значением, и распалась древнеанглийская система глагольной референции.

Возможно, что их утрата повысила роль перфекта как более универсального и грамматизированного средства выражения законченности действия и способствовала его распространению. Можно заметить, что в этот

период у перфектных форм появилось собственное специфическое назначение выражать предшествующее действие, соотносённое с последующей ситуацией и не прикрепленное к какой-либо временной точке в прошлом. [2]

Процесс грамматизации модальных сочетаний глаголов *sculan* и *willan* с инфинитивом, используемых в качестве дополнительного средства передачи будущего действия ещё с древнеанглийского периода, проходит крайне медленно. Аналитическая форма будущего времени образуется только к концу ранненовоанглийского периода. Грамматизация перфектной формы завершается уже к концу среднеанглийского периода.

Синтаксические конструкции со значением длительного действия известные ещё с древнеанглийского периода, в среднеанглийском малоупотребительны и выполняют скорее стилистическую, нежели грамматическую функцию.

В системе глагола новоанглийского периода выделяются следующие морфологические классы: правильные (*skate*), неправильные (*go, shine*) и модальные (*can, may, must*) глаголы. Система личных глагольных форм характеризуется следующими грамматическими категориями: категория лица (1, 2, 3 (ограничено в использовании)), категория числа (ед. ч., мн. ч.), времени (настоящее, прошедшее, будущее), **наклонения** (изъявительное, повелительное, сослагательное, условное), залога (действительный, страдательный) и **вида** (общий, длительный (временной отнесенности)). [6]

На основании проведённого исследования проблемы развития глагольных категорий можно сделать следующие выводы:

— в современном английском языке количество глагольных категорий не увеличилось по сравнению с древнеанглийским, но в то же время развились те из них, которые ранее не определялись как категории;

— современные английские глаголы имеют категории лица, числа, времени, наклонения, залога и вида.

В ходе изучения литературы стало ясно, что лингвисты не находят согласия по вопросу того, сколько категорий глагола стоит выделять в древнеанглийском языке. Одни исследователи склоняются к категориям лица, числа, времени и наклонения, а например, профессор А.И. Смирницкий дополняет этот перечень категориями: залога, последовательности, вида, падежа и даже рода. Из этого следует что, данная статья имеет теоретическое и практическое значение для проведения дальнейших исследований в области истории английского языка, языкознания, теоретической грамматики английского языка.

Литература:

1. А. И. Смирницкий Древнеанглийский язык Москва 1998
2. Смирницкий, А. И. История английского языка. — М., 1965
3. К. ф. н. Гурова Ю. И. Многоаспектный анализ исторического развития морфологической системы английского глагола в диахронии С.-Петербург.
4. Аракин, В. Д. Очерки по истории английского языка. — М., 1985

5. Ильиш, Б. А. История английского языка. — М., 1955
6. Журнал. Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2012. №2 (13.)
7. <http://www.uchiyaziki.ru/index.php/angliyskiy-yazik/183-sravnitelnyy-analiz-grammaticeskikh-kategoriy-glagola-1>

Прецедентные антропони́мы как экспликато́ры социокультурных смыслов (на материале произведений авторов-постмодернистов)

Рылова Кристина Юрьевна, магистр педагогического образования, преподаватель
Иркутский техникум речного и автомобильного транспорта

В связи с переходом к антропоцентрической парадигме особую актуальность приобретает исследование имен собственных. Изучение антропонимических единиц в художественном тексте не только позволяет описать образную систему и раскрыть авторскую позицию, но и дает возможность выявить социокультурные смыслы, а также коннотативно-прагматические значения, эксплицируемые именами собственными. Г. А. Ащенко образно определяет антропони́мы как «памятник народных воззрений», где, с одной стороны, проявляется преемственность языковой культуры, с другой — отражаются «новые реалии и новые коммуникативные потребности в номинации» [1, с. 4]. Имена собственные становятся показателями знаний и представлений о действительности, репрезентируют массовое коллективное сознание, ценности, связь с культурно-историческим контекстом. Ономастическое пространство «становится своеобразной призмой, через которую в преломленном виде можно наблюдать общество и культуру» [2, с. 7].

Таким образом, можно говорить не только о лингвистическом, но и о лингвокультурологическом статусе антропонимов: в силу коннотативной нагруженности и прагматической направленности имена собственные выступают в качестве конденсатора культурной информации и мировоззренческой позиции социума.

Безусловно, большей коннотативной нагрузкой обладают прецедентные антропони́мы. Являясь средством ввода интертекста, указанные единицы становятся репрезентатором культурно значимого явления. Н. Н. Воропаев указывает в своей работе, что «изменение общественных отношений, социальных условий, переориентация моральных ценностей, исчезновение каких-либо понятий и возникновение новых обуславливают подвижность состава прецедентных имен» [3, с. 58].

Иными словами, анализ использования прецедентных имен определенной сферы позволяет представить круг актуальных для данной эпохи реалий, которые могут меняться с течением времени. Так, исследуемые нами аллюзивные антропони́мы заимствуются из следующих сфер: историко-политическая — 30,3%, литературная — 24,5%, сфера искусства — 22,6%, мифология — 12,6%, другое — 10%.

Наиболее частотными в постмодернистском тексте являются историко-политические прецедентные имена собственные: *Абдаллах-ас-Салем-ас-Сабах, Андропов, Березовский, Василий Чапаев, Вилли Брант, Долорес Ибаррури, Жуков, Клара Цеткин, Николай Второй, Маленков, Победоносцев, Черномырдин* и др. Функция создания иллюзии реальности, типичная для подобных имен, в постмодернистском тексте ведущей не является. Реальность в данной ситуации, напротив, подвергается деконструкции. Доминирование историко-политических антропонимов скорее свидетельствует о политизации общественного сознания, когда идеология активно воздействует на восприятие действительности, оказывает влияние на ее понимание. Например, в предисловии к роману В. Пелевина «Чапаев и Пустота», название которого уже изначально порождает исторический интертекст, автор указывает, что «целью написания этого текста было не создание литературного произведения, а фиксация механических циклов сознания» [4, с. 5]. Очевидно, что помимо их фиксации особую значимость здесь приобретает еще и развенчание «механических циклов». Неслучайно в дальнейшем развивается мысль о том, что представление о истории носит мифологический характер: «Его [Василия Чапаева] образ приобрел чисто мифологические черты <...>. Но к жизни реального Чапаева это не имеет никакого отношения, а если и имеет, то подлинные факты искажены домыслами и недоумками» [4, с. 8].

Именно поэтому историко-политические имена вводятся не столько для создания иллюзии реальности в традиционном понимании, сколько для того, чтобы с этой реальностью «поиграть», сделать ее менее опасной. Так, например, отметим следующие собственные имена советской эпохи, носящие фамильярный характер по отношению к их носителям: *Вася Сталин, тетя Нина Хрущева, тетя Катя Фурцева, Леня Брежнев, Лаврентий* [5].

Данные примеры демонстрируют стремление авторов-постмодернистов отойти политических табу, ставших результатом идеологии. Возможность поставить исторические лица в нестандартные ситуации, наделить их непривычными чертами, пороками позволяет предста-

вить абсурдность общественного сознания, посмеяться над ним, осознать несостоятельность и бессмысленность прежнего мировоззрения, основанного на страхе.

Как показал анализ антропонимических единиц литературной сферы, существование определенной идеологии отмечается не только в политике, но и в литературе. Широко распространены случаи, когда посредством введения прецедентных имен хрестоматийное представление о герое или писателе переосмысливается автором, подвергается деконструкции. Обратимся к роману «Т» В. Пелевина, где шаблонный образ Л. Н. Толстого раскрывается по-новому. В начале повествования делается акцент на мифологизированности его образа в читательском сознании: *«Пахарь, идущий за плугом по склону холма. Это был высокий чернобородый мужчина мощного сложения, одетый в длинную рубаху. Его ноги были босы, а ладони лежали на ручках деревянного плуга»* [6, с. 319].

Далее автор указывает на неактуальность такого представления в современных условиях и предлагает своеобразную альтернативу, теперь это не граф Толстой, а просто Т: *«Т — это загадочно, сексуально и романтически. В теперешних обстоятельствах самое то. Толстой — такое слово, что все со школы помнят»* [6, с. 95].

Очевидно, что подобные вариации не только свидетельствуют о необходимости освобождения от мифологем классической литературы, но и репрезентируют смену общественного сознания, являющегося продуктом различных ток-шоу, основанных по большей части на скандальных подробностях из жизни известных людей, т. е., на развенчании (или создании) мифов о них, что, в какой-то мере, также можно назвать деконструкцией. *Дездемона* в пелевинском рассказе «Фокус-группа» предстает как «негритянка с серьгами-обручами в ушах», которая говорила с сильным украинским акцентом и «любила танцевать всю ночь напролет» «после пары колес» [7, с. 319], «женщина средних лет с короткой стрижкой, на коленях у которой лежала японская сумочка в виде пекинеса с молнией на спине» — *Дама с собачкой* [7, с. 320].

Аллюзивные антропонимы сферы искусства чаще всего являются «вспомогательными» при введении историко-политических и литературных имен: *«Шаги принадлежали Андропову. Отличнейший гитарист, детство свое претерпел он в Мордовии, в юности пел и плясал в цыганском хоре особого назначения, знался с Вертинским, Лещенко, был на короткой ноге с Шалапиным, Верой Холодной, Айседорой Дункан, был неудачно женат на сестре абстракциониста Кандинского...»* [5, с. 68].

Учитывая тот факт, что исторические прецедентные имена являются репрезентатором политизированного сознания, а сама история предстает как результат определенной идеологии, можно предположить, что установление тесной связи между политикой и искусством в постмодернистском тексте подчеркивает мысль о том,

что музыка, живопись, театр, кино также становятся своеобразной формой идеологической пропаганды. Очевидно, с данным обстоятельством связано появление антропонимов советского периода, называющих лиц, отмеченных Ленинскими и Сталинскими премиями и являющихся героями социалистического труда: *Вертинский, Вера Марецкая, Елена Образцова, Майя Плисецкая, Ростропович, Шостакович* [5].

В ходе работы нами было отмечено существование оппозиции историко-политических и мифологических имен. В ситуации выбора предпочтение отдается вторым: *«И с тех пор, хоть я и откликался на имя «Омон», сам себя я называл «Ра»»* [8, с. 78]; *«Потом он [Вавилон] стал врать друзьям, что отец назвал его так потому, что увлекался восточной мистикой и имел в виду древний город Вавилон, тайную доктрину которого ему предстоит унаследовать»* [9, с. 11].

Приведенные примеры показывают, что в отличие от историко-политических антропонимов, понимаемых как результат идеологизированного мышления, мифологические имена, напротив, становятся одним из способов освобождения от него. Так, происхождение окказионального имени *Омон*, образованного от аббревиатуры, отражает политизированное представление советского человека о жизненных ценностях: *«Меня так назвал отец, который всю жизнь проработал в милиции и хотел, чтобы я тоже стал милиционером. — Пойми, Омка, — часто говорил он мне, — пойдешь в милицию — так с таким именем, да еще если в партию вступишь...»* [8, с. 5].

При этом отрицание одного мифологизированного представления порождает другое. Именно так появляются в тексте постмодернизма указанные антропонимы. Писатели-постмодернисты посредством введения таких имен в ткань художественного произведения не просто воссоздают миф, а творят собственный: «Создание индивидуального поэтического мифа <...> означает создание альтернативной реальности, а точнее альтернативной вечности — преодолевающей бессмыслицу, несвободу» [10, с. 379]. Такая альтернатива нередко связана с формированием мифологического пространства, которое становится заменой действительности. Иногда на этом строится весь текст. Так, например, романы В. Пелевина «Шлем ужаса: миф о Тесее и Минотавре», «Амфир В» полностью базируются на разворачивании мифа. Антропонимикон указанных произведений составляют имена собственные, заимствованные из сферы мифологии: *Тесей, Минотавр, Ариадна, Озирис, Иштар, Локи, Брами, Митра, Гера* и др. Исключения составляют единичные антропонимы, называющие второстепенных героев.

Иными словами, мифологические прецедентные антропонимы выполняют особую функцию создания альтернативной реальности, что предстает как способ бегства от идеологизированной действительности.

Итак, прецедентные антропонимы занимают в тексте постмодернизма особое место. Подобные имена являются ре-

презентатором культурно значимого явления, когда антропоним становится своеобразным памятником «народных воззрений» [1, с. 4]. Так, можно говорить о введении политического интертекста как способе представления политизации сознания, мыслимого в качестве явления чужеродного, неестественного. Неслучайно носители таких имен «с удовольствием теряют паспорт» [9, с. 11], а многие политические антропонимы выступают в качестве языковой игры или подвергаются деконструкции.

Прецедентные антропонимы, заимствованные из литературной и мифологической сферы, как правило, ори-

ентированы на развертывание сюжета художественного произведения-предшественника или мифа. Имя возникает здесь как переосмысление «застывшего» программного сюжета, нередко также ставшего результатом определенной идеологии. Подобные антропонимы могут выполнять как деконструктивную, так и мифологическую функцию, когда имя предопределяет дальнейшую судьбу героя. Нередко миф в тексте постмодернизма представляет собой особое альтернативное пространство, созданное автором как способ отстранения от абсурдной действительности.

Литература:

1. Ащенко, Г. А. Антропонимы сферы гастрономии как аттрактивные элементы французской лингвокультуры существительных/Г. А. Ащенко // Антропонимическая лингвистика. — Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2010. — с. 3–12.
2. Исаева, Е. Ф. Функции антропонимов в художественном тексте (на материале произведений испанских и русских авторов конца XX — начала XXI века): автореф. дис. канд. филол. наук/Е. Ф. Исаева. — Москва, 2012. — 18 с.
3. Воропаев, Н. Н. Прецедентные имена как носители скрытых смыслов/Н. Н. Воропаев // Скрытые смыслы в языке и коммуникации. — М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2007. — с. 58–71.
4. Пелевин, В. О. Чапаев и Пустота/В. О. Пелевин. — М.: Эксмо, 2002. — 337 с.
5. Соколов, С. Палисандрия/С. Соколов. — СПб.: Симпозиум, 1999. — 432 с.
6. Пелевин, В. О. Т/В. О. Пелевин. — М.: Эксмо, 2012. — 384 с.
7. Пелевин, В. О. ДПП (НН)/В. О. Пелевин. — М.: Эксмо, 2013. — 384 с.
8. Пелевин, В. О. Омон Ра/В. О. Пелевин. — М.: Эксмо, 2001. — 231 с.
9. Пелевин, В. О. Generation P/В. О. Пелевин. — М.: Эксмо, 2012. — 384 с.
10. Лейдерман, Н. Л. Современная русская литература: 1950–1990-е годы: учебное пособие для высш. учеб. заведений: В 2 т. Т 2: 1968–1990/Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. — М.: Изд. центр «Академия», 2003. — 688 с.

Этимология русских фамилий

Саморокова Юлия Александровна, студент

Филиал Тюменского государственного университета (г. Тобольск)

*Увидеть перво жизни завязь
И заглянуть во времена,
Когда из хаоса рождались
Фамилии и имена.*

Н. Заболоцкий

Любой из нас, хотя бы раз в своей жизни, задавался вопросом: «Какое значение имеет моя фамилия? откуда берут начало мои корни?».

Специалист по ономастике В. А. Никонов дает такое определение: «Фамилия — наследственное имя семьи, первичной ячейки общества» [2, с. 5].

«Само слово «фамилия» происходит от латинского familia — семья. Так, связь между словами «семья» и «фамилия» не случайна, фамилия — это семейное наименование, прибавляемое к имени и отчеству человека» [5, с. 13].

Многие фамилии с течением времени претерпевали трансформации, скрывающие их первоначальный,

истинный смысл и значение. По ряду причин менялось написание фамилий сменой обычаев, языка и быта ушло в прошлое, было забыто, утеряно [1, с. 34].

Ономастическое исследование поможет разобраться в языковой формуле фамилии, раскрыть многие удивительные тайны и загадки.

Материалом исследования послужил словарь Медведева Ю. М. «1000 русских фамилий и имен» (2009 г.). Общее число рассмотренных семантических единиц составляет 500 фамилий.

В ходе нашего анализа мы проанализировали и выделили несколько самых многочисленных семантических групп согласно их образованию:

- а) фамилии, образованные от имени (1. полной формы крестильного имени; 2. мужских имен; 3. женских имен);
- б) фамилии, образованные от названия профессий;
- в) фамилии, образованные от прозвищ (1. ботанических терминов: фруктов, овощей и других плодов; 2. от названий животных: птиц, млекопитающих, рыб).

1. Фамилии, образованные от имени:

Имена, получаемые детьми вскоре после рождения, делятся на две категории: официальное имя, даваемое священником при крещении, и внутрисемейное имя, даваемое родителям (160 единиц, 32 %).

Фамилий, образованных от крестильных имен, значительно больше, чем фамилий, образованных от внутрисемейных имен [4, с. 37].

А) *Фамилии, образованные от полной формы крестильного имени.*

Фамилии, рассматриваемые в этой тематической группе, восходят к их непосредственному источнику — светской форме крестильного имени, которое через позднюю церковнославянскую форму восходят к греческому прототипу.

Фамилии, образованные от полной формы крестильного имени, входят в число наиболее распространенных русских фамилий (72 единицы, 14 %): *Зотов* < *Изот*; *Ипатьев* < *Ипать*, *Корнилов* < *Корнелий*; *Ларенев* < *Лавр*; *Ливанов* < *Ливаний*; *Лупанов* < *Луп*; *Макаров* < *Макар*; *Нифонтов* < *Нифонт*; *Севастьянов* < *Севастьян*; *Симонов* < *Симон*; *Трефолов* < *Трефилий*; *Фирсов* < *Фирс*; *Фомин* < *Фома*; *Юдин* < *Иуда*.

В) *Фамилии, образованные от мужских имен.*

Фамилии могут образовываться и от мужских имен, если последнее включает суффикс, указывающий на отношение либо к дочери, либо к жене (32 единицы, 6,4 %).

Фамилии этого типа редки: *Егоровнин* < *Егоровна* < *Егор*; *Елисеевнин* < *Елисеевна* < *Елисей*; *Сидоровнин* < *Сидоровна* < *Сидор*; *Ильиничнин* < *Ильинична* < *Илья*; *Афонюшнин* < *Афонюшина* < *Афоня* < *Афанасий*.

С) *Фамилии, образованные от женского имени.*

Русские женские фамилии в основном греческого происхождения. На Руси они утвердились с помощью церковнославянского языка. Многие из них обладают параллельными народными уменьшительными формами, и зачастую следуют словообразовательной модели мужских имен [4, с. 88].

Приведем примеры фамилий, образованных как от полной, так и уменьшительной форм крестильных женских имен (56 единиц; 11 %): *Акулинин* < *Акулина*; *Малахова* < *Малахия*; *Манкин* < *Мария*; *Маринин*, *Маринкин*, *Опраксин* / *Апраксин* < *Опракса* / *Апракса* < *Евпраксия*; *Улитин* < *Улита*; *Феклин* < *Фекла*; *Ховрин* < *Феврония*; *Христинин*, *Храстин* < *Христина*, *Храстя*.

Фамилии, образованные от названия профессий

Фамилии, образованные от названий профессий, свидетельствуют о разнообразии и глубокой специализации ремесел в старой России. Их первоначальное значение

легко поддается установлению. Но некоторые сохранившиеся кустарные ремесла теперь именуются по-новому; названия же других мало чем отличаются от современного произношения и написания (52 единицы, 10 %): *Ардашев* < *Ардашник* (торговец дешевым низкосортным шелком — *ардашем*); *Батраков* < *Батрак* (наемный работник); *Епанечников* < *Епанча* (тот, кто шьет плащи); *Пряничков* < *Пряничников* (тот, кто делает пряники); *Рындин* < *Рында* (телохранитель, оруженосец); *Скляров* < *Скляр* (стеклодув);

3. Фамилии, образованные от прозвищ:

А) *Фамилии, образованные от ботанических терминов.*

Эта группа включает в себя фамилии, образованные от названий деревьев, трав, овощей, фруктов, ягод. Они менее употребительны, чем зоологические, поэтому немногочисленны (63 единицы, 13 %).

1. *Фамилии, образованные от названия фруктов* (43 единицы, 9 %): *Апельсинов*; *Арбузов*; *Ананасов*; *Вишнев*; *Виноградников*, *Виноградин*; *Дынин*, *Дынкин*; *Сливин*; *Грушин*; *Яблоков*, *Яблочников*, *Яблочкин*.

2. *Фамилии, образованные от названия овощей и других плодов* (20 единиц, 4 %): *Огурцов*; *Тыквин*; *Стручков*; *Картошкин*; *Горохов*; *Луков*; *Бобов*; *Репин*; *Помидоров*; *Ботвин*; *Чесноков*; *Орехов*.

В) *Фамилии, образованные от названия животных.*

Как часто в жизни мы можем встретить людей с фамилиями *Баранов*, *Волков*, *Воробьев*, *Голубев*, *Муравьев*, *Карпов*... Если приглядеться к фамилиям такого типа поближе, то можно отметить одну общую закономерность — образованы они от названий растений, рыб, животных, птиц и насекомых. Эта группа является самой многочисленной (225 единиц, 50 %).

В основном эти фамилии были образованы от прозвища родоначальника. Чтобы выделить человека, наши предки придумывали различные прозвища, метко подмечая его внешние или внутренние особенности [3, с. 139].

Диалектные особенности носителей языка также нашли свое отражение в фамилиях. Как только не называли жители разных населенных пунктов животных, птиц и насекомых: *скворца* — *шпаком* (*Скворцов* — *Шпакин*), *белку* — *векшей* (*Белкин* — *Векшин*), *цаплю* — *чепурой* (*Чепурин*), *селезня* — *селех* (*Селехов*) [1, с. 56].

Изучая такие фамилии, можно много узнать о фауне и флоре нашей страны, какие животные ее населяли, каким был растительный мир.

С) *Фамилии, образованные от названия птиц.*

В России птицы всегда пользовались большой любовью, и множество фамилий произошло от их названий (70 единиц, 14 %). В первой сотне самых употребительных русских фамилий они занимают девять позиций: *Воронин* (97); *Воробьев* (63); *Сорокин* (55); *Гусев* (52); *Орлов* (27); *Соловьев* (25). Фамилии, образованные от названия птиц различны: *Балабанов* (*прирученный*

сокол); *Ветютнев* <ветютень (лесной голубь); *Воронов*, *Воронков*, *Воронцов*; *Загоскин* <Загоска (кукушка); *Конюков* <Конюк (полевой коршун); *Клушин* <Клуша (курица — наседка); *Коргин* <Корга (ворона); *Ласточкин*; *Лунев*; *Перепелкин*; *Попугаев*; *Ремезов* <Ремез (синичка);

Д) *Фамилии, образованные от названия млекопитающих.*

Фамилии, производные от названий млекопитающих довольно типичны, но не столь многочисленны (90 единиц, 18%). В различных населенных пунктах одни и те же животные назывались по-разному. Например, волка во многих регионах России называли бирюком, откуда и пошла фамилия Бирюковы.

В списке первых ста русских фамилий они занимают 6 позиций, а именно: *Быков* (82); *Соболев* (72); *Баранов* (70); *Зайцев* (45); *Козлов* (36).

Продemonстрируем другие примеры: *Ануфриев* <*Онуфрий* (греческий священный бык); *Аргамаков* <*Аргамак* (породистая восточная, турецкая или кабардинская лошадь); *Байков* <*Байбак*, *бабак* (степной сурок); *Балабанов* <*Балабан* (при-

рученный сокол); *Бугаев* (Бык); *Буланов* <*Буланый* (светло-желтый конь); *Выжлецов* (охотничья собака); *Козин*; *Корсаков* <*Корсак* (степная лисица); *Кошлаков* (морская выдра); *Пыжиков* <*Пыжик* (молодой северный олень); *Стрекопытов* <*Стрекопыт* (резвый стремительный скакун).

Е) *Фамилии, образованные от названия рыб.*

Фамилии, образованные от названия рыб менее многочисленны и менее типичны, чем фамилии первых двух групп. Наиболее распространённая фамилия *Ершов*, занимает 101 место в частотном списке (65 единиц, 13%); *Белугин*; *Вандышев* (вид корюшки); *Густерин* <*Густера* (морская плотва); *Карасев*; *Лещев*; *Линев*; *Навагин*; *Налимов*; *Сазанов*; *Сигов*; *Снетков* <*Снеток* (корюшка); *Суцев* (сушеная корюшка); *Трескин*; *Уклейкин*; *Чебаков* (рыба семейства карповых); *Чиров* (вид лосося).

Итак, мы рассмотрели 500 единиц фамилий и выделили 3 семантические группы, связанные с их образованием. Данные группы делятся на конкретные подгруппы, одна из которых является самой многочисленной — это фамилии, образованные от названия животных.

Литература:

1. Веселовский, С. Б. Древнерусские имена, прозвища и фамилии / С. Б. Веселовский — М.: Наука, 1974. — 233 с.
2. Никонов, В. А. Словарь русских фамилий / сост. е. Л. Крушельницкий. — М.: Школа-Пресс, 1993. — 224 с.
3. Медведев, Ю. М. 1000 русских имен и фамилий / Ю. М. Медведев. — М.: Астрель: АСТ, 2009. — 462 с.
4. Унбегаун, Б. О. Русские фамилии / Пер. с англ. — М.: Прогресс, 1989. — 431 с.
5. Федосюк, Ю. А. Русские фамилии: популярный этимологический словарь / Ю. А. Федосюк. — М.: Флинта: Наука, 2006. — 240 с.

Межъязыковое контактирование как отражение социально-культурной интеграции в современном мире

Сирождидинов Шохрух Шухратович, преподаватель
Самаркандский институт иностранных языков (Узбекистан)

В любом языке отмечаются слова «свои» и «чужие», пришедшие из других языков. При этом доля заимствованной лексики в адаптируемом языке может колебаться от 10% до 80–90%.

Очевидно, что заимствование слов, форм и выражений — это естественный процесс развития языка. При этом не нарушается его самобытность, ибо сохраняется базовый словарный фонд, остаётся неизменным грамматический строй и не нарушаются внутренние законы развития и функционирования.

Так, отмечается высокая степень предрасположенности английского языка к заимствованию. В силу различных конкретно-исторических условий своего развития английский язык исключительно проницаем для заим-

ствований (loanwords, borrowings). Прежде всего, этому способствовал прямой непосредственный контакт (иноземная оккупация Британских островов в средние века, а затем колонизаторская активность самих англичан, их торговая экспансия и т. д.). В итоге, собственно англоязычный словарь составляет лишь порядка 30%. И всё же сюда включаются самые употребительные предлоги, союзы, прилагательные с супплетивным образованием степеней сравнения, почти все местоимения, наречия времени и места, числительные (кроме second, million, billion), реализующие коммуникативно-активные понятия, существительные, вспомогательные и модальные глаголы.

Восприимчивость к иноязычному влиянию обуславливается рядом факторов. Например, она зависит от гео-

рафического фактора. Скажем, исландский язык, вследствие своего островного положения и обособленности от языков материковой Европы, отразил на протяжении многих веков совершенно мало заимствований [2, с. 102–103].

Экстралингвистические причины заимствования вызываются тем, что вместе с новым объектом (вещью, предметом и т.д.) приходит и его название. Именно этим объясняются приход в русский язык таких слов, как автомобиль, такси, трактор, комбайн, метро, транзистор, робот, лазер, акваланг, нейлон и др.

Соответственно результатом французо-английского контактирования явилась такая новая лексика в английском языке (прежде всего технико-культурная), как *premiere*, *ballet*, *repertoire*, *reinforcement*, *piqueet*, *embassy*, *assembly*, *garage*, *hangar*, *chaussie* и т.д.

В общем же, экстралингвистические причины заимствования сводятся к историческим контактам народов, новаторству нации в какой-либо сфере деятельности, моде, экономии языковых средств, авторитетности языка-источника (отсюда появляются интернационализмы — продукт заимствования ряда языков из одного), увеличение отдельных социальных слоев населения — пользователей нового слова [3, с. 19–20].

Внутрилингвистические причины заимствования обуславливаются, прежде всего, необходимостью обозначить какой-либо специальный вид объектов (предметов или понятий). К примеру, с появлением в России гостиниц стало употребляться французское слово портъе, вытеснив исконно русское название слуга. Последнее оказалось уже недостаточным в номинации новой сферы деятельности этого работника.

Отсутствие в адаптируемом языке эквивалентного слова для нового объекта — основная внутрилингвистическая причина заимствования (ср. плеер, импичмент и т.п.).

Отмечается и заимствование нового значения. Подобное семантическое заимствование показательно, прежде всего, для близкородственных языков.

Так, английское *dwel* («жить», ср.: «If you dwel somewhere, you live there; a formal word. EG He had gone off to the Himalayas and had dwelt there for some years» [5, с. 442]) восходит по звуковому отражению к др.-англ. глаголу *dwellan* («блуждать», «медлить»), а семантически — к др.-сканд. *dvelja* («жить»);

английское *gift* («подарок», ср. «A gift is something that you give someone as a present. EG Give a scarf as a gift... buying a gift for his hostess... the gift of a handful of primroses... a gift from the Russian ambassador to Charles II... a parting gift» [5, с. 611]) означало в древнеанглийском «выкуп за жену» (а позже — по смысловой смежности — «свадьба»); значение же «дар», «подарок» возникло под скандинавским влиянием.

Заимствования производятся из языка в язык непосредственно и опосредованно — через языки-посредники: сирень — из латинского через немецкий; маяр,

ярмарка — из немецкого через польский; бивак — нем. *Biwak* — заимствовано из французского (изначально *Beiwache*); рисунок → *Reißung* → через польское «начерченное, нарисованное»; рыдван (в старину: большая дорожная карета) (польск. *rydwan*) ← нем. *Reitwagen* — повозка; солдат → нем. *Soldat* — из итальянского *soldato* (от *soldare* — «нанимать»); трасса → нем. *Trasse* от французского *tracé* («черта»); тюрьма → нем. *Turm* — башня (возможное заимствование из др.-тюрк.); шоры → польск. *szory* ← ср. — в нем. *geschirre* — «упряжь», «сбруя»; штат → нем. *Staat* — «государство» от лат. *status* «состояние»; шумовка → нем. *Schaumlöffel* → от польск. *shumowac*, а оно от нем. *Schaum* — «пена».

География межъязыковых контактов может быть весьма различной. Отметим такие цепочки: арабо-испано-французско-русская — азард (*hazard* — от араб., аз-захр — игральная кость, через исп. — *azar* — игра в кости); итальянско-немецко-французско-русская — балюстрада (перила; парапет; происходит из итальянского *balastrata* — «имеющая балясины»; заимствовано через немецкий язык *Balustrade*) и т.д.

В процессе межъязыкового распространения исходное значение слова и его первоначальное фонетико-орфографическое оформление подвергаются влиянию со стороны адаптирующих языков. При этом зачастую пользователи сопоставляют заимствования с ближайшими по какому-либо сходству словами родного языка: франц. *gêrandre* («заливать», «проливать», «разливать», «лить») → через отлатинскую глагольную форму *superondere* («заливать») → через отождествление в английском языке со словом *round* → возникновение нового глагола *to surround* («окружать», «обступать»); древнегерманское *bergrit* → в старофранцузское *belfray* в значении «башня» → англ. *bell* «колокол» и т.д.

При этом через серию многих иноязычных использований слово может вновь вернуться в сферу своего первоначального языка-источника, но уже в значительно измененном качестве — семантическом, функциональном, коннотативном и т.д.

Ср. развитие английского слова *sport*: старофранцузское (*desport* из позднелатинского *disportus* в значении «отвлечение», «отклонение») → среднеанглийское (в значении «развлечение», «спорт», «веселье», «оживление») → новоанглийское («физические упражнения» (в виде игр и состязаний) → французское (шире — интернациональное слово вообще).

Ассимиляция заимствованного слова в лексической системе адаптирующего языка сопровождается различными семантическими трансформациями в ракурсе взаимовлияния «родной» и привносимой «чужой» смысловой значимости. При этом заимствованное слово подстраивается к семантической структуре соотносительных по номинации слов адаптирующего языка, активизируя процесс смыслового размежевания.

Так, судьба французских глаголов *labourer* («трудиться», «прилагать большие усилия») и *travailler* («тя-

жело трудиться»), заимствованных в среднеанглийский язык (*labouren, travailler*), сложилась следующим образом: *labouren*, будучи синонимичным собственно английскому *swincaп*, вытесняет его из общенародного употребления, а *travailler*, напротив, уступает в этом отношении английскому *werken*, закрепляет за собой значение «путешествовать» (с XVI века) взамен существовавшего до этого глагола *lithen*. Соответственно старофранцузское существительное *travail* (1. «тяжкий труд» и 2. «муки при родах») стабилизировалось в английском языке (достаточное сохранение фонетического облика с ударением на втором слоге) и послужило основой образования глагола *to travel* (1. «мучительно трудиться» и 2. «мучиться в родах») и его дублета *to travail*.

Или же активность в английском языке французского *sport* (от *desport — disportus*) оттеснила благодаря специализации исходного значения сохранившейся семантически соотнесённый английский глагол *disport* («развлекаться»), который получил дальнейшую семантическую дифференциацию своего первоначально исходного значения: «If you disport yourself, you amuse yourself in a happy and energetic way; an old-fashioned word, now used humorously» [5, с. 406; 4, с. 407].

На интенсивность ассимиляции процесса заимствования в языке-адапторе сильно влияние социолингвистических факторов.

Так, активное проникновение в английское общество французской моды и технологии одежды отразилось в системе номинативных средств. К примеру, внедрение в англоязычный речевой обиход XIII века старофранцузского слова *habit* («одежда», «платье») сказалось на семантико-стилистическом статусе английского слова *shroud* (от древнеанглийского *scrud*); оно трансформировало значение «одежда» в значение «место, дающее приют, защиту». Подобное влияние усиливается здесь и дальше, когда в XIV веке в английском языке стало употребляться французское слово *garment* («одежда»), что, привело к семантическому сдвигу (возникновение значений «покров» и — позже — «саван») с новой коннотацией (оттенок торжественности).

Семантико-стилистическое трансформирование исконного и заимствованного может быть и более заметным.

Так, взаимодействие отфранцузских слов *people* (от *peuple*) и *remain* (от старофранцузского *remanier*) способствовали изменямости исконно английских слов с тем же значением: 1) *folk* сдвинуто в разговорную сферу с эмоциональной коннотацией и 2) *abide* — в поэтическую.

Ср. «folk... 1. Folk are people; sometimes used showing affection... 2. Your folks are your close family, especially your mother and father... 3. You use folks as a term of address in informal English when you are addressing several people» [5, с. 560] // «abide... If you abide somewhere, you live there; an old-fashioned word. EG He would not return home, but would abide in the mountains» [5, с. 2].

Если иноязычность в употребляющемся заимствовании сохраняется, то — это уже будут экзотизмы: гопак, фрау, сантим, хурал. Экзотизмы подразделяются на заменимые и незаменимые. Заменимые экзотизмы переводимы на адаптируемый язык: фрау — госпожа, мистер — господин, консьерж — привратник. Незаменимые экзотизмы — непереводимы: лаваш ≠ хлеб, лепешка; франк ≠ рубль; хаши ≠ суп. Ср. ещё и такие образцы непереводимых экзотизмов: доллар, иена, чалма, тамтам, чонгури, лявониха, сари.

К этому разряду заимствованной лексики относятся также: *matador, hidalgo, duenna, real* — в английском языке из испанского [Ср., например: 5, с. 894]; *sonata, soprano* — из итальянского; ср. английскую кодификацию этих итальянизмов: «A sonata is a piece of classical music, especially one written for the piano, or for a piano and one other instrument. EG... Chopin's Sonata number 2 in B flat minor» [5, с. 1389]; «A soprano is a woman, girl, or young boy with a singing voice in the highest range of musical notes. EG His mother had been a soprano with the Berlin State Opera. → used to refer to his range of musical notes. EG She had a high, thin soprano voice» [5, с. 1390].

Проблема заимствования отличается своей спецификой и ракурсе конкретно избранной пары взаимодействующих языков.

Англо-немецкое контактирование

Англо-американский словарь составляет порядка 700000 лексических единиц (на 1,4 миллиардов говорящих), а немецкий — лишь около 400000 (на 100 миллионов говорящих). Отсюда в немецком языке отсутствуют эквиваленты для многих понятий. Ср.: *hot Pants* («горячие штанишки», т.е. «очень узкие женские брюки»)/«брюки-дудочки»: *Der Trend heutiger Mode sind hot Pants*; *das Catch-as-catch-can* (англ. *catch-as-catch-can* — «схватить, как только можно» (в борьбе свободного стиля); *der American Way of Life* («американский образ жизни»).

К настоящему времени в Германии стало модным употреблять англицизмы (целесообразно это или же нет). Ср. в больших городах (особенно на вокзалах): *Check in, Mc-Clean, Image-Center, City-Shopping, Moonlight*.

Вполне естественным в речи немцев последнего времени становится всё больше число англицизмов. К примеру, ср. такие из них: *Live, Mountainbike, Jogging, Airbag, Basketball*.

В большинстве своём англицизмы призваны заполнить всевозможные лакуны [1, с. 284–285].

Разумеется, это характерно для владеющих английским языком. Отсюда активное проникновение англицизмов в различные профессиональные сферы (спорт, музыка, экономика, техника и др.). Ср.: *Team, Job, Fan, Match, Holding, Computer, Know-how, up to date* («на уровне дня», «поднимать высокую планку») и *out sein* («быть отстранённым от игры»/«вне игры»; «вылетать»), *gut in Run liegen* («быть в хорошем положении»; «иметь все шансы на успех»); *Run machen* («прийти

первым», «выйти победителем», «выигрывать»); lucky punch («счастливый удар»).

Точно так же пользование компьютерной техникой привело к проникновению в немецкий язык англицизмов типа online sein, online/on line surfen («плыть по волнам Интернета в режиме реального времени»), in Cyberspace leben («жить в гиперпространстве»).

Интенсификация англо-американского влияния на немецкий язык обуславливается рядом следующих факторов:

1) Английский язык более ориентирован на краткость, что особенно

2) показательно для телеграммного стиля, E-mail сообщений и обыденной речи [4, с. 380–381]. Отсюда, по сравнению с немецкими словами английские короче и удобнее в своём произношении, ср., к примеру: Trucker (2 слога, 5 букв) = Lastwagenfahren (5 слогов, 15 букв). Или ср. также ещё: Management = Unternehmensleitung; Jointventure = Gemeinschaftsunternehmen.

Используются англицизмы (во избежание слишком частого употребления) как варианты для немецких терминов. Ср.: Banker → Bankier → Bankfachmann (первое слово — современнее второго и короче третьего); tschint-schen (от англ. to change «менять») («совершать меновую сделку») «einen Tauschgeschäft machen (abschließen)».

Многие из заимствованных немецким языком англицизмов сами восходят к другим языковым первоисточникам. Причём зачастую их иноязычная предыстория отличается исключительной сложностью: das Palaver ← англ. palaver: ← от слова одного африканского языка — «религиозное или судебное собрание» в португ. palavra «слово»; в значении же «рассказ» — от лат. parabola, parabole ← греч. parabolē (В итоге сформировалось значение «продолжительная, часто безрезультативная беседа (дискуссия) многих лиц с высказываниями каждого»); Mary Jane ← англ. marijuana ← исп. marihuana: ← Maria (англ. Mary) + Juana (англ. Jane) («марихуана» — жаргонный эвфемизм); das Dope ← англ. dope (букв. «смазка») ← нидерланд. (диал.) doop («соус», «подливка») = разговорно «наркотик» (в особенности «гашиш»); der (das) Event («особое событие», «мероприятие») ← англ. event ← древнефранц. event ← лат. eventus (eventum — партицип от evenire); der (das) Cartoon («картон») ← англ. cartoon ← итал. cartone < carta («бумага») < франц. carte ← лат. Charta ← греч. chártēs < египет. «лист папируса, из которого изготовлялась бумага».

Для заимствования немецким языком англицизмов характерны следующие общие тенденции:

1. Англицизмы проникают в немецкий язык без какого-либо изменения своего исходного значения: Meeting, Team, Sprint, Talkshow, CD-Player.

2. Образуются англо-немецкие синонимические пары терминологических обозначений: user = Nutzer, slang = die Umgangssprache, investor = der Investitionstranger, consulting = der Berater, leasing = die Vermietung, marketing = die Massnahmen eines Unternehmens.

3. На основе слияния англо-немецких словных фрагментов возникают композиты типа Livesendungen (= Sendungen über das Alltagsleben), Reiseboom (= grosse Reisenachfrage), Powerfrau (= Geschäftsfrau); mit good Cards (= предпринимать что-л., имея все шансы на успех; калька с англ. with good cards); free Hands haben (= иметь/получить свободу действий; развязать руки); lose face (= потерять лицо, престиж).

4. Глаголы-англицизмы получают в немецком языке соответствующее грамматическое дооформление в виде инфинитивного окончания -en, — n, что необходимо для спряжения и образования партиципа: to manage → managen, to swap → swappen, to trade → traden.

Итак, англоязычные заимствования — как процесс — являются достаточно присущими для немецкого языка и совершенно неотъемлемыми для его лексического состава. Тем самым немецкий язык, обогащаясь англицизмами, демонстрирует активное восприятие всех изменений в жизни общества.

Французско-английское языковое контактирование

Французские слова заимствуются английским языком, прежде всего, в своих исходных номинативных значениях: money — в значении «монета», judge — «судья», parliament — «разговор», «совещание», sergeant — «слуга», «оруженосец рыцаря», country — «владение графа», «собрание, созданное шерифом для решения дел графства».

Большинство галлицизмов среднеанглийского периода являются по происхождению латинизмами: enemy, champion, castle, advance, money, tower, spy и др.

Этот разряд галлицизмов до вхождения в английский язык несколько трансформировал свое исходное значение: treason — от лат. traditio «сдача»; chief — от лат. caput «голова»; champion — от лат. campus «поле»; capitale — от лат. capitalis «главный»; archer «стрелок» — от лат. arca «дуга»; parlement — от лат. paraulare < parabolare «говорить, болтать»; chevalerie — от лат. caballus «лошадь».

Регулярностью отличается в английском языке такая семантическая трансформируемость галлицизмов, как актуализация в смысловой структуре переносного значения и соответственно вытеснение базового прямого значения:

reconnaissance («разведка») от франц. reconnaître («узнавать»), envoy («посланник», «консул») от франц. envoyer («посылать»), melle («схватка») от франц. meler («смешивать»), а также: bureau («бюро»), siege («осада»), rencontre («стычка»), rapprochement («сближение между двумя государствами») и др.

Семантическая трансформируемость заимствованного в английском языке галлицизма может проявляться в расширении исходного конкретного значения с формированием сложных и отвлеченных понятий: pool от франц. pot («имя»); champion от франц. le champ («поле»); adjourn, journey от франц. jour («день»), money от франц. monnaie («монета»).

Реже исходное латинское значение либо: 1) было ранее утрачено — в старофранцузском языке (ср.: companion —

cum «вместе с» + panis «хлеб»; cunestable — comes stabuli «конюший»; chancelier — cancellus «решётка»), либо: 2) всё же сохраняется в галлицизме: paix — от лат. pax «мир», dette — от debere «быть должным кому-либо».

Известному сохранению исходной семантики заимствования или же её лишь некоторому изменению способствует наличие в языке-адапаторе какого-либо соотносимаго по значению слова.

Так, слово league («лига, союз») в английском языке повлияло на стабильность французского collègue («коллега») в английском colleague («коллега», «сослуживец»).

Активная трансформационная подвижность заимствования в языке-адапаторе затрагивает не только собственно семантическую сторону, но и фонетико-грамматическую. Ср. в английском языке группу галлицизмов, подвергшихся различным изменениям в звуковом облике и грамматическом оформлении: parlerterre, raison-d'être, raison d'état, lieutenant, coup-d'état, aid-de-camp, chef-d'oeuvre, charge-d'affaires, laissez-faire, sang-froid, pot-pourri.

Естественно, что всегда действует тенденция народно-этимологического осмысления иноязычного слова в сравнении с ближайшим по звучанию и лексико-структурному выражению словом языка-адапатора. Ср. подобную трансформируемость во французско-английском контактировании: франц. coutelas («короткая сабля») → англ. to cut → cutlass → cutlash (по аналогии с lash); франц. arbalète («арбалет», «самострел») → среднеангл. arbalest (современное arblast = arbalest, arbalist «арбалет», «лук», «самострел») → англ. arrow («стрела») → arrowblast, arrowblaster.

Литература:

1. Abraham, S., F. Kiefer. A Theory of Structural Semantics. — The Hague: Mouton, 2009. — 488 p.
2. Antilla, Raimo. An Introduction to Historical and Comparative Linguistics. — New York: Macmillan, 2010. — 488 p.
3. Bablon, Frédéric. Enseigner une langue étrangère à l'école. — Paris: Hachette Éducation Supérieur, 2004. — 158 p.
4. Henle, Paul. Language, Thought and Culture. — Ann Arbor, Mich.: University of Michigan Press, 2008. — 504 p.
5. Advanced Learner's English Dictionary. — London: Harper Collins Publishers, 2010. — 1712+32 p. [ALED-2010]
6. English Language Dictionary. — London: Harper Collins Publishers, 2006. — 1703 p. [ELD-2006]

Модальная сущность отрицания в форматах функционально-семантического и функционально-прагматического полей

Стетюха Наталья Владимировна, кандидат филологических наук, доцент
Южный институт менеджмента (г. Краснодар)

Одним из проблемных в языке сохраняется вопрос об отрицании. В философии категория отрицания трактуется как обязательный момент процесса развития, как категория, выражающая определенный тип отно-

При этом всё же возможна та или иная семантическая конкретизация, способствующая стабилизации специализированного значения в языке-адапаторе на базе заимствованного: франц. cotelette («отбивная котлета») → англ. cutlet («(баранья или телячья) отбивная котлета»).

Зачастую заимствования вступают в языке-адапаторе в синонимические отношения с его лексико-фразеологическими единицами. На первых порах при этом возникают между ними ряды абсолютных синонимов. Ср., в истории французско-английского языкового контактирования: folk-people, frid-peace, bondhouse-prison, here-army, sig-victory.

Дальнейшее же функционирование заимствований в языке-адапаторе неизменно приводит либо к сильному семантическому дифференцированию (ср. французско-английское лексическое сопоставление в среднеанглийский период: land-country, fight-battle, want-claim, weep-cry), либо даже к вхождению заимствования в основной словарный состав адаптируемого языка, что зависит от номинативной значимости новых привносимых слов. Ср., к примеру, такие галлицизмы в английском языке: mountain, judge, river, peace, parliament, state.

Из вышесказанного очевидно, что на современном этапе развития межъязыкового контактирования процесс заимствования является наиболее репрезентативным источником широкого лексико-фразеологического обогащения, способствующего версификации полноты передаваемой информации и прагматико-коннотативных средств высказывания. Это подтверждает тенденцию к интеграции в современном мире. Она приводит к тому, что в культурах разных стран возникает все больше общих черт и заметно нивелируются первоначальные различия.

шения между двумя последовательными стадиями, состояниями развивающегося объекта.

В формальной логике утверждение и отрицание суть противоположные по качеству суждения. Это объясня-

ется тем, что предмет в своей качественной определенности сам либо существует, либо обладает каким-то определенным признаком, либо не обладает им. Признак предмета — это именно наличие или же отсутствие у него определенного свойства либо отношения. Отсутствие таковых может быть существенным признаком данного предмета, и это имеет место в отрицательном суждении. Логическому отрицанию соответствуют в действительности отношения небытия или несуществования, различия или инобытия.

В.Н. Бондаренко полагает, что отрицательное суждение есть форма выражения знания о ложности или истинности определенной мысли, есть способ опровержения предшествующей мысли [3, с. 44–48]. Тем самым формально-логическое отрицание является оператором, превращающим ложное утвердительное суждение в истинное отрицательное суждение и наоборот.

В формальной логике существуют различные концепции отрицания, нашедшие свое развитие в языкознании. К ним относятся:

1. Концепция особой отрицательной реальности. Согласно этой концепции, в отрицательных суждениях говорится об особой отрицательной реальности, или небытии. В категорию небытия древние философы включали такие понятия, как несуществование, отсутствие, различие и некоторые другие разновидности небытия.

2. Концепция реальности, отличной от данной. Это концепция отрицания как знания об ином бытии.

3. Концепция отрицания как полагания мыслимого реально не существующим. В данной концепции отрицательные суждения рассматриваются не в аспекте тех реальных обстоятельств, которые они отражают, а с точки зрения выраженного в них отношения мыслимого к реальному.

4. Концепция преодоления ложного знания. Эта концепция рассматривает отрицание как средство выражения знания о неадекватности мыслимого реальному, как средство преодоления ложного знания, предотвращения ошибки или заблуждения.

5. Психологическая концепция отрицания. Для данной концепции характерно разделение психических актов предикации и суждения: акта мысленного отнесения содержания предиката к содержанию субъекта и акта оценки этого отнесения.

6. Содержательная концепция отрицания. Сторонники данной концепции рассматривают отрицание, прежде всего как элемент смысла суждения, имеющий объективное основание.

Существование нескольких перечисленных концепций смысла отрицательных суждений говорит о том, что в философской и логической литературе нет общепринятого, последовательного ответа на вопрос о сущности отрицания, отрицательного суждения.

В практике отрицание — суть полагание, даже если это отрицание не оформлено в конституирующий целесообразный процесс. Практическое отрицание никогда

не носит абсолютного характера, ибо действительность неуничтожима. Что бы, кем бы и когда бы ни отрицалось, итогом всегда выступает возникновение чего-то иного, какой-то новой связи, преемственно наследующей содержание того, что отрицается.

Логическое отрицание есть языковая универсалия, поскольку: «Отрицание — одна из свойственных всем языкам мира исходных, семантически неразложимых смысловых категорий, которые не поддаются определению через более простые семантические элементы» [10, с. 354]. Отрицание в лингвистике — это «выражение при помощи лексических, фразеологических, синтаксических и других средств языка того, что связь, устанавливаемая между элементами высказывания, реально не существует» [1, с. 302] или что соответствующее утвердительное высказывание отвергается говорящим как ложное.

Опираясь на вышеупомянутые формально-логические направления, лингвисты выделяют следующие концепции в исследовании отрицания:

1. Психологическая концепция отрицания. Представители данного направления в языкознании рассматривали отрицание в языке в духе психологизма — как чисто субъективное проявление человеческой психики. Отрицание есть якобы порождение различных психических (чувственных) реакций говорящего.

2. Прагматическая концепция отрицания. Большинство сторонников данной концепции рассматривает отрицание в языке не как собственно грамматическую, а как прагматическую или функциональную категорию, выражающую некое отклоняющее, опровергающее отношение говорящего к высказыванию.

3. Концепция отрицания как выражения отсутствия объективной связи. Многие лингвисты усматривают в отрицании самостоятельную языковую категорию, имеющую соответствие в реальном мире. Признавая примат объективной действительности, подавляющее большинство авторов в качестве объекта отрицания в языке рассматривает объективные связи, точнее, их отсутствие в самой действительности. Согласно этой точке зрения утверждение и отрицание, относящиеся к числу полярных языковых категорий, передают реальные связи предметов и явлений действительности.

4. Концепция отрицания как выражения объективной разъединенности. Сторонники данного направления полагают, что в отрицательном суждении мы разъединяем в мысли то, что разъединено в действительности.

5. Концепция особой отрицательной модальности. Ряд ее авторов связывает отрицание с субъективной оценкой содержания предложения — с модальной оценкой говорящим высказывания, а именно, с характером выраженного в предложении отношения к действительности. Отрицание рассматривается как чисто субъективная, оценочная категория.

6. Концепция отрицания как особого вида предикативности. Представители данной концепции интер-

претируют значения утверждения и отрицания как предикативные, как полярные категории предикативности, как формы проявления предикативности.

Таким образом, существующие теоретические разработки ведут к разделению области исследования отрицания на: системно-структурную (концепция отрицания как выражения отсутствия объективной связи, концепция отрицания как выражения объективной разъединенности, концепция отрицания как особого вида предикативности) и антропологическую (психологическая и прагматическая концепции отрицания, концепция особой отрицательной модальности).

Обращаясь к анализу отрицания, многие лингвисты и логики рассматривают это явление в самых различных аспектах, в частности, в плане его взаимосвязи с предикацией, модальностью, квантификацией, выделением и другими операциями в сознании или же с их репрезентантами в языке, а также в плане разграничения различных видов отрицания, различения глубинных и поверхностных средств, которые служат выражению отрицания. Так, И.П. Сусов полагает, что отрицание является мыслительным актом, предполагающим наличие готовой или почти готовой пропозиции о какой-то единичной ситуации, вносящим в это образование коррективы, обуславливая своего рода «зачеркивание» данного мыслительного образования в целом или же в отдельных его частях [12, с. 118].

На современном этапе развития лингвистики ученые уделяют большое внимание коммуникативным и информативным аспектам функционирования языка, проблемам человеческого общения в целом. В этой связи особый интерес представляет изучение категории модальности.

Модальная сущность отрицания рассматривается на различных уровнях языковой реализации (уровнях предложения и текста). В рамках исследования синтаксиса большинство ученых рассматривают отрицание как модальную категорию, включая его в число основных категорий предложения.

Т.П. Ломтев выделяет семь «грамматических категорий предложения», среди которых нашли свое отражение утвердительность/отрицательность [5, с. 62].

И.П. Сусов в порождении предложения различает три аспекта: денотативно-референционный, предикативный и аспект актуализованного предложения, сопоставленного с ситуацией. Значения, необходимые для актуализации абстрактного предложения и вводимые особыми операторами, образуют в совокупности то, что можно отождествить с модусом высказывания. Их девять. Среди них выделяется и отрицание [12].

Таким образом, отрицание является модальным компонентом предложения. Модальность рассматривается не только и не столько на уровне предложения, т. к. предложение не является законченной формацией, обеспечивающей человеческое мышление, поскольку «функция реализации отражения окружающей действительности средствами языка, наряду с гносеологической стереотип-

ностью мыслительной деятельности порождает и единицы сверхфразового уровня, которые объединяют группу предложений для воплощения логики мышления» [7, с. 32], но и на уровне текста.

В своих исследованиях мы различаем понятия «предложение» и «высказывание», так как в изучении отрицания выходим на текстовый уровень. Под высказыванием мы понимаем «отрезок речи, имеющий коммуникативную направленность, смысловую целостность, являющийся реализацией языковой системы, отвечающей языковой норме» [14, с. 15]. Предложение понимается нами как единица языковой системы, которая реализуется в речи в форме высказывания, как грамматико-синтаксическая формула высказывания. Высказывание включает в себя модально-коммуникативный аспект, проявляющийся в интонации, актуальном членении предложения. Высказывание, как речевая единица, может быть равновеликим предложению, но рассматривается в речи, в непосредственной соотнесенности с ситуацией. Семантический анализ высказывания предполагает обращение к контексту, ситуации, фоновым знаниям говорящих (пресуппозиции). Высказывание ориентируется на участников речи (изложение позиции говорящего и расчет на знания и определенную реакцию собеседника). Таким образом, для высказывания чрезвычайно важен внелингвистический контекст, в то время как предложение обладает нулевым контекстом. Поэтому, мы, исследуя отрицание в речи языковой личности, выходим за рамки исследования отдельного, взятого из контекста предложения, в текст.

И.В. Толстой полагает, что «по сравнению с утвердительными по форме высказываниями отрицательные обладают модальной окраской оценочного характера (неодобрительности, нежелательности, усиления или ослабления качества, признака и т. п. в зависимости от лексического наполнения высказывания» [13, с. 60–64].

Е.В. Милосердова рассматривает отрицание как утверждение противоположного, как отрицание наличия какого-либо признака, действия, состояния и т. п. Утверждение и отрицание являются понятиями взаимообратимыми, что находит выражение в некоторых элементах языковой системы. На основе данной точки зрения значения аффирмативности/негативности включаются автором в круг модальных [6, с. 31–32].

Модальность на текстовом уровне включает явления, связанные с точкой зрения говорящего на содержание высказывания, что свидетельствует о присутствии субъективности в этой категории. Любое высказывание можно считать субъективно-оценочным. Субъективная оценка, или в целом модальность, является сущностью высказывания, а не отдельным его фрагментом. Текстовая модальность несет в себе отпечаток субъективности в силу неизбежного присутствия «человеческого фактора».

О тесном взаимодействии категории отрицания и модальности говорит М.Н. Николаева: «Это взаимодействие проявляется в том, что отрицание, отражая и вы-

ражая в языке определенные специфические явления действительности, не выявляет при этом отношения автора высказывания (адресанта) к содержанию высказывания, но подчиняется общему модальному значению высказывания. С модальностью высказывания коррелирует прагматика высказывания, которая рассматривается как двустороннее выражение отношения к высказыванию и информации, содержащейся в высказывании, как со стороны автора (адресанта), так и со стороны читателя или слушателя (адресата). Отношение со стороны и адресанта, и адресата к высказыванию содержит оценку явлений, событий, фактов, предметов, представленных в высказывании» [9, с. 6].

А. М. Гончаров признает взаимосвязь отрицания и модальности. Об этом свидетельствует, по его словам, тот факт, «что отрицание, отражая объективную реальность, выражает в то же время субъективно-объективное отношение человека к действительности, а, следовательно, находится в одном ряду с такими модальными значениями, как уверенность, неуверенность, сомнение и входит как часть в субъективную модальность» [4, с. 5].

Высказывание, как и всякий акт мысли, не только отражает объективную действительность, но содержит и определенное отношение к этим отраженным в нем объективным связям. Оценка содержания высказывания с точки зрения его реальности имеет разную направленность, но в первую очередь положительную или отрицательную, и утвердительные и отрицательные высказывания различаются не по содержанию выражаемых в предложении отношений объективной действительности как таковых, а по своему модальному характеру, по оценке реальности этих содержаний.

По мнению Г. П. Немца, категория отрицания имеет своеобразную модальную функцию. Речь идет, во-первых, о существовании в языке отрицательной модальности; во-вторых, о возникновении новых отрицательных модальных отношений применительно к линейному контексту и ситуации; в-третьих, о констатации отрицательного высказывания как существующего в результате общения; в-четвертых, об отношении к высказыванию в целом в условиях вертикального контекста, т. е. в пространстве языкового общения.

Формально-грамматический способ выражения тесно связан с понятием, однако внешняя обозначенность отрицания не всегда совпадает с понятием отрицания. Такое положение формально выраженного отрицания с несоответствующим понятием отрицания может регламентироваться контекстом, а также понятийной сущностью отрицания, либо исторического (традиционного) плана, либо обусловленного диалогической речью.

Отрицательная модальность является средством передачи отрицательного отношения к сообщаемому, к факту действительности, а не средством определения факта не-реальным, несуществующим. Отрицательная модальность представляет собой имплицитный способ выражения отношения к действительности [8, с. 79].

Следуя текстоцентрической концепции модальности, предложенной А. Г. Барановым [2, с. 105–106], мы рассматриваем отрицание с точки зрения узкой и широкой трактовки модальности в рамках таксономического направления. Отрицательная модальность представляет собой субъективно-объективную категорию в рамках исследования межличностной модальности текста. Данная модальность обусловлена намерениями автора текста в общении и отражает его психологические установки описать мир, изменить и дать ему оценку.

Отрицание — полифункциональная категория в сфере модальности. Полифункциональность заключается в многообразии коммуникативных функций отрицания — вызывать, описывать и выражать эмоции; описывать, оценивать и изменять окружающий мир. В зависимости от намерений — описать мир, дать ему оценку или изменить его — языковая личность выбирает те или иные языковые средства. Интенциональность, таким образом, влияет на выбор языковой личностью средств выражения отрицания.

В рамках субъективной модальности исследуют: значения проблематической, простой, категорической достоверности; уверенности, убежденности или предположительности, неуверенности говорящего; эмоционально-экспрессивной оценки; оценочно-характеризующие значения, производные из характеристики самого сообщения и собственно оценочные.

На основании постулата о том, что отрицание в языке — это система разнородных единиц, которые взаимодействуют для выражения определенной семантической функции, его (отрицание) можно определить как функционально-семантическую категорию, имеющую свой план содержания и выражения. Формальная сторона функционально-семантической категории отрицания представлена языковыми элементами всех уровней, которые могут быть рассмотрены в виде поля. Разноуровневые единицы языка объединяются в поле отрицания на основе общей семантической функции — передавать смысл отрицания.

В своих исследованиях мы анализируем поле отрицания в двух аспектах — на функционально-семантическом уровне в языке и функционально-прагматическом уровне в тексте по следующей схеме, предложенной А. Г. Барановым:

I. Аспект функционально-семантической организации поля:

1. Парадигматический уровень, на котором выявляются компоненты поля, парадигматические связи языковых единиц, входящих в поле, и парадигматические компоненты значения указанных единиц.

2. Синтагматический уровень, на котором фиксируется контекстуальное взаимодействие языковых единиц, входящих в поле, и определяются синтагматические компоненты их значения.

II. Прагматический аспект, на котором рассматриваются вопросы актуализации полей в тексте, т. е. вопросы

выполнения этими полями своих функций в условиях реального функционирования [2, с. 38–139].

В функционально-семантической организации поля отрицание исследуется в условиях лингвистического контекста. Конкретная языковая личность не попадает в область исследований. Функционально-семантическое поле (далее ФСП) отрицания представляет собой систему разноуровневых языковых средств выражения категории отрицания с учетом их функционального потенциала и раскрывает человека вообще, а не индивида.

Итак, таксономия языковых средств выражения отрицания формирует четырехуровневое ФСП, состоящее из ядерной, центральной, промежуточной и периферийной зон.

1. Ядро (семантическая доминанта) поля отрицания в современном английском языке представлено отрицательными частицами *not*, *no*.

2. На основе принципа наибольшей устойчивости и регулярности употребления языковых единиц в функции передачи идеи отрицания, к центральным зонам поля относятся эксплицитные средства выражения языкового отрицания, представленные формально-грамматическими и морфологическими единицами. Центральную зону микрополя отрицания образуют лексико-грамматические разряды слов с отрицательным значением. К ним относятся: местоимения (*no*, *no one*, *none*, *nobody*, *nothing*, *neither*, *nowhere*); наречия (*never nowhere*, *no need*); союзы (*nor*, *neither... nor*, *nor... nor*, *lest*, *unless*). В выражении отрицания принимают участие и некоторые союзы, которым свойственно значение противоположности или несходства соединяемых элементов: *not... but*, *not only... but*, *neither... nor*. Отрицание может передаваться и предлогом *without* = *not having*, *not with*.

3. Следующий слой поля — промежуточная зона, состоит из отрицательных словообразовательных элементов. Среди них выделены:

1) отрицательные префиксы *a-*, *un-*, *in-/ir-*, *il-*, *im-*, *dis-*; *mis-*; *non-*;

2) отрицательный суффикс *-less*.

Периферия ФСП отрицания представляет собой совокупность разнотипных единиц (неграмматических способов выражения отрицания) — имплицитных средств. К ним относятся фонетические индикаторы — интонация, логическое ударение; соответствующие формы глагола-

сказуемого: сослагательное наклонение; лексические — слова с отрицательной семантикой, принадлежащие к различным частям речи; фразеология [11, с. 191–199].

Прагматический аспект отрицания заключается в его способности характеризовать человека через те тексты с отрицательной семантикой, которые порождает данная языковая личность.

В функционально-прагматической организации поля отрицание исследуется в условиях лингвистического и экстралингвистического контекстов. Экстралингвистический контекст доминирует в этом случае: учитываются, прежде всего, индивидуальные особенности конкретной языковой личности и речевая ситуация. Происходит выход в гуманитарную область исследования. Функционально-прагматическое поле (далее ФПП) представляет собой систему разноуровневых средств языка, используемых отдельной языковой личностью для выражения категории отрицания. ФПП отрицания отличается от ФСП характером распределения средств выражения отрицания по зонам поля и полнотой их репрезентации.

Таким образом, отрицание является субъективно-объективной модальной категорией. Объективность проявляется в соответствии отрицания межличностной норме и находит свое отражение в деонтическом, эпистемическом и аксиологическом компонентах смысла. Субъективный характер модальности отрицания заключается в осознании субъектом его личностных смыслов, опыта и ярко отражается в эмоционально-оценочных отрицательных высказываниях, проявляющихся в имплицитном и интенсифицированном отрицании.

Антропоцентрическое направление в современной лингвистике позволяет расширить сферу научного знания, раскрывает новые горизонты в исследовании языковых категорий. Изучение категории отрицания в контексте естественнонаучной и гуманитарной парадигм позволяет дать наиболее полную ее характеристику в лингвистике с точки зрения содержания и функционирования. При этом данные исследовательские парадигмы находятся в отношениях дополнительности. Они отражают различные подходы к изучению категории отрицания, объединенные одной целью — осуществить всесторонний психо-социолингвистический анализ рассматриваемой категории.

Литература:

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 4-е, стереотипное. — М.: КомКнига, 2007. — 576 с.
2. Баранов, А. Г. Функционально-прагматическая концепция текста. — Ростов н/Д: изд-во РГУ, 1993. — 182 с.
3. Бондаренко, В. Н. Отрицание как лексико-грамматическая категория. — М., 1983. — 212 с.
4. Гончаров, А. М. Отрицание и модальность. — Абакан, 1996. — Деп. в ИНИОН РАН 30.11.96, №52150. — 7 с.
5. Ломтев, Т. П. Предложение и его грамматические категории. Серия: Лингвистическое наследие XX века. Изд. 3, стереот. — М.: Издательство: ЛКИ, 2007. — 200 с.
6. Милосердова, Е. В. Семантика и прагматика модальности. — Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1991. — 196 с.
7. Москальская, О. И. Семантика текста // Вопросы языкознания. — 1980. — №6. — с. 32–42.

8. Немец, Г. П. Актуальные проблемы модальности в современном русском языке. — Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1991. — 187 с.
9. Николаева, М. Н. Прагматический аспект отрицания в публицистическом тексте (на материале американских общественно-политических журналов). — М., 1993. — Деп. в ИНИОН РАН 16.06.93, №48172. — 18 с.
10. Падучева, Е. В. Отрицание // Лингвистический энциклопедический словарь/Под ред. В. И. Ярцева. М.: Научное изд-во «Большая российская энциклопедия», 2002. — с. 354–355.
11. Стетуха, Н. В. Парадигматика и синтагматика функционально-семантического поля отрицания // Социально-экономический ежегодник-2013. — Краснодар: ЮИМ, 2013. — с. 191–199.
12. Сусов, И. П. Семантическая структура предложения. — Тула: Изд-во Тульского гос. пед. ин-та, 1973. — 141 с.
13. Толстой, И. В. Отрицание как синтаксическое явление и его функционирование в публицистическом стиле // Вестник МГУ, серия журналистики. — 1972. — №4. — с. 58–65.
14. Торсуева, И. Г. Интонация и смысл высказывания. Изд. 2, испр. — М.: Либроком, 2009. — 112 с.

Современная естественная письменная речь: неполный стиль написания, или аллегрое письмо

Тесленко Ольга Александровна, аспирант
Запорожский национальный университет (Украина)

Статья посвящена анализу орфографического и пунктуационного устройства современной естественной письменной речи. Анализ проведён на материале текстов русскоязычных смс-сообщений. В работе решается актуальная на сегодня проблема лингвистического статуса речи повседневного электронно-опосредованного общения.

Ключевые слова: неполный стиль написания, неполный стиль произношения, аллегрое письмо, аллегрое произношение, идеальный орфографический облик слов, хэштег, псевдопарцелляция (псевдодислокация), естественная письменная речь (ЕПР).

В последние годы в лингвистике наблюдается активный научный интерес к компьютерно-опосредованной и смс-опосредованной коммуникации. Пытаясь обосновать актуальность своих многочисленных работ (в том числе диссертаций), исследователи лингвистических параметров электронного коммуникативного пространства часто утверждают, что научные изыскания в этой области носят фрагментарный характер и находятся чуть ли не на начальном этапе своего становления. На самом деле это далеко не так. В области компьютерной лингвистики существует достаточно большое количество работ обобщающего характера, что говорит о уже намечившемся в этой области научного познания переходе от частного к общему. Среди этих обобщающих работ можно выделить работы Ю. Е. Венедиктовой [2], Е. И. Горошко [3], [4], Т. Н. Колокольцевой [7], Л. Ф. Компанцевой [8], О. В. Лутовиновой [13, с. 58–65], С. А. Лысенко [14], Т. А. Сорокиной [15, с. 51–57], Г. Н. Трофимовой [18], Л. Ю. Щипициной [22] и многих других современных лингвистов. Правоммерно утверждать, что работы в области изучения лингвистических особенностей электронно-опосредованной коммуникации уже вышли на высокую ступень абстракции. Исследователи **уже извлекли** наиболее общие закономерности функционирования языка в пространстве электронных коммуникаций из хаоса затемняющих эти закономерности частных явлений.

Итак, лингвистические исследования в области электронной коммуникации на данный момент находятся на этапе обобщения полученных результатов. Лингвисты выделяют такие важнейшие особенности речи повседневного электронного общения: диалогическую форму, активное использование тех лингвистических средств, которые считаются специфическими средствами живой разговорной речи, широкое использование всевозможных видов языковой игры, в том числе орфографической (точнее антиорфографической), общее огрубление и снижение речи [7, Электронный ресурс]. К настоящему моменту лингвистами уже определён перечень специфических лингвистических средств и моделей, используемых в непринуждённой электронно-опосредованной переписке.

Второй важнейшей своей задачей исследователи электронной среды общения считают определение лингвистического статуса интернет- и смс-речи. Эту речь необходимо вписать в общую систему, определить её место среди других существующих на сегодня типов речи. Вопрос о лингвистическом статусе интернет- и смс-речи на данный момент является дискуссионным.

Актуальность нашей работы обусловлена следующим фактором: требует научного осмысления проблема лингвистического статуса интернет- и смс-речи.

Цель статьи — решить проблему лингвистического статуса повседневной электронно-опосредованной переписки.

Для того чтобы решить эту проблему, обратимся к анализу лингвистического устройства русскоязычной смс-коммуникации, а именно к анализу её орфографического и пунктуационного устройства. Смс-сообщения — наименее исследованная разновидность электронно-опосредованной непринуждённой переписки.

Русскоязычная смс-коммуникация на орфографическом уровне являет себя очень интенсивно: она проявляется в виде крайней степени естественности и натуральности. Естественность смс-орфографии проявляется в разных формах. Рассмотрим лингвистическое устройство смс-переписки в области передачи буквами фонемного состава слов и их частей.

Отправители смс-сообщений часто пытаются отображать на письме позиционные мены фонем:

«ну по идее да, я не психиатр жи»

«ну ты вапце»

«кароче я всё решил»

«он нинормальный»

«Фу (Пиченька»

«неудачник по жизни, только ныть и умеет жи.»

В приведённых примерах орфографические ошибки сделаны смс-коммуникантами сознательно. Осознанное нарушение орфографических правил в этом случае выступает как приём выразительности, часть языковой игры. Языковая игра понимается как «некоторая языковая неправильность (или необычность) и, что очень важно, неправильность, осознаваемая говорящим (пишущим) и намеренно им допускаемая» [цит. по 12; Электронный ресурс]. В смс-сообщениях довольно часто встречаются написания, которые соответствуют произношению, но не соответствуют нормам русской орфографии. Как показывают примеры, узuallyной нормой русскоязычной смс-коммуникации является осознанное обозначение фонем слабых позиций, с которыми чередуются фонемы сильных позиций, буквами, адекватными фонемам слабых позиций на основе прямой связи «фонема — адекватная ей буква», что даёт право говорить о фонетическом принципе [6, с. 111–115] как об орфографическом начале русскоязычной смс-коммуникации. Это явление было осмыслено лингвистикой как «антиорфография» [12], или «орфографический троп» [1]. Другие виды орфографических тропов, используемых в современной естественной письменной русской речи, описаны в работе Е. И. Литневской [12, Электронный ресурс].

Отметим, что орфографические тропы в русскоязычной смс-переписке встречаются достаточно часто. При этом необходимо сказать, что сейчас (в период с 2011 по 2014 гг.) орфографические тропы в смс-сообщениях встречаются реже, чем в период с 2005 по 2007 гг., когда, по свидетельствам активных пользователей смс-канала, «все шпарили на албанском» («албанский язык» — неофициальное название этого письменного феномена).

Многочисленны в смс-сообщениях неправильные с точки зрения норм кодифицированного литературного языка (КЛЯ) написания в сфере слитных, дефисных и раздельных написаний. Чаще всего нарушения в этой области присутствуют в тех зонах, в которых компоненты должны передавать одно фонетическое слово. Приведём примеры смс-сообщений, демонстрирующих особенности смс-орфографии в области раздельного, полуслитного и слитного написания слов и их частей:

«Это новенькая какая-т штоле?»

«ты уже уснула штоле?»

«я ваще вшоке!!!»

«Идико ты в пень».

«чёртзнаетчто там будет»

Фразеологические обороты могут оформляться в смс-переписке как одно слово, слитно («чёртзнаетчто там будет»).

В русскоязычной смс-коммуникации как разновидности современной ЕПР в качестве особых лингвистических единиц употребляются сложные образования, которые сами смс-коммуниканты определяют словом «хэштег». Пример диалогического смс-единства с хэштегом:

— *у тебя парень есть сейчас?*

— *нет. и мне не нужен парень. мужаищумужа.*

Сочетание *мужаищумужа* в качестве характеристики семейного статуса женщины представляет собой пример этого нового лингвистического явления, которое очень часто встречается в электронно-опосредованной непринуждённой переписке. Хэштеговые единицы выступают в смс-коммуникации в ряду других значимых единиц, а потому раскрытие их специфики требует чёткого отграничения хэштегов, с одной стороны, от свободных словосочетаний, а с другой — от фразеологизмов. Сразу отметим, что различаются структурные типы хэштегов. Существуют хэштеговые единицы, которые по структуре соответствуют предложению. Иногда встречаются хэштеги, по объёму совпадающие с одним словом. Самыми распространёнными являются хэштеги, по структуре соответствующие словосочетанию. Хэштеги всех структурных типов пишутся слитно. Все хэштеги (в том числе те, которые по структуре и по значению не соответствуют предложению) в речи выступают как самостоятельные коммуникативные единицы, а не как члены предложения. В рамках определённого смс-контекста или конситуации они выступают как достаточные сообщающие единицы.

Как и фразеологизмы, хэштеги состоят из компонентов словного характера и обладают при этом цельностью значения. В отличие от фразеологических оборотов, хэштеговые единицы не обладают таким качеством, как воспроизводимость. Хэштеги не являются готовыми целостными единицами — эти сочетания создаются непосредственно в процессе спонтанной письменной речи.

В отличие от компонентов фразеологических оборотов, компоненты хэштегов пишутся слитно. Эта формальная особенность отличает хэштеги и от фразеологизмов, и от свободных словосочетаний. Кроме того,

хэштегу должен предшествовать знак # (маркер хэштега). В идеале запись хэштегом должна выглядеть так: # *мужайщумужа*.

Хэштеги зародились в интернете. Изначально записи хэштегом были предназначены для того, чтобы создавать гипертекст в сети интернет: слово или выражение (чаще выражение), записанное хэштегом, превращалось в ссылку, по которой в глобальной сети можно было перейти к другим документам, содержащим это же слово или выражение. Такова была первоначальная функция хэштегов. Позднее эти единицы стали употребляться и в тех жанрах ЕПР, которые не являются интернет-опосредованными, в частности, в смс-переписке. Здесь хэштеги перестали быть средством формирования ссылок: они превратились в особые лингвистические единицы смс-речи, обладающие своей семантикой и своеобразной формой. В смс-речи хэштеги выступают в ряду других значимых единиц.

Основным критерием для отграничения хэштега от свободных словосочетаний и обычных предложений является характер соотношения хэштеговых единиц с действительностью. Хэштеги являются цельными номинациями усложнённых явлений действительности (пример — единица *мужайщумужа* как ответ на вопрос *у тебя есть парень?*). Хэштеги пишут слитно именно для того, чтобы подчеркнуть их номинативную цельность. Эта номинативная цельность сближает хэштег с фразеологизмами, но, как уже отмечалось, хэштег — это не воспроизводимая готовая единица, а единица, творимая в процессе письменной естественной речи. В то же время хэштег, подобно фразеологическому обороту, состоит из компонентов, тесно связанных между собой подобно частям одного целого.

Значения хэштегов отличаются от значений фразеологизмов. Н.М. Шанский отмечает, что для фразеологизмов «характерно собственное значение, независимое от значений составляющих их компонентов» [20; с. 22]. Что касается хэштегов, то их значения непосредственным образом обусловлены семантикой компонентов, входящих в их состав. В этом плане хэштег подобен свободному сочетанию слов. От свободного сочетания слов его отличает степень семантической слитности компонентов. В семантическом плане хэштег — это единое целое.

Важным отличием хэштегов от фразеологизмов является следующее свойство: фразеологизмы представляют собой единицы языка как системы; хэштеги не являются единицами языковой системы — они представляют собой факты индивидуальной речевой деятельности отдельных пользователей смс-канала или сети интернет. Сами интернет- и смс-пользователи так характеризуют смысл этого явления: «Хэштег — это слово или целая фраза, которому предшествует знак #. «Волшебная» решеточка превращает слово или фразу в ссылку. Зачем нужны хэштеги? Это же очевидно — чтобы выпендриваться. Понимаете, вы же всего лишь ставите решётку перед фразой, а ощущение такое, как будто бы вы со-

здали что-то новое, великое. Раньше можно было написать: «Плохая погода». «Плохая погода», — ну и что? Погода часто бывает плохой, нового мы ничего не узнали. А теперь лишь добавим к этой фразе стильную решеточку (# *Плохаяпогода*) — и вот перед нами уже фактически массовое движение людей, которые критично относятся к метеорологической ситуации в стране. Во фразе сразу появляется энергия, движение, глубина, жизнь! Создать свой хэштег может каждый» [19; Электронный ресурс]. Таким образом, хэштег обладает смысловой двуплановостью: смысл хэштега двоятся на конкретно-обстоятельную и глубинно-субстанциональную стороны. При этом важно понимать, что хэштег может реализовываться в одной из двух «тональностей»: либо в серьёзной, либо в шутовой. В связи с этим субстанциональную глубину некоторых хэштегов нужно воспринимать с определённой долей чувства юмора.

Смысловая двуплановость хэштега — это то его определяющее качество, которое позволяет отграничить хэштег от других лингвистических единиц, с которыми он может быть сопоставлен в рамках ЕПР в тех или иных аспектах.

Отметим, что иногда в хэштег могут превращаться даже сами фразеологизмы: # *Печальбеда*. Такие единицы также обладают смысловой двуплановостью. В условиях определённой конситуации или лингвистического контекста смс-общения они выполняют самостоятельную коммуникативную функцию.

Нужно отметить, что некоторые хэштеги, используемые в сети интернет, получают значительную популярность и из фактов индивидуальной речевой деятельности отдельных коммуникантов превращаются в единицы массовой интернет-речи и на правах слов входят в списки самых часто упоминаемых слов в «Твиттере» и других социальных сетях. Такого рода хэштеги, в отличие от большинства других, обладают воспроизводимостью: они не создаются в процессе ЕПР, а воспроизводятся как уже существующие целостные единицы. Но даже такие хэштеги трудно назвать полноценными единицами русского языка как системы: во-первых, в своём употреблении они ограничиваются исключительно сферой электронно-опосредованных коммуникаций; во-вторых, хэштеги обычно появляются на очень недолгое время, быстро выходят из употребления, и затем прочно забываются, сменяясь новыми удачными и/или остроумными хэштегами. Хотя не исключено, что в будущем некоторые хэштеги могут стать фактами русской языковой системы.

Итак, в русскоязычной смс-переписке наблюдаются систематические нарушения правил русской орфографии в области слитных, полуслитных и раздельных написаний. Нарушения наблюдаются преимущественно в тех зонах, в которых компоненты передают одно фонетическое слово. Цельнооформленными могут быть фразеологические обороты. Как особое семантико-орфографическое явление можно выделить хэштег, который активно используется во многих жанрах непринуждённого элек-

тронно-опосредованного письменного общения, в том числе и в смс-коммуникации. Хэштег является специфическим семантико-орфографическим средством современной естественной письменной речи. В других речевых сферах (в том числе в устной естественной речи) это явление не имеет аналогов.

Особого внимания заслуживают особенности графического сокращения слов и целых выражений в смс-переписке.

В смс-переписке используются такие приёмы компрессии, как консонантное письмо («выдёргивание» тех букв, которые обозначают согласные, например: *пзв* вместо *позвоню*), фонетическое письмо (*купаца* короче, чем *купаться*), логографические символы (*смоЗ* короче, чем *смотри*), аббревиатуры, усечения [2, с. 90–102].

Консонантное письмо является очень эффективным средством экономии пространства смс-сообщений. Обычно этот приём комбинируется с усечением. Приведём пример диалогического смс-единства, в котором используется эта техника:

— *завтра неделя как он не выходил вк* [в контакт — социальную сеть в интернете — прим.] *и на смс не отвечает* ((

— *я волнуюсь* ((

— *позвони ему же.*

— *думаешь? Подожду до вечера тогда и пз*

— *потому что отчет о доставке пришел*

— *просто вдруг у него всё збс, а я тут панику развожу*

— *ну, тогда звони сейчас прямо.*

— *но вечером стопроц пз если не ответит*

— *ок.*

Консонантное письмо используется в тех случаях, когда в смс-сообщениях есть нелитературные элементы:

«*завести ребёнка потому, что так надо — это ппц*»

В подобных случаях этот приём выступает как средство эвфемизации.

В смс-коммуникации используется такой приём компрессии, как усечение. Обычно усекается конец слова (*нра — нравишься, бу — буду*), но иногда встречаются и случаи аферезиса, когда усекаются начальные элементы слова:

«*Это пока не известно, он его разобрал, спиртом протирал, там всё позалипало внутри, теперь бук* [т.е. **ноутбук** — прим.] *будет сохнуть до понедельника, в пн скажет ответ*»

В связи с присутствием в русской смс-речи всех этих специфических явлений (консонантного письма, логограмм, аббревиации, усечений и т.п.) некоторые лингвисты говорят о существовании т.н. русского «смс-подъязыка» [2, с. 83]. Как показало проведённое нами исследование, консонантное письмо, аббревиация, логографические символы действительно используются в русскоязычной смс-переписке, но намного реже, чем, например, в англоязычной смс-коммуникации. Отметим,

что существование английского смс-подъязыка (текстинга) — доказанный научный факт [2]. Говорить о существовании особого **русского** смс-подъязыка (русского «текстинга») пока слишком преждевременно. В русскоязычной смс-коммуникации используются преимущественно те лингвистические средства, которые присутствуют и в других жанрах современной естественной письменной русской речи, в частности электронно-опосредованной. Дело в том, что в англоязычной смс-коммуникации с помощью таких средств, как консонантное письмо, логограммы, аббревиация записываются не просто отдельные слова, но целые смс-высказывания. В русскоязычной смс-переписке этого пока не наблюдается.

Как средство сжатия текстов смс-коммуниканты активно используют элиминацию пробелов и знаков препинания. Элиминация знаков препинания является характерной пунктуационной особенностью русскоязычных смс-сообщений. Примеры смс-сообщений с использованием этого приёма:

«*про учительницу которая расстреляла класс*»

«*как поспал братишка?*»

«*надо будет заняться как время появится.*»

«*если быть честным то тема и тогда уже надоела, и сейчас когда её просматриваю, чувствую что переболел этим.*»

Нередко смс-коммуниканты между частями полипредикативных высказываний (ППВ) вместо запятых ставят точки. Точка — намного более удобный, чем запятая, знак препинания с точки зрения степени сложности его набора с помощью «клавиатуры» мобильного телефона (для того, чтобы поставить в смс-сообщении запятую, необходимо произвести большее количество нажатий). Наличие точек внутри ППВ в таких случаях не делает ППВ совокупностью нескольких простых предложений. Точки вместо запятых ставятся лишь из-за нежелания отправителя смс-сообщения лишний раз нажимать кнопки мобильного телефона. Пример ППВ с точками между предикативными частями:

«*кстати мне сегодня приснился кот. но не мой покойный. а какой-то серый котёнок. которого мне подкинули, как того мопса, что приснился мне недавно*»

«*а я было подумал. что тебе всё равно*»

Очевидно, что в данных случаях перед нами ППВ, о чём свидетельствуют союзные средства связи между предикативными частями высказываний и смысловые отношения между ними. Точки поставлены внутри ППВ лишь для того, чтобы избежать «трудного» с точки зрения его набора пунктуационного знака «*.,*». Это явление, характерное для непринуждённой письменной электронно-опосредованной речи, мы назвали псевдопарцелляцией (или псевдодислокацией).

В смс-сообщениях часто не соблюдаются правила употребления прописных (больших) и строчных (малых) букв. Вместо прописных букв смс-коммуниканты предпочитают писать строчные в целях экономии времени набора смс-сообщений.

Правила переноса слов с одной строки на другую в смс-сообщениях не соблюдаются. Обрыв слова и перенос его на другую строку происходит автоматически без соблюдения правил орфографии и без маркера переноса (без знака «-») с целью сэкономить пространство смс-сообщения и время набора текста.

Стремление смс-коммуникантов экономить речевые усилия и пространство сообщений, как можно сильнее сжимать тексты, нарушая при этом правила орфографии и пунктуации, отмечают все исследователи смс-коммуникации. Е.Ю. Венедиктова называет эти черты чертами устности в смс-дискурсе [2, с. 83–105]. В связи с этим лингвистический статус смс-речи (речи с графической основой) определяется термином «устно-письменная речь» [2, с. 70]. Такая точка зрения является сейчас общепринятой. Мы не можем согласиться с этой концепцией, поскольку сильная компрессия и деформация слоговой структуры слов характерны далеко не для всякой устной речи, а лишь для такой, которая обнаруживается в условиях непринуждённого неофициального межличностного общения. Склонность коммуникантов значительно редуцировать и деформировать сегментный ряд правомерно считать чертой естественной (непринуждённой, повседневной) речи, а не чертой устной речи. Для многих жанров устной речи (в частности публичной, официальной) это явление не характерно. Для устной публичной речи, напротив, характерно использование того стиля произношения, который Л.В. Щерба назвал «полным стилем произношения» (с чёткой артикуляцией) [21, с. 21–25]. Проблема многих современных лингвистов-исследователей электронного коммуникативного пространства заключается в том, что они не разделяют, смешивают такие понятия, как «устная речь» и «непринуждённая речь» (т.е. естественная, повседневная, разговорная). Что же касается черт собственно устности, то к ним правомерно отнести использование аудиального канала как основного канала передачи информации, а так же использование в качестве дополнительных средств общения возможностей человеческого голоса (громкости, темпа, тембра, агогики и т.д.). В смс-коммуникации аудиальный канал и возможности человеческого голоса не используются, а потому говорить о том, что в смс-дискурсе присутствуют черты устности, нельзя. Нельзя так же употреблять как синонимы такие термины, как «устная речь» и «разговорная речь». Не всякая устная речь является разговорной: существуют жанры устной речи, в основе которых лежат средства и нормы кодифицированного литературного языка (такая речь является объектом изучения риторики). Термины «устная речь» и «разговорная речь» в отечественном языкознании чётко разграничил ещё 1965 году В.Г. Костомаров в работе «О разграничении терминов «устный» и «разговорный», «письменный» и «книжный» [9]. Эти понятия принципиально разделяли также выдающиеся отечественные лингвисты Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Е.Н. Ширяев [5]. Этот мировой лингвистический опыт необходимо учитывать при попытках определить

лингвистический статус речи электронно-опосредованного коммуникативного пространства (в частности смс-речи).

Наблюдения в области орфографического и пунктуационного устройства русскоязычной непринуждённой электронно-опосредованной переписки показывают, что в сфере естественной письменной речи формируется и активно развивается неполный стиль написания, или т.н. «аллегровое письмо». Сам термин «неполный стиль написания» мы перенесли из области фонетики, преобразовав термин «неполный стиль произношения» Л.В. Щербы. Проблему наблюдающегося формирования на базе смс-коммуникации неполного стиля написания мы уже затрагивали в работе [16, с. 172–177].

Как известно, в устной речи существуют разные стили произношения. Л.В. Щерба писал в связи с этим: «Вопрос о разных стилях произношения не является новым в фонетике: П. Пасси в своей классической книжечке «*Les sons du français*», вышедшей недавно в 7-м издании (первое издание в 1887 г.), различает следующие стили: *pronunciation familiere rapide, pronunciation familiere ralentie, pronunciation soignée, pronunciation tres soignée*. Два примера из русского языка помогут понять, в чём тут дело: *здравствуйте* и *здрaсте, человек* и *чек, говорит* и *грит* принадлежат, очевидно, разным стилям произношения (в немецкой лингвистике эти дублеты известны под именем *Lento-* и *Allegroformen*). Внимательное наблюдение показывает, что это лишь крайние случаи и на самом деле существует бесконечное множество переходных нюансов, и что полные формы в сущности в *обычной* речи никогда не употребляются» [21, с. 21]. Существование полного и неполного стилей произношения (и не только в русской речи) — общеизвестный научный факт. В устной речи существуют разные стили произношения, обслуживающие разные сферы общения: неполный стиль произношения используется в речи «обычной» [21, с. 21], т.е. повседневной, неофициальной. Полный стиль произношения используется в речи публичной, официальной [21, с. 21]. В письменной речи, соответственно, должны существовать разные стили написания. И они действительно существуют, как показывают многочисленные современные исследования в области электронно-опосредованной переписки. Бесспорно, неполный стиль написания, используемый во многих жанрах неофициального межличностного письменного общения, раздражает и возмущает многих грамотных носителей русского языка, но наука не может не признать объективно существующий в повседневной письменной речи способ написания, для которого характерны письмо по фонетическому принципу, «игра с буквой», усечения, элиминация пробелов и знаков препинания, псевдопарцелляция, хэштег и др. Этот стиль мы определяем как «аллегровое письмо» (по аналогии с «аллеговым произношением» [21, с. 21–25]). Мы ни в коем случае не хотим давать каких-либо эмоциональных оценок этому явлению; мы говорим лишь о том, что такой способ написания реально существует, о чём свидетельствует огромное количество фактического материала — текстов

современной естественной письменной речи. Неполный стиль написания — это лингвистическая реальность, такая же, как и неполный стиль произношения. Кроме того, современные требования функционального подхода и «уважения к коммуникантам» [10, с. 4–10] требуют исследовать не только те письменные тексты, в основе которых лежит кодифицированный литературный язык, но и те тексты, которые являются результатами естественной (непринуждённой, повседневной) русской речи и нормам КЛЯ не соответствуют.

Наблюдения в области орфографических и пунктуационных особенностей русскоязычной смс-коммуникации позволяют дать следующее определение термину «неполный стиль написания». Под неполным стилем написания мы понимаем такой способ написания, для которого характерны нарушения норм орфографии в области слитных, дефисных и раздельных написаний, в области переноса слов с одной строки на другую, в области употребления больших (прописных) и малых (строчных) букв, усечения слов, разные виды орфографических тропов, использование логографических символов, консонантное письмо, фонетическое письмо, аббревиация (типа *лол*), элиминация знаков препинания, псевдопарцелляция, хэштег. Все эти средства используются в условиях непринуждённого неофициального межличностного письменного общения (не только в смс-переписке, но и в других жанрах неофициального письменного общения). Нормой неполного стиля написания являются искажение идеального орфографического облика слов и пренебрежение правилами пунктуации:

«поло. божк. пора уже словарь опечаток издавать».

«какаянеприятность»

«ну бывает, чё»

«ты как настя»

«шо?»

«какого утра? Вылезь из окопа, уже вечер»

«вчера таксист посоветовал некого клизовского почитать. тоже что то про жизнь и смерть».

«Щас посмотрю».

«он нинормальный»

«Иzza мужа что ли?»

«вы забыли обняцца»)))»

Аллегровое письмо используется только при неофициальной переписке. В условиях официальной письменной коммуникации такой способ написания никогда не используется.

Неполному стилю написания (аллеговому письму) противостоит полный стиль, для которого характерны написания, соответствующие правилам всех пяти разделов русской орфографии. Полный и неполный стили написания отличаются друг от друга с экстралингвистической точки зрения (т.е. условиями их употребления), и с собственно лингвистической точки зрения. Этими двумя стилями написания пользуются многие носители русского языка в зависимости от условий коммуникации (официальных/непринуждённых).

Наблюдения над орфографическим и пунктуационным устройством русскоязычных смс-сообщений показывают, что в жанровом пространстве смс-переписки доминируют черты естественной и письменной речи. Лингвистический статус непринуждённой электронно-опосредованной переписки правомерно определять термином «естественная письменная речь». Использовать для определения лингвистического статуса смс-речи общепринятую номинацию «устно-письменная речь» неправомерно. В смс-переписке нет черт устности, в ней есть: а) черты естественной (непринуждённой) речи; б) черты письменной речи. Подробнее вопрос о лингвистическом статусе электронно-опосредованной речи раскрыт в нашей работе «Смс-коммуникация как жанр «естественной» письменной речи» [17, с. 146–152].

Разделы русской орфографии мы перечислили в соответствии с источником [6, с. 77].

Литература:

1. Булохов, В. Я. Экспрессивная орфография: Учебно-методическое пособие/В. Я. Булохов. — Красноярск: РИО КГПУ, 2001. — 70 с.
2. Венедиктова, Ю. Е. СМС-сообщения: опыт типологического исследования (на материале английского и русского языков): дис. ... кандидата филол. наук: 10.02.20./Венедиктова Ю. Е. — М.; 2011. — 217 с.
3. Горошко, Е. И. Интернет-коммуникация: настоящее и будущее // О некоторых чертах цивилизации будущего. Научное издание по материалам Международного Форума к 90-летию со дня рождения академика РАН Н. Н. Моисеева/Под ред. А. Т. Никитина и С. А. Степанова. — Москва, 2008. — 502 с.
4. Горошко, Е. И. Современные Интернет-коммуникации: структура и основные характеристики [Электронный ресурс] // Интернет-коммуникация как новая речевая формация/Е. И. Горошко. — М., 2012. — 323 с. — Режим доступа к документу: <http://www.textology.ru/article.aspx?aId=232>
5. Земская, Е. А. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис/Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев: ответственный редактор Е. А. Земская. — Москва: Наука, 1981. — 276 с.
6. Иванова, В. Ф. Современная русская орфография/В. Ф. Иванова. — М.: «Высшая школа», 1991. — 192 с.
7. Колокольцева, Т. Н. Интернет-коммуникация как зеркало основных тенденций развития и функционирования русского языка [Электронный ресурс]/Т. Н. Колокольцева // Электронный научно-обозреваемый журнал ВГПУ «Грани познания». — 2011. — № 4 (14). — Режим доступа к документу: www.grani.vspu.ru

8. Компанцева, Л. Ф. Интернет-лингвистика: когнитивно-прагматический и лингвокультурологический подходы/Л. Ф. Компанцева. — Луганск: Знание, 2008. — 528 с.
9. Костомаров, В. Г. О разграничении терминов «устный» и «разговорный», «письменный» и «книжный» // Проблемы современной филологии/Редкол.: М. Б. Храпченко (гл. ред.), В. И. Борковский, В. Д. Левин, Д. С. Лихачёв, И. Ф. Протченко, А. Н. Робинсон. — М., 1965. — 475 с.
10. Лебедева, Н. Б. Естественная письменная русская речь как объект лингвистического исследования [Электронный ресурс]/Н. Б. Лебедева // Вестник БГПУ. — 2001. — №2. — с. 4–10. — Режим доступа к документу: <http://www.uni-altai.ru/Journal/vestbspu/2001/gumanit/PDF/lebedeva.pdf>
11. Леонтьева, А. В. Особенности компрессии средств выражения информации в современном языке: на материале электронного дискурса: дис. ... кандидата филол. наук: 10.02.19/А. В. Леонтьева. — М., 2009. — 173 с.
12. Литневская, Е. И. «Антиорфография» как лингвистический феномен и как письменная речевая субкультура [Электронный ресурс]/Е. И. Литневская // Ярославский педагогический вестник. — 2010. — №4. — Режим доступа к документу: http://vestnik.yspu.org/releases/2010_4g/42.pdf
13. Лутовинова, О. В. Интернет как новая «устно-письменная» система коммуникации // О. В. Лутовинова/Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена: общественные и гуманитарные науки (философия, языкознание, литературоведение, культурология, экономика, право, история, социология, педагогика, психология). — 2008. №11. — с. 58–65.
14. Лысенко, С. А. Взаимодействие устной и письменной формы существования языка в Интернет-коммуникации: автореф. дис. на соискание науч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.19 «Теория языка»/С. А. Лысенко. — Воронеж, 2010. — 24 с.
15. Сорокина, Т. А. Специфика реализации речи в Интернет-пространстве/Т. А. Сорокина // Известия САМНЦ РАН, Вып.: Педагогика и психология, Филология и искусствоведение. — 2009 (1). — №3. — с. 51–57.
16. Тесленко, О. А. Графико-фонетические особенности русскоязычной смс-коммуникации/О. А. Тесленко // Наукові записки Кіровоградського державного педагогічного університету імені Володимира Винниченка. — 2013. — Випуск 119. — Серія: Філологічні науки (мовознавство). — с. 172–177.
17. Тесленко, О. А. Смс-переписка как жанр «естественной» русской речи/О. А. Тесленко // Лінгвістичні студії. Міжнародний збірник наукових праць Донецького національного університету. — 2014. — Випуск 28. — с. 146–152.
18. Трофимова, Г. Н. Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты: дис. ... доктора филол. наук: 10.02.01 «Русский язык»/Г. Н. Трофимова. — М. — 509 с.
19. Уроки твиттера. Хэштеги и фейки [Электронный ресурс]/Режим доступа к документу: <http://уря.рф/%D1%85%D1%8D%D1%88%D1%82%D0%B5%D0%B3>
20. Шанский, Н. М. Лексика и фразеология современного русского языка/Н. М. Шанский. — М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1957. — 168 с.
21. Щерба, Л. В. О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом составе слов // Избранные работы по русскому языку/Л. В. Щерба. — М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1957. — с. 21–25.
22. Щипицина, Л. Ю. Комплексная лингвистическая характеристика компьютерно-опосредованной коммуникации [Электронный ресурс]: автореф. дис. на соискание уч. степени доктора филол. наук: спец. 10.02.04 «Германские языки»/Л. Ю. Щипицина. — Воронеж, 2011. — 40 с. — Режим доступа к документу: <http://cheloveknauka.com/kompleksnaya-lingvisticheskaya-harakteristika-kompyuterno-oposredovannoy-kommunikatsii>

Особенности студенческого жаргона

Тлеужанова Асель Кенесхановна, студент

Восточно-Казахстанский государственный технический университет им. Д. Серикбаева (г. Усть-Каменогорск)

Тема моей работы молодежный жаргон, его история и развитие. В наши дни как никогда актуальна проблема молодежного жаргона. Язык постоянно развивается, пополняется новыми словами. Актуальность проблемы изучения молодежного жаргона заключается в том, что молодежный сленг — один из составляющих процесса развития

языка, его пополнения, его многообразия. С течением времени ускоряется темп жизни. Соответственно, растет словарный запас, ведь каждому новому понятию должно соответствовать, как минимум, одно слово и соответственно расширяется словарь жаргона. Что такое жаргон? Жаргон (фр. jargon) — социолект; отличается от обще-

разговорного языка специфической лексикой и фразеологией, экспрессивностью оборотов и особым использованием словообразовательных средств, но не обладающий собственной фонетической и грамматической системой [1; 104–120]. Часть жаргонной лексики — принадлежность не одной, а многих (в том числе и уже исчезнувших) социальных групп. Лексика жаргона строится на базе литературного языка путём переосмысления, метафоризации, переоформления, звукового усечения и т. п., а также ак-

тивного усвоения иноязычных слов и морфем. Например: крутой — «модный», «деловой», хата — «квартира», баксы — «доллары», тачка — «автомобиль», рвануть — «пойти», баскет — «баскетбол», чувак — «парень» (из цыганского языка). В современном языке жаргон получил широкое распространение, особенно в языке молодёжи. Социальный жаргон впервые возник в XVIII веке у дворян («салонный» жаргон; пример: «плезир» — удовольствие). [2; 88–90]

Понятие	50-е	60-е	70-е	80-е	90-е	2000-е	2008-е
Юноша	парень	Мэн, пипл, кадр	Чувак, кекс	Персонаж, мужик, штрих	Перец, пацан	Крендель, чел	Падонак
Девушка	Дефка	Герла, коза	Чувиха, матрена	Мочалка, баба	Телка, цыпа	чикса	Пелотка
Родители	Папа и мама	пэренты	старики	предки	шнурки	черепа	Родаки
Деньги	филки	лавэ	хрусты	мани	Бабки, баксы	бабло	Лавандос
Дискоотека	Буги-вуги	голотека	Танцы-шманцы	диско	Туса, тусняк	танцпол	клубняк

Источник: [3]

Виды жаргонов:

Военный жаргон, журналистский жаргон, компьютерный сленг, игровой жаргон, сетевой жаргон, молодежный сленг и др. Лексика студентов тесно связана с процессом учебы. Так, например, в студенческий жаргон входят такие слова, как конса — «консерватория», сти-пуха, стипа — «стипендия», шпоры — «шпаргалки», выплюнуть — «отчислить из высшего учебного заведения», вышка — «высшая математика» (из собственной картотеки автора). Каждый из видов молодежных жаргонов не является замкнутой системой: наблюдается взаимопроникновение их элементов.

Молодежное слово, используемое в другой разговорной среде, нередко превращается и в грубость. Мы очень встревожены тем, что в последнее время в молодежном жаргоне появилось множество арготизмов уголовников. Вот некоторые из них: газовать — «употреблять спиртные напитки», гасить — «бить до потери

сознания», зек — «солдат, отбывающий наказание на гауптвахте», курковка — «тайник». Здесь, несомненно, влияние уголовной субкультуры, романтизация жизни преступного мира.

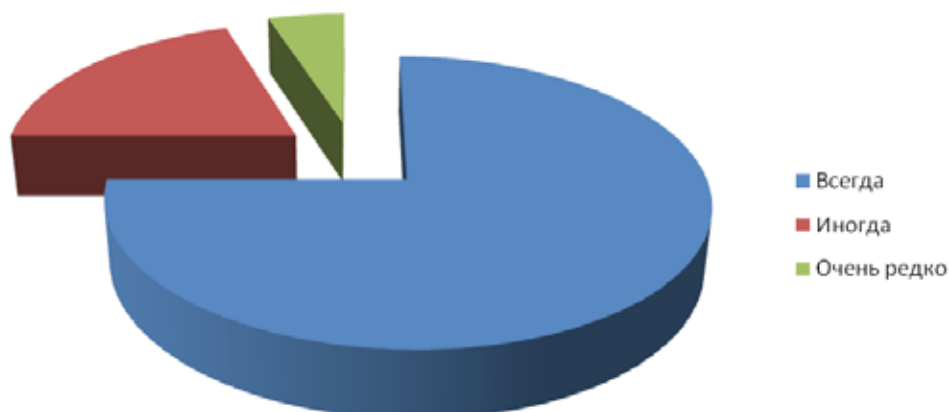
Причин использования жаргонных слов молодёжью много. Это, во-первых, желание отделиться от старших, говорить со сверстниками на «своём языке». Юношей и девушек отчасти привлекает к жаргонированию выраженное в слове пренебрежение к случаю, опасности, смерти (например, засыпаться — «не сдать экзамен, зачёт», погореть — «попасться при совершении плохого поступка», жмурик — «покойник»). Молодежь привлекает в жаргонизмах звучание эмоционально-экспрессивная окраска (например, чувырла — «некрасивая девушка», варежка — «рот», кент — «друг») [2:91–93]. Одну из причин употребления жаргонизмов подметил академик Д. С. Лихачёв: «Ещё старые названия арго ... подчёркивают, — пишет он. — юмористический, шуточный его характер. Сленг в редких случаях бывает жестоким в намекающих суждениях. Он с улыбкой ставит вещи на их собственные места». [4: 70] Действительно, молодежный жаргон богат смешными словами (например, копыта — «ноги», филолух — «студент филологического факультета»). СМИ способствуют как появлению диалектизмов в языке городской молодёжи, так и употреблению сельскими юношами и девушками «модных» словечек города. Молодежный жаргон — явление сложное, многоплановое, нуждающееся в глубоком изучении. Известный исследователь социальных диалектов Б. А. Ларин писал в 1928 г.: «Если картографически представить лингвистическую разработку, например, современной Европы, то самыми поразительными пробелами оказались бы в ней не отдаленные неприступные уголки, а именно большие города». [5:

61] Это высказывание актуально и в наши дни. При изучении молодёжного жаргона надо учитывать его текучесть, быструю сменяемость. Так, поколение молодёжи начала 90-х гг. не до конца поймёт речь молодых людей 2000-х. До сих пор в речи используют и старые жаргоны, например, в общемолодёжном жаргоне используются: общага — «общежитие», метёлка — «девушка», прикинуть — «представить». Современная молодёжь, наряду с общеизвестными жаргонизмами туса, тусня, тусовка, употребляет также и собирушка, сборник — «сбор молодёжи для совместного времяпрепровождения». И слова тусоваться, тусануться также до сих пор в ходу у нынешней молодёжи. Появилось много новых жаргонов: хипхоперов (от хип-хоп — модное направление в музыке), компьютерщиков, музыкантов, играющих на улице.

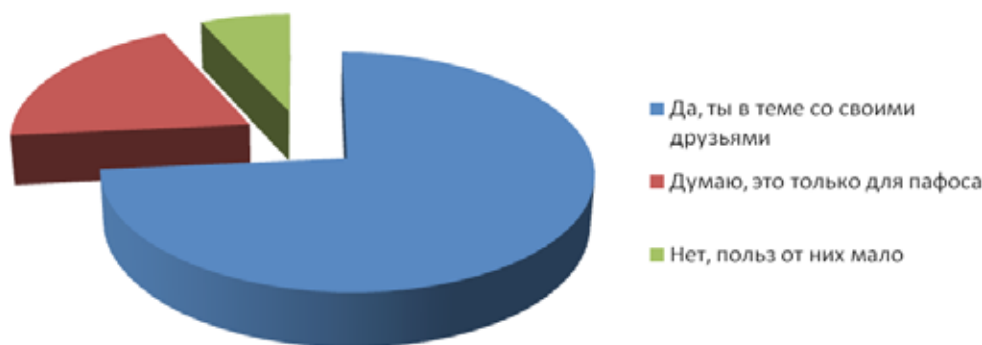
В заключение, хотелось сказать, студенческий жаргон — своеобразный язык, распространённый среди учащихся ВУЗов. Встречаются и целые студенческие жаргонные выражения, как, например, забить на пару, что значит — прогулять занятие. В каждом университете могут быть приняты свои устойчивые выражения (студенческий жаргон), которые передаются от старших курсов младшим. Надо отметить, что использование студенческих или молодёжных жаргонов имеет и отрицательные стороны: если нет ограничения в употреблении жаргонов, то она может сместить нормативную лексику, умение правильно говорить и общаться, доказывать свое мнение и так же донести суть своих мыслей слушателю.

В ходе исследования я провела анкетирование среди 20 студентов разных возрастов (18–21 лет). Я составила несколько вопросов, итог подведен в диаграммах.

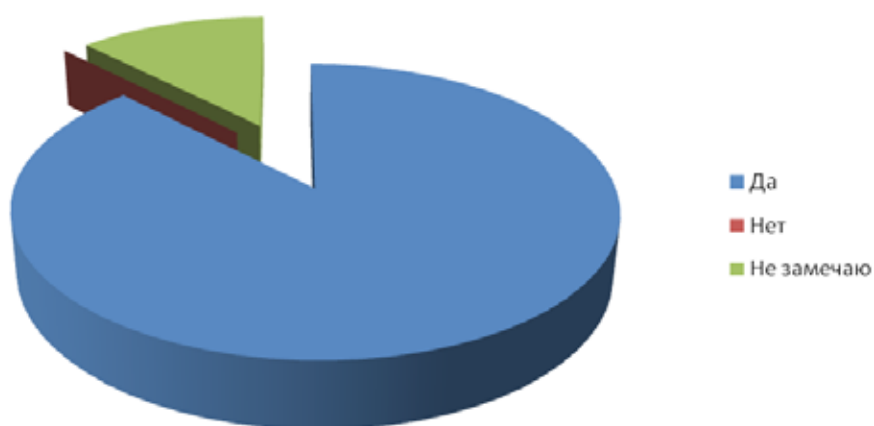
Как часто используете жаргоны в своей речи?

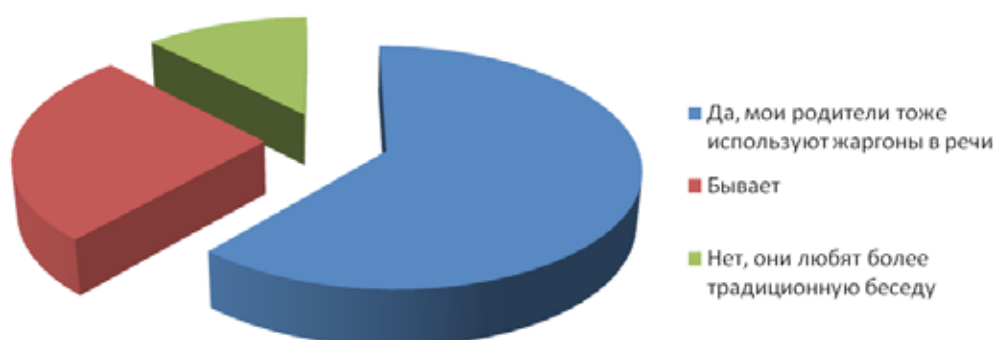
Есть ли польза от жаргонных слов?

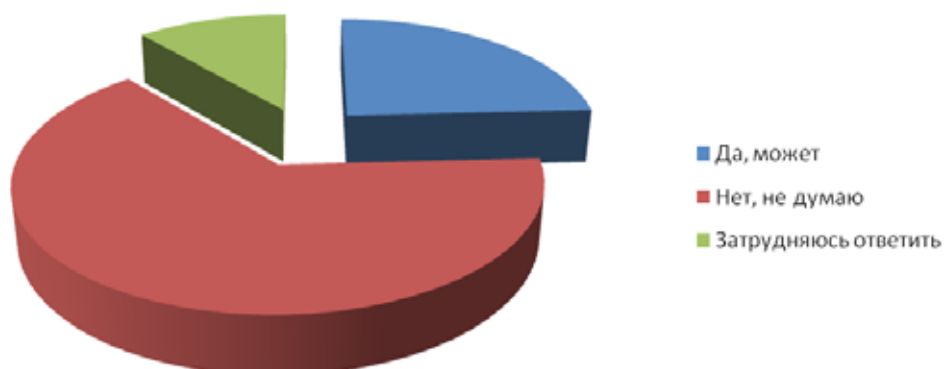
Есть ли у Вас привычка использовать жаргоны "короче" или "типа"?

Используете ли Вы жаргоны в беседе со своими родителями?

Считаете ли Вы, что жаргон может в ближайшее время сместить нормативную лексику на второй план?

Итогом для меня стал лишь доказательством, что сегодняшняя молодежь использует различные жаргоны в своей речи, и некоторые из них имеют привычки в использовании жаргонных слов, не замечая сами этого.

Приложение 1

Анкета

— Как часто используете жаргоны в своей речи?

- a. Всегда
- b. Иногда
- c. Очень редко

— Есть ли польза от жаргонных слов?

- a. Да, ты в теме со своими друзьями
- b. Думаю, это только для пафоса
- c. Нет, пользы от них мало

— Есть ли у Вас привычка использовать жаргоны или «короче «типа»?

- a. Да
- b. Нет
- c. Не замечаю

— Используете ли Вы жаргоны в беседе со своими родителями?

- a. Да, мои родители тоже используют жаргоны в речи
- b. Бывает
- c. Нет, они любят более традиционную беседу

— Считаете ли Вы, что жаргон может в ближайшее время сместить нормативную лексику на второй план?

- d. Да, может
- e. Нет, не думаю
- f. Затрудняюсь ответить

Литература:

1. Борисова, Е. Г., Лукашенец О лексике современного молодежного жаргона: Англоязычные заимствования в студенческом сленге 60–70 — х годов // Литературная норма в лексике и фразеологии. — Москва, 1983. — с. 104–120.
2. Первухина, Е. Молодежный жаргон 90-х годов // Живое слово Русского Севера. — Архангельск, 1998. — с. 88–93
3. Источник: <http://vgil.ru/2011/02/06/sleng-vremena-i-nravyi/>
4. Лихачев, Д. С. Черты первобытного примитивизма воровской речи // Язык и мышление. — Москва, 1935. — с. 70
5. Ларин, Б. А. О лингвистическом изучении города // Русская речь. — 1928. — с. 61

Подгруппа «радость» в лексико-семантической системе слов, называющих эмоции, в дневнике Ф. Г. Раневской «Дневник на клочках»

Тюкина Анна Игоревна, соискатель

Удмуртский государственный университет (г. Ижевск)

Названия эмоций — это слова, и они существуют как единицы лексико-семантической системы языка — системы лексики данного языка, состоящей из множества элементов, находящихся в закономерных отношениях и образующих целостность. Эти элементы связаны отношениями тождества, сходства, противоположности, включения и др. Каждая единица включается в определенные поля, которые представляют множество, единицы которых взаимосвязаны между собой и взаимодействуют с единицами других полей.

Л. М. Васильев в работе «Современная лингвистическая семантика» пишет: «Семантическими полями принято считать и семантические классы (группы) слов какой-либо одной части речи, и семантически соотносительные классы (группы) слов разных частей речи, и лексико-грамматические (функционально-семантические) поля, и парадигмы синтаксических конструкций, связанных трансформационными (деривационными) отношениями, и различные типы семантико-синтаксических син-

тагм, которые объединяет то, что все они имеют в своей основе ту или иную семантическую категорию или категориальную ситуацию» [2, с. 38].

Семантический признак, лежащий в основе семантического поля, может также рассматриваться как некоторая понятийная категория, так или иначе соотносящаяся с окружающей человека действительностью и с его опытом. Семантическое поле воспринимается носителями языка как некоторое самостоятельное объединение, соотносимое с той или иной областью человеческого опыта, т. е. психологически реальное [11, с. 151].

Наиболее простая разновидность семантического поля — поле парадигматического типа, единицами которого являются лексемы, принадлежащие к одной части речи и объединенные общей категориальной семой в значении. Такие поля нередко также именуются семантическими классами или лексико-семантическими группами.

Лексико-семантическая группа слов — это обширная организация слов, объединенная базовым се-

мантическим компонентом, который обозначает класс классов предметов, признаков, процессов, отношений [4, с. 9]. Например, базовый семантический компонент ЛСГ «тревога» включает в смысловую сферу следующие гиперсемы — общие семантические признаки, объединяющие семемы — беспокойство, волнение, смятение.

Мы обратились к дневнику Фаины Георгиевны Раневской «Дневник на клочках» с целью выявить и проанализировать лексику, связанную с обозначением эмоций.

Самая большая по количеству употреблений подгруппа слов — называющая эмоцию *радости* (18 ед.).

Эмоция радости

Радость — это положительное эмоциональное состояние, связанное с возможностью достаточно полно удовлетворить актуальную потребность, вероятность которой в этот момент была небольшая и неопределенная, это то, что ощущается после какого-то творческого или социально значимого действия. Радость характеризуется чувством уверенности и значимости, чувством, что ты любишь и тебя любят. Радость может быть следствием творческого успеха, но вовсе не обязательно ему сопутствует. Она возникает не только по поводу удовлетворения желания, достижения цели, но и по поводу предвидения удовлетворения желания (предвкушения) [10].

В русском экспериментальном материале О.В. Киришиной в большей степени была распознана эмоция «Радость», в меньшей степени — эмоция «Наслаждение». Некоторые участники эксперимента носители русского языка, для обозначения преобладающей в звучащих диалогах эмоции использовали синонимы, но относили диалоги к одной из предложенных групп. К группе «радость» были отнесены диалоги с маркировкой «восторг», «ликование» [6].

В дневнике Ф.Г. Раневской было выявлено 18 лексических единиц, связанных с обозначением данной эмоции. Количество употреблений в тексте всех лексем этой подгруппы — 44.

В эту подгруппу входят следующие слова: радость (5 уп.), радостно (1 уп.), рада (1 уп.), счастье (3 уп.), счастливый (1 уп.), посчастливиться (2 уп.), любовь (3 уп.), любить (13 уп.), влюбленный (2 уп.), полюбить (1 уп.), обожать (2 уп.), нежность (1 уп.), восхищаться (1 уп.), восхищать (2 уп.), восторг (1 уп.), экстаз (3 уп.), весело (1 уп.), страсть (2 уп.).

Данные лексемы были отнесены к эмоции радости на основании толкования словарей и работ психологов: эти слова имеют общий семантический компонент, связанных с чувствами радости, счастья. Д.А. Романов в своей статье [9] относит эмоции радости, счастья и любви к разным подгруппам, но, поскольку мы объединяем выявленные названия эмоций по общему семантическому признаку, получается, что у нас подгруппа слов, обозначающих эмоцию радость выглядит иначе.

Словосочетания: *такой радости; благодарность за радость; какая радость; единственная радость; рада, но не больше; как это радостно; прыгая от сча-*

стью; плакала от счастья; каким счастьем; посчастливилось видеть его; посчастливилось часто видеть; счастлива видеть их вместе; любовь к Толстому; любовь во мне; любовь моя, моей матери; любовь и мучительная жалость; с любовью к Ромму; заплакала от любви; любовь к К. С.; люблю Вас; люблю его; любила старика; любила крепко; любила его; любила ее; любила очень; влюблена до одурения; была влюблена; влюблена в человека; чувство влюбленной; влюбилась и в Маклая, и в его дикарей; в него влюблялась; невыразимой нежностью; обожаю котенка; я обожала ее; восхищалась Ахматовой; нас восхищало; мой восторг; я в экстазе; экстазов давно не испытываю; с ней весело; она стала моей страстью; обожаю до страсти.

Далее рассмотрим собранный материал, по подгруппам, в которые включаем членов той или иной словообразовательной парадигмы.

Радость, рада, радостно:

«А похвалят — рада, но не больше, чем вкусному пирожному, не больше» [8, с. 64]; «За всю долгую жизнь я не испытывала такой радости ни в театре, ни в кино, как в пору нашей второй встречи с Михаилом Ильичом» [8, с. 69]; «Я навсегда сохранила благодарность Михаилу Ильичу за помощь, которую он оказал мне...и за радость, когда я увидела этот прекрасный фильм на экране» [8, с. 69]; «В коридоре увидела Шостаковича и завопила: «Какая радость Вас видеть!» [8, с. 71]; «Теперь она моя большая и, может быть, единственная радость» [8, с. 78]; «Дебют в Москве! Как это радостно и как страшно» [8, с. 34].

Слово радость в Словаре современного русского литературного языка в 17-ти томах имеет следующее толкование: «чувство удовольствия, ощущение большого душевного удовлетворения» [12].

Радостный — 1. Испытывающий радость. 2. Вызывающий, доставляющий радость [12].

Рад — 1. О чувстве радости, удовольствия по какому-н. поводу. 2. Об охоте, готовности, желании сделать что-н. [12].

У Раневской существительное радость используется в сочетании с указательными местоимениями «такая» (1), «какая» (1) в усилительном и выделительном значениях и с прилагательными «большая» и «единственная» (1), также имеющих экспрессивное значение. Можно сказать, что эта эмоция для Раневской имела большое значение в ее жизни, но, наверное, была не очень частой. Она испытывает чувство благодарности за доставленную ей радость. Ее состояние радости связывается с чувством страха, когда речь идет о ее работе. Но от похвалы людей ее радость сопоставима лишь с удовольствием от пирожного.

Если сравнивать этот материал с данными словаря, то можно сделать следующий вывод: у Раневской радость как «ощущение большого удовлетворения» возникает только от общения с интересными ей людьми

и от успеха на сцене; по словарю — это «ощущение душевного удовлетворения». Оценки же со стороны людей вызывают в ней лишь «чувство удовольствия», как от еды, но не более.

Счастье, посчастливиться, счастливый:

«Я, заикаясь, что со мной бывает при сильном волнении, сказала, что прыгаю от счастья, оттого, что сидела рядом с Садовской, а сейчас бегу хвастаться подругам» [8, с. 23]; «Плакала от счастья» [8, с. 50]; «Теперь, в конце жизни, я поняла, каким счастьем была для меня встреча с моей незабвенной Павлой Леонтьевной» [8, с. 60]; «Мне посчастливилось видеть его и в пьесе Леонида Андреева «Тот, кто получает пощечины»; «Посчастливилось часто видеть» [8, с. 61]; «Я была счастлива видеть их вместе, слушать их, любоваться ими» [8, с. 41].

Счастье — состояние высшей удовлетворённости жизнью, чувство глубокого довольства и радости, испытываемое кем-либо; внешнее проявление этого чувства [12].

Счастливый — 1. Такой, который испытывает счастье, радость. 2. Приносящий счастье, радость, благополучие, удачу; полный счастья, радости; исключительно благополучный [12].

Посчастливиться — Об удачном, благоприятном для кого-либо стечении обстоятельств [12].

Существительное счастье используется в сочетании с глаголами «прыгать» (1), «плакать» (1) и местоимением «каким» (1). Также, как и слово радость, местоимение «каким» (счастьем) придает слову усилительное значение, а глаголы добавляют значение действия: «Я заикаясь, что со мной бывает при сильном волнении, сказала, что прыгаю от счастья, оттого, что сидела рядом с Садовской, а сейчас побегу хвастаться подругам» [8, с. 23]. «Плакала от счастья», — пишет она. Только достаточно эмоциональному человеку свойственно выражать счастье через слезы [8, с. 50]. «Теперь, в конце жизни, я поняла, каким счастьем была для меня встреча с моей незабвенной Павлой Леонтьевной» [8, с. 60]. Из этих контекстов видно, что счастье для Раневской — это не просто всплеск эмоций, а проявление радости от общения с близкими людьми, от любви к ним. Мы видим, что, когда присутствует слово счастье, тут же упоминается имя человека.

«Высшая удовлетворенность жизни», как говорится в словаре, у Раневской происходит тогда, когда она имеет какой-либо контакт с человеком: счастье от встречи, от того, что сидит рядом с кем-либо и т.д. Любовь к человеку — это то, что в первую очередь характеризует Ф.Г. Раневскую.

Любовь, любить, влюбиться, влюбленный, полюбить:

«Любовь к Толстому во мне и моя, и моей матери. Любовь и мучительная жалость и к нему, и к С. А». [8, с. 18]; «К Михаилу Ильичу Ромму отношусь с любовью и благодарностью за то, что он привел меня в кинематограф...» [8, с. 68]; «Заплакала и я от любви к К. С» [8, с. 80]; «Во дворе сидит на цепи лохматая собака с густой свалявшейся шер-

стью, в которой застрял мусор и даже гвозди, — по прозвищу Букет. Букет всегда плачет и гремит цепью. Я люблю его» [8, с. 5]; «В нашем городе очень любила старика, доброго, веселого, толстого грузина — полицмейстера» [8, с. 16]; «И я любила его так крепко, как он попросил» [8, с. 25]; «Я так любила, я так любила Вас весь вечер, — выдохнула я рыдая...» [8, с. 25]; «Я любила ее во всех ее ролях» [8, с. 36]; «Все то, что люблю помимо этого: «Тома Сойера», Лескова почти все» [8, с. 40]; «Отвечаю: не пишу, потому что очень люблю ее» [8, с. 49]; «Любила, восхищалась Ахматовой» [8, с. 49]; «Очень его любила, он бывал мне как-то нужен, необходим» [8, с. 51]; «Я говорю: «Боже мой, как я люблю Вас...» [8, с. 53]; «Я его очень любила» [8, с. 67]; «Я любила роль, играла ее с наслаждением — всегда жалела женщин этой чудовищной профессии» [8, с. 67]; «Нет уже Миши Яншина, любила его слушать» [8, с. 80]; «В тот день я шла по Столешникову переулку, разглядывала витрины роскошных магазинов и рядом с собой услышала голос человека, в которого была влюблена до одурения» [8, с. 30]; «Читаю дневник Маклая, влюбилась и в Маклая, и в его дикарей» [8, с. 39]; «Я испытываю чувство влюбленной, я не отрываю глаз от его чудесного лица» [8, с. 53]; «А во время съемок я в него влюблялась» [8, с. 69]; «Я полюбила ее редкостное дарование, ее человеческую прелесть, юмор, озорство» [8, с. 75].

Слово **любовь** в Большом Академическом Словаре имеет следующее толкование:

Чувство глубокой эмоциональной привязанности, преданности кому-либо, чему-либо.

Чувство горячей сердечной склонности; чувственное, страстное, плотское влечение к кому-либо. 3. Внутреннее стремление, склонность, тяготение к чему-либо [12].

Любить — чувствовать глубокую привязанность, самоотверженную, бескорыстную преданность кому-л., чему-л., основанную на врожденном, внутреннем чувстве, потребности [12].

Влюбиться — почувствовать страстное любовное влечение к кому-либо [12].

Влюбленный — 1. Испытывающий страстное любовное влечение к кому-либо. 2. Увлеченный чем-либо, всецело отдавшийся, посвятивший себя чему-либо [12].

Полюбить — 1. Почувствовать любовь, влечение к кому-нибудь. 2. Почувствовать склонность, пристраститься к чему-нибудь [12].

У Раневской любовь — чувство глубокой эмоциональной привязанности, преданности к кому-либо (например, любовь к Толстому). Это слово упомянуто несколько раз: «Любовь к Толстому во мне и моя, и моей матери». Любовь и мучительная жалость и к нему, и к С. А». [8].

«К Михаилу Ильичу Ромму отношусь с любовью и благодарностью за то, что он привел меня в кинематограф...» [8].

«Заплакала и я от любви к К. С». [8].

Слово «любовь» на страницах дневника Раневской встречается 4 раза. 2 раза — с притяжательными ме-

стоимениями «моя» и «во мне» (что означает, что автор очень дорожит этим чувством); 1 раз — с глаголом «заплакать» (выражение чувства через слезы говорит об открытости и искренности человека и силе самого чувства); 1 раз — со словом «жалость»: «Любовь и мучительная жалость...» [8, с. 18].

В.С. Мельникова в диссертации «Эмоциональный концепт «жалость» в русской языковой картине мира: от словаря к тексту» рассматривает жалость и любовь на уровне предикатов: жалость — чувство, характеризующееся сильной тревогой, беспокойством, душевным смятением; изумлением, негодованием, вызванным чем-либо неприятным, неожиданным; огорчением; неприязнью, враждой и т.д.

В нашем случае «мучительная жалость» связана, скорее, с сильной тревогой, беспокойством и душевным смятением, вызванным любовью.

С.Г. Воркачев анализировал ближайшие семантические признаки любви, которые в большинстве случаев представляют собой своего рода реакцию субъекта на ценность объекта: готовность идти на жертвы ради сохранения объекта в своей жизненной сфере, благожелание, забота о нем, ответственность за сохранение любовных отношений, постоянство, преданность — все то, что создает для человека смысл существования [3].

Заметно, что в контексте Ф.Г. Раневской «любовь» обозначает глубокую привязанность, самоотверженную, бескорыстную преданность кому-либо, чему-либо.

С.Г. Воркачев характеризует любовь как межличностное чувство, которое охватывает широкий круг эмоциональных явлений, характеризующихся положительным отношением к другому, — от простой симпатии до всеохватывающей страсти. Он выделяет три основных вида собственно любви: 1) родительская, 2) сыновья, 3) половая. Сюда же Воркачев включает любовь братскую, а любовь к самому себе и любовь к Богу не относит к межличностным чувствам. «Любовь, как и все эмоции, связанные с ценностью, и в особенности желание, обладает смысло-созидающей функцией, но смысл, созидаемый любовью, это — смысл существования, бытия человека...» [3, с. 38].

Также этот автор описывает эмоции, связанные с начальной стадией любви — влюбленностью — это эйфория, депрессивные ощущения, появление бессонницы, потеря аппетита, общее возбуждение и трудности в концентрации внимания, потому как предмет любви предстает для любящего в виде «сверхценной идеи», он им идеализируется, его отрицательные стороны либо не замечаются, либо игнорируются; связывает любовь и с отрицательными эмоциями тоже, так как любовь — это страсть, страдание, и субъект одновременно испытывает к предмету своей страсти благодарность как к источнику жизненно важных благ, и ненавидит его как того, от кого он зависит, кто имеет над ним власть и может в любой момент лишить его этих благ.

«Любовь как «цементирующая сила соборности» являет собой не только связь, сколько определенный род

отношений: «Я» соединяется с «ты» через посредство «мы» — только такое понимание оправдано нравственно», — считает В.В. Колесов [7].

У Раневской любовь — это чувство уважения, проявление нежности и заботы к тем, кто ей по-настоящему дорог. Это мог быть как человек, так и животное. Судя по выражению агрессии к глупости, очевидно, что Ф.Г. Раневская любила людей умных, оригинальных, способных к творческому мышлению. Любовь у Раневской — это обобщающее слово, в которое входят такие понятия как нежность, обожать, страсть и т.д.

Нежность:

«Вспомнила ее с невыразимой нежностью» [8, с. 59].

Нежность — 1. Отвлеч. сущ. к нежный. 2. Поступки, выражающие нежные чувства, ласковые слова (разг.). 3. Проявление изнеженности, физической слабости (разг. пренебр.) [12].

Слово нежность используется у Раневской один раз в сочетании с прилагательным «невыразимая». Такой эмоциональный и чуткий человек, как Ф. Раневская, не могла не подчеркнуть это слово. Невыразимая — значит, непередаваемая, необъяснимая, а значит, это то, что можно только почувствовать — сугубо индивидуальное, понятное только самому автору; что-то, о чем мы можем только догадываться, однако понимаем, что это очень сильное чувство. Нежность, в нашем понимании, — забота, осторожность, тактичность, доверие и доверчивость. Это не «страсть» с ее силой и даже яростью.

И все это — открытость. Открытость себе, открытость другому. Полная защищенность в полной открытости.

Обожать:

«Я кончаю жизнь банально — стародевически: обожаю котенка и цветочки до страсти» [8, с. 39]; «Гельцер неповторима и в жизни, и на сцене. Я обожала ее» [8, с. 55].

Обожать — 1. Обожествлять (устар.). Кроме идолов, ... славяне... обожали еще реки, озера, источники, леса. Карамзин. 2. Питать к кому-чему-нибудь чувство сильной, доходящей до преклонения, любви. 3. Очень любить (простореч. и ирон.) [12].

Глагол «обожать» употреблен в тексте дневника Раневской 2 раза с существительным в винительном падеже «котенка» (1), местоимением ее (1) и с местоимением я.

Слово обожать тесно связано со словом любить, так как содержит сему «любовь». Обратившись к словарю синонимов, мы обнаружили достаточно большой список слов, синонимичных слову «обожать»: питать нежные чувства, питать слабость, любить безумно, пылать страстью, пылать любовью, не насыщаться, быть неравнодушным, души не чаять, уважать, быть влюбленным, быть без памяти, души не слышать, любить без памяти, торчать, страдать, сохнуть, ценить, преклоняться, поклоняться, тащиться, быть влюбленным по уши, вздыхать, быть без ума, симпатизировать, западать, жаловать, любить до безумия, сходить с ума, жалеть, боготворить, любить, почитать, быть привязанным, неровно дышать, зависать, обожествлять, благоговеть, молиться на [1].

Предметом обожания у Ф. Раневской могут быть как котенок или цветочки, так и интересный для нее человек: «Я кончаю жизнь банально-стратегически: обожаю котенка и цветочки до страсти» [8, с. 39]; «Гельцер неповторима и в жизни, и на сцене. Я обожала ее» [8, с. 55].

Восхищаться, восхищать:

«Любила, восхищалась Ахматовой» [8, с. 49]; «...я увидела то, что нас, работавших с ним, всегда восхищало: его неизменно рыцарское, абсолютно бескомпромиссное отношение к искусству, которому он служил» [8, с. 35]; «Не знаю ни одной человеческой жизни, которая так восхищала и волновала меня» [8, с. 39].

Восхищаться — см. восторгаться, нравиться [12].

Восхищать — возносить кого-либо духом, приводить в восторженное состояние, в восторг, восхищение; радовать, утешать в высшей степени [12].

Глагол «восхищаться» используется 1 раз в сочетании с именем собственным Ахматова; глагол «восхищать» — 2 раза: с местоимениями «нас» (1) и «меня» (1). Если сравнивать эти слова со словарным значением, можно сделать вывод, что «приводить в восторженное состояние, в восторг» Раневскую может человек, его качества, такие, как рыцарское, бескомпромиссное отношение к искусству.

Восторг, экстаз:

«И опять мой восторг, и зависть, и горе — почему у меня ничего не выходило, когда я пыталась им подражать» [8, с. 26]; «Я в экстазе, хорошо помню мое волнение» [8, с. 17]; «И сейчас мне тоже ничего не нужно — мне 80... Экстазов давно не испытываю» [8, с. 17]; «Гимназист зарыдал. Я была в экстазе» [8, с. 26].

Восторг — 1. необыкновенный подъем чувств, экстаз, упоение. 2. восхищение, ликование, веселье, радость, умиление, упоение, иступление, энтузиазм [12].

Экстаз — высшая степень восторга, воодушевления, иногда на грани иступления [12].

Существительное «восторг» употреблено с местоимением «мой» (1) в одном ряду с другими словами, обозначающими чувства: зависть, горе. Существительное экстаз («высшая степень восторга, воодушевления, иногда на грани иступления») употреблено 3 раза: с личным местоимением «я» (2) и глаголом «испытывать» (1). Глагол имеет значение «переживать».

Ее состояние восторга, экстаза связано с эмоциями других людей, воспоминаниями молодости («экстазов давно не испытываю»), с волнениями.

Для Раневской это ощущение действительно тесно связано с чувством восторга («необыкновенный подъем чувств, экстаз, упоение»). Это состояние, сопровождающееся чувством восторженности, опьянения, отрешенности от действительности, игнорированием реальных внешних ощущений.

Весело:

«Я никогда не скучала с ней, было с ней весело и любопытно» [8, с. 75].

Весело — 1. Оценка какой-л. ситуации как вызывающей веселье, доставляющей радость, создающей хорошее настроение. 2. О состоянии веселья, радости, в котором находится кто-либо [12].

Наречие «весело» используется в сочетании с местоимением «с ней» — об Ахматовой (1). Автор делится ощущением «состояния веселья, радости» (как толкуется в словаре) от песни, которую они пели вместе с А. Ахматовой.

Страсть:

«И стала она страстью моей долгой жизни...» [8, с. 20]; «Я кончаю жизнь банально-стародевически: обожаю котенка и цветочки до страсти» [8, с. 39].

Страсть — 1. Сильное чувство, увлечение, создаваемое побуждениями инстинкта. 2. Сильная, безудержная любовь с крайним преобладанием чувственного, физического влечения. 3. Страдание, мучение (книжн. старин.). Страсти христовы (церк.) [12].

Существительное «страсть» используется в тексте дневника Ф. Раневской по отношению к сочетанию «моя жизнь» (1) и в зависимой позиции от глагола «обожать» (1). Само по себе слово страсть — «сильная, безудержная любовь с крайним преобладанием чувственного, физического влечения». В сочетании с не менее экспрессивным словом «обожать» оно приобретает еще более яркое значение. У Раневской страсть — стремление «насытиться» другим (не обязательно человеком). Судя по контексту Раневской, слово страсть использовано в значении сильной, безудержной любви.

Страсть в психологии трактуется как «вид сложных, качественно своеобразных и встречающихся только у человека эмоциональных состояний. Это интенсивное, обобщенное и продолжительное переживание, сплав эмоций, мотивов и чувств, доминирующий над другими побуждениями человека и приводящее к сосредоточению на предмете страсти. Объектом страсти может стать человек. Страсть всегда выражается в сосредоточенности, собранности помыслов и сил, их направленности на единую цель. Страсть означает порыв, увлечение, ориентацию всех устремлений и сил личности в едином направлении, сосредоточение их на единой цели. Причины, вызывающие страсть, могут быть различны — начиная от телесных влечений и до осознанных идейных убеждений. Она может быть принята, санкционирована личностью, а может переживаться как нечто нежелательное, навязчивое. Характерными чертами страсти являются сила чувства, выражающаяся в соответствующей направленности всех помыслов личности, устойчивость, единство эмоциональных и волевых моментов, своеобразное сочетание активности и пассивности» [5]. У Раневской эта страсть — сумбур эмоций, любовных переживаний, которые она испытывала, судя по тексту дневника, достаточно часто. И это не удивительно, потому как Ф. Раневская именно увлекалась многими людьми, жила мыслями о них, а поскольку была человеком достаточно эмоциональным, чувства страсти

вспыхивали у нее довольно часто. Именно поэтому мы и можем охарактеризовать ее как человека не просто любящего, а еще и страстного.

Рассмотрев контексты с описанием эмоции радости, Фаину Георгиевну Раневскую мы можем характеризовать как человека, испытывающего самые различные чувства радости. Само слово «радость» автор использует с такими интенсивами, как «единственная радость», «такой радости», «какая радость!». Слова, относящиеся к этой эмоции, используются с различными частями речи: место-

имениями (11 уп.), существительными (6уп.), глаголами (5уп.), прилагательными (1уп.). Как мы можем заметить, преобладающее количество — притяжательные местоимения. Семантика слов данной группы отражает богатую палитру чувств — от спокойного «радостно», «нежность» и т.д. до взрывного «обожаю», «восторг», «страсть», что дает нам представление о том, что Ф.Г. Раневская была человеком, любящим подчеркнуть свою индивидуальность и неповторимость. Ее личность была яркой и неповторимой, полной эмоциональных взрывов.

Литература:

1. Александрова, З.Е. Словарь синонимов русского языка. — М.: Русс. яз. — Медиа, 2007.
2. Васильев, Л.М. Современная лингвистическая семантика. — М.: Высш. шк., 1990
3. Воркачев, С.Г. Любовь как лингвокультурный концепт. — М.: Гнозис, 2007.
4. Жеребило, Т.В. Термины и понятия лингвистики: Общее языкознание. Социоллингвистика: Словарь-справочник. — Назрань: ООО «Пилигрим», 2011
5. Карпов, А.В. Общая психология: учебник. — М.: Гардарики, 2005
6. Киршинова, О.В. Экспрессивные средства звучащей речи для выражения эмоции «Радость»: Дисс. ... канд. филол. наук. — Воронеж, 2010
7. Колесов, В.В. «Жизнь происходит от слова...». — СПб.: Златоуст, 1999.
8. Раневская, Ф.Г. Дневник на клочках. — СПб: Петрополь, 2002
9. Романов, Д.А. Психоллингвистическое обоснование эмоциональной идентификации // Вопросы языкознания. — 2005. № 1. с. 97–102
10. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии. — СПб.: Питер, 2001
11. Рудяков, А.Н. Опыт целостного описания ЛСГ // Исследования по семантике. — Уфа, 1983. -С. 122–128
12. Словарь современного русского литературного языка в 17-ти томах, М.-Л., 1948–1965. (БАС).

Сопоставительный анализ структурных моделей фундаментальных и прикладных терминосистем (на материале терминологий нанотехнологий и медиации)

Чернышенко Алина Геннадьевна, аспирант;

Раздуев Алексей Валерьевич, кандидат филологических наук

Пятигорский государственный лингвистический университет (Ставропольский край)

Известно, что о степени зрелости любой профессиональной деятельности во многом можно судить по состоянию ее понятийно-терминологического аппарата. Сегодня задача терминоведения — это не только усовершенствование уже созданных терминов, но и изучение развивающихся терминологий, репрезентирующих понятия новых отраслей профессионального знания и науки.

Тесная связь некоторых терминологий с практической деятельностью человека позволяет квалифицировать их как терминосистемы прикладного характера,

в противовес фундаментальным терминологиям, репрезентирующим структуры фундаментального научного знания [4, с. 24]. Проблема отграничения фундаментальных терминологий от терминологий прикладного характера в современном терминоведении только поставлена [1] и еще ждет своего решения, в первую очередь, потому, что не до конца разработаны критерии подобного отграничения. В первом приближении можно констатировать, в частности, что о фундаментальном или прикладном характере терминосистемы можно су-

дить по количеству терминов-архаизмов и в особенности терминов-историзмов, представленных в этой терминосистеме. Как подчеркивают Х.А. Акаева, О.А. Алимуратов и М.Н. Лату, данный критерий связан с тем, что развитие научного знания прикладных и фундаментальных дисциплин, протекающее, вне всяких сомнений, в тесной корреляции с развитием соответствующего терминологического аппарата, обнаруживает некоторые отличия. Фундаментальное знание характеризуется эволюционным развитием, в отличие от знания прикладного, которому присущ революционный тип развития. Вследствие этого фундаментальные науки более стабильны и насчитывают меньшее количество смен парадигм, что можно объяснить тем, что фрагмент окружающей действительности, которые они описывают, остается в большей степени неизменным. Вследствие этого, фундаментальное знание учитывает весь предыдущий накопленный опыт; при этом знания, полученные давно, не теряют своей актуальности сегодня. Соответственно, в терминосистемах фундаментального плана относительно невелик корпус терминов-архаизмов, представляющих собой единицы специализированной лексики, ранее использовавшиеся для номинации конкретного понятия и вышедшие из употребления, а также терминов-историзмов, представляющих собой термины, вышедшие из употребления в связи с исчезновением называемого ими понятия в рамках конкретной области научного знания.

В условиях интеграции России в мировое научное пространство, глобализации процессов научного обмена, увеличения доли международных исследований, проводимых с участием российских специалистов, важной проблемой являются воссоздание структуры и закономерностей функционирования англо- и русскоязычных прикладных терминосистем [3, с. 157]. В силу специфической референтной сферы, терминосистема нанотехнологий и терминосистема медиации представляют интересный материал для изучения того, какими отличительными чертами могут обладать отраслевые и прикладные терминологии. Системное изучение терминов, опирающееся на принципы детерминизма, невозможно без анализа их структурных особенностей. Настоящее исследование посвящено рассмотрению структурных моделей терминов в рамках терминологий, имеющих явный прикладной характер (терминосистемы медиации и нанотехнологий). В частности, нас интересуют структурные особенности данных терминологических систем, а именно, структурная классификация исследуемых лексических единиц, основные словообразовательные модели, а также особенности семантики терминологических единиц. Однако для начала рассмотрим некоторые важные характеристики данных терминологий.

Терминосистему медиации можно охарактеризовать как ряд терминов, сгруппированных по признаку существования между ними внутрисистемных структурных и понятийно-семантических связей, формирующих определенную семантико-функциональную структуру, тесно

коррелирующую с референтной прикладной сферой медиации. Таким образом, терминосистема медиации выступает в качестве «когнитивно-логической модели», обеспечивающей конвенциональную ориентированность специалистов [5, с. 66]. Тот факт, что критерии, обеспечивающие информативность терминологии медиации, во многом напоминают имманентные характеристики юридической терминосистемы, объясняется рассмотрением медиации в правовом контексте (с поправками на меньшую строгость регламента процесса медиативного урегулирования споров и разногласий) [10, с. 211]. Так как медиация только начинает внедрение в жизнь общества, ее терминология является лишь относительно стабильной, продолжая развиваться и пополняться новыми элементами. В то же время, следует учитывать, что в медиации решение принимается на основе обоюдного согласия, поэтому предполагается, что термины, закрепляющие соглашение сторон, должны быть максимально доступными и не должны вводить участников медиации в недоумение [12, с. 1094]. Отсюда можно сделать вывод о том, что термины, которые являются «строительным материалом» для развертывания основных этапов дискурса медиации, — это, в первую очередь, активно употребляемые слова и фразы, известные большинству людей, решающихся на медиацию.

В свою очередь, англоязычная терминология нанотехнологий представляет собой совокупность лексических единиц, которая со всей возможной полнотой охватывает обозначения специальных нанотехнологических понятий. Учитывая тот факт, что на данный момент область нанотехнологий не может считаться окончательно сформированной вследствие ее относительно недавнего появления, термины сферы нанотехнологий в сумме образуют молодую формирующуюся терминосистему с постоянно обновляющейся терминологией, которая находится в процессе становления и которая требует лингвистического анализа [8, с. 49].

В рамках нашего исследования особый интерес представляет структурная классификация терминов, в соответствии с которой выделяются *простые и сложные термины, терминологические сочетания* с делением их на *связанные* (устойчивые многокомпонентные терминологические сочетания, где невозможна замена составляющих его элементов без нарушения семантической целостности всего сочетания) и *свободные* (терминологические сочетания, где «возможна синонимическая замена одного или двух составляющих его элементов с сохранением семантической целостности всего сочетания»), а также *фразовые термины* (термины, в которых отношения выражены союзами или предлогами) [9, с. 158].

Таким образом, в первом приближении все термины сферы нанотехнологий, также как и термины медиации, можно разделить на группы простых (однокомпонентных) и сложных (многокомпонентных) терминов. Однокомпонентные, в свою очередь, делятся на подгруппы: неприводные или корневые (*atom, carbon, photon/person*,

session) и производные термины (*nanorobot*, *nanotechnology*, *nanotech*, *nano*). В рамках терминологии сферы нанотехнологий, многокомпонентные термины делятся на четыре подгруппы: в первую входят сложносокращенные терминологические единицы с сокращениями различных типов (*aerogel*, *protonogram*, *biotechnology*) и бленды (*moletronics*, *nanobot*, *qubit*); во вторую подгруппу сложных терминов А.В. Раздужев выносит инициальные аббревиатуры и акронимы (*XRD* — *X-ray diffraction*, *TEM* — *tunneling electron microscope*, *CNT* — *carbon nanotube*/ADR, MIAM), а в третью — фразовые термины и терминологические словосочетания, в свою очередь делящиеся на связные (*point of zero charge*, *drug delivery*) и свободные (*dry nanotechnology*, *dynamic aberration*, *metal oxide nanostructure*) многокомпонентные терминологические единицы. К четвертой подгруппе относятся цепочечные терминологические образования (*all-biologically-controlled*, *layer-by-layer*), а также смешанные многокомпонентные термины, например, различные комбинации сокращений и аббревиатур, сокращений/аббревиатур и слов (*Cryo-EM* — *cryogenic electron microscopy*, *CPB velocity* — *charge particle beam velocity*, *SePD* — *severe plastic deformation*; *LB-technique* — *Langmuir-Blodgett technique*) и т.д. Наряду с выделенными подгруппами следует отметить наличие в классификации сложных (многокомпонентных) терминов двух-, трех-, четырех-, пятикомпонентных единиц (*atactic polymer*, *atomic absorption analysis*, *atomic force microscope nanolithography*, *ballistic protection nanocrystalline alloy fiber*) и т.д. [7, с. 64].

Несмотря на то, что для терминологии медиации (ТМ) также справедливо деление на однокомпонентные и многокомпонентные термины, некоторые типы многокомпонентных терминов (например, цепочные образования) встречаются крайне редко. Специфической чертой ТМ является максимальная краткость формулирования терминов без ущерба их точности и понятности. Термины медиации обычно создаются с учетом принципа компактности (*vesting*, *win-win*, *tort*), в то время как пролонгированные определительные конструкции встречаются довольно редко (среди немногочисленных терминов такого рода: *court-sponsored mediation programs*). В медиации существует довольно большая группа терминов, образованных в ходе специализации значения общепотребительных слов (*award*, *sign*, *avoidance*, *co-existence*, *confessions*, *dispute*). Такие термины нельзя путать с «размытыми» обозначениями понятий или терминами в переносном значении, что в ТМ является недопустимым [10, с. 212].

Обе рассматриваемые терминологии имеют своеобразный структурный состав. Так, одним из свидетельств того, что нанотехнологическая терминология и терминология медиации являются развивающимися, формирующимися терминосистемами может служить факт преобладания в них новых терминов, под которыми мы понимаем, прежде всего, многокомпонентные лексические единицы.

Для терминологии сферы нанотехнологий справедливо правило, согласно которому чем больше компонентов в том или ином термине, тем он новее [6, с. 212]. Являясь своего рода семантическим аттрактором, основной (ядерный) терминокомпонент привлекает к себе новые терминоэлементы, которые приобретают новый статус в процессе уточнения и конкретизации денотируемых научных понятий. Образование многокомпонентных терминов происходит следующим образом: к термину-названию широкого, родового, понятия из сферы нанотехнологий добавляется определение, сужающее его значение до объемов видового научного понятия. Например, английские термины *nanotube* (нанотрубка) и *nanorobot* (наноробот), определяемые как «*a nanoscale tube-like structure which can be found naturally in some minerals or be man-made from a variety of materials including carbon*» и «*a computer-controlled robotic device constructed of nanometer-scale components to molecular precision, usually microscopic in size*» соответственно [12], используются как основа для ряда терминов с определениями, уточняющими тип, структуру или материал, из которого сделан соответствующий нанотехнологический объект: *carbon/non-carbon nanotube* (углеродная/неуглеродная нанотрубка), *single-walled carbon nanotube* (одностенная углеродная нанотрубка), *multi-walled carbon nanotube* (многостенная углеродная нанотрубка); *molecular nanorobot* (молекулярный наноробот); *medical nanorobot* (медицинский наноробот); *self-replicating nanorobot* (самовоспроизводящийся наноробот). Следует заметить, что в терминологии медиации такое образование также имеет место (*party* (сторона), *third party* (третья сторона), *responding party* (отвечающая сторона)).

Анализ структуры и состава нанотехнологической терминологии показал, что около 66,3% отобранных и исследованных терминов являются многокомпонентными, а 18,9% терминологических единиц — однокомпонентными, 14,8% приходится на аббревиатуры [7, с. 65]. В рамках терминологии медиации также преобладают многокомпонентные термины (73,7%), в то время как на долю однокомпонентных приходится лишь 10,8%, а на долю аббревиатур — 15,5% [10, с. 212].

Статистические данные еще раз подтверждают сделанный ранее вывод о том, что рассматриваемые терминологии являются развивающимися, так как, во-первых, многокомпонентные термины образуются на основе уже существующих терминоэлементов, и их логично рассматривать именно как структурно и семантически производные единицы; во-вторых, аббревиатурные единицы также являются сравнительно молодыми, производными единицами, образованными в результате сокращения (усечения) уже существующих многокомпонентных нанотехнологических терминов [8, с. 139].

Развивающиеся терминологии требуют тщательной систематизации с области словопроизводства, поэтому очевидна необходимость системного рассмотрения струк-

турных моделей терминосистем с учетом основных способов терминообразования: морфологический, синтаксический и морфолого-синтаксический [2, с. 72].

Наиболее частотным и продуктивным в английском языке для сферы нанотехнологий является *префиксальный способ* терминообразования по следующим моделям: *micro-* + *N*: *microneedle*, *microalloy*, *microbalance* (94 ЛЕ); *nano-* + *N*: *nanoscience*, *nanorobot*, *nanosystem* (548 ЛЕ); *super-* + *N*: *superfoam*, *superlattice* (37 ЛЕ). Среди частотных приставок, использующихся для образования терминов сферы нанотехнологий, можно назвать также: *de-*, *di-*, *il-*, *im-*, *in-*, *inter-*, *re-*, *trans-*, *ultra-*, *anti-*. Менее частотные следующие модели: *co-* + *N*: *copolymer* (28 ЛЕ); *multi-* + *N*: *multi-beam*, *multiphoton* (25 ЛЕ); *supra-* + *N*: *supramolecule* (20 ЛЕ). Среди окказиональных (наименее частотных) префиксов можно также назвать следующие: *hyper-*, *dia-*, *para-*, *endo-* и др. (в совокупности около 50 ЛЕ).

Общее количество лексических единиц, образованных по префиксальной модели, составляет 1277 слов (из выборки в 10200 лексических единиц), т.е. 11 % от общего числа проанализированных терминов.

В значительном количественном составе наличествуют термины, образованные с помощью различных суффиксов и префиксально-суффиксальным способом (среди наиболее частотных формантов — *-ic* (al), — *ist*, — *ed*, — *tion*, — *ion*, — *ing*, — *sion*, — *ible*, *nano-*, *micro-* и др.), например, *compatibilization*, *disproportionation*, *microalloyed*, *microbiologist*, *nanobiologist*, *nanocrystalline*, *nanometric*, *nanostuctured*, *nanotechnologist*, *microchemical*, *nanoprecipitation*, *sensorization*, *supersaturated* (system), *nanobiocompatibility*, *nanobiomineralization* [12] и др. Количество таких дериватов составляет 484 и 863 лексические единицы соответственно, или 4,7 % и 8,5 % от общего объема выборки.

Среди частотных *суффиксальных* моделей образования нанотехнологических терминов можно назвать следующие: *N* + *-ing*: *templating*, *capping* (147 ЛЕ); *V* + *-ion*: *ablation*; *aberration* (165 ЛЕ). Среди окказиональных *суффиксальных* моделей образования нанотехнологических терминов можно назвать только одну: *N* + *-oid*: *fulleroid*, *bacteroid* (29 ЛЕ).

Среди частотных *приставочно-суффиксальных* моделей выделяются следующие: *nano-* + *V* + *-or*: *nanomanipulator*, *nanomodificator*, *nanosensor nanoassembler*, *nanoactuator* (59 ЛЕ); *nano-* + *N* + *-ics*: *nanobionics*, *nanoelectronics*, *nanoionics* (65 ЛЕ); *nano-* + *N* + *-tion* (*-ation*): *nanofabrication*, *nanoinstrumentation*, *nanooxidation* (135 ЛЕ); *nano-* + *N* + *-ology*: *nanobiology*; *nanometrology*, *nanopharmacology* (51 ЛЕ); *nano-* + *V* + *-ing* (*nano-* + *Part. I*): *nanocasting*, *nanoalloying*, *nanocoating* (90 ЛЕ); *nano-* + *V* + *-ed* (*nano-* + *Part. II*): *nanostuctured*, *nanophased* (80 ЛЕ); *sub-* + *V* + (*a*) *tion*: *subplantation* (7 ЛЕ); *homo-* + *N* + *-ene*: *homofullerene* (4 ЛЕ); *hetero-* + *N* + *-ene*: *heterofullerene* (2 ЛЕ).

Среди менее частотных и, следовательно, характерных именно для изучаемого подязыка *приставочно-суффиксальных* моделей терминообразования, можно назвать следующие: *seco-* + *N* + *-ene*: *secofullerene* (1 ЛЕ); *nor-* + *N* + *-ene*: *norfullerene* (1 ЛЕ); *co-* + *N* + *-ic*: *copolymeric* (9 ЛЕ).

Отдельно рассмотрим структурные модели терминов, образованных в результате *сокращения* или *аббревиации*: *Aaa* + *Bbb* → *A* (*a*) *B* (*b*); *Aaa* + *Bbb* + *Ccc* → *A* (*a*) *B* (*b*) *C* (*c*) (кроме начальных букв, могут быть использованы начальные буквы терминологических элементов и части основ): *AFM* (*A*tomic *F*orce *M*icroscopy), *AED* (*A*uger *E*lectron *D*iffraction), *XRES* (*X*-ray *R*esonant *E*xchange *S*cattering); *SENTAXY* (*S*elective *N*ucleation-based *E*pitaxy), *CNT* (*C*arbon *N*anotube), *SWCNT* (*S*ingle-Walled *C*arbon *N*anotube), *SThM* (*S*canning *T*hermal *M*icroscopy) (420 ЛЕ).

Говоря о моделях образования терминов с аббревиатурами, нельзя обойти вниманием следующие нестандартные образования: *Aaa* + *Bbb* + *Ccc* + *Ddd* → *A-BCD*: *S-FIL* (*s*tep and *f*lash *i*mprint *l*ithography) (2 ЛЕ); *Aaa* + *Bbb* + *Ccc* + *Ddd* + *Eee* → *AB-CDE*: *WA-CVD* (*w*ater-assisted *c*hemical *v*apour *d*eposition) (2 ЛЕ); *ABC* + *Ddd* → *ABC Ddd*: *BCN tube*, *SWNT fiber* (52 ЛЕ); *ABC* + *Ddd* → *ABC-Ddd*: *AFM-assisted*, *ALD-coated* (40 ЛЕ).

Общая численность терминов-аббревиатур в масштабах изученной выборки достигает 1507 лексических единиц, что составляет 14,8 % от общего числа отобранных терминов.

Среди *морфолого-синтаксических* моделей (осново- и словосложения) образования нанотехнологических терминов следует отметить следующие:

A + (*o*) + *B* → *A* (*o*) *B* (где *A* — первое слово/основа/часть основы, *o* — соединительный элемент, *B* — второе слово/основа/часть основы): *photogram* (12 ЛЕ); *A* + *B* → *A-B*, *A* + *B* + *C* → *ABC* (где *C* — третье слово/основа/часть основы, а *A*, *B* и *C* могут быть, в свою очередь, осложнены аффиксами), в частности: *A* + *B* → *A-B/AB*: *adsorption-active*, *carbon-based*, *self-replicating*, *nanotube-based*, *aerosol-scattered*, *alignment-controlled*, *alpha-detector*, *alpha-emitting* (975 ЛЕ); *N* + *N* → *N/N*: *block-copolymer*, *bulk-technology*, *solgel*, *wavelength*.

Такие словообразовательные модели, как обратная деривация и конверсия, достаточно широко распространены в английском языке в целом, практически не представлены в английском подязыке сферы нанотехнологий. Конверсию можно трактовать как окказиональный, т.е. достаточно редко встречающийся механизм терминодеривации в рамках рассматриваемого подязыка (около 0,1 % выборки): *N* → *V*: *beam* (*N*) → *to beam* (*V*); *cluster* (*N*) → *to cluster* (*V*), *aggregate* (*N*) → *to aggregate* (*V*) (5 ЛЕ); *Adj.* → *N*: *thermophotovoltaic* (*Adj.*) → *thermophotovoltaic* (*N*) (1 ЛЕ).

Усечения однокомпонентного термина также относятся к редко встречающимся способам терминообра-

зования или, скорее, формообразования: *Aaa* → *Aa*: *nanotechnology* → *nanotech*, *nanobiology* → *nanobio*; *apparatus* → *app* (6 ЛЕ).

Терминология медиации значительно уступает терминологии сферы нанотехнологий в разнообразии структурных моделей. Количество терминов, образованных путем словосложения, в медиации крайне мало. Общим для рассматриваемых терминологий является минимальное количество терминов-блендов, а также незначительное число терминов, образованных с помощью конверсии. Таким образом, наиболее продуктивными деривационными моделями в терминологии медиации являются следующие:

Для однокомпонентных терминов:

1) **N + suffix (ing)** = *Anchoring* — фиксирование; попытка зафиксировать базисную точку (тезис), вокруг которой разворачиваются переговоры; *Bumping* — преимущественное обеспечение работой лиц с большей выслугой лет;

2) **N + N + ing** = *Featherbedding* — практика сохранения численности рабочей силы независимо от потребности в ней;

3) **Adj + N + suffix (ing)** = *Broadbanding* — широкая классификация работ; уменьшение количества тарифных разрядов, т.е. объединение прежних тарифных разрядов в несколько более крупных групп с единой ставкой заработной платы).

Для многокомпонентных терминов:

4) **V + suffix (ing) + N** = *Bargaining Unit* — договаривающаяся сторона; сторона-представитель; *Disarming Strategies* — обезоруживающие стратегии; стратегии, направленные на разрушение в процессе медиации негативных стереотипов;

5) **ABBREVIATION** = *EDR* — (*Effective Dispute Resolution*); *GRIT* (*Gradual Reduction in Tension*); *ZOPA* — (*Zone of Possible Agreement*); *ODR* — (*On-Line Dispute Resolution*).

Менее распространенными в медиации являются семантические способы терминопобразования, такие как *метафоризация* (*Open Shop agreement/settlement* — открытый цех; соглашение об открытом цехе; *Framing* — определение проблемы внутри диспута; *Frames* — обнаруженные проблемы), *метонимизация*, *специализация/расширение значения*.

Опираясь на структурный анализ терминов медиации, приходим к следующим выводам. Безусловно, наиболее продуктивной моделью создания медиативных терминов является модель «**V + suffix (ing) + N**», по которой образовано 39,2% всех терминов выборки. Производные тер-

мины, образованные по модели **N + suffix (ing)** составляют лишь 7,9%. Относительно высокая частотность терминов-аббревиатур в медиации (8,5%) объясняется стремлением к экономии языковых средств, а именно уходом от использования в речи сложных многокомпонентных терминов в пользу их сокращения до известных участникам процесса аббревиатур. На долю структурных моделей «**N + N + ing**» и «**Adj + N + suffix (ing)**» приходится 5,7% и 4,2% соответственно. Остальные 34,5% терминов выборки представляют собой примеры недеривативного образования.

На основе сопоставительного анализа структурных моделей терминологии медиации и терминологии сферы нанотехнологий можно вывести следующие обобщенные замечания. Несмотря на то, что одной из наиболее продуктивных словообразовательных моделей английского языка является аффиксация, в рассматриваемых терминосистемах прикладного характера данная модель не является преобладающей. Для обеих терминосистем характерны чрезвычайно широкое использование аббревиатур, многообразие их типов и высокий темп обновления. Интересно, что если поначалу сокращения функционируют параллельно с оригинальными терминологическими единицами, то с течением времени становятся их полноценной заменой. Роль словосложения (одного из самых продуктивных видов словообразования в английском языке) в структуре терминов рассматриваемых терминологий различна — высокая продуктивность в сфере нанотехнологий и практическое отсутствие в терминологии медиации. Таким образом, мы видим, что для обеих терминосистем типичным является осложнение аффиксами одного или нескольких компонентов, участвующих в морфолого-синтаксической терминодеривации, в результате чего получают сложнопроизводные терминологические элементы.

Как показывает анализ, развивающиеся прикладные терминологии являются негомогенными образованиями, для них характерно использование различных структурных моделей. Изучение новой терминологической лексики и способов ее образования чрезвычайно важно для современной лингвистики и не потеряет своей значимости в будущем. Вероятность «смещения приоритетов по активным словообразовательным процессам» [8, с. 203] в английском профессиональном языке сферы нанотехнологий и медиации обуславливает необходимость дальнейшего лингвистического анализа структурных моделей, позволяющего уйти от спекулятивных результатов и более точно оценить характер терминологии.

Литература:

1. Акаева, Х.А., Алимуратов О.А., Лату М.Н. Прикладные и фундаментальные терминосистемы как взаимокоррелирующие вербальные основы профессиональной коммуникации: к постановке проблемы/Х.А. Акаева, О.А. Алимуратов, М.Н. Лату // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2014. №3. с. 112–115.

2. Алимуратов, О.А. Особенности структуры и функционирования отраслевых терминосистем (на примере терминосистемы нанотехнологий)/О.А. Алимуратов, М.Н. Лату, А.В. Раздубев. Пятигорск, 2011. 112 с.
3. Алимуратов, О.А., Раздубев А.В. Термины-эпонимы в русском и английском подъязыках нанотехнологий: структурно-семантический и гендерный аспекты/О.А. Алимуратов, А.В. Раздубев // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2011. №2. с. 157–161.
4. Алимуратов, О.А., Лату М.Н. Метафоричность термина как переводческая проблема/О.А. Алимуратов, М.Н. Лату // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2006. №4. с. 24–27.
5. Голованова, Е.И. Введение в когнитивное терминоведение: учеб. пособие/Е.И. Голованова. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. 224 с.
6. Лейчик, В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура [Текст]/В.М. Лейчик. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 256 с.
7. Раздубев, А.В. История возникновения и развития терминологии нанотехнологий/А.В. Раздубев // European Social Science Journal. 2011. №8. с. 60–69.
8. Раздубев, А.В. Современный английский подъязык нанотехнологий: структурно-семантическая, когнитивно-фреймовая и лексикографическая модели диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук/дис. ... канд. филол. наук: Пятигорский государственный лингвистический университет. Пятигорск, 2013. 247 с.
9. Ткачева, Л.Б. Основные закономерности английской терминологии [Текст]/Л.Б. Ткачева. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1987. 200 с.
10. Чернышенко, А.Г. Специфика лингвистических параметров дискурса медиации/А.Г. Чернышенко// Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. №12–1 (30). с. 209–213.
11. Chernyshenko, A.G., Alimuradov O.A. Linguistic Parameters of the Mediation Discourse/A.G. Chernyshenko, O.A. Alimuradov // Middle East Journal of Scientific Research. 2013. T. 15, №8. P. 1092–1096.
12. Nanodic.com. All About Nano [Electronic resource]. — URL: <http://www.nanodic.com>.

К вопросу о выявлении криптоклассных систем (на примере английского и немецкого языков)

Щепотина Елена Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент
Курская академия государственной и муниципальной службы

В статье представлена языковая категоризация концептов преступление и наказание в английском и немецком языках. Информация о реальном лексическом наполнении криптоклассов свидетельствует о законах социума, которые отражены сознанием носителей английского и немецкого языков.

Ключевые слова: языковая категоризация, криптокласс, языковое сознание, законы социума.

The article presents the linguistic categorization of concepts of crime and punishment in English and German. Information about the real lexical filling of kriptoklass testifies about laws of society, as reflected consciousness of English and German languages

Keywords. Language categorization, kriptoklass, linguistic consciousness, the laws of society.

Для получения более полного представления о рассматриваемых концептах, относящихся к сфере юриспруденции, обратимся к методике описания языковой категоризации. Эта методика была разработана А.А. Кретовым и О.О. Борискиной [2], и описана в работе «Теория языковой категоризации».

Разработка понятия языковой категоризации имеет длительную историю, однако еще не достаточно отражена в научной лингвистической практике и соответственно не имеет общепринятой терминологии. Истоки этой

проблемы можно связать с именами В. фон Гумбольдта, и Э. Сепира.

Первое изложение категориального спектра было принято еще Аристотелем в его сочинении «Категории» [1], который обобщил попытки предшествующих философов и составил таблицу категорий, выделив категории сущности, количества, качества, отношения, места, времени, положения, состояния, действия страдания.

Важность выделения криптоклассов состоит в том, что эта информация позволит дополнить знания о «за-

конах реального мира в том виде, в каком они отражены сознанием носителей языка, так называемой языковой картиной мира».

Рассмотрим подробнее предлагаемый А.А. Кретовым и О.О. Борискиной подход к описанию явлений языковой категоризации. Авторы отмечают, что: «Языковая Категоризация Мира — это уникальное для каждого этноса разрешение противоречия между дискретностью формы и континуальностью содержания языковых знаков через систему языковых категорий, как явных, так и скрытых (криптоклассов), обусловленное «наивной» систематизацией вербализованного человеческого опыта» [2, с. 6].

Итак, отправной точкой предлагаемой методики выявления и исследования скрытых механизмов языковой категоризации первостихий является анализ набора синтаксических позиций классификаторов (субъектная, объектная, адъективная, субстантивная). Вслед за авторами вышеизложенной проблемы языковой категоризации мы возьмем за основу методику выделения криптоклассов, применяя ее к лексемам **CRIME**, **PUNISHMENT** в английском языке и лексемам **VERBRECHEN** (n), **STRAFE** (f) в немецком языке.

Выбор данных лексем в качестве объекта языковой категоризации можно мотивировать максимальной степенью их значимости в формировании картины правового сознания в американском и немецком сообществе.

Как показал анализ материала, моделируемое английским и немецким языками знание о преступлении и наказании может быть представлено в виде системы криптоклассов и анализируется в глагольной, адъективной и субстантивной сочетаемости рассматриваемых лексем.

Материалом для исследования послужили словари, а также популярные юридические статьи из американских и немецких газет и журналов.

1. Категоризация концептов **PUNISHMENT** и **STRAFE** (f)

Лексемы **PUNISHMENT** и **STRAFE** (f) переводятся на русский язык как **НАКАЗАНИЕ**, и могут употребляться не только в качестве юридического термина, но и в качестве элемента бытовой речи.

КРИПТОКЛАСС ДЕЯТЕЛЬ

Н-Р: *the punishment should fit the crime* (соответствовать), *the punishment brought us peace*

Н-Р: *in (eine) Strafe verfallen* (подвергнуться наказанию), *mit Strafe belegen* (наложить наказание), *die Person hat Strafe verdient* (понести заслуженное наказание)

КРИПТОКЛАСС ДВИЖУЩЕЕСЯ

Н-Р: *the punishment does not appear* (проявляться).

Н-Р: *die Strafe abbüssen [verbüßen]* (отбывать/нести наказание), *Strafe verhängen* (выносить наказание), *Strafe verurteilen* (вынести обвинительный приговор/приговорить к наказанию)

КРИПТОКЛАСС ПРЕСЛЕДОВАТЕЛЬ

Н-Р: *to escape punishment* (избежать наказания).

Н-Р: *etw. Unter Strafe stellen* (преследовать что-либо по закону)

КРИПТОКЛАСС ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ

Н-Р: *to suffer punishment, to impose punishment, cruel punishment* (суровое); *harsh punishment; severe punishment; just punishment* (справедливое); *I'm for a worse punishment* (суровое); *he thought that punishment should be sensible* (милосердное).

Н-Р: *auf Mord stehen die härtesten Strafen* (убийство карается самыми суровыми мерами наказания), *drakonische Strafe* (крайне строгое наказание), *entehrende Strafe* (позорящее наказание), *schwere Strafe* (суровое наказание), *Strafenterror* (m) (уголовный террор)

КРИПТОКЛАСС ОБЪЕКТА СТАБИЛЬНОЙ ФОРМЫ

Н-Р: *he took his punishment like a man, he won't face much punishment at home* (принимать наказание).

Н-Р: *eine exemplarische [abschreckende] Strafe* (примерное наказание), *eine Strafe erlassen* (отменить наказание), *eine Strafe über jemanden verhängen* (присудить кого-либо к какой-либо мере наказания/наложить на кого-либо взыскание), *Strafensystem* (n) (система наказаний)

КРИПТОКЛАСС ДЕЛИМОЕ

Н-Р: *to mete out* (отмерять, распределять)

Н-Р: *angemessene Strafe* (соразмерное наказание), *Strafenhäufung* (f) (сложение наказаний), *bei Strafe verbieten* (vt); *unter Strafe stellen* (vt) (запретить под угрозой наказания)

КРИПТОКЛАСС ОБЪЕКТА НЕСТАБИЛЬНОЙ ФОРМЫ

Н-Р: *mild punishment* (мягкое); *light punishment* (незначительное).

Н-Р: *eine Strafe milden* (смягчать наказание)

КРИПТОКЛАСС ЧЕЛОВЕК

Н-Р: *blood punishment* (кровавое).

Н-Р: *bei Strafe des Lebens* (под страхом смертной казни), *körperliche Strafe* (телесное наказание)

Итак, лексема **PUNISHMENT**, **STRAFE** (f) — **НАКАЗАНИЕ** характеризуются в английском и немецком языках, как «живое существо», являясь представителем субъектного, объектного, адъективного и субстантивного криптоклассов ФО СТАБИЛЬНОЙ ФОРМЫ, ДЕЛИМОЕ, ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ, ДЕЯТЕЛЬ, ЧЕЛОВЕК, ДВИЖУЩЕЕСЯ, НЕСТАБИЛЬНОЕ, ПРЕСЛЕДОВАТЕЛЬ.

2. Категоризация концептов **CRIME** и **VERBRECHEN** (n)

Обратимся к анализу языковой категоризации лексем **CRIME** и **VERBRECHEN** (n) — **ПРЕСТУПЛЕНИЕ**.

КРИПТОКЛАСС ДВИЖУЩЕЕСЯ

Н-Р: *more sophisticated white-collar crime emerged on Wall street* (преступления появляются); *a duo whose alleged crimes spread* (распространяются).

Н-Р: *ein Verbrechen begehen; sich (D) ein Verbrechen zuschulden kommen lassen* (совершать

преступление), *unaufgeklärtes Verbrechen* (нераскрытое преступление)

КРИПТОКЛАСС КОММУНИКАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Н-Р: *to report a crime*.

Н-Р: *Anzeige eines Verbrechens* (сообщение о совершении преступления), *Mitteilung des Verbrechens* (сообщение о совершенном преступлении)

КРИПТОКЛАСС ПРЕСЛЕДОВАТЕЛЬ

Н-Р: *really hard to leave a crime* (оставить).

Н-Р: *wegen der Verbrechen zur Rechenschaft ziehen* (привлекать к ответу за преступления)

КРИПТОКЛАСС ПРЕДЕЛЬНОСТЬ

Н-Р: *to deter crime* (удерживать), *to stamp out crime* (подавлять), *to prevent crime* (предотвращать).

Н-Р: *eine zentrale Bedeutung bei der Ahndung von Verbrechen haben* (иметь центральное значение для наказания за преступления), *vollendete Verbrechen* (оконченное преступление)

КРИПТОКЛАСС ПРЕОБРАЗОВАНИЕ

Н-Р: *to wipe out crime* (смывать следы).

Н-Р: *ein Verbrechen aufdecken* (раскрывать преступление), *ein Verbrechen... [Schuld des Verbrechens] abwaschen* (смывать... преступление/смыть вину за преступление)

КРИПТОКЛАСС СОСТОЯНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Н-Р: *international financial crime* (финансовое); *in a corporate crimes*; *infamous crime*; *crime difficult to trace*; *political crime*; *victimless crime*; *war crime*; *organized crime*; *economic crime* (экономическое), *a new war on street crime*

Н-Р: *ein Verbrechen am Volk [an der Menschheit]* (преступление перед народом/человечеством), *Verbrechertum* (n) (организованная преступность), *Verbrechen aus Eigennutz* (корыстное преступление), *Erfolgsverbrechen* (n) (материальное преступление), *Kriegsverbrechen* (n) (военное преступление), *besonders gefährliches Verbrechen* (особо опасное преступление), *doloses Verbrechen* (умышленное преступление)

КРИПТОКЛАСС ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ КАЧЕСТВО

Н-Р: *brutal crime* (жестокое); *heinous crime*; *horrible crime* (ужасное); *outrageous crime*; *a daring crime*; *perfect crime*; *serious crime* (серьезное); *grave crime* (тяжкое); *as a serious crime*; *who roams the streets committing terrible crimes*, *violent crime*

Н-Р: *Verbrechen mit Todesfolge* (преступление со смертельным исходом), *exzeptionelles Verbrechen* (исключительное по своей дерзости преступление), *schweres Verbrechen* (тяжкое преступление)

КРИПТОКЛАСС СТЕПЕНИ ТЯЖЕСТИ

Н-Р: *minor crime* (незначительное); *petty crime* (мелкое); *less grave crime*, *extraordinary crime*, *little crime*

Н-Р: *Kapitalverbrechen* (n) (особо тяжкое преступление), *unbedeutendes Verbrechen* (незначительное преступление)

КРИПТОКЛАСС ДЕЛИМОЕ

Н-Р: *that most categories of crime, different accounts of crime, dozen of crimes* (дюжина).

Н-Р: *an einem Verbrechen beteiligt sein* (быть участником к преступлению; быть соучастником преступления), *Kategorie eines Verbrechens/kriminologische Typisierung des Verbrechens* (категория/криминологическая типизация преступления)

Лексемы **CRIME** и **VERBRECHEN (n)** — **ПРЕСТУПЛЕНИЕ** характеризуются следующими криптоклассами: КОММУНИКАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, СОСТОЯНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ, ДВИЖУЩЕЕСЯ, ПРЕОБРАЗОВАНИЕ, ПРЕДЕЛЬНОСТЬ, ДЕЛИМОЕ, СТЕПЕНЬ ТЯЖЕСТИ, ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ КАЧЕСТВО, ПРЕСЛЕДОВАТЕЛЬ.

Важность выделения криптоклассов в данной статье очень велика. Информация о реальном лексическом наполнении криптоклассов является сведениями о законах социума, которые отражены сознанием носителей английского и немецкого языков.

Из отобранных для исследования предложений и словосочетаний были взяты только те, которые имели оттенки метафоричности.

Классифицируемые элементы *Crime*, *Punishment*, *Verbrechen* (n), *Strafe* (f) реализовались в 13 криптоклассах. Характерным признаком этих лексем как в английском, так и в немецком языке является наличие таких криптоклассов как ЧЕЛОВЕК, ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ КАЧЕСТВО, ДВИЖУЩЕЕСЯ, СТЕПЕНЬ ТЯЖЕСТИ, ПРЕСЛЕДОВАТЕЛЬ, СОСТОЯНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ. Это указывает на одушевление этих лексем, принадлежность к наивно-правовому сознанию в большей степени, чем к профессионально-правовому.

Объем статьи не позволил подробнее осветить проблемы языковой категоризации вообще и связанные с ними аспекты выделения криптоклассов в языках. Мы остановились лишь на некоторых лингвистических фактах этого процесса.

Литература:

1. Аристотель. Сочинения в 4-х томах. Т. 2., М.: Мысль, 1978. — 687 с.
2. Борискина, О. О. Кретов А. А. Теория языковой категоризации: национальное языковое сознание сквозь призму криптокласса/О. О. Борискина, А. А. Кретов. — Воронеж: ВГУ, 2003. — 211 с.
3. Большой немецко-русский словарь./Сост. Е. И. Лепинг, Н. П. Страхова, Н. И. Филичева и др.; Под рук. О. И. Москальской. — М.: Рус. яз., 1980, I — 760 с., II — 656 с.

4. Гумбольдт, В. Фон. Избранные труды по языкознанию/В. фон Гумбольдт. — М.: Прогресс, 1984. — 397 с.
5. Немецко-русский юридический словарь, 46000 терминов/Под ред. П. И. Гришаева, М. Бенямина, 7-е изд. — М.: РУССО, 2002. — 624 с.
6. Новый немецко-русский словарь. 55000 слов. — М.: ООО «Издательство Мир книги», 2007. — 1568 с.
7. Advanced Learner's English Dictionary/ — The University of Birmingham. Great Britain, 2003. — 1712 p.
8. Longman Dictionary of Contemporary English. — Изд-во Лонгман, 2001. — 1668 с.

Коммуникативное поведение в жанре семейных родословных

Якимова Екатерина Михайловна, кандидат филологических наук, старший преподаватель
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Статья посвящена анализу практического коммуникативного поведения на базе семейных родословных. Коммуникативное поведение рассматривается в рамках науки о речевом воздействии и общей теории языкового позитива. Приведены и описаны коммуникативные категории, присущие внутрисемейному общению: коммуникативные нормы и табу, продуктивное и реактивное поведение, коммуникативные традиции.

Ключевые слова: семейные родословные, позитив, внутрисемейное общение, коммуникативное поведение.

Исследование языка семейных родословных возможно как в рамках общей теории языкового позитива, так и с точки зрения риторики в силу следующих причин. Во-первых, в целом позитивный жанр предполагает сохранение и передачу положительных сведений о родственниках, в том числе коммуникативных характеристик. Во-вторых, рассказы о семье дают интересные сгущения опытного (практического) знания, так как для семейных родословных особенно важна «акусматическая культура, устная передача информации, которая бывает весьма неожиданна и уникальна» [1, с. 12]. В-третьих, автор выражает собственное отношение к соблюдению коммуникативных традиций, к нарушению норм общения. В-четвертых, родословные насыщены конкретными фактами коммуникативного поведения. «Коммуникативное поведение — совокупность норм и традиций общения определённой группы людей», при этом «коммуникативные нормы — коммуникативные правила, обязательные для выполнения в данной лингвокультурной общности», а «коммуникативные традиции — правила, не обязательные для выполнения, но соблюдаемые большинством народа и рассматриваемые в обществе как желательные для выполнения» [2, с. 35].

Коммуникативные нормы и традиции, существующие в реальной, «живой», практике внутрисемейного общения, находят отражение в родословных, автор которых одновременно является членом семьи. Важным представляется вопрос о закономерностях включения в текст тех или иных отображённых в речи фрагментов действительности. В содержательном плане это особенно значимые для родственников события, которые, оставшись в памяти, воспроизводятся в определённой ситуации и адресуются слушателю или читателю. В плане выражения это реализуется с помощью фрагментарности повествования.

В текст органично вплетаются запомнившиеся картинки детства, юности, эпизоды. В таких случаях мы сталкиваемся с языковой экспликацией феномена импринтинга, о котором пишет в своей книге В. Р. Дольник. «Ребёнок, родившись, импринтирует (запечатлевает) мать — её образ, голос, запах, даже ритм пульса. Все её качества окрашиваются положительными эмоциями (она, как и запечатлённая родина, лучше всех) и обсуждению со стороны рассудка не подлежит, пока дитя находится в зависимом возрасте» [3, с. 63]. Показательно, что в родословных семейное общение представлено не только прямой речью, но и нарративными контекстами, которые содержат такие сведения, как: особенности общения в семье, манера говорения родственника, параметры речевого поведения, соблюдение этикетных норм и т. д. Автор, с одной стороны, приводит описания родственников и биографические факты, передающиеся из поколения в поколение, с другой стороны, дополняет рассказ собственными убеждениями относительно общения и коммуникативного поведения.

В родословных часто встречаются авторские размышления и выводы о значимости внутрисемейного общения: *Все члены нашей семьи единоклубны в соблюдении традиций, которые передаются от поколения к поколению: семейные торжества, детские праздники, юбилейные даты и просто вечера общения (без телевизора и компьютера), где душа каждого из нас открыта настежь перед родными, близкими людьми (Т. Ю. С.); Мы чувствуем больше привязанности к нашим родственникам, когда мы общаемся с ними (М. Т. С.); Старым людям нужна была не столько физическая помощь, сколько необходимо было общение, было необходимо чувствовать себя кому-то нужным (М. И. А.).* В свете современных тенденций, а именно: «уменьшение времени, проводи-

мого людьми в семье», «увеличение дистанции между поколениями, между родителями и детьми, между старшими и младшими», «сокращение общения с родственниками» [4, с. 215–216] — родословные имеют особое воспитательное значение, поскольку формируют в сознании личности неразрывное единство СЕМЬЯ — ОБЩЕНИЕ. О позитивном видении и важности внутрисемейного общения свидетельствует также анализ контекстов в когнитивном плане. Концепт ОБЩЕНИЕ тесно связан с базовыми концептами родословных:

1. ЧУВСТВА (доверие, утешение и т.д.): *Как хорошо, что каждый вечер меня окружают близкие люди, что доверительные беседы и внимательные взгляды — добрые спутники нашей семьи (К.М. В.); Сейчас, когда мы уехали из дома, так не хватает ласковых маминых рук, её утешающих слов, её решимости в трудную минуту... (Е.А. В.);*

2. ПАМЯТЬ: *Эта энергичная женщина в свои 83 года много рассказывает о войне школьникам, её интересно слушать, у неё прекрасная память, она помнит не только все даты сражений, но и фамилии, имена и отчества своих боевых подруг и друзей (Ж.О. А.);*

3. ДОМ: *Ждешь, когда мы приедем и дом опять наполнится суетой, смехом, разговорами. Я знаю, как ты готовишься к нашему приезду: закупаешь разные вкусности, перестилаешь постели, убираешь дом (Е.Е. В.); Это уютный тёплый дом, где тебя всегда ждут, понимают, разделяют с тобой радости и тревоги, всегда посочувствуют, поддерживают (М.С. А.);*

4. ПРАЗДНИК: *Порой места за праздничным столом всем не хватает, поэтому наши многочисленные друзья и родственники приезжают к нам в гости чаще летом на дачу. Разговоров, воспоминаний хватает далеко за полночь (П.Н. А.);*

5. УДОВОЛЬСТВИЕ: *Любуясь красотой природы, мы наслаждаемся общением друг с другом. Это ещё больше сближает нас, делает нашу семью ещё крепче и дружнее (Б.А. А.).*

Изучение языка родословных позволяет не только выявить концептуальные связи ОБЩЕНИЯ, но и наметить ряд немаловажных частных проекций, касающихся непосредственно коммуникативного поведения в семье.

Во-первых, основой идеального поведения в семье является позитивное коммуникативное действие (вербальное и невербальное): *Общались друг с другом доброжелательно. Моя прабабушка вспоминает с теплотой о своей свекрови (К.А. А.); Бабушка Маша была очень вежливой и ласковой. Особенно мне нравилось, когда она улыбалась. От её улыбки исходила теплота и положительная энергия. (К.Я. Ю.).*

Во-вторых, отсутствие негатива в речи обеспечивает коммуникативное равновесие в процессе общения: *Со свекровью ей повезло: она по-матерински наставляла*

невестку, бывало, отчитывала, но всегда по-доброму. Вера Егоровна до сих пор вспоминает её добрым словом (А.Н. Ю.); Он всегда очень рано встает, чувствует северную природу, знает много примет, поговорок, различных историй, обладает хорошим чувством юмора. Правда, он любит поучать. Но у него это здорово получается, необходимо (Б.Е. А.).

В-третьих, несмотря на большую ретроспективность жанра, в семейных родословных обращают на себя внимание категории общения, актуальные для современной коммуникативной ситуации, например:

КОММУНИКАТИВНЫЕ НОРМЫ: *У нас нет в семье особенных семейных традиций, но мы собираемся вместе на праздники и не забываем поздравлять друг друга (П.Е. В.); Каждый раз нахожу здесь фамилию своего прадеда и шепчу ему слова: «Спасибо, милый мой прадедушка, за то, что я могу слышать этот мирный колокольный звон, видеть счастливые лица друзей. Низкий поклон тебе за подаренную жизнь» (Н.Я. Г.);*

КОММУНИКАТИВНЫЕ ТАБУ (речевые и тематические): *Папа говорит, что у них было табу на грубые слова. Всё это шло от дедушкиных родителей. Прадед Алёша и бабушка Вера, со слов дедушки, были глубоко верующими людьми. И поэтому слово «чёрт» и то было ругательным, и дедушка это уяснил на всю свою жизнь, хотя сам он верующим не был (П.Н. А.); Прабабушка Зоя редко рассказывала родным о войне. До такой степени тяжёлы для неё эти воспоминания... (Л.Е. С.).*

В рассказах о родственниках частотны коммуникативные характеристики:

ТАКТИЧНОСТЬ: *Наследственную ниточку в нашей семье продолжает папа. Он глава нашего большого семейства, к его мнению прислушиваются даже бабушка и дедушка, лишь иногда корректно поправляя его или мудро советуя что-то (Т.Ю. С.);*

ТОЛЕРАНТНОСТЬ: *Правда, он сменил за всё это время пять колхозов, восстанавливая один за другим. Прабабушка не успевала привыкнуть к новому месту, как приходилось снова переезжать. Но ни разу она не упрекнула в этом дедушку, хотя ей было очень трудно (Т.О. А.); Никогда в жизни я не слышала от неё жалобы, а наоборот, часто слышу от неё слова благодарности Богу за прожитую жизнь (Н.О. Н.);*

БЕСКОНФЛИКТНОСТЬ: *Глава семьи — Скоморох Наталья Павловна учила своих дочерей, а также жён своих сыновей вести домашнее хозяйство, никогда не ругалась с ними (К.А. А.);*

КОММУНИКАбельность: *Мамина бабушка была очень интересным, общительным, открытым человеком (А.Т. Ю.);*

КОММУНИКАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: *Прадедушка пообещал родителям невесты, что обеспечит жене и будущим детям достойную жизнь. И сдержал слово (Ф.В. И.).*

Наряду с особенностями ПРОДУКТИВНОГО коммуникативного поведения автор родословных приводит факты РЕАКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ: *Ему, как и большинству представителей старшего, поистине доблестного и героического поколения, не так уж много и нужно — посидеть с внимательным собеседником, который бы слушал его рассказы, советы и «мотал на ус»* (М.И. С.). Подобные фрагменты особенно значимы в педагогическом и психологическом планах, так как влияют на поведение личности и формируют коммуникативное самосознание.

В-четвёртых, влияние коммуникативных традиций — общих для национального сознания и индивидуальных (внутрисемейных) — испытывают имена собственные. Как положительные и обязательные компоненты русской коммуникативной культуры в семейных родословных отмечаются следующие: знание имени, сохранение имени, память об имени, называние по имени: *Я написала историю своей семьи, пусть не с древних времён, а всего лишь с 1888 года. Но уже и этого достаточно, чтобы создать небольшую картотеку имён, фамилий и чисел* (С.Е. П.); *Осталась лишь добрая память о нём и имя, высеченное на камне, на мемориале погибшим воинам в селе Верхопеньё Белгородской области Ивнянского района* (Г.Е. В.); *А бабушка помнит всех поименно и может немного рассказать о каждом* (К.Т. С.).

Формулы именования, фиксируемые в родословных, расширяют номинативный ряд собственного имени и становятся значимыми для описания внутрисемейных традиций и коммуникативного поведения. *В нашей семье все зовут друг друга по имени. Кому-то покажется странным, что моя одиннадцатилетняя двоюродная сестра зовёт мою маму Света (а моей маме 46), но это наша маленькая традиция* (Ф. М.); *В настоящее время в нашей семье эту «тройку» мы называем Люся (Людмила), Лися (Лариса) и Тася (Наталья)* (И. М.); *Анну Кузьминичну внуки называли «бабушка Кузьминична» и любили её беззаветно* (К.М. В.); *Двери их дома всегда были открыты для гостей. Она всех угощала своими вкусными пирожками. За доброе отношение к людям её называли только Танечкой* (С. Т.).

Контексты, прототипом которых служат отчасти внутрисемейные реплики, выявляют разнообразие семейных номинаций, способствующих эффективному общению за счёт сохранения позитива: *Такого прадедушка пережить не мог, ведь это его «зоренька», так ласково он называл прабабушку* (Ф.В. И.); *Она очень милосердный человек, и для меня она как ясное солнышко. Так я её и называю. А я для неё просто «ангелочек»* (П.О. В.); *Когда лето наступает, непре-*

менно в гости ждут. Они нас ласково «унученьки» называют (Ч.И. П.); *Бабушка всегда очень бережно и тепло относилась к своей свекрови, называла её мамой и была для неё вместо дочери* (Н.О. Н.).

В-пятых, в родословных имеют место сведения о трансформации принятых коммуникативных норм. Так, в рамках науки о речевом воздействии совет рассматривается в качестве ответной фразы, т. е. коммуникативная норма — дать совет исключительно на просьбу о помощи. Авторами родословных, а также членами семьи совет (наряду с поддержкой, передачей опыта и т. д.) воспринимается как проявление положительного отношения в процессе коммуникации: *Она нас всегда успокоит, обогреет своей любовью и даст совет* (М.С. А.); *В такой семье все поддерживают друг друга, помогают мудрым советом, основанным на собственном жизненном опыте* (К.Т. В.).

В-шестых, акусматическая культура обеспечивает косвенную и прямую передачу жизненного опыта, включая параметры идеального коммуникативного поведения: *Мы с братом оставались дома с дедушкиной мамой, моей прабабушкой. Мне очень нравилось, как она рассказывала сказки. Казалось, что больше никто так не умеет* (С.Т. Н.); *Сколько себя помню, у нас всегда была корова. Бабушка даже с ней так разговаривала, что посторонний человек никогда бы не догадался, что собеседник — животное* (С.Е. С.); *Всегда она помнила наставление своей матери: «Живи честно и чисто, никогда не обманывай, старайся всегда помочь тем, кто оказался в беде»* (Н.О. Н.).

Семейные родословные наполнены фактическим, концептуальным и собственно речевым материалом, отражающим особенности коммуникативного поведения на практическом уровне. «Родословные свидетельствуют, что ПАМЯТЬ О ПОВЕДЕНИИ неуничтожима, не только не горят рукописи, не забывается и стиль обыденной будто бы жизни, осколки которого нередко встречаются в мемуарной литературе» [5, с. 91]. Повествовательные контексты содержат сведения о коммуникативных нормах, традициях и запретах, о функционировании собственных имён и семейных номинаций в речевой практике. Включение размышлений о коммуникативном поведении и запечатление индивидуально значимых коммуникативных действий определяют коммуникативное сознание личности автора. Описательные фрагменты (своеобразные примеры для подражания) дают установку на приобретение необходимых навыков внутрисемейного общения. Таким образом, «коммуникативная насыщенность» родословных способствует формированию идеального коммуникативного поведения, которое выступает в качестве компонента идеального поведения в целом.

Литература:

1. Харченко, В.К. «Филология — любовь моя...»: некоторые ориентиры в преподавании речеведческих дисциплин // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания речеведческих дисциплин в вузе и школе:

- Материалы 2-й региональной научно-методической конференции. — Белгород, 2008. — с. 6–12.
2. Стернин, И. А. Коммуникативное поведение и межкультурная коммуникация // Мова. Науково-теоретичний часопис з мовознавства. №15. — Одесса: Астропринт, 2010. — с. 34–39.
 3. Дольник, В. Р. Непослушное дитя биосферы. Беседы о человеке в компании птиц и зверей. — М.: Педагогика-Пресс, 1994. — 206 с.
 4. Стернин, И. А. Избранные работы. Теоретические и прикладные проблемы языкознания/Научный ред. З. Д. Попова. — Воронеж: «Истоки», 2008. — 596 с.
 5. Харченко, В. К. Общение в семье: в поисках слов и интонаций. — М.: Издательство Литературного института им. А. М. Горького, 2014. — 240 с.

6. МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ, ЖУРНАЛИСТИКА, СМИ

Употребление средствами массовой информации нелитературной лексики (на примерах жаргона и сленга)

Галина Эллина Фанусовна, студент
Башкирский государственный университет (г. Уфа)

Средства массовой информации имеют тысячелетнюю историю, которая берет свое начало с римских гипсовых досок «Acta Senatus» и «Acta diurnal populi Romani», размещавшихся в видных местах империи, заканчивая современными многомиллионными изданиями газет и журналов, появлением все большего количества телевизионных каналов и радиостанций. На заре своего рождения журналистика носила элитарный характер и была ориентирована на высокообразованного читателя — интеллектуала. Развитие компьютерных технологий и появление интернета оказало колоссальное влияние на развитие общества. С развитием информационных технологий традиционные СМИ существенно видоизменились. Современные СМИ ориентированы как на интеллектуально развитого читателя, так и на массового. Благодаря этим трансформациям стилистические особенности языка и тематическое разнообразие журналистского мастерства значительно расширились. В обиход авторов журналистских материалов помимо классической литературной лексики стала входить и нелитературная. Традиционно ее принято разделять на:

1) Профессионализмы, подобного рода элементы не-разговорной лексики часто можно встретить в специализированных изданиях, ориентированных на повышение профессиональной классификации работников.

2) Вульгаризмы, такая лексика часто употреблялась в 90-е годы XX века, в связи с переориентированием прессы и провозглашением «свободы слова». В авторских материалах вульгаризмы встречаются крайне редко, чаще всего для стилизации, характеристики литературного портрета изображаемого лица.

3) Жаргонизмы,

4) Сленг.

На последних двух элементах стоит остановиться подробнее.

Современный журналист обладает достаточным багажом знаний в культуре речи, что позволяет ему стилистически грамотно оформлять текст. С этой целью работниками СМИ используются всевозможные образные средства языка, достаточно четко формулируется авторская позиция по той или иной проблеме, приводятся аргументы, выражается этическая или социальная оценка

того или иного явления. Подобным образом формируется язык СМИ, рассчитанный в равной степени на интеллектуального и массового читателя. Для усиления воздействия на аудиторию, журналисты прибегают к использованию в печати графических элементов, таких как фотография, диаграммы, карикатуры и авторские рисунки. Наряду с графическими элементами с той же целью работниками СМИ используются и элементы разговорной речи.

Газетный текст очень часто строится на взаимодействии литературной и нелитературной лексики. Подобным образом можно добиться эффекта негативной или позитивной авторской оценки, реалистичности изображаемых явлений или передать авторскую иронию, смех, негодование, сарказм. Некоторые ученые полагают, что термины «сленг» и «жаргон» являются однозначными. Оба этих определения относятся к социальным диалектам, проще говоря, к лексике определенных групп людей. Жаргон очень часто связан с профессиональной лексикой, что роднит его профессионализмами (жаргон музыкантов, летчиков, дальнбойщиков), можно выделить воровской, блатной армейский жаргон.

Сленг состоит из понятий и определений, которые первоначально употреблялись в узких социальных группах. Эти слова и высказывания также носят эмоционально-оценочный характер. Наиболее известен молодежный сленг, сфера употребления которого ограничена возрастными, социальными, временными и пространственными рамками. Понятие можно подразделить на три группы:

1. Компьютерный сленг — язык программистов и пользователей интернета и любителей виртуальных игр (геймеров),

2. Собственно молодежный сленг. Данная лексика основана на неологизмах и вбирает в себя особенности других социальных диалектов,

3. Студенческий сленг. Лексика учащихся, как в общеобразовательных учебных заведениях, так и студентов вузов и ссузов. Чаще всего такая лексика основывается на сокращении названий предметов.

Современные журналистские кадры в большинстве своем состоят из активных молодых людей, принадлежащих к той самой узкой социальной группе, в которой

и распространен сленг. Этими авторами составляются печатные материалы, в которых и используется данная лексика. Это можно рассматривать как положительное влияние, поскольку современная пресса заинтересована в предоставлении адекватной, понятной большинству молодежи информации.

Журналисты используют жаргон для того, чтобы установить контакт с аудиторией, заинтересовать ее необычным сочетанием слов. Часто жаргонизмы выводят в заголовки.

Слова из сленга часто используются в передачах, ориентированных на молодежь, слова из блатного или тюремного жаргона применяют журналисты, специализирующиеся на уголовной теме.

Литература:

1. Солодуб, Ю. П., Альбрехт Ф. Б. Современный русский язык. Лексика и фразеология современного русского литературного языка.
2. «Современный русский язык»: Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Филология»/П. А. Лекант, Е. И. Диброва, Л. Л. Касаткин и др.; Под редакцией А. Леканта. — 3-е издание, стереотип. — М.: Дрофа, 2002. — 560 с.
3. Гальперин, И. Р. //О термине «сленг».
4. Виталий Колмановский. «О литературном языке и жаргоне». http://innabb.users.baku.ru/pubs/vkolmanovsky/10311_ru.php
5. <http://skazanul.ru/>

Гендерные стереотипы и язык масс-медиа

Лемеш Владимир Геннадьевич, аспирант

Донбасский государственный педагогический университет, Горловский государственный педагогический институт иностранных языков (филиал) (Украина)

Развитие современного общества характеризуется всё более интенсивным развитием средств массовой информации. Мы полагаем, что современные масс-медиа выступают одним из основных средств формирования общественного мнения. Л. А. Кудрявцева [10, с. 59] отмечает, что в настоящее время идёт интенсивный процесс медиатизации общества. При этом данный термин понимается как глобальный и интенсивный процесс влияния средств массовой информации на общественное сознание. Таким образом, можно констатировать, что основной функцией современных масс-медиа выступает манипулятивная функция. Для успешного выполнения вышеназванной функции информационное пространство современных СМИ подвергается постоянным изменениям. Так, Н. Э. Алова [6, с. 7] пришла к выводу о том, что в структуре информационного пространства средств массовой информации есть два основных плана: денотативный и образный. Денотативный план информационного пространства СМИ содержит фактическую информацию о предмете сообщения, а образный создаёт

Печатный язык постоянно развивается и совершенствуется. Литературный язык не может в короткие сроки подстроиться под современные реалии. Постоянно меняющаяся действительность вынуждает литературный язык заимствовать из сленга и жаргонизмов определенные понятия. Характеристика какого-либо предмета, явления, действия может быть описана только посредством нелитературной лексики. Подобного рода тенденция позволяет русскому языку расширяться и развиваться.

Таким образом, появление сленга и жаргонизма в печати определяется рядом причин, и носит скорее положительный, нежели отрицательный характер. Подобного рода диалекты основаны на общенациональном языке, пользуются его фонетическими и грамматическими рамками.

определённый образ данного предмета. Основная часть информации подаётся в современных средствах массовой информации вербально, т. е. посредством языкового кода. Однако не следует преуменьшать значение невербальных элементов в структуре информационного пространства масс-медиа. Исследуя визуальный компонент информационного пространства медиатекста, Е. А. Ерёмкина [8, с. 9–10] пришла к выводу о том, что фотографии, графический материал, рисунки, коллажи являются одним из основных элементов смыслового пространства медиатекста и несут определённую функциональную нагрузку. Итак, современный текст масс-медиа представляет собой комплексную гетерогенную структуру, находящуюся в состоянии динамичного развития и выполняющую манипулятивную функцию.

Одним из молодых перспективных направлений лингвистических исследований сегодня выступают гендерные исследования. Говоря о развитии гендерных исследований в лингвистике, А. В. Кирилина [9, с. 51] выделяет в них два периода, а именно: нерегулярные исследования,

основанные на эмпирическом наблюдении разрозненных фактов; и широкомасштабные исследования, основанные на возросшем интересе к прагматической лингвистике и изменениями в дистрибуции гендерных ролей в обществе. Следует также отметить, что развитие гендерных исследований более интенсивно происходит в странах Западной Европы и США. Одним из факторов обуславливающих такое положение вещей, можно считать интенсивное развитие в этом регионе феминистского движения. Соглашаясь с Е. А. Селивановой [11, с. 110], мы рассматриваем гендер как пол человека в контексте распределения между мужчиной и женщиной социальных функций, форм деятельности, специфики поведения, культурных норм и т.п. В контексте данной выше дефиниции, мы считаем необходимым также рассмотреть понятие «гендерная роль». А.Р. Габидуллина [7, с. 42] определяет гендерную роль как представление о том, каким должно быть поведение представителей разных полов в данной культуре. В современном обществе гендерные роли выступают основным мерилем проявления фемининности или маскулинности. Они заняли настолько прочное место в общественном сознании, что даже среди учёных-нейробиологов нет общего мнения по поводу биологической детерминированности распределения гендерных ролей в обществе. В качестве подтверждения этому можно рассматривать статью «Men are NOT from Mars after all: Scientist claims male and female brains are the same and it's gender stereotyping which makes us different», опубликованную на сайте газеты «Daily Mail» 8 марта 2014 года [5]. В статье отмечается, что, хотя результаты последних исследований говорят об одинаковости строения мозга у мужчин и женщин, существуют также исследования, результаты которых свидетельствуют о прямо противоположном. В любом случае нельзя отрицать значительной роли социальных устоев в дистрибуции гендерных ролей. Поэтому, мы считаем возможным говорить об их стереотипизации. Соглашаясь с Е. А. Селивановой [11, с. 689], мы определяем стереотип как детерминированную культурой или субкультурой и социумом упорядоченную и фиксированную структуру сознания, фрагмент картины мира, который олицетворяет результат познания действительности конкретной социальной группой и является схематическим стандартным признаком, матрицей предмета, события, явления. Отступления от гендерных стереотипов со стороны представителей общества, как правило, встречают негативную реакцию со стороны социума в целом. Представители феминистского движения утверждают, что гендерные стереотипы — одна из основных причин отсутствия равноправия полов в обществе. Распространённым среди феминисток является мнение о том, что андроцентризм является основой современного капиталистического общества. Учитывая особенности развития общества на современном этапе, можно с уверенностью утверждать, что экономическая жизнь индивида, его положение на служебной лестнице выступают теми отраслями общественной жизни, в которых гендерные

стереотипы проявляются наиболее отчётливо. Выше отмечалось, что масс-медиа на современном этапе своего развития выступают ведущим средством манипуляции общественным сознанием. Поэтому, далее считаем возможным и целесообразным остановиться на анализе статьи «Gender stereotypes hindering women in the workplace», опубликованной на сайте газеты «Independent» 18 марта 2014 года [1].

Тема статьи сформулирована в заголовке: это затруднения, которые испытывают женщины на работе из-за гендерных стереотипов. Денотативный план информационного пространства данной газетной статьи представляет собой конкретную информацию о положении женщин на работе и на рынке труда, часто снабжённую статистическими данными: «*Stereotypes and myths are the reason women are held back rather than issues such as childcare, according to a new report.*»; «*The study — called Cracking the Code — found women without children to be as disadvantaged as working mothers when it comes to achieving top-level positions.*»; «*...a man starting at a FTSE 100 organization is 4.5 times more likely to make it to the executive committee than a woman, while senior women are two times less likely to be promoted than their male peers*»; «*Currently FTSE 100 companies have an advantage of 23 per cent female members working on executive committees.*»; «*The report, revealed by 30 % club and compiled by business psychology consultancy YSC and KPMG, collated data from top firms accounting for over 680,000 employees.*»; «*Despite many women reaching a very senior level with wide commercial experience, the research found that only seven per cent of women at executive level have responsibility for a profit-generating area of the business with the majority of senior women responsible for internal functions such as HR, legal or marketing functions.*» Образный план данного медиасообщения содержит негативную оценку его предмета — гендерных стереотипов в современном обществе. «*The report aims to dispel ten myths that companies use to justify why women are not making it through the ranks.*»; «*... this really debunks the nonsense about ambition, confidence and child-rearing that are used to justify why women are not making it to executive committee levels.*»; «*Companies have been hiding behind these myths. Firstly businesses must acknowledge these myths and then change their business outlook.*»; «*... the research shows women are staying at a senior level in their companies longer than men but are not able to crack through those final two levels to the executive committee.*»; «*... the stereotype that women do not have commercial acumen or that men do not have emotional intelligence were to blame for men and women being pushed into different areas of business during their careers.*». Кроме того, в образном плане сообщения также демонстрируется стремление автора статьи не только доказать существование проблемы гендерных стереотипов, но и побудить широкую общественность к её решению: «*... what I take from this research is that we will only really*

take a quantum leap towards better gender balance at all levels when organisations treat this as a mainstream, not a «diversity» issue»; «...removing the «psychological» barriers for women is just as important as removing the «structural» barriers if we are to fundamentally shift the dial in women's progression to the very top.»; «The report is aimed at showing companies how to tackle pipeline issues to reach equality at all levels across business». Подытоживая анализ данной газетной статьи, можно констатировать, что она является типичным примером распространения негативного отношения к гендерным стереотипам через средства массовой информации. Следует отметить, что современное феминистское движение интенсивно использует различные типы масс-медиа для распространения собственных взглядов.

Считаем также необходимым рассмотреть вопрос о том, какие методы борьбы с гендерными стереотипами предлагает современный феминизм. Прежде чем перейти к их непосредственному рассмотрению, оговорим, что современный феминизм не является однородным течением, а представляет собой комплекс различных течений, характеризующихся различной степенью радикализма. Сегодня радикальный феминизм призывает к пересмотру основ общественной жизни. Элисон Джаггер и Паула Розенберг в книге «Структура феминизма» («Feminist Frameworks») [2, с. 178] отмечают, что в современном патриархальном обществе деление людей на мужчин и женщин носит искусственный характер. Общественное представление о том, какой должна быть женщина, вынуждает её соглашаться с данным общественным стереотипом. Приверженцы вышеупомянутого взгляда утверждают, что женщины не рождаются женщинами, а становятся таковыми ввиду тех рамок, в которые их ставит общество. Кроме того, поборники столь радикального взгляда утверждают, что какие-либо биологические, психологические, экономические основания для деления членов современного человеческого общества на мужчин и женщин отсутствуют. К тому же, в книге «Структура феминизма» [2, с. 380] также отмечается, что материнство не следует считать атрибутом женщины, поскольку оно является для неё опасным. Сторонники такой точки зрения полагают, что, становясь матерью, женщина тем самым способствует воспроизводству мужчин в мире мужчин и, таким образом, поддерживает угнетающий её патриархат. Исходя из вышеизложенного, поборники данного подхода предлагают женщинам так называемую философию освобождения, т.е. сознательное самоустранение женщин от всех форм материнства. На наш взгляд, подобные теории носят слишком радикальный характер, поскольку не просто нацелены на достижение равноправия мужчин и женщин, а ставят под угрозу само существование современного общества. Существуют, конечно, и менее радикальные способы изменения модели жизнедеятельности общества. Так, Джералдин Прэтт и Виктория Рознер в книге «Глобальное и личное» [4, с. 31, 34] отмечают, что в последнее время научному анализу всё чаще подвергается

понятие «близкие отношения» («intimacy»), а также изменения в общественной жизни, связанные с этим понятием. На наш взгляд, это связано с тем, что современный мир подвергся чрезмерной глобализации. В современном обществе границы между личным и общественным (глобальным) весьма размыты. Отсюда, в свою очередь, возникает стремление людей тем или иным образом защитить свою личную жизнь. Вышеупомянутое стремление воплотилось в форме возникновения охраняемых посёлков или частных кварталов (gated communities) в США. В подобных местах все жители подчиняются определённым правилам: ограничено количество посетителей; оговорены цвета, в которые может быть покрашен дом; наличие парковочных мест на улицах; количество и виды домашних животных для жителей подобных посёлков; правила поведения во время общения с другими людьми вне своего дома. Таким образом, жители частных кварталов добровольно жертвуют определённой частью своих прав и достигают равноправия всех членов таких сообществ в независимости от их пола. Также, нельзя не отметить тот факт, что современный феминизм ставит перед собой цель находить те сферы жизнедеятельности женщин, в которых у последних есть проблемы. Катрин МакКиннон в книге «К феминистской теории государства» [3, с. 83–105] отмечает, что в последнее время в феминистских группах практикуется такой метод работы, как пробуждение сознания. По этому методу женщины, находясь в феминистских группах, делятся тем, что их больше всего тревожит в данный момент. Они сравнивают состояния друг друга и делятся накопленным жизненным опытом. Такой метод помогает представителям феминизма находить те проблемы, на которые ранее не обращали внимание и искать пути их решения. Кроме того, данный метод улучшает психологическое состояние женщин и позволяет им чувствовать себя более комфортно. Наконец, необходимо отметить, что ещё одним направлением борьбы с гендерными стереотипами, по мнению А. В. Кирилиной [9, с. 55], выступает также развитие феминистской лингвистики. Одной из задач данного направления лингвистики выступает борьба с так называемым языковым сексизмом, т.е. теми элементами патриархального строя, которые присутствуют в языке, и навязывают его носителям определённую картину мира. При этом женщине в данной картине мира, как правило, отводится второстепенная роль и приписываются негативные качества. Таким образом, феминистская лингвистика также выступает средством борьбы с гендерными стереотипами.

В завершение необходимо отметить, что гендерные стереотипы зародились вместе с моделью развития общества, которая господствует в современном мире. Без сомнения многие гендерные стереотипы мешают достижению равноправия представителей обоих полов в обществе. Однако, на наш взгляд, полный отказ от гендерных стереотипов вряд ли возможен, поскольку на смену отрицаемым современным обществом гендерным стереотипам приходят новые, причём нередко

продуцируемые самим феминизмом. На наш взгляд, рассмотрение взаимодействия феминистского движения, гендерных стереотипов и современных средств массовой информации представляет собой перспективное направ-

ление научных исследований, поскольку все три элемента данного взаимодействия находятся в состоянии динамического развития и играют важную роль в общественной жизни.

Литература:

1. Chesters, L. Gender stereotypes hindering women in the workplace [Электронный ресурс]/L. Chesters // The Independent. — Режим доступа: <http://www.independent.co.uk/news/business/news/gender-stereotypes-hindering-women-in-the-workplace-9200404.html>
2. Jaggar, A.M. Feminist Frameworks: alternative theoretical accounts of the relations between women and men/A.M. Jaggar, P.S. Rothenberg. — N.-Y., St. Louis, San Francisco, Auckland, Bogota, Caracas, Lisbon, London, Madrid, Mexico, Milan, Montreal, New Delhi, Paris, San Juan, Singapore, Sydney, Tokyo, Toronto: McGraw Hill, Inc, 1993. — 524 p.
3. MacKinnon, C. A. Toward A Feminist Theory of the State/C. A. MacKinnon. — Cambridge, Massachusetts, London, England: Harvard University Press, 1989. — 330 p.
4. Pratt, G. The Global and the Intimate Feminism in Our Time/G Pratt, V. Rosner. — N.-Y.: Columbia University Press, 2012. — 328 p.
5. Smith, E. K. Men are NOT from Mars after all: Scientist claims male and female brains are the same and it's gender stereotyping that makes us different [Электронный ресурс]/E. K. Smith // Mail Online. — Режим доступа: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2576241/Men-NOT-Mars-Scientist-claims-male-female-brains-gender-stereotyping-makes-different.html>
6. Алова, Н. Э. Динамический аспект образности газетного текста (на материале английского языка): автореф. дис. на соискание науч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.04 «Германские языки»/Н. Э. Алова; Моск. ордена Дружбы народов гос. ин-т. иностр. яз. им. Мориса Тореза. — М., 1989. — 22 с.
7. Габідулліна, А. Р. Основи теорії мовленнєвої комунікації: навч. посіб. для вузів/А. Р. Габідулліна, М. В. Жарикова. — Вид. 2-е перероб. і допов. — Горлівка: Вид-во ГДПІМ, 2005. — 282 с.
8. Ерёмина, Е. А. Множественность форм прагматического воздействия англоязычного медиадискурса: автореф. дис. на соискание науч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.04 «Германские языки»/Е. А. Ерёмина; Моск. гос. лингв. ун-т. — М., 2007. — 23 с.
9. Кирилина, А. В. Развитие гендерных исследований в лингвистике/А. В. Кирилина // Филол. науки. — 1998. — № 2. — с. 51–58.
10. Кудрявцева, Л. О. Сучасні аспекти дослідження мас-медійного дискурсу: експресія — вплив — маніпуляція/Л. О. Кудрявцева // Мовознавство. — 2005. — № 1. — с. 58–65.
11. Селіванова, О. О. Лінгвістична енциклопедія/О. О. Селіванова. — Полтава: Довкілля-К, 2010. — 844 с.

Отличительные черты новостных материалов о Гражданской войне в Сирии (на материале французских и российских информационных агентств)

Медведева Яна Витальевна, магистрант
Алтайский государственный университет (г. Барнаул)

Противоборство России и Франции в отношении Гражданской войны в Сирии нашло свое проявление и в СМИ. ИА данных стран по-разному представляют конфликт, причем в отношении некоторых событий различия кардинальны.

Гражданская война в Сирии длится более трех лет. По официальным данным за это время жертвами конфликта стали около 150 тысяч человек, число беженцев превысило 3 миллиона. Сирийский кризис стал одним из самых освещаемых событий своего времени. За 1090 дней конфликта было всего 30 дней, когда информаци-

онные агентства не публиковали новостей о Сирии. Однако информационный поток был и остается довольно противоречивым.

Россия и Франция в отношении Сирийского конфликта занимают противоположные позиции. Российская Федерация поддерживает правительственный режим Башара

Аль-Асада, является его дипломатическим щитом на международной арене, в то время как Франция активно разрабатывает резолюции по внешнему вмешательству, занимается поставками вооружения и финансовой поддержкой оппозиции. В начальной стадии конфликта именно Франция была главным сторонником иностранного вмешательства и до последнего выступала за открытую интервенцию осенью 2013 года. Данное противостояние нашло свое отражение и в специфике освещения Сирийского конфликта информационными агентствами этих стран — РИА Новости и France 24.

РИА Новости является одним из самых цитируемых источников информации об этом конфликте, так как российские журналисты имеют полное право находиться на территории конфликта и общаться с членами правительства Сирии.

Во Франции в качестве достоверного источника информации о конфликте долгое время служило AFP, однако позднее данное издание было заподозрено в ведении информационной войны. Как результат, ИА удалило все сообщения, касающиеся Сирии, и потеряло доверие аудитории.

Ключевым источником информации о ситуации в Сирии стало информационное агентство France-24. Именно оно на данный момент является самым цитируемым во Франции СМИ, освещающим Сирийский конфликт.

Чтобы выявить периоды наиболее острого противостояния позиций, был проведен количественный анализ более 10 тысяч текстов, что позволило выделить четыре самых освещаемых события Сирийского конфликта, два из которых носят военный характер, а два — дипломатический.

Для выявления особенностей освещения Гражданской войны в Сирии, были проанализированы 500 русскоязычных и 500 франкоязычных материалов, посвященных выделенным событиям.

В результате проведения качественного и количественного контент-анализа были выделены слова и выражения, наиболее часто характеризующие события и ситуации.

Первое событие: начало конфликта, март 2011 года. Сирийское общество еще не разделилось на сторонников и противников режима Асада, однако Россия и Франция уже заняли противоборствующие позиции.

В освещении беспорядков РИА Новости делало упор на меры, предпринимаемые правительством Башара Аль-Асада, а именно: на демократические реформы, отмену чрезвычайного положения, амнистию. В 19 материалах из 50 акцентировалось внимание на том, что зачинщики беспорядков были хорошо вооружены, а 15 материалов называют происходящее в стране заговором прозападных либералов.

France 24 те же самые события интерпретирует иначе. Более 100 раз говорится о том, что сирийский народ отстаивает на демонстрациях свои права, в то время как прави-

тельство не дает открыто выражать общественное мнение. Отмечалось, что предпринимаемые Асадом меры носят запоздалый характер и не могут решить всех назревших проблем.

Российское ИА выделяет жертвы среди сотрудников силовых структур, а France 24 говорит о репрессированных активистах и погибших демонстрантах.

Второе событие: голосование по Сирийской резолюции. 4 февраля СовБез ООН предложил первый вариант резолюции, на который Россия и Китай наложили вето.

В материалах РИА Новости более 60 раз упоминается о том, что предложенная резолюция охватывает только интересы Запада и предоставляет слишком много полномочий ЛАГ. Несмотря на то, что официально резолюция разработана Марокко, однако дипломаты указывают на то, что она может быть создана при участии Франции и США. Более 40 раз говорилось о том, что этот недоработанный документ допускает вооруженное вмешательство в дела Сирии, несмотря на то, что правительство Асада готово к мирному урегулированию конфликта.

Французское информационное агентство 68 раз упоминает, что предложенная ЛАГ резолюция должна остановить насилие в Сирии. Более 30 материалов посвящены осуждению позиции России и Китая. France 24 ничего не говорит о том, что проект не доработан, внимание же акцентируется на продолжающихся в Сирии репрессиях, чем оправдывается возможное военное вмешательство.

Третье событие: химические атаки. 12 Апреля и 21 августа 2013 года. До сих пор не известно достоверно, кто именно применял химическое оружие, что открыло широкие возможности для утверждения собственных позиций.

В этот период РИА Новости публиковало в день около 50 материалов, посвященных событиям в Сирии. Более 100 раз высказывалось мнение о том, что химоружие было применено оппозиционерами. В связи с этим 57 раз в материалах РИА силы оппозиции открыто названы боевиками и террористами. Мнение о том, что химическое оружие было применено правительством публикуется только со слов западных политиков, не пользующихся доверием в России.

France 24 отстаивает западную точку зрения, согласно которой химическое оружие было применено правительственными войсками. 29 раз говорилось о том, что имеются неопровержимые доказательства вины Башара Аль-Асада. Акцентировалось внимание на жертвах среди мирного населения, о пострадавших со стороны правительства практически не сообщалось. В материалах французского агентства насчитывается 39 упоминаний о погибших детях.

Четвертое событие: расследование химических атак. Это событие вызвало наибольший интерес у информационных агентств.

В материалах РИА Новости 26 раз говорится о том, что Башар Аль-Асад готов содействовать расследо-

ванию химической атаки. Особое внимание ИА уделило факту обстрела экспертов ООН в квартале, находящемся под контролем оппозиции. Данный инцидент так или иначе был освещен в 18 материалах в качестве доказательства причастности оппозиции к химатакам.

France 24 более 120 раз отмечает необходимость военного вмешательства на территорию Сирии для обеспечения безопасности мирного населения. Сообщение об обстреле экспертов ООН здесь встречается лишь однажды. Неоднократно отмечался факт сотрудничества правительства Сирии с боевиками Хезболлы и их возможной причастности к проведению химатаки.

Особенности освещения распространяются и на политических лидеров противоборствующих сторон, глав Сирии, России и Франции. В первую очередь сравним сформировавшиеся медиаобразы Башара Аль-Асада в российском и французском ИА.

РИА Новости 47 раз сообщает о том, что Башар Аль-Асад передает химическое оружие для утилизации. 38 раз акцентировалось внимание на том, что президент Сирии не только дает развернутые интервью, но и всячески старается наладить обстановку в стране.

Сообщается о том, что Асад участвует в работе различных конференций и прочих мероприятий, направленных на мирное урегулирование конфликта. В свете последних событий глава сирийского государства говорит, что не стоит его сравнивать с Януковичем, потому что он не бросит свою страну и будет защищать ее до последнего. Его противники — террористы и боевики, которые ранее применили химическое оружие против мирного населения.

Образ Башара Аль-Асада в материалах France 24 представлен иначе. Здесь уже он сам сотрудничает с террористами, о чем говорится более 40 раз. Сирийский режим многократно называется кровавым и беспощадным. Правление Башара Асада часто сравнивается с режимом его отца, причем неоднократны отсылки к Сирийскому кризису 50-летней давности.

Более 30 раз делается акцент на насилии и репрессиях со стороны его правительства. Также неоднократно были

отмечены частые заявления о том, что Башар Аль Асад передал не все химическое оружие. Акцентируется внимание на гуманитарных проблемах, в числе которых нехватка квалифицированной медицинской помощи для мирных граждан, большое количество беженцев и детей-сирот.

На France 24 часто публикуются заявления о бегстве Асада или же его смерти, причем эти данные оказываются не подкреплены доказательствами для дискредитации. Что касается освещения Сирийского конфликта в целом, то получается две различающихся точки зрения. Анализ 500 русскоязычных и 500 франкоязычных материалов ИА позволил выделить наиболее часто употребляемые слова и выражения.

Что касается освещения Сирийского конфликта в целом, то получается две различающихся точки зрения. Анализ 500 русскоязычных и 500 франкоязычных материалов ИА позволил выделить наиболее часто употребляемые слова и выражения.

Таким образом, для РИА Новости представляет следующую обобщенную картину: «Вооруженная (390 упоминаний) оппозиция (397 упоминаний), состоящая из боевиков (217) и террористов (55), угрожает (63) безопасности (296) страны, а также применяет (285) химоружие (286). Правительство (163) же всеми силами стремится к мирному (322) урегулированию конфликта при помощи конференций (305) и соглашений (53). Военное вмешательство (128), пропагандируемое западом, приведет к последствиям по ливийскому (85) образцу».

Для France 24 это обобщение может быть следующим: «Оппозиция (618) борется за свои права (347), которые многие годы нарушались правительством Башара аль-Асада. Против повстанцев (455) армия (608) повсеместно применяет насилие (308) и даже химическое (546) оружие (706). Единственный выход — это международное (384) вмешательство (246) вплоть до военной интервенции».

Таким образом, данное исследование показало кардинальные различия в освещении Сирийского конфликта российскими и французскими информационными агентствами. Сравнивая две итоговые картины, можно подумать, что речь идет о двух разных войнах.

Литература:

1. Григорьев, М. В. Методы ведения информационных войн. М.: 2009. URL: http://mcpt.narod.ru/pr_war.html

Анализ прецедентных текстов в российском политическом дискурсе

Рассинская Ольга Владимировна, магистрант

Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы (г. Уфа)

В политической коммуникации так или иначе участвует все общество: кто-то воздействует, кто-то подвергается этому воздействию. Но каким образом про-

исходит этот процесс, знают не все. Ученые-филологи, которые занимаются политической лингвистикой, знают, какими способами достигается принятие аудиторией того

или иного политика или политической партии. В ходе анализа текстов политического дискурса выявляются самые разные словесные способы воздействия на аудиторию.

Одним из средств убеждения и являются прецедентные феномены, употребление которых политическими деятелями в своих речах делает их ближе к избирателю и обществу в целом. Сейчас отмечается такая тенденция в мировоззрении потенциальных избирателей, что хорош тот политик, который может в ходе своих выступлений цитировать без предварительной подготовки известных писателей, деятелей культуры и искусства. Такой деятель сразу относится к разряду образованных людей, способных действительно управлять государством или же участвовать в деле государственной власти, а доверие к нему возрастает.

Прецедентные феномены делятся в свою очередь на прецедентные ситуации, прецедентные высказывания, прецедентные имена и прецедентные тексты как конкретное указание на какое-либо речевое произведение. Все эти феномены можно считать и текстами, потому что и ситуация, и имя, и высказывание, и текст являются прецедентными благодаря своему вербализованному представлению. О прецедентной ситуации «отдать последнее» мы узнаем из Библии (история о том, как бедная вдова отдала в сокровищницу последние две лепты), то есть из письменного источника. Мы конкретно эту ситуацию наблюдать не могли, только похожие на неё. Из этой ситуации появилось и прецедентное высказывание (фразеологизм две лепты). То есть, по сути большинство прецедентных феноменов — это тексты. Исключение составляют какие-то известные жесты, мимика, произведения не словесного искусства (скульптура, танец) и так далее.

Чтобы выделить прецедентные тексты и представить некую статистику их употребления, было проведено следующее исследование: проанализировано более ста текстов (как устных, так и письменных), из которых было выделено сто прецедентных текстов с контекстами их употребления для удобства анализа.

Каким образом производился анализ: во-первых, выделялась изначально искомая единица — прецедентный текст, во-вторых, определялся источник данной единицы и контекста ее употребления (отрывок из основного текста), в-третьих, функция (одна или несколько) употребленного прецедентного текста.

Для примера приведем несколько проанализированных единиц в соответствии с указанным выше алгоритмом анализа:

1. «И, наконец, средний класс — это люди, которые могут выбирать политику. У них, как правило, уровень образования такой, что позволяет осознанно относиться к кандидатам, а не «голосовать сердцем» (В.В. Путин, статья «Россия сосредотачивается — вызовы, на которые мы должны ответить»). Выражение голосовать сердцем интересно тем, что появилось благодаря избирательной кампании Б.Н. Ельцина в 1996 г. Это один из ударных лозунгов кампании. В статье В.В. Путина оно принимает

дополнительный (негативный) оттенок и является своеобразным антонимом по отношению к предыдущему своему употреблению. Этот прецедент выполняет сравнительную и экспрессивную функцию.

Пояснение к примеру 1: таким образом, прецедентный текст в данном примере (здесь и далее выделен курсивом) «голосовать сердцем», источник — лозунг избирательной кампании Б.Н. Ельцина, отрывок взят из статьи В.В. Путина «Россия сосредотачивается — вызовы, на которые мы должны ответить», функции употребленного прецедентного текста — сравнительная (потому что сопоставляется отношение общества к выборам тогда и сегодня), экспрессивная (наиболее частая функция у выделенных прецедентных текстов, так как они используются в основном для повышения экспрессивности речи).

2. «Это нормальный способ, просто журналисты всегда ищут какую-то фишку... А то, что говорят, — ну, шакалы воют, караван идет» (Евгений Ройзман, «Правое дело»). Русская поговорка «Собаки воют, караван идет». В данном случае наблюдается перефразирование в целях усиления эмоциональной окраски. Функция — экспрессивная.

3. «ЛДПР понимает важность дум о хлебе насущном» (В.В. Жириновский, газета «ЛДПР»). Выражение из молитвы, приведенной в Евангелии (Матф., 6, 11): «Хлеб наш насущный даждь нам днесь». В данном случае очевидна побудительная функция, т.е. функция воздействия на мышление и волю аудитории.

4. «Нам не нужны две России — одна для успешных, а другая — цитирую одну телеведущую известную — «для генетического отребья» (Николай Левичев, из предвыборных материалов партии «Справедливая Россия»). Выражение взято из интервью телеведущей Ксении Собчак. Выполняет экспрессивно-оценочную функцию.

5. «Мы стараемся привлечь в российскую экономику зарубежные капиталы, открываем для них самые привлекательные отрасли, подпускаем к действительно «лакомым кускам», в частности в топливно-энергетическом комплексе» (статья В.В. Путина «Россия и меняющийся мир»). Лакомый кусок — фразеологизм. Экспрессивно-оценочная функция.

6. «Что же касается введения пропорционального представительства по 225 округам, то в эту ложечку меда собираются ухнуть бочку дегтя...» (из газеты «ЛДПР»). Перефразирование фразеологизма Ложка дегтя в бочке меда, которое в данном тексте выполняет эмоционально-оценочную функцию.

7. Далее Путин стал цитировать поэму «Бородино» Михаила Лермонтова: *«Умремте ж под Москвой // Как наши братья умирали! // И умереть мы обещали, // И клятву верности сдержали // Мы в Бородинский бой»* (выступление В.В. Путина на митинге 23 февраля 2012 года в «Лужниках»). Дословное цитирование классического текста с целью воздействия на внимание и волю аудитории. Выполняет побудительную функцию.

8. «Лучше синица в руках, чем журавль в небе — эта позиция понятна и объяснима. Отсюда — результат» (В.В. Жириновский, из статьи в газете «ЛДПР»). В данном случае прецедентным высказыванием является пословица. Здесь она выполняет экспрессивную функцию.

9. «Нет повести печальнее на свете, чем музыка Прокофьева в балете» (В.В. Путин, прямая линия 2011 г.). Перефразирование текста «Ромео и Джульетты» У. Шекспира с целью обращения внимания аудитории на проблемы культуры. Выполняет экспрессивную функцию.

10. «Вы же Францией занимаетесь профессионально, у него одно из выражений есть очень хорошее: «Выбирайте самый тяжёлый путь, и тогда вы можете быть уверены хотя бы в одном: у вас не будет там конкурентов». (В.В. Путин, из интервью). Высказывание Шарля де Голля. Прямое цитирование. Выполняет когнитивную и экспрессивную функцию.

Данные примеры выбраны случайным образом, но и они достаточно показательны. Несложно заметить, что прецедентными здесь являются самые разнообразные тексты: фразеологизмы, пословицы и поговорки, неизвестные многим, но ставшие прецедентными благодаря обращению к ним политиков, выражения (как в примерах 1 и 4), дословное цитирование отрывков из художественных произведений.

Выводы, которые были сделаны на основании проведенного анализа всех 100 текстов:

1) основная часть используемых политиками прецедентных текстов представляет собой фразеологизмы и пословицы с поговорками;

2) также характерно, что политические деятели не очень часто используют перефразирование прецедентных текстов (в отличие, например, от журналистов). В основном они дословно цитируют такие тексты, иногда не очень точно, но оставляя первоначальный их смысл

(перефразирование подразумевает под собой и определенное переосмысление высказывания);

3) гораздо чаще политики прибегают к использованию прецедентных текстов в устной речи (выступлениях, телеинтервью, дебатах и пр.), что можно объяснить широкой доступностью таких источников информации как телевидение, радио и Интернет. Зная об этом, политики стараются использовать все возможности, чтобы их выступление было более запоминающимся и убедительным для воспринимающей аудитории;

4) чаще всех из современных российских политиков применяет в своей речи прецедентные тексты В.В. Путин, причем делает это последовательно, грамотно и уместно. Практически наряду с ним пользуется этим средством воздействия на сознание аудитории лидер партии ЛДПР В.В. Жириновский. Данный факт говорит о том, что политики осознают значимость своих выступлений и публикаций и подходят к созданию речей с довольно большой ответственностью.

Таким образом, результаты этого исследования позволяют сделать вывод о том, что употребление прецедентных текстов в политическом дискурсе носит неслучайный характер. Данное утверждение можно проиллюстрировать тем, что практически каждое выступление политиков содержит в себе такие тексты. А если вспомнить, что создание политических речей — дело весьма простое и ответственное (исходя из целей, которые преследуются при создании таких текстов), то становится ясно, что любые единицы, которые употребляются в них, также появляются там неспроста. Именно поэтому явлению прецедентности в политическом дискурсе было уделено такое пристальное внимание. В дальнейшем будет создана классификация прецедентных текстов в дискурсе российских политиков на основании всех полученных данных.

Литература:

1. Гудков, Д. Б. Функционирование прецедентных феноменов в политическом дискурсе российских СМИ // Политический дискурс в России — 4: Материалы раб. совещ. — М.: Диалог — МГУ, 2000. — с. 45–52.
2. Костомаров, В. Г., Бурвикова Н. Д. Как тексты становятся прецедентными // РЯЗР — 1994. — № 1.
3. Немирова, Н. В. Прецедентность и интертекстуальность политического дискурса (на материале современной публицистики) // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. — Т. 11. — Екатеринбург, 2003. — с. 146–155.
4. Пыжова, М. Г. Аргументация, убеждение и коммуникация / М. Г. Пыжова // Стратегии коммуникативного поведения: материалы докладов Междунар. науч. конф., Минск, 3–4 мая 2001 г.: в 3 ч. / Минский гос. лингвист. ун-т. — Минск, 2003. — Ч. 2.

Специфика способов лингвистической интерпретации информации в медиадискурсе

Туранская Надежда Владимировна, кандидат филологических наук, доцент
Московский государственный социально-гуманитарный институт

В данной статье рассмотрена проблема лингвистической интерпретации событий и языкового манипулирования в массмедиа. На материале ряда зарубежных изданий анализируются стратегии когнитивных технологий информационно-психологического воздействия на идеологический иммунитет читателей.

Ключевые слова: стратегия интенсификации, стратегия преуменьшения, аннулирующее преобразование, прием компликации, имплицитный ввод новой информации.

В условиях развертывания информационных войн и информационно-психологической агрессии стратегическая роль языка в плане защиты сознания определяется тем, что не существует иной специализированной, сопоставимой по мощности со средствами массовой информации организационно-технологической реальности, как язык, способный создавать в индивидуальном и общественном сознании глубинные механизмы самоопределения и информационно-культурного иммунитета.

Объектом данной работы выступают когнитивные механизмы ведения информационных войн посредством зарубежных массмедиа.

Материалом нашего исследования является языковая стратегия дискредитации зарубежных и переводимых на русский язык изданий в отношении проводимых в Сочи 22-х Олимпийских зимних игр.

Как известно, когнитивные стратегии освещения того или иного события, ситуации сводятся либо к стратегии «intensify» — преувеличения, либо к стратегии «downplay» — преуменьшения [1, с. 15–22]. Так, большая часть информации в зарубежных СМИ, связанная с Играми в Сочи, сводилась к стратегии интенсификации, которая предполагает преувеличение чужих недостатков и своих достоинств. Например, ведущие западные СМИ старались отыскать самые незначительные недостатки в организации Олимпиады в Сочи. Так, издание «Daily Mail» утверждало, что несмотря на дорогостоящую инфраструктуру, разработанную для сочинского горного кластера, разрозненные курорты Красной Поляны не образуют единую курортную зону, отсутствует единый ски-пасс на разных подъемниках, что ски-пассы нужны разные; отсутствуют бесплатные транспортные сообщения между курортами, находящимися в зонах ответственности разных владельцев. Комментируя процедуру получения российской туристической визы, британцы жаловались на то, что заполнение заявления в режиме онлайн отнимает у них не менее двух часов (слишком много вопросов, на которые надо дать ответ), сама виза стоит дорого — от £105 до £175, а оформление паспорта занимает пять дней. Также акцентировалось внимание на беспрецедентных мерах безопасности: «меры безопасности у подножия лыжных подъемников, как в аэро-

портах Израиля. В зоне курорта Газпрома они были названы даже «враждебными», отмечалось, что сверхмеры безопасности надо как-то преодолевать, иначе всех туристов распугать можно» [2, с. 4]. Поскольку успех России в строительстве стадионов и прочих объектов инфраструктуры был очевиден, западные СМИ сконцентрировались на критике мелких бытовых недоделок в отдельных зданиях олимпийских объектов (преимущественно отелях для журналистов). Западным изданиям пришлось опуститься до приема насмешки — был запущен и широко растиражирован мислевиром о двойных уборных в Сочи, со снятой перегородкой, на основании фотографии, сделанной в момент переоборудования помещения в подсобку. В других случаях западные журналисты фальсифицировали сломанные дверные ручки и распространяли ложную фотографию желтой воды из-под крана (сделанную год назад вообще в другой стране).

Когнитивная стратегия преуменьшения за счет затуманивания своих недостатков прослеживается в подаче следующей информации: Игры 2002 года в Солт-Лейк-Сити начались через несколько месяцев после террористической атаки на башни-близнецы и после военной операции в 2001 году США в Афганистане, за один год до игр. При этом никто не называл эту олимпиаду опасной, не было постоянного устрашения населения через СМИ и заявления МИД разных стран. Олимпиада в Америке была весьма дорогостоящей, но никто не говорил о том, что «это слишком» и «бессмысленная трата денег». Тот факт, что Солт-Лейк-Сити находится южнее Сочи и имеет схожий с Красной поляной температурный режим, никто не вспомнил, и никаких спекуляций на тему: «как можно проводить Олимпиаду в тепле» также не было.

Достаточно широко представлен в зарубежных СМИ прием реализации стратегии преуменьшения — аннулирующее преобразование, когда из ситуации исключаются некоторые события, факты, объекты. Так, например, как сообщило французское издательство «Metrofrance», компания по борьбе с вредителями подписала с городскими властями Сочи договор на уничтожение как можно большего числа бродячих собак перед Олимпиадой — «они кусают детей» и могут помешать проведению це-

ремонии открытия. «Собака проникла на Олимпийский стадион Фишт, но мы ее прогнали, — сказал агентству Associated Press Алексей Сорокин, генеральный директор компании, занимающейся отловом животных. — Не дай Бог, если что-то подобное произойдет на реальной церемонии открытия. Это будет позором для всей страны» [3, с. 1]. По словам Сорокина, бездомные псы также виновны в том, что кусают детей. Многие из них обитают неподалеку отстроек, где они рассчитывают найти еду и приют в компании рабочих. Сорокин не уточнил, сколько животных уже было убито и каким образом (травят ли их ядом или отстреливают). Защитники прав животных уже неоднократно выражали возмущение по поводу таких методов и добились от властей и в частности мэра Сочи обещания построить приюты. Но, по словам активистов, ничего до сих пор так и не было сделано.

Достаточно сильным приемом когнитивной стратегии моделирования в сознании адресата нужной картины мира, актуализирующимся в текстах западных СМИ, был использованный прием компликации — усложнения и привнесения дополнительных компонентов, наличие которых актуально для влияния на адресата. Сразу после прошлогоднего теракта в Бостоне, в котором обвинили выходцев из России — этнических чеченцев братьев Царнаевых, иностранные обозреватели стали усиленно акцентировать внимание на том, что северокавказский регион, отличающийся повышенной активностью террористов, расположен недалеко от тех мест, где будет проходить Олимпиада 2014 года. Так, обозреватель Financial Times Томас де Валь писал в своей статье от 23 апреля 2013 года, что Россия утратила контроль над этим регионом. В статье говорилось, что сейчас ежегодно из-за чеченского конфликта продолжает гибнуть много людей. А бостонский теракт показал, что некто желает «экспортировать» чеченский терроризм на Запад. «Однако близится зимняя Олимпиада, и нельзя рисковать безопасностью спортсменов и гостей. Свою помощь в обеспечении безопасности на Играх в Сочи уже предложили Вашингтон, Лондон и Париж, но Москва упорно воздерживается от сотрудничества» [4, с. 1]. Успешное проведение в Москве чемпионата мира по легкой атлетике заставило журналистов на время отступить, но после декабрьского теракта в Волгограде информационные атаки вновь стали нарастать.

О террористических угрозах Олимпиаде в Сочи не писал только ленивый: CNN, один из популярнейших новостных телеканалов, выпустил репортаж под названием «Бостонский теракт заставил мир задуматься о безопасности в Сочи», где отмечалось, что выбор Сочи в качестве места проведения Олимпиады вызывает удивление, поскольку это «город, который расположен поблизости от самого беспокойного региона России — Северного Кавказа. Там недавно велись войны, а исламистское сопротивление продолжается до сих пор. Именно этот регион, как подозревают, повлиял на тех двоих, которых обвиняют в осуществлении теракта во время марафона

в Бостоне. При этом утверждалось, что одновременно с проведением Олимпиады в Сочи Россия будет бороться с восстанием исламистов, а «основные бои ведутся в регионе, находящемся всего в 500 километрах» (эфир от 13 мая 2013 года). Подобного рода публикации появлялись, как грибы после дождя, поскольку все еще существовала вероятность повлиять на мнение спортсменов и туристов и побудить их отказаться от поездки на Олимпиаду. Заметим, что репортажи о «драконовских» мерах по обеспечению безопасности тоже сработали — туристам была важнее собственная безопасность на Олимпиаде, чем временные трудности жителей Сочи.

Одним из приемов дискредитации России в глазах мировой общественности западными СМИ был такой способ подачи информации, при котором осуществляется когнитивный принцип деления мира/пространства по разным основаниям на «своих» и «чужих». В данном случае коммуникативное пространство всегда можно разделить на пространство «своих» — находящихся на одной идеологической платформе, наблюдающих объект с одних и тех же позиций, и «врагов» — находящихся «по ту сторону баррикад», видящих объект совершенно с других позиций. Подавая таким двуполярным образом разносторонний мир, адресант упрощает восприятие мира и предлагает только одностороннее его осмысление (интерпретацию) — или белое или черное, тем самым манипулируя сознанием адресата.

Иными словами, зарубежные СМИ активно позиционировали некий положительный фантомный социум, стоящий за ними на Западе и в Америке и толерантно относящийся к людям с нетрадиционной сексуальной ориентацией, тем самым генерируя в этом образе позитивную группу. За Россией закреплялся статус «антигейского» государства. На подобном основании выстроилась следующая когнитивная цепочка: «Свой» — Западная Европа, Америка — «тут, знаю, понимаю, принимаю геев, они хорошие». «Чужой» — Россия — «там, не знаю (и не хочу знать), не понимаю, не люблю, геи плохие». В данном случае особым «оружием» информационной атаки против России выступило ЛГБТ-сообщество, умалчивая тот факт (вспомним стратегию «аннулирующее преобразование», при которой из ситуации исключаются некоторые события или объекты), что «антигейский закон» выступает не против людей нетрадиционной сексуальной ориентации, а что он против пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди детей. При этом западные СМИ не писали о том, что на сегодняшний день после вступления закона в силу менее десяти человек были оштрафованы за «пропаганду гомосексуализма», никого за это не посадили в тюрьму, у российской полиции нет права задерживать людей просто по подозрению в том, что они геи или лесбиянки, как это ошибочно утверждала в прошлом году газета New York Times. Так, из-за якобы имеющегося в России ущемления прав гомосексуалистов бойкот Олимпиаде объявили известные лица: британский актер и писатель Стивен Фрай, американские певицы Шер

и Леди Гага, драматург Харви Фирстайн и вице-президент Еврокомиссии Вивиан Рединг.

Отметим, что Западные СМИ при освещении подготовки к Зимним олимпийским играм использовали стратегию имплицитного ввода новой информации, при которой усваивается лучше то, что подается не «в лоб», а в скрытых высказываниях. Например, обозреватель одной из наиболее популярных и авторитетных газет Los Angeles Times Дэвид Хорси утверждал: «Зимние Олимпийские игры в Сочи — это последняя из реинкарнаций российской потемкинской деревни. Если ваши воспоминания о российской истории и мифологии так же подтаяли, как снег на горнолыжных трассах сочинского центра «Роза Хутор», я напому вам, что Григорий Потемкин был любовником Екатерины Великой. Царица назначила его губернатором недавно завоеванных земель на юге Украины и в Крыму, а потом отправилась туда с визитом со своим двором и несколькими иностранными послами. Потемкин хотел приукрасить виды, так что он велел построить переносную деревню, которую спускали на баржах вдоль Днепра по мере передвижения Екатерины. Многие историки сейчас полагают, что этот рассказ является в большей степени вымыслом, чем фактом, но это не единственный пример того, как русские пытались обмануть иностранцев, чтобы они думали, что дела обстоят лучше, чем в действительности», — пишет Хорси, упоминая посещения британскими и американскими социалистами колхозов в 1920–1930-е годы. «Сейчас президент Путин потратил 50 миллиардов долларов на Олимпиаду, которая выглядит достаточно реалистично, но может оказаться такой же эфемерной, как потемкинская деревня, — заявляет автор. Образ России, формируемый этой Олимпиадой, маскирует реальность застойной

российской экономики, слабой судебной системы и неразвитой демократии», считает он [5, с. 1]. Следует заметить, что существует целый спектр приемов неявного введения нового знания путем имплицитной информации, в данном случае очень показательный для исследования информационной войны, которая была развязана западными СМИ в отношении России, но это предмет отдельного исследования.

Итак, исследуемый материал свидетельствует о том, что проблема лингвистической интерпретации событий и языкового манипулирования в массмедиа представляется крайне актуальной для изучения. На материале ряда зарубежных изданий было продемонстрировано, что использование технологий информационно-психологического воздействия стало вполне обычным явлением идеологической и политической борьбы. Вследствие этого одной из наиболее опасных угроз современного общества является угроза скрытого информационно-психологического управления массами — манипуляция массовым сознанием. В связи с этим в целях обеспечения национальных интересов страны в условиях глобального информационно-психологического противоборства Россия должна приступить к разработке и осуществлению ряда системных лингвистических проектов, ориентированных на «мягкое» отражение информационно-психологических манипуляций, например, которые мы наблюдали в СМИ Запада в связи с проведением Сочи 22-х Олимпийских зимних игр. Альтернативой «ограничительным стратегиям» могло бы быть существование общенациональной системы культурно-лингвистической экспертизы, делающей все виды информационной агрессии, направленной на систему языка, на индивидуальное и общественное сознание, видимыми и очевидными для населения.

Литература:

1. Larson, Ch. U. Persuasion: reception and responsibility/Ch. U. Larson. Wadsworth Publishing Company. Belmont, Ca 1995.
2. Статья от 12.02.2014 — Skiing in Sochi: Russia's Winter Olympic Games resort remains a challenge for Brits. — <http://www.dailymail.co.uk/travel/article-2224321>
3. Статья от 03.02.2014 — Sochi tue ses chiens errants avant les Jeux. — <http://www.metronews.fr/sport/russie-sochi-tue-ses-chiens-errants-avant-les-jeux-olympiques/mnbc!>
4. Статья от 23.04.2013 — Russia must let the world into Chechnya. — <http://www.ft.com/intl/cms/s/98907112-ab41-11e2-8c63> —
5. Статья от 11.02.2014 — Sochi Olympic Games are Russia's newest Potemkin village By David Horsey. — <http://www.latimes.com/opinion/topoftheticket/la-na-tt-potemkin-village-20140211-story.html#ixzz2t310NqS6>

7. ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

Обертональный перевод как способ перевода контекстов с ФЕ невербального поведения человека из сказок братьев Гримм с немецкого языка на русский и белорусский языки

Пархомик Владимир Владимирович, магистр филологических наук, аспирант
Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка (г. Минск)

Фразеологизмы разных языков сегодня являются востребованными объектами современных антропоцентрических исследований. Перевод фразеологизмов представляет собой непростую задачу, потому что очень часто фразеология содержит особенность несоответствия плана содержания плану выражения, что определяет специфику фразеологической единицы, придает гибкость и глубину ее значению.

В современном языкознании важное место выделяется вопросам перевода или переводоведения. Важное место уделяется исследованию лингвистических аспектов межъязыковой речевой деятельности, которую называют «переводом» или «переводческой деятельностью» и изучению перевода как лингвистического явления.

Актуальность исследования определяется также недостаточной изученностью переводов контекстов с ФЕ невербального поведения человека, выбранных из сказок братьев Гримм с немецкого языка на русский и белорусский языки.

Цель исследования — проанализировать переводы контекстов с ФЕ, выражающих невербальное поведение человека с немецкого языка на русский и белорусский языки, осуществлённых таким трансформационным способом, как обертональный перевод.

Средством достижения эквивалентности перевода служат переводческие трансформации. Л.К. Латышев указывает, что переводческие трансформации представляют собой особый вид перефразирования — межъязыковое перефразирование, которое, имеет существенные отличия от перефразирования (трансформаций) в рамках одного языка. Эквивалентность двух единиц устанавливается в первую очередь на основе значительного совпадения их денотативного (предметного) значения.

Л. С. Бархударов выделил четыре типа трансформаций:

- перестановки
- замены
- опущения
- добавления

Р.К. Миньяр-Белоручев выделил три вида трансформаций:

- лексические,
- грамматические,
- семантические.

Все переводческие трансформации чем-то мотивированы. Но это не означает, что переводчик, применяя трансформации, абсолютно точно осознает, для чего он это делает. Многие преобразования выполняются интуитивно и автоматически, но все же любая трансформация чем-то вызвана, определенной необходимостью.

«Переводческая трансформация — это творческий процесс, связанный с глубинным пониманием смысла текста на одном языке и свободное владение выразительными средствами другого языка» [Семенов 2008, с. 61].

Я.И. Рецкер обращает внимание на два типа трансформаций:

- грамматические трансформации в виде замены частей речи или членов предложения;
- лексические трансформации заключаются в конкретизации, генерализации, дифференциации значений, антонимическом переводе, компенсации потерь, возникающих в процессе перевода, а также в смысловом развитии и целостном преобразовании.

Н.И. Дзенс рассматривает переводческие трансформации, выделяя объективные и субъективные переводческие трансформации. Если отметить, что перевод в некоторой мере субъективен, то Н.И. Дзенс отмечает, что субъективность перевода ограничена рамками ИТ. Субъективность перевода обусловлена как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами: различием в языковых и речевых нормах ИЯ и ПЯ, стилистическими особенностями оригинального текста, индивидуальным стилем автора и т.д.

Перевод фразеологизмов зачастую вызывают затруднения, т.к. «основная трудность заключается в том, что никакой словарь не в состоянии предусмотреть всех возможностей использования фразеологизма в контексте. Фразеологическим единицам так же, как и словам, свойственна многозначность и омонимия» [Кунин 1970, с. 25].

«Для фразеологических единиц характерна не вообще устойчивость, а устойчивость на фразеологическом

уровне, закономерные зависимости словесных компонентов и структурно-семантическая немоделированность. Фразеологические единицы образованы по грамматическим моделям переменных сочетаний и предложений» [Кунин 1970, с. 24].

Образная основа, внутренняя форма фразеологизмов играют существенную роль в процессе перевода фразеологизмов. В западноевропейских языках есть немало фразеологизмов, которые поддаются дословному переводу на русский язык ввиду совпадения внутренней формы. Например, в немецком *im siebenten Himmel sein, zittern wie Espenlaub* — 'быть на седьмом небе', 'дрожать как осиновый лист'. Однако ФЕ, сходные в разных языках по внутренней форме, не всегда идентичны по смыслу. Образность при переводе должна учитываться и сохраняться. «Перевод фразеологического единства должен быть образным. И, разумеется, эта образность перевода не должна отличаться оригинальностью, неповторимостью, — отпечатком индивидуального стиля автора. Стандартное и традиционное в оригинале должно быть передано стандартным и традиционным в переводе. Иначе говоря, фразеологию надо передавать фразеологией, особенно, когда переводятся фразеологические единства» [Рецкер 1974, с. 149].

Учёные-лингвисты пришли сегодня к выводу, что фразеологические единицы переводят либо фразеологизмом, в таком случае это называется фразеологическим переводом или же иными средствами (за отсутствием фразеологических эквивалентов и аналогов) — это будет нефразеологический перевод.

Основоположниками немецкого языкознания XIX века были братья Якоб и Вильгельм Гримм, издавшие Немецкий словарь, который был закончен в 1960 году. Братья Гримм создали ряд других научных работ в области грамматики языка. Братья Гримм стояли у истоков немецкой фразеологии, т. к. они были знаменитыми путешественниками, и, путешествуя, Братья Гримм начали вести регулярные записи сказок с 1807 года, во время своего путешествия по Гессену, затем продолжили в Вестфалии. Они много слышали народных выражений, устойчивых фраз, которые затем были отражены в словаре.

«Обертональный перевод, или контекстуальная замена — это своего рода окказиональный эквивалент, используемый для перевода фразеологизма только в данном контексте. Следует учитывать, что окказиональность данного эквивалента определяется исключительно особенностями контекста и что в другом контексте аналогичный перевод может и не быть «обертональным», а полным или частичным эквивалентом. Нахождение «обертонального перевода», в отличие от использования готового эквивалента — творческий процесс» [Горденко Н. В, стр. 77–78].

Рассмотрим следующие переводные варианты, осуществлённые способом обертонального перевода:

1. Нем. *Es waren einmal drei Brüder, die waren immer tiefer in Armut geraten, und endlich war die Not so gross, dass sie Hunger leiden mussten und nichts mehr zu beissen und zu brechen hatten* (Der Ranzén, das Hütlein und das Hörnlein)/рус. *Жили да были три брата, которые все более и более беднели и наконец впали в такую нужду, что и голод терпеть пришлось, и на зубок уж положить было нечего* (Котомка, шляпа и рожок)/бел. *Жылі калісьці тры браты. Пачалі яны ўсё бяднець і бяднець і нарэшце так згалелі, што давялося ім зусім галадаць, — не было ў іх нават і скібка хлеба на пражытак* (Ранец, шапачка і ражочак). Как видно, русский переводчик ввёл фразеологический окказиональный эквивалент *и на зубок уж положить было нечего*, а белорусский переводчик — *не было ў іх нават і скібка хлеба на пражытак*, в то время как в немецком языке находится сочетание *und nichts mehr zu beissen und zu brechen hatten* 'досл. нечего есть'.

2. Нем. *Da ärgerten sich die beiden andern Jägerburschen so sehr, dass sie gelb und grün wurden* (Das Erdmännchen)/рус. *Братья на это прогневались и позеленели от злости* (Подземный человечек)/бел. *Пачуўшы ўсё гэта, абодва паляўнічыя так раззлаваліся, што ад злосці ажно пажайцелі ды пазелянелі* (Падземны чалавечак). Как видно, переводчики начали предложения следующим образом: русский — с главного, а окказиональный эквивалент *позеленели от злости* разместил на последнем месте в предложении, опустив компонент *gelb* 'жёлтый', а белорусский переводчик начал предложение, добавив деепричастный оборот *пачуўшы ўсё гэта*, преобразовав также окказиональный эквивалент в конце предложения в глаголы — *што ад злосці ажно пажайцелі ды пазелянелі*.

3. Нем. *Als sie abgegessen hatten, schmunzelte der Köhler und sagte: «Hör, dein Tüchlein hat meinen Beifall, das wäre so etwas für mich in dem Walde, wo mir niemand etwas Gutes kocht* (Der Ranzén, das Hütlein und das Hörnlein)/рус. *Когда они насытились, угольщик почмокал губами и сказал: «Слышь-ка, твоя скатерка мне по вкусу пришлась; она была бы мне очень кстати здесь в лесу, где никто не может мне сварить ничего вкусного* (Котомка, шляпа и рожок)/бел. *Калі яны паелі, ухмыльнуўся вугальшчык і кажа:*

— *Паслухай, а твой абрус мне падабаецца; ён быў бы мне ў лесе вельмі зручны, бо тут ніхто не зварыць табе чаго-небудзь смачнага* (Ранец, шапачка і ражок). Так, видим, что вместо выражения *hat meinen Beifall* 'досл. имеет мое одобрение' русский переводчик перевёл фразеологическим выражением *мне по вкусу пришлась*, белорусский перевод содержит простое сочетание *твой абрус мне падабаецца*; далее немецкий глагол *schmunzeln* переводится 'усмехаться', а русский переводчик использовал в данном случае кинетическую ФЕ *почмокал губами*, белорусский переводчик этот момент в переводе опустил. И сочетание *abgegessen hatten*, которое белорусский переводчик пе-

реве́л опять же просто *калі яны паелі*, то русский переводчик использовал стилистически насыщенный глагол *когда они насытились*.

4. «*Dumme, neugierige Gans*», *antwortete der Zwerg, «den Baum habe ich mir spalten wollen, um kleines Holz in der Küche zu haben; bei den dicken Klötzen verbrennt gleich das bisschen Speise, das unsereiner braucht, der nicht so viel hinunterschlingt als ihr grobes, gieriges Volk* (Schneeweisschen und Rosenrot)/рус. *Глупая любопытная гусыня! — ответил карлик. — Я хотел расколоть дерево, чтобы наготовить себе мелких дровец для кухни. На толстых поленьях пригорают наши нежные, легкие кушанья. Ведь мы едим понемножку, а не набиваем себе брюхо, как вы, грубый, жадный народ!* (Белоснежка и Краснозорька)/бел. *Неразумная цікайная гуска! — адкажай карлік. — Я хацеў расшчапіць дрэва, каб нарыхтаваць сабе дробных дроўцаў для кухні. На тоўстых паляняках прыгараюць нашы далікатныя, лёгкая стравы. Але мы ядзім патрошку, а не напіхваем свае жываты, як вы, грубы, прагавіты народ!* (Беласнежка і Красназорка). Здесь переводчики при переводе немецкого глагола *hinunterschlagen* подобрали подходящие окказиональные фразеологические эквиваленты: рус. *набивать себе брюхо*, бел. *напіхваць свае жываты*.

5. *Der Bär kümmerte sich um seine Worte nicht, gab dem boshafte[n] Geschöpf einen einzigen Schlag mit der Tatze, und es regte sich nicht mehr* (Schneeweisschen und Rosenrot)/рус. *Но медведь и ухом не повел, как будто не слышал, что говорит ему злой карлик. Он только ударил его разок своей тяжелой лапой, и карлик больше не шевельнулся* (Белоснежка и Краснозорька)/бел. *Але мядзведзь і вухам не павёў, як быццам не чуў, што кажа яму злы карлік. Ён толькі стукнуў яму разок сваёй цяжкай лапай, і карлік больш не варухнуўся* (Беласнежка и Красназорка). При переводе данных предложениях были использованы соматические ФЕ, которых нет в оригинале: рус. *и ухом не повел* и *и вухам не павёў*.

6. Нем. *Als er satt war, wollte er wieder fort, aber er war so dick geworden, dass er denselben Weg nicht wieder hinaus konnte* (Daumesdick)/рус. *Наевшись до отвала, он хотел было назад возвращаться, но брюхо у него так раздулось, что прежней дорогой он выбраться уже не мог* (Мальчик-с-пальчик)/бел. *Наеўшыся да адвалу, ён хацеў вылезці назад, але живот у яго так вырас, што ранейшым шляхам воўк вылезці ўжо не мог!* (Хлопчык як

пальчык). Так, русский переводчик удачно вставил подходящее выражение в данном случае *брюхо у него так раздулось*, а белорусский подобрал — *живот у яго так вырас*.

7. Нем. *Das Mädchen hieb die Zehe ab, zwängte den Fuß in den Schuh, verbiß den Schmerz und ging heraus zum Königssohn. Da nahm er sie als seine Braut aufs Pferd und ritt mit ihr fort* (Aschenputtel)/рус. *Отрубила девушка кусок пятки, всунула с трудом ногу в туфельку, закусила губы от боли и вышла к королевичу. И взял он ее себе в невесты, посадил на коня и уехал с ней* (Золушка)/бел. *Адсекла дзяўчына палец, абула з цяжкасцю туфлік, сцяла вусны ад болю і выйшла да каралевіча. Узаяў ён яе ў нявесты, пасадзіў на каня і паехаў* (Папялушка). При переводе глагола *verbeißen* русский и белорусский переводчики использовали ФЕ: *закусила губы* и *сцяла вусны*. Здесь подразумевается физическое состояние боли.

8. Нем. *Als er ein Weilchen fortgegangen war, fand er einen Jagdhund auf dem Wege liegen, der jappte wie einer, der sich müde gelaufen hat* (Die Bremer Stadtmusikanten)/рус. *Вот прошел он немного, и случилось ему повстречать по дороге охотничью собаку: она лежала, тяжело дыша, высунув язык, — видно, бежать устала* (Бременские музыканты)/бел. *Ідзе асёл па дарозе і крычыць па-аслінаму. І раптам бачыць ён: ляжыць на дарозе сабака і цяжка дыхае* (Брэменскія музыкі). В русском переводе глагола *jappen* применил выражение *высунув язык*, что означает 'быть уставшим', а белорусский переводчик применил в начале контекста различитель звука: *Ідзе асёл па дарозе і крычыць па-аслінаму*.

9. Нем. «*Das hat dir der Teufel gesagt, das hat dir der Teufel gesagt*», *schrie das Männlein und stieß mit dem rechten Fuss vor Zorn so tief in die Erde, dass es bis an den Leib hineinfuhr, dann packte es in seiner Wut den linken Fuss mit beiden Händen und riss sich selbst mitten entzwei* (Rumpelstilzchen)/рус. *Это сам дьявол тебя надоумил, сам дьявол!* — *вскричал человек и со злости так топнул правой ногою в землю, что ушел в нее по пояс, а за левую ногу в ярости ухватился обеими руками и сам себя разорвал пополам* (Румпельштильцхен)/бел. — *Гэта табе сам чорт падказаў, сам чорт падказаў!* — *заенчыў чалавечак і так моцна тупнуў у гневе правай нагой, што праваліўся ў зямлю па самы пояс. А потым шалёна сханіў абедзвюма рукамі левую нагу і сам разарваў сябе паполам* (Румпельштильцхен). Русский переводчик провёл подходящую замену слова — компонента *чёрт* на *дьявол*.

Литература:

1. Жуков, В. П. Русская фразеология. — М.: Высшая школа, 1986. — с. 221–242.
2. Бархударов, Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. — М.: Издательство Союз, 2000. — с. 123.

3. Горденко, Н.В. Сложности перевода английских фразеологизмов на русский язык // Успехи современного естествознания. — 2008. — №3 — стр. 77–78.
4. Дзенис, Н.И., Перевышина И.Р., Кошкарров В.А. Теория и практика перевода: учебное пособие. — М.: Высшая школа, 2007. — с. 324.
5. Кунин, А.В. Английская фразеология. — М.: Высшая школа, 1970. — с. 24.
6. Рецкер, Я.И. Теория перевода и переводческая практика. — М.: Международные отношения, 1974. — с. 149.
7. Семенов, А.Л. Современные информационные технологии и перевод. — М.: Академия Год, 2008. — с. 61.

Политическая корректность в англо-русском и русско-английском переводе

Урманова Лидия Эдуардовна, старший преподаватель

Казанский национальный исследовательский технический университет

Данная статья посвящена исследованию национально-культурных особенностей феномена политкорректности в англо-русском и русско-английском переводе, который стал неотъемлемой составляющей идеологии и обязательным элементом языковой практики американской культуры, а также культуры западно-европейских государств. Являясь инструментом языковой политики западных стран, политкорректность способствует избежанию социальных обострений и достижению бесконфликтной атмосферы в обществе.

Ключевые слова: политкорректность, политкорректный дискурс, эвфемизм.

В настоящее время политкорректность по вполне понятным причинам все больше привлекает внимание российской общественности. Прежде всего, для граждан России, которые все чаще участвуют в процессе межкультурной коммуникации, способность правильно истолковывать содержание политкорректных высказываний на английском языке выступает залогом эффективного общения. Кроме того, многонациональность России, рост межконфессиональной и межнациональной вражды, нарушение прав человека, проявление ксенофобии указывает на необходимость воспитания толерантности, языковой и поведенческой корректности в российском обществе.

Автор считает, что изучение политической корректности в переводах текстов представляет особый интерес, потому что в России ей уделяется меньше внимания по сравнению с западными странами, где это явление стало необходимым компонентом практически всех сфер человеческой жизни.

Истоки политической корректности (political correctness, или PC) нужно искать в США. За последние 20 лет она стала отработанным механизмом поведения в самых разных ситуациях, где хорошо отражается соблюдение института прав человека и либерально-демократическая культура. Поскольку в западных странах, как правило, народ рационален во всем, в том числе и в языке, политкорректность — это образ жизни на Западе, и, соответственно, диктуются определенные стандарты поведения в социокультурном и языковом плане.

Политкорректностью затрагивается образовательная система, наука, религия, повседневная жизнь; она доминирует в интеллектуальной и культурной жизни; она обязательна по закону. Очевидна тенденция к повышению

уровня политкорректности в литературе, периодической печати и других источниках информации, имеющих публичное хождение [5, с. 81].

Основные трансформации затрагивают лексику языка, поскольку лексика — самый подвижный уровень языковой системы, который мгновенно реагирует на происходящие в обществе перемены. Ограничения накладываются на употребление того или иного слова или выражения, указывающего на несовершенство людей. Сейчас постоянно увеличивается число запрещенных слов и запрещается слишком конкретно обсуждать некоторые сферы жизни, что отражается в специальных словарях политкорректной лексики, а речевых ситуациях стараются придерживаться следующего принципа: человек избегает использовать слово или выражение, если он не уверен, что оно может быть воспринято как оскорбительное. Можно сказать, что главный лозунг политической корректности — *Watch What You Say* («Следи за тем, что говоришь»). Одновременно для того, чтобы избежать коммуникативного дискомфорта, в англо-американскую речевую культуру «внедряются» новые речевые единицы, элиминирующие «острые углы» расовой, этнической, социальной, физической и тендерной идентификации. То есть, политическая корректность является попыткой разрешения данного рода конфликтов с помощью языка [6, с. 46].

В определениях политкорректности чаще всего встречаются два глагола, характеризующие политкорректность: *to conform* (подчиняться) и *to avoid* (избегать). Это свидетельствует о том, что общественное мнение играет главную роль в осуществлении политической корректности, и людям приходится принимать поведенческие и языковые изменения и подчиняться большинству [1, с. 121].

Также во многих словарях подчеркивается, что политкорректность зачастую считают явлением пейоративным. Следовать политкорректности — значит поддерживать радикальные идеи, потому что политкорректность у многих ассоциируется с перегибами, которые возникают, в первую очередь, у представителей радикального феминизма.

В русских словарях в основном дается относительно краткая дефиниция, с небольшим количеством дополнительной информации и несколькими самыми распространенными примерами. Так, А. Белояр в «Толковом словаре демократического новояза и эвфемизмов» следующим образом трактует политкорректность: «Она является разновидностью неофициальной необъявленной цензуры, которая в основном применяется в США, но так же и в остальных странах Запада, а также в Российской Федерации. Политкорректность маскируют под «хороший тон», и официально она направлена на то, чтобы не оскорблять и не унижать чьи-либо чувства... Вместе с тем за подобными «благими намерениями» маскируется основное назначение политкорректности — структурировать и регламентировать информационное пространство и подачу информации: отсекают от распространения политически неблагонадежные темы и формировать общественное мнение в «правильном направлении». Автор словаря считает, что политкорректность является манипуляцией общественным мнением для того, чтобы серьезно влиять на мысли людей и подавлять любое протестное настроение [2, с. 349]. Он выражает свое отношение к политкорректности, резко критикуя ее перегибы. Следует подчеркнуть, что вышеназванная книга пока является единственным словарем, где указано наличие политкорректности в России.

Взаимодействие и взаимовлияние языка и культуры в последние годы интенсивно исследуются учеными. В языкознании эта ситуация способствовала возникновению ряда новых дисциплин, развивающихся на пересечении разных сфер гуманитарного знания: культурологии, психологии, лингвокультурологии, а также отдельной отрасли лексикографии, которая направлена на составление лингвострановедческих словарей. Продолжает также интенсивно развиваться этнолингвистика, исследующая корреляции культуры и языка в диахроническом аспекте и в связи с репрезентацией картины мира фольклором определенного региона [8, с. 152].

Исконно данная проблематика восходит к философским и лингвистическим взглядам В. Фон Гумбольдта и Й. Л. Вейсберга, которые утверждали, что язык рассматривается как «универсальное, идущее через века коллективное сознание, в системе которого определенная культура пытается себя реализовать, познать, в формах которого она пытается совершить свое субъективное высказывание» [10, с. 14].

В настоящее время повышенное общественное внимание уделяется проблеме мультикультурализма, как одному из проявлений феномена политической коррек-

тности, выражающемуся в равном отношении ко всем представителям этнических групп во всех сферах общественной жизни. В языковом ракурсе это характеризуется признанием равной информационной значимости и культурной ценности всех национальных дискурсов. Так, например, в академической среде мультикультурализм реализуется во включении в программы университетов по литературе равного количества книг, написанных писателями с белым, черным цветом кожи, а также из Латинской Америки [7, с. 108].

Понимание всей сложности и противоречивости феномена политкорректности важно не только для носителей языка, но и для тех, кто его изучает. Не вызывает сомнения тот факт, что носители английского языка в отличие от изучающих его могут более тонко уловить грань между серьезным и комическим политкорректным дискурсом, а также осознать, где тот или иной политкорректный термин уже достиг стадии не только лексикализации, но и социализации. Человек же, изучающий английский язык, в ситуации межкультурной коммуникации непременно сталкивается с проблемой номинации. При этом важно подчеркнуть, что если еще вчера многие слова составляли неотъемлемый минимальный лексический запас студента, начинающего изучать английский язык (*fat, ugly, cameraman, businessman, mankind, old*), то сегодня многие из них будут рассматриваться как экспрессивные лексические единицы с негативной окраской, а их использование будет нарушать мнимый или реальный гармоничный баланс в коммуникативном акте.

Существует ряд терминов, часто используемых при переводе текстов или сообщений в СМИ. Их анализ послужит доказательством того, что социальные и культурные процессы в обществе коренным образом влияют на смещение и дифференциацию семантических оттенков значения слова.

«Ethnic minority» — «этническое меньшинство» — это не универсальное понятие, которое заменяет слово «black», так как люди с белым цветом кожи тоже могут быть этническим меньшинством «ethnic minority» имеется в виду, что в определенном геополитическом контексте люди с белым цветом кожи могут быть категоризированы как этническое меньшинство [1, с. 63].

«Black»/«Черный/ая» — как правило, не включает в себя значение «Asians»/«Азиаты». Если мы хотим обратиться не только к людям с черным цветом кожи, мы должны употребить в нашей речи «black and Asian people» — «черные и азиаты» или «Asian, African and Caribbean people» — «азиаты, африканцы и жители Карибского региона». Также не употребляется термин «Non-blacks»/«нечерные» и выражение «Non-whites»/«небелые».

Вопрос об изображении и презентации людей с ограниченными физическими и умственными способностями очень труден хотя бы потому, что сам термин «disability»/«недееспособность» чрезвычайно обширен и включает в себя достаточно много значений.

Термин «the disabled»/«инвалид» может рассматриваться как оскорбление. Он обозначает инвалидов как людей с проблемами и не учитывает их индивидуальность. При обращении к некоторым людям возможно использование словосочетания «disabled people» — «покалеченные люди» или «people with disabilities»/«люди с ограниченными способностями». Исключается употребление «handicapped»/«человек с физическими/умственными недостатками», «invalid»/«инвалид», «spastic»/«человек с нарушениями опорно-двигательного аппарата», «retarded»/«человек с задержкой умственного развития» или «defective»/«дефективный/умственно отсталый». В противном случае упомянутые выше выражения могут сильно оскорбить человека [3, с. 86].

Люди с ограниченными умственными способностями обычно описываются как «people with learning difficulties»/«люди с трудностями при обучении». Выражение «mental handicap» — «умственная отсталость» принимается только некоторыми людьми, остальные же отвергают его, считая, что оно несет на себе клеймо позора. Также нельзя смешивать следующие два понятия: «learning difficulties» — затруднения при обучении и «mental illness»/умственная болезнь».

Термин «blind»/«слепой» и «deaf»/«глухой» зачастую неприемлемы. Необходимо избегать в переводе использования терминов «Crippled with», «victim of», «suffering from», «afflicted by». Такие выражения, как «people who have»/«люди, у которых...» или «a person with»/«люди с...» будут, как правило, четкими, фактическими и не унижительными. Нужно постараться быть четкими в своих выражениях при описании глухоты людей. Важно использовать предельно точные слова и выражения: «partiallydeaf/deafened»/«частично глухой/с частичной потерей слуха», «hard of hearing»/«человек с затрудненным восприятием звуков». Термин «deaf and dumb»/«глухонемой» неприемлем. Некоторые люди с определенными трудностями назовут себя напрямую «blind», «deaf» или «crippled». Мы должны уважать их выбор и право называть себя так, как они этого пожелают, при этом, одновременно, избегая оскорбления и унижения [4, с. 51].

Интересно, что сами люди с частичной или полной потерей зрения довольно резко отреагировали на введение в повседневный обиход политически корректных терминов при описании состояния их зрения. В статье Кеннета Джернигана «The Pitfalls of Political Correctness: Euphemism Excoriated» приводится меморандум, изданный департаментом образования США в 1993 году и посвященный вербальным средствам описания людей с различными умственными и физическими недостатками [15, с. 32].

В меморандуме говорится, что в октябре 1992 года была принята поправка к закону о замене слова «handicap» на «disability». Подчеркивается, что в устной и письменной речи должно быть уделено особое внимание использованию лексических единиц, описывающих людей с физическими или умственными недостатками [15, с. 32].

Иными словами, департамент считает важной замену традиционной лексики на политически корректную, тем самым накладывая запрет на прямое указание физического состояния людей, страдающих теми или иными заболеваниями. Первоначальная позиция слова «person» в словосочетании подчеркивает, что человек с физическими недостатками — это человек, индивидуальность, а уже затем «предмет физической недееспособности».

В определенных случаях феномен политической корректности и его выражение в языковой деятельности людей играют наиважнейшую роль в создании и поддержании коммуникативного баланса в момент общения, а пренебрежение использованием терминологии политической корректности может привести к отрицательным результатам или, по крайней мере, к созданию конфликтной ситуации при коммуникации.

Политически корректный дискурс предлагается употреблять и в описании людей, зараженных СПИДом. Хотя в данной статье автор старается исследовать феномен политической корректности и его выражение в языковой деятельности на материале английского языка, интересным представляется и список политкорректных лексических единиц, функционирующий в русском языке при категоризации людей, больных СПИДом или ВИЧ-инфекцией. Это указывает на расширение языкового пространства в использовании политкорректного дискурса, который, до недавнего времени, ограничивался только английским языком.

Теперь можно наблюдать постепенное вовлечение в этот процесс и многих других языков романо-германской группы индоевропейской семьи языков. Приводимый ниже пример говорит уже о принятии политически корректного дискурса и языками славянской группы, что предполагает, возможно, определенную универсальность феномена политической корректности. Итак, рассмотрим в качестве примера некоторые термины.

«Жертвы СПИДа». Лексическая единица «жертва» содержит тему «пассивности» и «беспомощности». Большинство же людей, живущих с ВИЧ-инфекцией и СПИДом, напротив, активно борются за свою жизнь, здоровье и человеческие права и помогают другим избежать заражения, поэтому такая узкая категоризация людей, больных СПИДом, представляется активистам политкорректности недопустимой [12, с. 135].

«Невинные жертвы СПИДа». Так часто называют детей, зараженных ВИЧ-инфекцией в медицинских учреждениях. Тем самым косвенно указывается на то, что люди, заразившиеся половым путем или люди, употреблявшие наркотики, в чем-то виноваты. Не только СПИД, но и многие другие заболевания могут быть вызваны рискованным поведением человека, однако никому не придет в голову говорить о «невинных жертвах» рака, гипертонии или диабета и выяснять, насколько человек «сам виноват» в болезни [12, с. 137].

«Группы риска». Здесь автор согласен с мнением сторонников политкорректности — это устаревшее, безгра-

мотное и часто дискриминационное выражение, которое полностью вышло из обихода борцов против СПИДа. Риск определяет не принадлежность к какой-либо группе, а индивидуальное поведение. Некоторые категории общества могут быть более уязвимыми для ВИЧ, поскольку в силу ряда факторов (бедности, дискриминации, беспорядка) не могут себя обезопасить и избежать рискованных ситуаций. В таком случае уместно выражение «уязвимая группа» [17].

«ВИЧ-инфицированные», «пациенты», «больные СПИДом». Считается, что используя данные выражения, говорящий рассматривает больных людей через призму инфекции и заболевания. Слово «пациент» уместно лишь в клиническом контексте — приходя домой или на работу, человек перестает быть пациентом. Выражение «больной СПИДом» можно употреблять в отношении человека, который действительно в данный момент болен СПИДом.

Данный список терминов, предлагаемый активистами политической корректности для описания людей, больных СПИДом или ВИЧ-инфекцией, аналогичен рассмотренному выше списку в отношении описания людей с физическими недостатками. Но нам еще неизвестна реакция самих людей, больных СПИДом или ВИЧ-инфекцией, на нововведение и замену традиционной лексики политически корректной [16, с. 96].

Можно утверждать, что парадоксальное явление политкорректности в настоящее время превратилось в мощное течение, которое захлестнуло общество, а его представления о действительности стали неотъемлемой частью американской, а в дальнейшем и британской, и европейской когнитивных баз. Несмотря на все видимое общественное сопротивление, идеи политической корректности все глубже проникают в умы американцев, британцев, австралийцев, а в последующем всех европейцев.

Отличительная черта отечественных публикаций состоит в попытках критически осмыслить феномен политкорректности. Статьи российских печатных изданий политическую корректность нередко трактуют как реалию, присущую главным образом США и другим западным странам, и затрагивающую русскую культуру только в некоторой степени. Вместе с тем, невозможно не отметить увеличение внимания, уделяемого российскими печатными СМИ проблемам социального расслоения, национальной нетерпимости, неравенства полов, иными словами, проблемам, которые традиционно принято рассматривать в рамках концепции политической корректности [9, с. 132].

В русском языке к политически корректной лексике может быть отнесено лишь незначительное количество эвфемизмов («гастарбайтер», «афроамериканец», «гей», «малоимущий», «человек с ограниченными физическими возможностями»), большинство из которых, в свой черед, является заимствованиями из иностранных языков. Некоторые из этих лексических единиц можно встретить на страницах российских СМИ достаточно часто — словами «темнокожий», «афроамериканец» заменяется

слово «негр» при определении темнокожих жителей Соединенных Штатов, эвфемизм «малоимущий», в особенности в официальной хронике, преобладает над словом «бедный». Сложности, появляющиеся при отнесении какой-либо лексической единицы русского языка к политически корректным/некорректным могут быть объяснены отсутствием справочников по корректному употреблению слов. В целом, в русском языке не отмечается настолько существенных нововведений, какие наблюдаются в английском языке последних десятилетий в рамках борьбы за равноправие полов, преодоления социального неравенства и расизма.

С концептом политической корректности перенесение некоторых лексем на русский язык осуществляется на основе транслитерации и калькирования в довольно причудливых сочетаниях, например: термин *multicultural* чаще всего переводят на русский язык как — «мультикультурализм» и «мультикультурный», «многокультурализм», «поликультурализм» и «многокультурность», «поликультурность».

Несмотря на то, что все эти слова отнюдь «не ласкают» русского уха, попытки переводить термин *multicultural* как многонациональный неправильны. Хотя эти лексемы и имеют общее семантическое ядро, все-таки во многом они отличаются друг от друга [13, с. 69].

Именно с понятием *multiculturalism* связывают появление таких лексем, как *Afro-American*, *Afro-Canadian*, *Afro-Caribbean* и прочих. В русский язык через заимствование попали термины афро-американец, (возможно как слитное написание, так и через дефис) афро-канадец; встречается даже употребление терминов афробразилец и афро-россиянин или афро-русский. Необходимость адекватного перевода заставляет нас напомнить еще об одном понятии, весьма актуальном для современного Западного общества, а именно — о *sexual harassment*. С переводом этого термина на русский язык дело обстоит следующим образом: его пытаются переводить как сексуальное домогательство или сексуальное преследование либо транслитерируют как сексуальный харасмент или даже транскрибируют — секшуал харасмент. Однако во всех этих случаях неизбежно толкование, объяснение термина [14, с. 124].

Приведем еще один пример: современный английский язык содержит термины *male chauvinism* и *chauvinism*, при этом второй часто употребляется в значении первого, другими словами, в сознании носителей языка он прочно ассоциируется не с национализмом, а с мужским превосходством. Английский термин переводится на русский язык как мужской шовинизм, без какого бы то ни было комментария: видимо, предполагается, что всем и так понятен его смысл.

Когда заимствуются новые лексемы, нужно их толковать. В самом деле, совершенно недостаточно перевести *sexist* как сексист, *phallocrat* как фаллократ, необходимо пояснить, что этими терминами обозначают людей, по-прежнему считающих, что «курица — не птица,

баба — не человек». С целым рядом лексем ситуация еще сложнее, так как, кажется, их даже транслитерировать или транскрибировать трудно в силу того, что они «не ложатся» на русскую фонетику. Так, например, обстоит дело с термином *ablism*. Такие лексемы, как *lookism*, *sizism*, *fattism*, *weightism*, в принципе, можно позаимствовать путем транслитерирования или транскрибирования, что и произошло со словом *эйджеизм* — переводом английского *ageism*, но представляется трудным подобрать им русский эквивалент, хотя, в одной из газетных статей встретилось слово *размеризм* как попытка перевода *sizism*.

Думается, в таких случаях английские термины лучше всего переводить путем их дефинирования, например, *lookism* — дискриминация по внешним данным, *sizeism* — дискриминация по физическим параметрам (ввиду того, что значение русской лексемы *размеризм* понятно не каждому), *fattism* — дискриминация полных людей, *weightism* — дискриминация по признаку физического веса, *ablism* — дискриминация по физическим способностям. С последним непосредственно связан другой термин — *disabled*, который рекомендуется использовать вместо *invalid* [11, с. 151].

В современном русском языке наметилась тенденция быть чутким по отношению к людям, которых до недавнего времени называли инвалидами: теперь их все чаще называют людьми с ограниченными физическими возможностями. Думается, что это выражение можно с полным основанием считать удачным переводом английского *PC* словосочетания *disabled people*.

Кроме людей с ограниченными физическими возможностями, в современном русском языке иногда употребляются и такие словосочетания, как с ограниченными возможностями слуха или зрения вместо политнекорректных лексем *глухой* или *слепой*.

Автору представляется, что подобные положительные сдвиги в российском общественном сознании произошли, в том числе, и благодаря влиянию английского языка, который всегда был более чутким в вопросах бережного отношения к личности. Итак, очевидно, что когда приходится иметь дело с переводом новых терминов, то зачастую речь идет либо об их прямом заимствовании, либо о толковании.

Но политкорректная лексика уже не безэквивалентна, когда сам язык хочет появления новых лексем. Тогда и проблем с переводом становится значительно меньше.

Говоря о политкорректности и межязыковом переводе, можно сделать вывод, что сегодня уже вполне уместно говорить о политкорректности и на материале русского языка. Отчасти под влиянием английского, отчасти по другим причинам, в нашем родном языке тоже появляются термины, которые с полным основанием можно назвать политически корректными.

Необходимость внутриязыкового перевода вызвана изменениями в жизни общества, связанными с предоставлением равных прав и возможностей для тех, кто прежде

такowymi не обладал; а так же тем фактом, что большинство профессий в современном мире доступны как мужчинам, так и женщинам. То обстоятельство, что каждой лексеме, которую сочли неудачной, зачастую предлагается более чем один альтернативный вариант, свидетельствует о неустанной, кропотливой работе по созданию новой терминологии. Ведь с точки зрения языковой стилистики политическая корректность — это создание и сознательное использование эвфемизмов, т.е. наиболее благозвучных и наименее обидных слов.

Если говорить об особенностях перевода английской политкорректной лексики на русский язык, то можно назвать три основных способа его осуществления:

- прямое заимствование новой лексики на основе транслитерирования и транскрибирования;
- поиск возможных эквивалентов в русском языке;
- описательный перевод [5, с. 27].

Кроме того, внутри самого языка изыскиваются эвфемизмы, которые могли бы заменить собой существующие политнекорректные лексемы. Обе стратегии развиваются параллельно. Уже сегодня необходимость перевода новых терминов с английского языка на русский заставляет и нас, граждан Российской Федерации, серьезно задуматься о вопросах более бережного отношения друг к другу. И в этом смысле перевод, как разновидность межкультурной коммуникации, должен способствовать тому, чтобы народы сближались и лучше понимали друг друга.

Подводя итог, необходимо подчеркнуть, что, несмотря на все вышеуказанные недостатки, политическая корректность — это одно из мощных средств противостояния вербальной агрессии и сохранения позитивного лица собеседника, реализуемых в рамках стратегий вежливости. По всей видимости, именно эта черта обуславливает привлекательность политкорректности для русской культуры. Надо полагать, что политкорректность не станет в России такой всеохватывающей идеологией, как на Западе, однако возникновение все большего количества политкорректных выражений отрицать невозможно.

Бесспорно, политкорректность — это одна из немаловажных ценностей англоязычных и русскоязычных культур. Ее основные принципы, такие как склонность к компромиссу и уклонению от конфликтов, пропаганда культурного плюрализма, недопустимость неуважительного отношения к культурным ценностям тех или иных рас и наций, равноправное их сосуществование и взаимодействие, недопустимость разделения людей на «нормальных» и «неполноценных» по возрасту, здоровью, внешним данным, недопустимость дискриминации на основании пола или сексуальной ориентации способствовали популярности политкорректности.

В целом, можно констатировать перспективность дальнейшего исследования политкорректности на материале русского и английского языков. В частности, целесообразной является идея составления словарей по отдельным темам и аспектам политкорректности.

Литература:

1. Асеева, Ж. В. Лексические средства выражения идеологии политической корректности в современном английском языке. — Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. — Иркутск. 1999.
2. Белояр, А. Толковый словарь демократического новояза и эвфемизмов. — М.: Наука. 2012
3. Беркнер, С. С. Язык как инструмент политики // Эссе о социальной власти языка. — Воронеж: ВГПУ, 2001.
4. Бортник, Г. В. «Обидная» категория // Русская речь, 2011. — №2. — с. 51.
5. Вашурина, Е. А. Лингвистический анализ политкорректной лексики/Е. А. Вашурина // Лингвистический анализ политкорректной лексики // Актуальные проблемы в строительстве и архитектуре. Образование. Наука. Практика. Материалы 65 всероссийской научно-технической конференции по итогам НИР за 2007. — Издание 2008.
6. Гуманова, Ю. Л. «Политическая корректность» как социокультурный процесс (на примере США). Автореферат дис.... канд. социол. наук. — М., 1999.
7. Мурзин, Л. Н. О суггестивно — магической функции языка // Фатическое поле языка. — Пермь, 1998.
8. Опарина, Е. О. Язык-Текст-Культура // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и речевые аспекты: Сб. обзоров/РАН. ИНИОН. — М., 2000.
9. Панин, В. В. Политическая корректность как культурно-поведенческая и языковая категория: дис....канд. филол. наук/ТГУ. — Тюмень, 2004.
10. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. — М, 2000.
11. Цурикова, Л. В. Культурные аспекты прагматического анализа речевых норм английского и русского языков. // Коммуникативные и прагматические компоненты в лингвистическом исследовании. — Воронеж, изд-во ВГУ, 1995.
12. Цурикова, Л. В. Проблема естественности дискурса в межкультурной коммуникации. — Воронеж: ВГУ, 2002.
13. Шляхтина, Е. В. Языковой аспект политкорректности в англоязычной и русской литературах. Дисс. канд. филолог. наук. — Ярославль. 2009.
14. Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учебное пособие. М.: — Изд-во МГУ, 2013.
15. Kenneth Jernigan. The Pitfalls of Political Correctness: Euphemism Excoriated. — N. Y., 1994.
16. Lakoff, R. L. Language War. — University of California Press, 2001.
17. Этика и политическая корректность, <http://gayudm.narod.ru/polite.htm>

Научное издание

ФИЛОЛОГИЯ И ЛИНГВИСТИКА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

III Международная научная конференция
Москва, ноябрь 2014 г.

Материалы печатаются в авторской редакции

Дизайн обложки: *Е.А. Шишков*

Верстка: *П.Я. Бурьянов*

Подписано в печать 24.11.2014. Формат 60х90 ¹/₈.
Гарнитура «Литературная». Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 20,89. Уч.-изд. л. 14,08. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии «Ваш полиграфический партнер»
115093, г.Москва, м.Серпуховская, Партийный переулок, д.1, корп. 58, стр.1